

Странные люди

Мэйн Рид

Odd people

Being a popular description of singular races of man

Mayne Reid

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of Odd people

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Странные люди

Популярное описание необычных рас человека

Автор: Мэйн Рид

Дата выхода: 19 апреля 2011 [eBook #35911]

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Ник Ходсон из Лондона, Англия

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ODD PEOPLE ***

Капитан Мэйн Рид

"Странные люди"

"Being a Popular Description of Singular Races of Man".

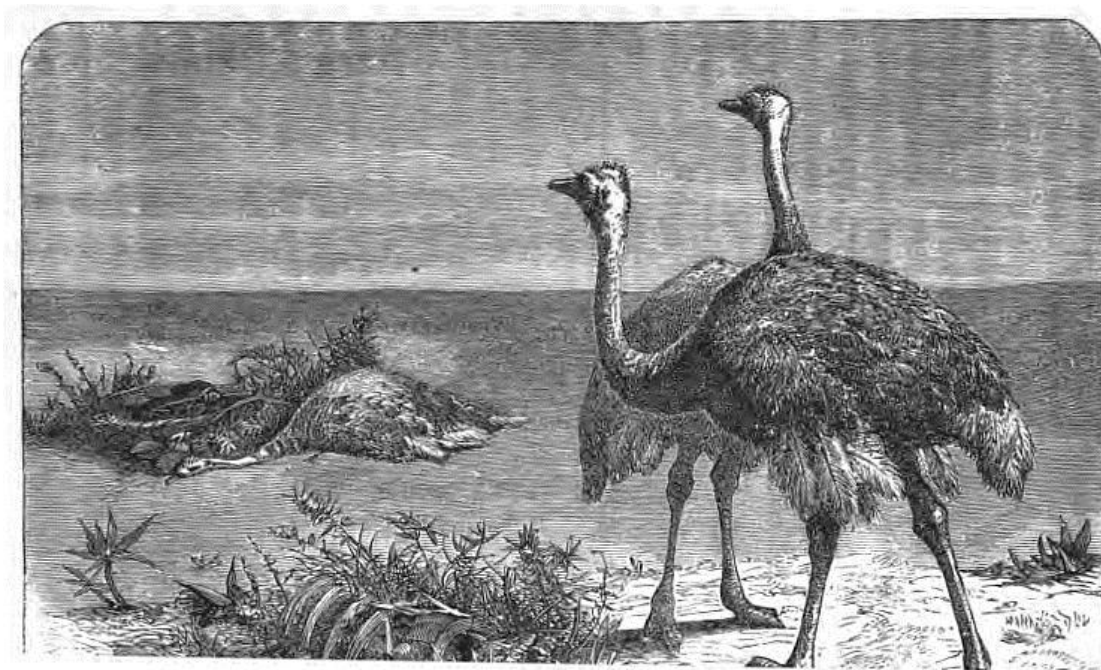
Глава первая.

Босджесмены, или бушмены.

Пожалуй, ни одна раса людей не вызывала большего любопытства у цивилизованного мира, чем эти маленькие желтые дикари Южной Африки, известные как *бушмены*. С первого часа, когда европейские народы узнали об их существовании, живой интерес вызвали рассказы об их особом характере и привычках; и хотя их посетило множество путешественников, и было дано множество их описаний, можно с уверенностью сказать, что интерес к ним не ослабевает до сих пор, и бушмены Африки представляют собой почти такую же большую диковинку в наши дни, как и тогда, когда ди Гама впервые удвоил мыс. В самом деле, нет никаких причин, чтобы так не было, ведь привычки и внешний вид этих дикарей сейчас такие же, как и тогда, а наше знакомство с ними не намного больше. Все, что было добавлено к нашим знаниям об их характере, скорее увеличило, чем уменьшило наше любопытство.

Поначалу предполагалось, что рассказы о них полны умышленных преувеличений, а первых путешественников обвиняли в том, что они слишком много рассказывают о чудесном. Это очень распространенное обвинение, выдвигаемое против первых путешественников, и в некоторых случаях оно справедливо. Но в рассказах о бушменах и их привычках было гораздо меньше преувеличений, чем можно было бы предположить; и чем больше мы узнаем об их особых обычаях и способах существования, тем больше убеждаемся, что почти все, что

о них рассказывают, - правда. В самом деле, самому изобретательному гению было бы трудно придумать причудливый рассказ, который был бы намного любопытнее или интереснее, чем настоящая и *правдивая* правда, которую можно рассказать об этом самом необычном народе.

Где живут бушмены? Какова их страна? На эти вопросы не так легко ответить, поскольку в действительности предполагается, что у них нет никакой страны, не больше, чем у диких животных, среди которых они бродят и на которых охотятся. На карте нет страны бушменов, хотя несколько мест на юге Африки иногда получали такое название. Поэтому очертить границы их страны невозможно, поскольку она не имеет границ, как и страна бродячих цыган в Европе.

Однако если у бушменов нет страны в собственном смысле этого слова, то у них есть "хребет", причем самый обширный - он охватывает всю южную часть африканского континента, от мыса Доброй Надежды до двадцатого градуса южной широты, простираясь на восток и запад от страны кафиров до Атлантического океана. До недавнего времени считалось, что ареал бушменов не простирается далеко на север от реки Оранжевой, но это оказалось ошибочным мнением. Недавно они "обнаружились" в землях даммаров, а также в великой пустыне Калахари, в сотнях миль к северу от реки Оранжевой, и нет уверенности, что они не обитают еще ближе к экваториальной линии - хотя можно отметить, что страна в этом направлении не способствует такому предположению, поскольку не имеет специфического характера бушменской страны. Бушмен требует для своего жилища пустыню. Это абсолютная необходимость его природы, как и для страуса и многих других видов животных; и к северу от двадцатого градуса широты Южная Африка, похоже, не имеет такого характера. Героический Ливингстон развеял давние иллюзии географии о "*великом песчаном уровне*" этих внутренних областей; вместо этого он открыл миру плодородную землю, хорошо поливаемую и покрытую обильной и пышной растительностью. В такой земле не будет бушменов.

Однако пределы, которые мы им отвели, достаточно велики - пятнадцать градусов широты и столь же обширный ареал с востока на запад. Однако не следует думать, что они *заселяют* всю эту огромную территорию. Напротив, они распределены по ней лишь *точечно*,

небольшими сообществами, которые не имеют никаких отношений или связей друг с другом, но разделены широкими интервалами, иногда протяженностью в сотни миль. Только в пустынных районах Южной Африки бушмены существуют - в карусах и на безлесных, безводных равнинах, среди бесплодных хребтов и скалистых дефиле, в оврагах, образованных руслами высохших рек - в ситуациях настолько бесплодных, настолько отдаленных, настолько диких и негостеприимных, что они не могут служить домом ни для кого, кроме самого бушмена.

Если говорить более конкретно о местах, где обитают бушмены, то можно назвать бесплодные земли по обе стороны реки Оранжевой, включая большую часть ее верховьев и вплоть до устья, а также Великую пустыню Калахари. На всей этой обширной территории можно встретить *краалы* бушменов. Когда-то они были достаточно распространены в пределах самой Капской колонии, и некоторые остатки полукасты все еще существуют в более отдаленных районах; но жестокие преследования *буров* привели к истреблению этих несчастных дикарей, и, подобно слону, страусу и эланду, настоящего дикого бушмена теперь можно встретить только за границами колонии.

О происхождении бушменов мы не можем высказать никакого мнения. Обычно их считают ветвью большой семьи хоттентотов, но эта теория далека от установленного факта. Когда Южная Африка была впервые открыта и колонизирована, там были обнаружены и готтентоты, и бушмены, которые отличались друг от друга так же, как они отличаются и сейчас; и хотя между ними есть некоторые поразительные точки схождения, есть и точки несхождения, которые столь же поразительны, если рассматривать эти два народа как один. Во внешности есть определенное общее сходство: оба шерстистоволосые, у обоих китайские черты лица, особенно в форме и выражении глаз. Цвет кожи тоже почти одинаковый, но, с другой стороны, готтентоты крупнее бушменов. Однако наиболее существенные черты схождения следует искать не в их лицах, а в психических особенностях, и здесь мы наблюдаем настолько заметные и противоположные различия, что трудно примирить их с тем, что эти два народа принадлежат к одной расе. Вызвали ли эти отличительные черты иные привычки жизни или же *они* повлияли на привычки жизни - на эти вопросы нелегко ответить. Мы знаем только, что существует странная аномалия - аномалия, когда два человека лично похожи друг на друга, то есть обладают физическими характеристиками, которые, казалось бы, доказывают, что они принадлежат к одной расе, в то время как интеллектуально, как мы увидим далее, у них почти нет ни одного общего характера. Небольшое сходство, существующее между языками этих двух народов, не должно рассматриваться как доказательство их общего происхождения. Оно лишь показывает, что они долгое время жили рядом друг с другом; этот факт невозможно отрицать.

Если дать более конкретное описание бушмена, то станет ясно, в каком отношении он похож на истинного хоттентота, а в каком отличается от него как физически, так и умственно, и это описание можно привести сейчас.

Бушмен - самый маленький человек, с которым мы знакомы; и если термины "карлик" и "пигмей" могут быть применены к любой расе людей, то бушмены Южной Африки предъявляют самые справедливые претензии на эти титулы. Его рост составляет всего 4 фута 6 дюймов на голых подошвах, никогда не превышает 4 футов 9 дюймов, и нередко он встречается с еще меньшим ростом - даже таким маленьким, как 4 фута 2 дюйма. Его жена еще меньше ростом, и эта лилипутская дама часто становится матерью детей, когда макушка ее головы всего на 3 фута 9 дюймов выше подошв ее ног. Утверждение о том, что эти люди такие пигмеи, было очень распространено, и даже доктор Ливингстон сделал это в своем последнем великолепном труде. Доктор очень шутливо заявляет, что они "не карлики, что

экземпляры, привезенные в Европу, были отобраны, подобно собакам костромичей, за их крайнее уродство".

Но доктор забывает, что приведенный выше стандарт роста бушмена был получен не из "образцов, привезенных в Европу", а из свидетельств многочисленных путешественников - многие из них заслуживают такого же доверия, как и сам доктор, - из реальных измерений, сделанных ими на месте. Вряд ли можно поверить, что такие люди, как Спарманн и Бурчелл, Барроу и Лихтенштейн, Харрис, Кэмпбелл, Паттерсон и десятки других, которых можно упомянуть, должны давать ошибочные показания по этому вопросу. Эти путешественники, как известно, расходятся во мнениях по другим вопросам, но в этом они все согласны: бушмен ростом в пять футов - *высокий* человек в своем племени. Доктор Ливингстон говорит о бушменах "шести футов ростом", и это недавно обнаруженные племена, живущие так далеко к северу от озера Нагами. Сомнительно, что это вообще бушмены. Действительно, описание, данное доктором, не только их роста и цвета кожи, но и некоторые намеки на их интеллектуальный характер, заставляют думать, что он принял за бушменов какой-то другой народ. Следует помнить, что этот великий путешественник жил в основном среди племен *бечуанов*, и его знания о собственно бушменах не кажутся ни точными, ни обширными. От человека не ожидают, что он знает всех; и среди обилия новых фактов, которые доктор так щедро изложил миру, было бы странно, если бы не нашлось несколько неточностей. Возможно, нам стоило бы больше доверять, если бы это была единственная неточность, которую мы смогли обнаружить; но доктор также отрицает, что в "львином рыке" есть что-то ужасающее или величественное. Он говорит следующее: "То же чувство, которое побудило современного художника карикатурно изобразить льва, заставило сентименталиста считать львиный рев самым ужасающим из всех земных звуков. Мы слышим о "величественном реве царя зверей". Говорить о величественном реве льва - это просто величественная чепуха".

Доктор, безусловно, заблуждается. Неужели он полагает, что кто-то не знает о характере львиного рева? Неужели он полагает, что никто, кроме него самого, никогда его не слышал? Если для того, чтобы узнать истинную мерку бушмена, необходимо отправиться в Южную Африку, то для того, чтобы получить правильное представление о звуке львиного голоса, вовсе не обязательно совершать столь длительное путешествие. Мы можем услышать его дома во всех его модуляциях; и любой, кто когда-либо посещал Зоологический сад в Риджентс-парке - да что там, любой, кому посчастливилось жить в полумиле от этого великолепного зверинца, - будет очень склонен сомневаться в правильности утверждения доктора. Если и есть на земле звук, превосходящий все остальные "величественные", шум, превосходящий все остальные "ужасающие", то это, несомненно, *рык* льва. Спросите Альберт-Террас и Сент-Джонс-Вуд!

Но давайте не будем слишком строги к доктору. Мир обязан ему гораздо больше, чем любому другому современному путешественнику, а все великие люди время от времени предаются роскоши эксцентричного мнения. Мы затронули эту тему с особой целью - чтобы проиллюстрировать слишком часто игнорируемую истину. Ошибка не всегда на стороне *преувеличения*; иногда она встречается и в противоположной крайности слишком щепетильной умеренности. Мы видим, как ученый профессор Лихтенштейн высмеивает бедного старого Эрнандеса, историка природы Мексики, за то, что тот дал описание некоторых сказочных *животных* - сказочных, по его мнению, потому что для него они были странными и неизвестными. Но оказывается, что старый автор был прав, и *животные существуют*! Сколько подобных заблуждений можно было бы привести в отношении Бюфонов и других закрытых философов - и тоже с самым ожесточенным рвением! Невероятность, зашедшая слишком далеко, - это всего лишь другая форма легковерия.

Но вернемся к нашей теме и завершим портрет бушмена. Мы указали его рост. Он вполне соразмерен с другими его размерами. В молодости он кажется достаточно крепким, но это только в детстве. К шестнадцати годам он достигает всего, чего ему суждено достичь, и тогда его плоть исчезает, тело приобретает скудные очертания, руки и конечности становятся тонкими, икры исчезают с ног, пухлость со щек, и в целом он становится настолько жалким объектом, насколько это вообще возможно представить в человеческом облике. В более старшем возрасте его кожа становится сухой, гофрированной и чешуйчатой, кости выпирают, а коленные, локтевые и голеностопные суставы выглядят как роговые набалдашники, расположенные на концах того, что больше напоминает длинные прямые палки, чем руки и конечности человека.

Цвет этого существа можно обозначить как желто-коричневый, хотя определить его оттенок нелегко. Бушмен кажется темнее, чем он есть на самом деле, поскольку его кожа служит ему полотенцем, и от всех видов грязи, которые портят его пальцы, он избавляется, вытирая их о руки, бока или грудь. В результате все его тело обычно покрыто слоем жира и грязи, что привело к убеждению, что он регулярно мажется - обычай, распространенный среди многих диких племен. Однако бушмен так не поступает: его туалет - лишь эпизодический или случайный, и заключается он в том, что жир от съеденной им плоти попадает с его пальцев на кутикулу тела. Он никогда больше не смывается, поскольку вода никогда не касается кожи бушмена. Такое использование воды ему совершенно неизвестно, даже для умывания лица. Если же ему случается очистить руки, что иногда приходится делать из-за работы с жевательной резинкой или другими подобными веществами, он делает это не с мылом и водой, а с сухим пометом крупного рогатого скота или какого-нибудь дикого животного. Небольшое растирание его по коже - вот и все очищение, которое, по мнению бушмена, необходимо.

Конечно, грязь темнит его цвет лица, но иногда он имеет тщеславие осветлить его - не сделать белее, а скорее кирпично-красным. Немного охристой земли дает нужный цвет, и ею он мажет все тело, за исключением макушки головы и скудного запаса шерсти, покрывающего ее.

Бушмены моются. Для того чтобы добраться до настоящей кожи и придать ей естественный цвет, требуется некоторое скрабирование и обильное применение соды или мыла; но эксперимент был проведен, и результат доказывает, что бушмен не так уж черен, как кажется при обычных обстоятельствах. Сквозь эпидермис просвечивает желтый оттенок, напоминающий цвет китайца или европейца в худшей стадии желтухи - только глаза не имеют такого оттенка. Действительно, черты лица бушмена, как и хоттентота, имеют сильное сходство с китайскими, а глаз бушмена в основном принадлежит монгольскому типу. Однако его волосы имеют совершенно другой характер. Вместо того чтобы быть длинными, прямыми и длинными, они короткие, хрустящие и вьющиеся - в действительности шерсть. Характерной особенностью является ее скудность, и в этом отношении бушмен отличается от шерстистых племен Африки и Австралазии. У этих племен шерсти, как правило, в избытке, тогда как у хоттентотов и бушменов ее не хватает, чтобы наполовину покрыть голову; а между маленькими узелками, похожими на "перегибы", есть широкие пространства без единого волоска. Шерсть бушменов от природы черная, но красная охра и солнце вскоре превращают ее в жженный красноватый оттенок.

У бушмена нет бороды или других волосяных образований. Если бы они росли, он бы выкорчевал их как бесполезное неудобство. У него низко посаженный нос с широкими приплюснутыми ноздрями, глаз, который кажется просто щелью между веками, пара высоких скул и покатым лоб. Губы не толстые, как у негра, и снабжены набором мелких белых

зубов, которые с возрастом не разрушаются, а представляют собой необычное явление - регулярно стираются до пеньков, как это происходит с зубами овец и других жвачных животных.

Несмотря на небольшой рост бушмена, его телосложение жилистое и способно к большой выносливости. Он также проворен, как антилопа.

Из приведенного выше описания можно сделать вывод, что бушмен - не красавец. Не отличается красотой и женщина-бушменка; напротив, обе, пройдя период молодости, становятся абсолютно уродливыми, причем женщина, если это возможно, еще больше, чем мужчина.

И все же, как ни странно, многие из девушек Буша, когда они молоды, обладают броской прелестью, почти равной красоте. Трудно сказать, в чем заключается эта красота. Возможно, что-то в выражении миндалевидных глаз, небольшом, хорошо сформированном рте и губах с блестящими белыми зубами. Их конечности в столь раннем возрасте часто имеют хорошую форму, а многие из них демонстрируют формы, которые могли бы послужить моделью для скульптора. Их ступни особенно хорошо сформированы, а по размеру они, безусловно, самые маленькие в мире. Если бы китайские дамы были одарены природой такими маленькими ступнями, они могли бы избавиться от мучений, связанных с их сжатием.

Длина ступни бушменки редко достигает шести дюймов; встречались и взрослые девушки, чьи ступни, подвергнутые фактическому измерению, оказались лишь немногим более четырех дюймов!

В интеллектуальном отношении бушмен занимает не столь низкое положение, как принято считать. У него быстрый, веселый ум, который, кажется, всегда начеку, - об этом можно судить по постоянной игре его маленького пронзительного черного глаза, - и хотя он не всегда проявляет большое мастерство в изготовлении оружия, он может сделать это, если пожелает. Некоторые племена конструируют свои луки, стрелы, корзины для рыбы и другие орудия и утварь с восхитительной изобретательностью, но в целом бушмены не гордятся причудливым оружием. Он предпочитает, чтобы оно было эффективным, и для этого он демонстрирует свое мастерство в изготовлении *самых смертоносных ядов*, которыми он помазывает свои стрелы. Кроме того, он всегда активен и готов к действию, и в этом его ум полностью контрастирует с умом хоттентотов, для которых праздность является преобладающей и хорошо заметной чертой. Бушмен, напротив, всегда на *взводе*; он всегда готов к действию там, где есть чем заняться; и у него не так много возможностей для безделья, поскольку он редко когда знает, откуда придет следующий обед. Изобретательность, которую он проявляет при ловле различных видов дичи, - намного превосходящая изобретательность других охотничьих племен Африки, - а также хитрость, проявляемая им при угоне скота и других грабительских вылазках, доказывают интеллектуальные способности, более чем пропорциональные его миниатюрному телу; словом, почти по всем умственным характеристикам он отличается от предполагаемой родственной расы - хоттентотов.

Вряд ли справедливо было бы наделять бушмена характером высокой храбрости; но, с другой стороны, столь же несправедливо было бы обвинять его в трусости. Как бы ни был он мал, он проявляет немало "мужества", и когда его сбивают с толку, его девиз: "Не сдаваться". Он будет сражаться до смерти, выпуская свои отравленные стрелы до тех пор, пока способен сгибать лук. Действительно, его обычно пристреливают или забивают дубинкой до смерти, где бы и когда бы его ни поймали, и он не знает *четверти*. Как и барсук, он заканчивает свою жизнь - его последняя борьба заключается в попытке нанести увечья своему обидчику.

Эта черта его характера, несомненно, укрепилась благодаря бесчеловечному обращению, которому он подвергался на протяжении столетия со стороны жестоких буров колониальной границы.

Костюм бушменов - самый примитивный, он отличается от того, что носили наши первые родители, только тем, что фиговый лист, используемый мужчинами, - это заплатка из шкуры шакала, а у женщин - что-то вроде бахромы или связки кожаных ремешков, подвешенных на талии с помощью ремешка и свисающих до колен. На самом деле это маленький фартук из выделанной кожи; или, если говорить точнее, два таких фартука, один над другим, оба разрезаны на узкие полоски или ремешки, спускающиеся ниже талии. Другой одежды, кроме этой, у них нет, если не считать маленького кожаного *кароса* или плаща, который надевается на плечи; у женщин он снабжен мешком или капюшоном, который служит голой "пикканинни" гнездом или колыбелью. Сандалии защищают ноги от острых камней, и они имеют самое грубое описание - просто кусок толстой шкуры, вырезанный немного длиннее и шире, чем подошвы ног, и скрепленный на пальцах и вокруг лодыжек ремешками из сухожилий. Попытка украсить себя проявляется в кожаной тюбетейке или, чаще всего, кольчуге вокруг головы, на которую пришито несколько "каури", или маленьких раковин *Cyprea moneta*.

Трудно сказать, где добываются эти раковины, поскольку они не являются продуктом страны бушменов, а встречаются только на дальних берегах Индийского океана. Скорее всего, он получает их по бартеру, причем после того, как они прошли через множество рук; но они должны стоить бушмену дорого, поскольку он устанавливает на них самую высокую цену. Другие украшения состоят из старых медных или латунных пуговиц, прикрепленных к маленьким локонам его шерстяных волос, а у женщин - из маленьких кусочков скорлупы страусиных яиц, похожих на бусы; кроме того, на руках у бушменов множество кожаных браслетов, а на конечностях - множество таких же кругов, часто достигающих от колена до голеностопного сустава.

Красная охра на лице и волосах - модный туалет, а парфюмерное средство получают, натирая кожу растертыми в порошок листьями растения "буку", разновидности *диосмы*. По словам одного причудливого старого писателя, от них "воняет, как от мака", и это было бы очень неприятно, если бы не было предпочтительнее запаха, который они имеют без него.

Они не *делают татуировок*, не прокалывают уши, губы или нос - обычаи, столь распространенные среди диких племен. В некоторых случаях наблюдалось прокалывание носа, причем в носовую перегородку обычно вставляли кусочек дерева или дикобразное перо, но это обычай скорее кафров, чем бушменов. Среди последних он встречается редко. Великолепное украшение получается, если намазать лицо и голову блестящей слюдяной пастой, которую добывают в пещере в одной из частей бушменского ареала; но этот предмет, будучи "надуманным", соответственно скуден и дорог. Только прекрасная красавица может позволить себе нанести на себя слой *blink-slip*, как называют этот сверкающий пигмент колонисты. Многие женщины, да и мужчины тоже, носят в руках кустистый хвост шакала. Он служит для отгонки мух, а также в качестве "салфетки", чтобы избавить тело от пота, когда погода становится слишком жаркой.

Следующим заслуживает описания жилище бушмена. Оно так же просто и примитивно, как и его одежда, и доставляет ему примерно столько же хлопот при строительстве. Если в скалах удастся найти пещеру или расщелину, достаточную для размещения собственного тела и членов семьи - никогда не очень большую, - он не строит никакого дома. Пещера его устраивает, пусть и с таким трудом. Если под рукой нет пещеры, нависающая скала подойдет

с тем же успехом. Его не волнуют ни открытые бока, ни сквозняки. Только дождь ему не по душе, и любой навес, который укроет его от него, послужит ему жилищем. Если поблизости нет ни пещеры, ни расщелины, ни надвигающейся скалы, он прибегает к альтернативному варианту строительства дома, и его стиль архитектуры не сильно отличается от оранг-аутанга. Выбирается куст, растущий рядом с двумя или тремя другими, ветви которых сходятся в одном центре. Из этих ветвей строитель извлекает пользу, скрепляя их вместе на концах и прикручивая одни к другим. Поверх этого каркаса рассыпают траву так, чтобы отбросить хороший ливень, и тогда "туша" здания считается завершенной. Осталось сделать внутреннюю работу, за которую и беремся. В середине пола выскребается большое круглое или продолговатое отверстие. Она достаточно широкая и глубокая, чтобы в ней поместились тела трех или четырех буш-людей, хотя один крупный кафр или голландец вряд ли нашел бы в ней место. В это отверстие бросают много сухой травы и располагают ее так, чтобы создать видимость гигантского гнезда. Это гнездо, или логово, становится постелью бушмена, его жены или жен, так как он часто держит двух, и других членов его семьи. Свернувшись вместе, как обезьяны, и накрывшись своими шкурами-каросами, все они спят в нем - "сладко" или "крепко", я не берусь определить.

Предполагается, что именно эта манера буквально "спать в кустах", а также способ, которым он скрывается среди кустов, - неизменно забираясь в них, когда его преследуют, - и послужила основой для названия "бушмен", или "босье", как это звучит на языке колониальных голландцев. Такое происхождение достаточно вероятно, и лучшего не придумано.

Бушмен иногда строит себе более сложное жилище, то есть некоторые бушмены; следует отметить, что существует множество племен или общин этих людей, и не все они находятся на очень низкой ступени цивилизации. Однако ни один из них не дошел до строительства дома, даже хижины. Наивысшим достижением в строительстве является палатка, причем самая грубая, едва ли заслуживающая такого названия. Ее покрытие - циновка, которую они плетут из камыша, растущего вдоль некоторых ручьев в пустыне; в изготовлении покрытия они проявляют гораздо больше изобретательности, чем в планировании или строительстве самой палатки. Циновка, по сути, просто укладывается на две жерди, которые сгибаются в форме арки, втыкаясь обоими концами в землю. Второй кусок циновки закрывает один конец, а другой, оставленный открытым, служит входом. Поскольку дверь не нужна, дальнейшее строительство не требуется, и палатка "установлена" полностью. Остается только выгрести песок и сделать *гнездо*, как уже было описано.

Говорят, что готы черпали свои архитектурные идеи из проходов в дубовом лесу, китайцы - из монгольских палаток, а египтяне - из пещер в скалах. Несомненно, бушмен позаимствовал свои идеи из гнезда страуса!

Теперь необходимо поинтересоваться, как бушмен проводит время, как добывает средства к существованию и какова природа его пищи? На все эти вопросы можно ответить, хотя поначалу может показаться, что ответить на них трудно. Живя, как он всегда делает, в самом сердце пустыни, вдали от лесов, которые могли бы дать ему какую-то пищу - деревья, которые могли бы приносить плоды, - вдали от плодородной почвы, не имея никаких знаний о сельском хозяйстве, даже если бы оно было рядом, - не имея ни стад, ни стай; ни овец, ни крупного рогатого скота, ни лошадей, ни свиней - никаких домашних животных, кроме его тощих, маленьких собак, - как этот бушмен добывает достаточно пищи? Каковы его источники питания?

Сейчас мы увидим. Не будучи ни скотоводом, ни фермером, он имеет другие средства к существованию, хотя, надо признать, они весьма ненадежны, и часто в течение своей жизни бушмен оказывается на самом пороге голодной смерти. Однако это происходит не столько из-за скупости природы, сколько из-за собственных привычек бушмена к импровизации - черты его характера, которая, пожалуй, развита в нем сильнее, чем любая другая. У нас еще будет повод обратиться к ней.

Его первый и главный способ добывания пищи - охота: хотя его окружает бесплодная пустыня, он не единственное живое существо, избравшее пустыню своим домом. Несколько видов птиц - одна самая крупная из всех - и четвероногих животных разделяют с бушменом уединение и безопасность этого пустынного региона. Здесь может жить носорог, в многочисленных ручьях водятся огромные бегемоты, а квагги, зебры и несколько видов антилоп часто посещают пустынные равнины в качестве своего излюбленного места "штамповки". Некоторые из этих животных могут жить почти без воды, но когда она им нужна, что для них галоп в пятьдесят миль до какой-нибудь известной "долины" или водоема? Таким образом, становится ясно, что пустыня имеет своих многочисленных обитателей. Все они являются объектами преследования бушмена, который следует за ними с неустанной настойчивостью, словно хищный зверь, наделенный природой самыми плотоядными наклонностями.

В поимке этих животных он проявляет почти невероятную ловкость и хитрость. Его способ подобраться к хитрому страусу, переодевшись в шкуру одной из этих птиц, настолько хорошо известен, что мне нет нужды описывать его здесь; но *уловки*, которые он применяет для поимки или убийства других видов дичи, во многих случаях не менее изобретательны. Яма-ловушка - один из его любимых приемов, и он тоже часто описывался, но часто очень ошибочно. Яма - это не большое углубление, как обычно утверждается, а скорее размеры, пропорциональные размеру животного, которое должно в нее попасть. Для таких животных, как носорог или антилопа *эланд*, ее выкапывают длиной шесть футов и шириной три фута в верхней части, постепенно сужая к низу, где она заканчивается траншеей шириной всего двенадцать дюймов. Шесть или семь футов считаются достаточно глубокими, и животное, попав в нее, оказывается настолько зажатым в узкой нижней части, что не может использовать свои ноги для того, чтобы выбраться обратно. Иногда используют острый кол или два, чтобы *уколоть* жертву, но этот план не всегда принимается. Нет особой опасности, что четвероногий, упавший в воду, когда-нибудь снова выберется, пока его не вытащит бушмен в виде туши.

На этом изобретательность бушмена не заканчивается. Помимо строительства ловушки, необходимо направить в нее дичь. Если этого не сделать, яма может долгое время оставаться пустой, и, как следствие, живот бушмена тоже. На широкой равнине мало у кого из стадных животных есть тропа, по которой они обычно ходят; только там, где есть водоем, можно найти такие проторенные тропы, и бушмен также пользуется ими; но их недостаточно. Необходимо использовать какие-то искусственные средства, чтобы заставить ловушки платить, ведь они не строятся без особого труда и терпения. План, принятый бушменом для достижения этой цели, отличается некоторой оригинальностью. Сначала он выбирает часть равнины, которая находится между двумя горами. Неважно, насколько они удалены друг от друга: миля или даже две не помешают бушмену осуществить задуманное. С помощью всего своего племени - мужчин, женщин и детей - он строит забор от одной горы до другой. В качестве материала используется все, что может оказаться под рукой: камни, дерн, кустарник или валежник, если это удобно. Неважно, насколько грубым будет забор: он не должен быть очень высоким. Оставьте в нем несколько щелей, и дикие животные, как бы легко они ни перепрыгивали

через такую ничтожную преграду, предпочтут, по своему обыкновению, неторопливо пройти через эти щели. Однако в каждой из них есть опасное отверстие - опасное как своей глубиной, так и хитроумным способом, которым оно скрыто от глаз, - словом, в каждой щели *есть яма для падения*. Никто - по крайней мере, ни одно животное, кроме слона, - не заподозрит его присутствия; трава, кажется, растет над ним, а песок лежит без движения, как и в других местах на равнине. Какое четвероногое может обнаружить обман? Никто, кроме пронизательного слона. Глупый эланд проваливается сквозь него, гемсбок уходит под воду, а носорог бросается в него, словно обреченный на гибель. Бушмен видит это со своего возвышенного места, скользит вперед по земле и пронзает сопротивляющуюся жертву своим *отравленным ассагаем*.

Помимо вышеописанного способа ловли дичи бушмен также использует лук и стрелы. Это оружие, которым он владеет в совершенстве; и хотя и лук, и стрелы так малы, словно предназначены для детских игрушек, они являются одним из самых смертоносных видов оружия, их смертельный эффект заключается не в *размере* раны, которую они способны нанести, а в особом способе подготовки колючек стрел. Вряд ли стоит добавлять, что их обмакивают в яд, - ведь кто не слышал об отравленных стрелах африканских бушменов?

И лук, и стрелы обычно достаточно грубы по своей конструкции и казались бы просто банальностью, если бы не знание их действия. Лук - это просто круглая палка длиной около трех футов, слегка изогнутая с помощью тетивы из скрученных сухожилий. Стрелы представляют собой тростник с наконечником из кусочков кости, с расщепленным страусовым пером, прикрепленным к головке и служащим колючкой. Такую стрелу бушмен может с достаточной уверенностью на расстояние до ста ярдов, и даже может пустить ее дальше, слегка приподняв прицел. Неважно, будет ли сила, с которой она ударит по объекту, настолько мала, если она только войдет в него. Даже царапина от его острия иногда оказывается смертельной.

Конечно, опасность кроется исключительно в яде. Если бы не это, бушмен, при его карликовом росте и пороссячьей силе, был бы действительно безобидным существом.

Яд он хорошо знает, как приготовить, и может сделать его из самого "мощного заклинания", если "материалы" находятся в пределах его досягаемости. Для этого он использует как растительные, так и животные вещества, а также минерал, но последний не является ядом, а служит лишь для придания жидкости консистенции, чтобы она лучше прилипала к стреле. Растительные вещества бывают разных видов. Некоторые из них известны с ботанической точки зрения: луковица *Amaryllis disticha*, камедь *Euphorbia*, сок одного из видов сумаха (*Rhus*) и орехи кустарникового растения, названного колонистами *Woolf-gift* (волчий яд).

Животное вещество - это жидкость, содержащаяся в клыках ядовитых змей, несколько видов которых служат целям бушмена: маленькая "рогатая змея", названная так из-за чешуи, возвышающейся над глазами; "желтая змея", или южноафриканская кобра (*Naga haje*); "пуховая гадюка" и другие. Из всех этих животных он получает ингредиенты для своей смертельной мази и смешивает их, но не все вместе, поскольку не всегда может достать их все в одном регионе страны, в которой живет. Он также делает свой яд разной силы, в зависимости от цели, для которой он его предназначает: для охоты или войны. С шестьюдесятью или семьюдесятью маленькими стрелами, хорошо пропитанными этой смертельной смесью и тщательно уложенными в колчан из древесной коры или кожи, или, что не редкость, прикрепленными, как корона, вокруг его головы, он выходит вперед, готовый нанести поражение либо дичи, либо животным, либо врагам человека.

В последних у него нет недостатка. Любого человека, не являющегося бушменом, он считает своим врагом, и у него есть основания так думать. Истинно можно сказать о нем, как об Измаиле, что "рука его против всякого человека, и рука всякого человека против него"; такова его несчастливая история на протяжении многих веков. Не только буры были его преследователями и угнетателями, но и все остальные на его границах, кто достаточно силен, чтобы напасть на него, - колонисты, кафры и бечуаны, все в равной степени, - не считая даже его предполагаемых родственников, хоттентотов. Между бушменом и хоттентотом не только нет дружеских чувств, но, как ни странно, они ненавидят друг друга самой лютой ненавистью. Бушмен ограбит намакского готтентота, грику или гонаку, ограбит и убьет его с такой же безжалостностью, а то и с большей, чем ненавистного кафрца или бура. Все они одинаково враги, все подлежат грабежу и резне, когда встречаются, и это оказывается возможным.

Мы говорим о грабеже. Это еще один источник снабжения бушмена, хотя на него не всегда можно положиться. Это самый опасный способ добыть средства к существованию, который часто стоит ему жизни. Он прибегает к нему только тогда, когда все другие ресурсы отказывают ему, и пищу больше нельзя добыть погоней.

Он отправляется в пограничные поселения буров, кафров или готтентотов - в зависимости от того, где ему удобнее всего жить. Экспедиция, разумеется, ночная, и проводится она не как открытая *вылазка*, а тайно, исподтишка. Скот *крадут*, а не *угоняют*, и уводят, пока хозяин и его люди спят.

Утром или как только обнаруживается пропажа, сразу же начинается погоня. Дюжина мужчин, конных и вооруженных длинными мушкетами (*röers*), берут на *мушку* и следуют за ними так быстро, как только могут *нести* их лошади. Дюжина буров или даже половина этого числа считается равной целому племени бушменов в любой схватке, которая может произойти на открытой равнине, поскольку буры используют свое дальнобойное оружие на таком расстоянии, что бушмены оказываются сбиты с ног, не имея возможности использовать свои отравленные стрелы; а если ворам посчастливилось быть настигнутыми до того, как они далеко зашли в пустыню, у них есть все шансы быть жестоко покалеченными.

Им нет равных. О таком понятии, как милосердие, они даже не мечтают, не жалея жизней, как если бы это была стая гиен. Бушмены могут убежать в скалы, те из них, кого не заденут пули; и там буры знают, что преследовать их бесполезно. Подобно антилопе клипспрингер, маленькие дикари могут перебегать со скалы на скалу, с утеса на утес или прятаться, как куропатки, в расщелинах, где ни человек, ни лошадь не смогут их преследовать. Даже на ровной равнине - если она окажется каменистой или пересеченной обрывами и оврагами - всадник будет тщетно пытаться догнать их, ведь эти желтые козлы так же быстры, как страусы.

Когда губители разбегаются, буру удастся вернуть свой скот, но в каком состоянии? Он уже догадался об этом, не заходя в стадо. Он не рассчитывает загнать домой и половину, а возможно, и одну голову. Подойдя к стаду, он обнаруживает, что нет ни одного животного без той или иной раны: рана на боку, порез ножом, удар ассагаем или отравленная стрела, предназначенная для самого бура, вонзившаяся ему между ребер. Вот какое печальное зрелище предстает перед его глазами; но он никогда не задумывается о том, что это результат его собственной жестокости, - он никогда не рассматривает это в свете возмездия. Если бы он сначала не охотился на бушмена, чтобы сделать его рабом, чтобы сделать кабальеро и кабатчиками его сыновей и дочерей, чтобы подчинить их капризам и тирании

своей большой, строптивой *фрау*, возможно, его скот спокойно пасся бы на его полях. Бедный бушмен, пытаясь забрать их, следовал лишь инстинктам голода: отдавая их, он повиновался лишь побуждениям мести.

Не всегда бушмена удается догнать. Часто ему удается увести все стадо в свое пустынное убежище, и мастерство, которое он проявляет, доставляя их туда, совершенно удивительно. Сам скот боится его больше, чем дикого зверя, и бежит при его приближении; но бушмен, более быстрый, чем они, может скользить вокруг них и поддерживать их быстрый темп движения.

Он также использует хитрость, чтобы помешать преследованию или сбить его с толку. Он выбирает путь через самую сухую часть пустыни, по возможности там, где воды вообще нет. Скот страдает от жажды и мычит от боли, но бушмена это не волнует, лишь бы ему самому было хорошо. Но как его обслужить? Воды нет, и бушмен может обойтись без питья не больше, чем бур: как же он обеспечивает себя в этих долгих походах?

Все было заранее предусмотрено. Пока бушмен отправлялся в поселение, его жена была занята. Весь *крааль* женщин - молодых и старых - совершил экскурсию через полпустыни, каждая несла скорлупу от страусиных яиц, столько, сколько мог вместить ее каросс, каждая скорлупа была полна воды. Их складывают через определенные промежутки пути в тайных местах, известных бушменам по приметам, и в таком виде женщины возвращаются домой. Таким образом, грабитель получает запас воды и продолжает свой путь по засушливому *Карру*.

Преследователи приходят в ужас. Они страдают от жажды, их лошади тонут под ними. Может быть, они сбились с пути? Продолжать путь было бы безумием. "Отпустить скот на этот раз?" И с этими неутешительными размышлениями они отказываются от погони, поворачивают головы своих лошадей и едут домой.

В *краале* бушменов устраивается пир - и такой пир! Забивается не *один* бык, а сразу несколько. Они убивают их, как будто по собственной воле; и больше не едят, а набрасываются на плоть.

В течение нескольких дней пиршество продолжается почти непрерывно, даже ночью они должны просыпаться, чтобы устроить полуночную трапезу! И так продолжается до тех пор, пока все волю не будут съедены. У них нет ни малейшего представления о запасе на будущее; даже низшие животные кажутся более мудрыми в этом отношении. Им и в голову не приходит оставить на пастбище несколько голов награбленного скота, чтобы они могли послужить им в будущем. Они не дают бедным животным ни еды, ни питья, а, загнав их в какую-нибудь расщелину скалы, оставляют их стонать и выть, падать и умирать.

Пир продолжается, пока все не закончат; и даже если плоть стала гнилой, это не вызывает ни малейших возражений: ее все равно съедают.

Теперь *крааль* представляет собой совершенно иное зрелище. Голодные, скудные жалкие люди, которых можно было видеть среди палаток всего неделю назад, исчезли. Пухлые тела и втянутые животы - вот порядок дня; профиль женщины-бушвумена, снятый от шеи до колен, теперь напоминает букву S. Маленькие импы прыгают вокруг, разрывая сырую плоть, - их желтые щеки перепачканы кровью, - а тощих кур, похоже, сменила стая жирных, упитанных пуделей.

Но эта сцена должна когда-то закончиться, и в конце концов она заканчивается. Вся плоть истощена, а кости очищены. Дух бушмена полностью выветривается. Он впадает в состояние

томления - единственное время, когда ему знакомо такое чувство, - и, оставив свой крааль, целыми днями бездействует. Часто он спит по двадцать четыре часа подряд и просыпается только для того, чтобы снова заснуть. Ему не нужно вставать, чтобы найти что-нибудь поесть: во всем краале нет ни крошки, и он это знает. Поэтому он лежит неподвижно, ослабев от голода и одолеваемый дремотой страшной усталости.

К счастью для него, если эти смелые стервятники, привлеченные *обломками* его пиршества и теперь кружащие в воздухе, не будут замечены издали; к счастью, если они не откроют местонахождение его крааля мстительному преследователю. Если же они это сделают, то он совершил свою последнюю вылазку и свой последний пир.

Когда абсолютная опасность голодной смерти заставляет нашего бушмена прийти в себя, он, кажется, немного восстанавливает свои силы и снова берется за охоту или, если рядом есть ручей, пытается поймать несколько рыбин. Если оба эти средства окажутся бессильными, у него есть еще одно, без которого он наверняка умрет с голоду, - и, пожалуй, это можно считать самым важным источником питания, поскольку он самый постоянный и на него можно рассчитывать почти в любое время года. Ослабев от голода и не имея сил на более тяжелый труд, он *выходит на охоту - на этот раз на насекомых, а не на четвероногих*. С крепкой палкой, воткнутой в камень одним концом и заостренной другим, он направляется к гнездам белых муравьев (*термитов*) и острием палки - камень своим весом помогает силе удара - разрывает твердую, липкую глину, из которой сложен холмик. Если до него там не побывали *аард-варк* и *панголин* - два совершенно разных вида муравьедов, - он обнаруживает камеры, заполненные яйцами муравьев, самими насекомыми и, возможно, большим количеством их *личинок*. Все это бушмен в равной степени добывает и либо съедает на месте, либо собирает в кожаный мешок и несет обратно в свой крааль.

Охотится он и на другой вид муравьев, которые не строят гнезд или "бугров", а выводят потомство в углублениях под землей. Они прокладывают длинные галереи или крытые ходы прямо под поверхностью земли, и в определенные периоды, о которых бушмен узнает по безошибочным знакам, они становятся очень активными и тысячами пересекают эти подземные галереи. Если открыть проход наверх, муравьи быстро уйдут в свои пещеры, и поймать удастся лишь немногих. Бушмен, зная об этом, прибегает к хитрости. Уже упомянутой палкой он проделывает отверстия на значительной глубине внизу; и обрабатывает палку, пока стороны отверстий не станут гладкими и ровными. По его замыслу, они должны служить ему ловушками; поэтому их делают в тех местах, по которым проходят насекомые. В результате маленькие существа, не подозревая о существовании этих глубоких колодцев, падают в них головой вперед и не могут снова подняться по крутым гладким бокам, так что через несколько минут отверстие заполняется муравьями, которых бушмен вычерпывает по своему усмотрению.

Другой источник питания, который у него есть, и тоже довольно постоянный, состоит из различных корней клубневого типа, но особенно луковичных, которые растут в пустыне. Это несколько видов *иксий* и *мезембриантемумов*, некоторые из которых дают луковицы большого размера и глубоко зарыты под землю. Половина времени бушмена и бушвумен занята копанием этих корней, а в качестве лопаты используется уже описанная каменная дубинка.

Страусиные яйца также служат бушмену источником пищи, а огромные скорлупки этих яиц служат ему сосудами для воды, чашками и блюдами. Он очень искусен в отслеживании страуса и обнаружении его гнезда. Иногда он находит гнездо в отсутствие птиц, и в этом случае он поступает так, *как свойственно бушменам*. Убрав все яйца на расстояние и

спрятав их под каким-нибудь кустом, он возвращается к гнезду и устраивается в нем. Его миниатюрное тело, сидящее на корточках, невозможно заметить издалека, особенно если вокруг гнезда есть несколько кустов, как это обычно бывает. Затаившись, он ожидает возвращения птиц, держа лук и отравленные стрелы наготове, чтобы отсалютовать им, как только они подойдут на расстояние выстрела. С помощью этой уловки он почти наверняка убьет либо петуха, либо курицу, а нередко и обоих, если они не возвращаются вместе.

Ящерицы и сухопутные черепахи часто служат бушмену пищей; панцирь последних также служит ему блюдом; но период наибольшего изобилия наступает, когда *появляется* саранча. Тогда, правда, бушмен уже не нуждается в еде, и пока эти существа остаются с ним, он не знает голода. Он быстро толстеет, и его проклятые не отстают от него - ведь они тоже с жадностью пожирают саранчу. Если бы саранча была постоянным или даже ежегодным гостем, бушмен был бы богатым человеком - во всяком случае, его потребности были бы в достатке. К сожалению для него, но к счастью для всех остальных, эти ужасные уничтожители растительности приходят лишь время от времени - между их визитами часто проходит несколько лет.

Бушмены не исповедуют никакой религии, у них нет никакой формы брака, кроме спаривания, как у диких зверей; но, похоже, они с некоторым уважением относятся к памяти своих мертвых, поскольку хоронят их - обычно воздвигая над телом большую грудку камней, или "каирн".

Они далеки от меланхолического настроения. Хотя днем они прячутся в своих норах и пещерах в страхе перед бурами и другими врагами, ночью они выходят наружу, чтобы поболтать и повеселиться. Во время яркой луны они танцуют всю ночь, не прекращая *бал* до утра; в их краях можно увидеть круглое место, отбитое ногами, где и исполняются эти танцы.

У них нет никакой формы правления - ни главы, ни вождя. Даже отец семейства не обладает никакой властью, кроме той, которую может дать его сила; а когда его сыновья вырастают и становятся такими же сильными, как он, то, конечно, и эта власть исчезает.

У них нет племенной организации; небольшие общины, в которых они живут, - это всего лишь множество случайно собранных вместе людей, часто ссорящихся и отделяющихся друг от друга. Эти общины редко насчитывают более ста человек, поскольку, исходя из природы их страны, большое их количество не может найти себе пропитание в одном месте. Отсюда следует, что раса бушменов всегда будет оставаться широко рассеянной, пока они придерживаются своего нынешнего образа жизни, и никакое влияние никогда не могло отвлечь их от него. Миссионерские усилия, предпринятые среди них, оказались бесплодными. Кажется, что пустыня была создана для них, как и они для пустыни; и когда их переводят в другие места, чтобы поселить среди сцен цивилизованной жизни, они всегда стремятся вернуться в свой дикий дом.

Воистину, странный народ эти пигмейские дикари!

Глава вторая.

Индейцы Амазонки.

При взгляде на карту американского континента нас поражает удивительная аналогия между географическими особенностями двух его великих регионов - Севера и Юга, - аналогия, доходящая почти до симметричного параллелизма.

В каждом из них есть свои "могучие" горы - *Кордильеры Анд* на юге и *Кордильеры Сьерра-Мадре* (Скалистые горы) на севере - со всеми разновидностями вулканов и вечных снегов. У каждого есть своя вторичная цепь: на севере - *Невады* Калифорнии и Орегона, на юге - *Сьерры* Караккаса и группа Гвианы; а если вы хотите сделать параллелизм полным, спуститесь на более низкую высоту и поставьте Аллегии Соединенных Штатов против гор Бразилии - и те и другие одинаково отделены от всех остальных.

В этом сравнении мы исчерпали горные цепи обеих частей континента. Если мы пойдем дальше и рассмотрим все в мельчайших подробностях, то обнаружим то же соответствие - хребет за хребтом, цепь за цепью, пик за пиком, - словом, необычайное равновесие, как будто было задумано, что одна половина этого великого континента должна уравновешивать другую!

От гор перейдем к рекам и посмотрим, как *они* соотносятся между собой. И здесь мы снова обнаруживаем параллелизм, почти соперничество. На каждом континенте (а именно так их следует называть) находится самая большая река в мире. Если брать за стандарт *длину*, то север претендует на первенство Миссисипи; если же критерием *является объем воды*, то юг имеет на это право благодаря достоинствам Амазонки. У каждой из них тоже есть свои многочисленные ветви, разрастающиеся в могучее "дерево"; и все они, как по отдельности, так и вместе, образуют любопытное эквипоизис как по длине, так и по величине. У нас есть только время, чтобы составить список против списка, притоки великой северной реки против притоков ее великого южного собрата, - Огайо и Иллинойс, Йеллоустон и Платте, Канзас и Осаге, Арканзас и Ред, против Мадейры и Пуруса, Укаяли и Уальяги, Джапура и Негро, Сингу и Тапахос.

Из других речных систем можно выделить реку Святого Лаврентия против Ла-Платы, Орегон против Ориноко, Маккензи против Магалены, а Рио-Браво-дель-Норте против Токантин; В то время как два Колорадо - Бразос и Алабама - находят своих соперников в Эссекибо, Паранахибо, Педро и Патагонском Негро; а калифорнийский Сан-Франциско, текущий по золотым пескам, уравновешивается своим омонимом из Бразилии, который берет свое начало в стране алмазов. Сравнение можно продолжать до бесконечности.

Мы переходим к равнинам. *Прерии* на севере, *льяносы* и *пампасы* на юге, почти одинаковые по характеру. Из *плато* или столовых гор - Мексика, Ла-Пуэбла, Пероте и серебряный Потоси на севере; Кито, Богота, Куско и золотой Потоси на юге; из пустынных равнин - Юта и Льяно-Эстакадо против Атакамы и пустынь Патагонии. Даже Великое Соленое озеро имеет свою параллель в Титикаке; в то время как "Салинас" в Нью-Мексико и высокогорные прерии представлены аналогичными отложениями в Гран-Чако и Пампасах.

Наконец, мы добрались до лесов. Хотя они и не похожи в других отношениях, здесь мы также имеем соперничество по величине - между огромными лесистыми просторами, простирающимися от Арканзаса до берегов Атлантики, и теми, что покрывают долину Амазонки. Это *были* два величайших леса на земле. Я говорю "*были*", потому что один из них больше не существует; по крайней мере, это уже не сплошной массив, а набор лесов,

вырубленных топором и пересеченных просеками колонистов. Другой же по-прежнему стоит во всей своей первозданной красоте и первобытной силе, не тронутый топором, не оскверненный огнем, его тропа едва проторена человеческими ногами, его безмолвные глубины до сих пор не исследованы.

Именно с этим лесом и его обитателями нам предстоит работать. На этом давайте закончим каталог аналогий и сосредоточим внимание на конкретном предмете нашего исследования.

Вся *долина* Амазонки, то есть территория, омываемая этой великой рекой и ее притоками, может быть описана как один сплошной лес. Сейчас мы знаем границы этого леса со значительной точностью, но проследить их здесь было бы слишком долго. Достаточно сказать, что в длину он простирается от устья Амазонки до подножия Перуанских Анд, что составляет 2 500 миль. По ширине она варьируется, начинаясь на Атлантическом побережье с шириной в 400 миль, расширяясь к центральной части континента до 1500, и снова сужаясь примерно до 1000, где она касается восточного склона Анд.

Эта форма листа, известная ботаникам как "обратнойцевидная", даст хорошее представление о фигуре великого леса Амазонки, если предположить, что его малый конец или хвостовик упирается в Атлантику, а широкий конец простирается вдоль полукруглой вогнутости Анд, от Боливии на юге до Новой Гранады на севере. На всей этой огромной территории нет ни одного акра открытой земли, если не считать водной глади рек и прилегающих к ним "лагун", которые, будь они на карте в должных пропорциях, едва ли можно было бы изобразить самыми узкими линиями или самыми незаметными точками. Травянистые равнины, окаймляющие лес на южном краю вдоль берегов некоторых бразильских притоков, или те, что отходят, как отроги, от Льянос Венесуэлы, ни в одном месте не приближаются к самой Амазонке, и на великой реке есть много точек, которые можно принять за центры и вокруг которых можно нарисовать круги диаметром в 1000 миль, окружности которых не будут включать ничего, кроме лесистой земли. Главное течение Амазонки, хотя и пересекает этот грандиозный лес, не *рассекает* его, если говорить с математической точностью. К югу от него лесистой поверхности больше, чем к северу, хотя неравенство между этими двумя делениями невелико. Не будет большой ошибкой сказать, что река Амазонка разрезает лес пополам. Однако в ее устье это не подходит, так как на протяжении первых 300 миль выше устья реки страна на северной стороне лишена леса. Причиной тому служат выступающие отроги Гвианских гор, которые с этой стороны подходят к Амазонке в виде голых хребтов и покрытых травой холмов и равнин.

Нет необходимости говорить, что великий лес Амазонки - тропический, ведь сама река на всем своем протяжении почти повторяет линию экватора. Поэтому ее растительность, безусловно, носит тропический характер, и в этом отношении она существенно отличается от растительности Северной Америки, или, скорее, мы должны сказать, Канады и Соединенных Штатов. Такое ограничение необходимо сделать потому, что леса тропических районов Северной Америки, включая западноиндийские острова, очень похожи на леса Амазонки. *Сильва* умеренного пояса отличается от торрида не только родами и видами деревьев, но и весьма примечательной разницей в распределении этих родов и видов. В большом лесу на севере нередко можно встретить большой участок, покрытый одним видом деревьев, например, соснами, дубами, тополями или красным кедром (*Juniperus Virginiana*). Такое расположение скорее правило, чем исключение; в то время как в тропическом лесу правило обратное, за исключением двух или трех видов пальм (*Mauritia* и *Euterpe*), которые иногда покрывают исключительно большие участки поверхности. Из других деревьев редко можно встретить даже кучу или рощу, стоящую вместе, - часто это всего два или три дерева, и еще чаще можно наблюдать одну-единственную особь, отделенную от себе подобных

сотнями других, различающихся по порядку, роду и виду. Я отмечаю эту особенность тропического леса, потому что она, как легко представить, оказывает непосредственное влияние на экономику его обитателей - дикарей или цивилизованных людей. Даже повадки низших животных - зверей и птиц - подвержены аналогичному влиянию.

Перечислять различные виды деревьев, составляющих этот могучий лес, было бы неуместно - один только каталог их названий занял бы много страниц, - и можно с уверенностью сказать, что если бы этот список был приведен в том виде, в каком он известен ботаникам, то он включал бы в себя едва ли половину видов, которые действительно существуют в долине Амазонки. По правде говоря, этот огромный Сад Божий еще не исследован человеком. Исследованы лишь его границы и опушки, и ботанику-энтузиасту не стоит опасаться, что он слишком поздно спохватился. Пройдет еще сто лет, прежде чем этот грандиозный *партер* будет исчерпан.

В настоящее время тщательное изучение ботаники долины Амазонки было бы затруднено, если не полностью невозможно, даже если бы оно проводилось в грандиозных и дорогостоящих масштабах. На это есть несколько причин. Ее леса во многих местах абсолютно непроходимы - либо из-за густого запутанного подлеска, либо из-за влажной, губчатой природы почвы. Здесь нет дорог, по которым могла бы проехать лошадь или человек, а немногие тропы известны только дикарям, да и те не всегда могут пройти. Путешествовать можно только по воде, либо по большим рекам, либо по узким ручьям (*igaripes*) или лагунам; и такое путешествие должно быть утомительным и непрямым, дающим лишь ограниченную возможность для наблюдений. Лошадей в стране почти нет, а крупный рогатый скот встречается крайне редко - лишь в одном или двух крупных португальских поселениях на главной реке, и ягуары и кровососущие летучие мыши являются прямым препятствием для его увеличения. Вопреки общему мнению, тропический лес не является домом для крупных млекопитающих: он не является их естественной *средой обитания*, и они в нем не водятся. В лесах Амазонки обитает всего несколько видов, да и те немногочисленны. Здесь нет огромных стад, как у буйволов в прериях Северной Америки или антилоп в Африке. Только тапир достигает значительных размеров, превышающих размеры ослов, но его численность невелика. Три или четыре вида мелких оленей представляют жвачных животных, а боров Амазонки - пекари. Их насчитывается не менее трех видов. Там, где лес вдается в горные районы Перу, встречаются медведи, по крайней мере, двух видов, но не на нижних равнинах великой "Монтаньи" - под этим общим обозначением у перуанцев известны огромные просторы Амазонии. "Монтес" и "монтаньяс", буквально означающие "горы", не так понимаются среди испанских американцев. Для них "монтес" и "монтанас" - это участки лесистой местности, а долина Амазонки - это "Монтана" в *высшей степени*.

Ленивцы нескольких видов и опоссумы еще большего разнообразия встречаются по всей Монтане, но и те, и другие мало распространены по количеству особей. Аналогичное замечание относится и к муравьедам, или "муравьедам-медведям", которых здесь четыре вида: броненосцы, агути и кави, один из которых, *капибара*, является самым крупным грызуном на земле. Этот родственник ему вид, "пака", не так уж редок в отдельных экземплярах, а, напротив, появляется большими стадами на берегах рек и лагун. По всей Монтане широко распространены дикобраз, несколько видов винторогих крыс, выдра, два или три вида барсукоподобных животных (*потто* и *коатус*), "медовый медведь" (*Galera barbara*) и лисица, или дикая собака.

Повсюду обитает ягуар, как черный, так и пятнистый, а пума имеет здесь свое убежище. Более мелкие кошки, как пятнистые, так и полосатые, многочисленны, а белки нескольких видов, вместе с летучими мышами, завершают список наземных млекопитающих.

Из всех низших животных наиболее распространены обезьяны, для которых Монтана является благоприятным домом. Они изобилуют не только видами, но и количеством особей, а их повсеместное присутствие способствует оживлению леса. В долине Амазонки их насчитывается не менее тридцати видов, от "котас" и других ревунов размером с бабуина до крошечных "уиститис" и "саимирис", которые не больше белки или крысы.

Хотя мы должны признать скудость видов четвероногих обитателей Амазонки, это замечание не относится к птицам. В орнитологическом отделе естественной истории здесь существует полнота и богатство, равных которым, пожалуй, нет нигде. Самые необычные и изящные формы в сочетании с самым блестящим оперением повсюду представлены взору: попугаи и большие макаки, туканы, трогоны и танагеры, *сороки*, колибри и иволги; и даже грифы и орлы: ведь здесь обитают самые красивые хищные птицы - королевский гриф и орел-гарпия. Пернатых существ, обитающих в долинах Амазонки, насчитывается не менее тысячи видов, из которых только половина еще не поймана и не описана.

Не менее многочисленны и пресмыкающиеся - семейство змей представлено многочисленными видами, от огромного водяного удава (*анаконды*) длиной в десять ярдов до крошечной и красивой, но ядовитой *лахезис*, или коралловой змеи, толщиной не более хвостовика табачной трубки. Ящерицы имеют схожую градацию, начиная с огромного "жакара", или крокодила, нескольких видов, и заканчивая бирюзово-голубым *анолиусом*, размером не больше тритона.

Воды также богаты видами их своеобразных обитателей, среди которых наиболее примечательны и ценны *ламантины* (два или три вида), большие и малые черепахи, морские свиньи различных видов и бесконечный каталог плавников, которые часто встречаются в реках тропиков. Именно из этого источника, а не от четвероногих обитателей лесов, черпает свои запасы пищи обитатель большой Монтаны, по крайней мере ту ее часть, которую можно назвать "мясной". Если бы не *ламантины*, большие морские свиньи и другие крупные рыбы, ему часто приходилось бы "есть свой хлеб всухомятку".

И вот теперь настала его очередь "поговорить". Мне нет нужды сообщать вам, что аборигены, населяющие долину Амазонки, принадлежат к так называемой *индейской* расе, хотя их так много, что почти у каждой реки значительной величины есть свое племя. В некоторых случаях несколько племен принадлежат к одной *народности*, то есть можно обнаружить несколько из них, говорящих почти на одном языке, хотя и живущих отдельно друг от друга; и таких больших подразделений или народностей, занимающих различные районы Монтаны, несколько. Племена даже одной национальности не всегда выглядят одинаково. Есть смуглые и более светлые племена; в одних средний рост меньше, чем у европейцев, в других он равен или превышает его. Есть племена, где и мужчины, и женщины плохо сложены и некрасивы - хотя таких мало, - и есть племена, где представители обоих полов демонстрируют значительную степень личной красоты. Некоторые племена даже отличаются своей внешностью: мужчины представляют собой образцы мужественной формы, а женщины не менее привлекательны правильностью черт лица и изящной скромностью выражений, украшающих их.

Подробное описание многих особенностей, по которым многочисленные племена Амазонки отличаются друг от друга, заняло бы большой том; а в настоящем очерке, призванном охватить их всех, дать такую подробность невозможно. Да и не послужило бы это никакой цели; ведь хотя между различными племенами существует множество различий, они, как правило, не имеют большого значения и с лихвой компенсируются множеством сходств. Последние настолько многочисленны, что создают сильную *идиосинкразию* в племенах

Амазонки, которая не только дает право классифицировать их вместе с этнологической точки зрения, но и отделяет их от всех других индейцев Америки. Конечно, невлаждение лошадью - они даже не знают этого животного - сразу широко отличает их от индейцев-лошадей, как северной, так и южной частей континента.

Было бы бесполезно обсуждать вопрос о том, имеют ли индейцы Амазонии общее происхождение. Очевидно, что нет. Мы знаем, что многие из них родом из Перу и Боготы - беглецы от испанского гнета. Мы знаем, что другие мигрировали с юга - такие же беглецы от еще более жестокого и варварского господства португальцев. И все же другие были настоящими аборигенами этой земли, а если эмигрантами, то когда и откуда они пришли? Пустой вопрос, на который никогда не будет получен удовлетворительный ответ. Теперь они есть, и только в таком виде мы будем их рассматривать.

Несмотря на различные источники их происхождения, мы находим их, как я уже говорил, отмеченными определенной идиосинкразией, что, несомненно, является результатом подобных обстоятельств, которые их окружают. Одному или двум племенам, чьи привычки несколько "страннее", чем у остальных, посвящена отдельная глава; что же касается остальных, то все, что сказано об одном из них, с небольшими изменениями будет справедливо для всех племен Амазонии. Пусть будет понятно, что мы говорим только о тех, кто известен как "индиос бравос", свирепые, храбрые, дикие или необузданные индейцы - как вы можете перевести это выражение, - это выражение используется во всей Испанской Америке для обозначения тех племен или частей племен, которые отказались подчиниться испанской тирании и до сих пор сохраняют свою исконную независимость и свободу. В противоположность "индейцам-храбрецам" существуют "индейцы-мужчины", или "прирученные индейцы", которые безропотно подчинились и кресту, и мечу, и теперь наслаждаются грубой полумодернизацией под совместным протекторатом священников и солдат. Между этими двумя видами американских аборигенов существует такая же разница, как между лордом и его крепостным - истинный дикарь представляет собой первого, а полумодернизированный дикарь приближается более близко ко второму. Вмешавшийся монах потерпел полное фиаско. Его цели были чисто политическими, а результат оказался губительным для всех заинтересованных сторон; вместо того чтобы цивилизовать дикаря, он положительно деморализовал его.

Мы пишем сейчас не о его неофитах, "индейцах-мансо", а о "неверных", которые не слушали его голос и не внимали его учениям - о тех, кого никогда не удавалось привести к "звуку колокола".

Оба "вида" обитают в долине Амазонки, но в разных местах. Индейцев-мансо можно встретить по берегам главного потока, от его истоков до устья, но особенно в его верховьях, где он протекает по испанской (перуанской) территории. Там они живут в маленьких деревнях или группах хижин, управляемые монахом-миссионером с железным жезлом и выполняющие для него все обязанности рабов. Их ресурсы невелики, не сравнятся даже с ресурсами их диких, но независимых собратьев; а их обычаи и религия представляют собой смехотворную смесь дикости и цивилизации. Дальше по реке "индио мансо" - это "тапуйо", наемник португальцев, или, говоря более корректно, *раб*; ведь последние относятся к нему как к таковому, считают его таковым и, хотя закон запрещает это, часто вытаскивают его из его лесного дома и держат в пожизненной кабале. Любой человеческий закон был бы мертвой буквой среди таких белокожих, которых можно встретить на берегах Амазонки. К счастью, их совсем немного: один-два города в низовьях Амазонки и Рио-Негро, несколько жалких деревушек между ними, разбросанные по берегам *усады*, кое-где жалкие посты

"милитариусов", удостоенные названия "форт": только этим можно описать прогресс португальской цивилизации на протяжении трех столетий!

От всех этих поселений дикий индеец держится подальше. Его никогда не встретишь рядом с ними - его не видят ни путешественники, ни даже поселенцы. Вы можете спуститься по могучей Амазонке от ее истоков до устья и ни разу не встретить истинного сына леса - "индио браво". Столкнувшись лишь с неофитом испанского миссионера и скрытным *тапуио* португальского торговца, вы можете составить весьма ошибочное впечатление о характере амазонского индейца.

Где его можно увидеть? Где он живет? Какой у него дом? Какой он строит дом? Его костюм? Его оружие? Его занятие? Его привычки? Вот вопросы, которые вы хотели бы задать. На все они мы ответим, но как можно короче - ведь ограниченное пространство требует краткости.

Итак, дикого индейца не встретишь на самой Амазонке, хотя на большом протяжении реки он может свободно бродить на сотни миль без города или *эстансии*. Он охотится, иногда ловит рыбу у великой воды, но не устраивает там свое жилище, хотя в былые времена берега реки были его излюбленным местом обитания. Это было до того времени, когда Орельяна проплыл мимо двери своей "малокки" - до того мрачного часа, когда бразильский охотник за рабами оказался в водах могучего *Солимоэса*. Это последнее событие и стало причиной его исчезновения. Оно изгнало его с берегов его любимой реки-моря; заставило его снять свое жилище с наблюдения и перестроить его далеко наверху, на тех притоках, где он мог бы вести более спокойную жизнь, защищенную от торговцев человеческой плотью. Поэтому дом амазонского индейца теперь нужно искать не на самой Амазонке, а на ее притоках - "каносах" и "игарипах", каналах и лагунах, которые лабиринтом пересекают могучие леса Монтаны. Здесь он обитает, и здесь его может увидеть каждый, кто отважится навестить его в его быстром доме.

Как он живет? Есть ли что-то особенное в стиле его дома или его деревни?

Весьма своеобразно, ибо в этом отношении он отличается от всех других дикарей, о которых мы уже писали или о которых нам еще представится случай написать.

Давайте сразу же перейдем к описанию его жилища. Это не палатка, не шалаш, не хижина, не коттедж и даже не пещера! Его жилище вряд ли можно назвать домом, а его деревню - собранием домов, поскольку и дом, и деревня - это одно и то же, и оба они настолько своеобразны, что в цивилизованных странах у нас нет названия для такого строения, разве что "барак". Но даже это название дало бы лишь ошибочное представление о жилище амазонок, поэтому мы будем использовать то, под которым оно известно в "Лингоа гераль", и называть его *малокка*.

Под таким названием его дом (или скорее деревня) известен среди *тапуио* и торговцев Амазонки. Поскольку это и дом, и деревня одновременно, он должен быть большим строением; и так оно и есть, достаточно большим, чтобы вместить все племя - или, по крайней мере, ту его часть, которая выбрала для своего проживания одно конкретное место. Это собственность всей общины, построенная трудом всех и используемая как общее жилище, хотя у каждой семьи есть свой участок, специально отведенный для нее. Таким образом, становится ясно, что дикарь из Амазонии в какой-то степени является учеником социалистической школы.

У меня нет возможности подробно описывать архитектуру *малокка*. Достаточно сказать, что это огромное здание, похожее на храм, возвышающееся на деревянных стойках, настолько

ровных и прямых, что они напоминают колонны. Балки и стропила также прямые и гладкие, их удерживают на своих местах "сипос" (жесткие ползучие растения), которые оплетают стыки с аккуратностью и компактностью, не уступающей такелажу корабля. Крыша представляет собой солому из пальмовых листьев, уложенную с большой регулярностью и очень низко спускающуюся к карнизу, чтобы придать всему строению вид гигантского улья. Стены построены из расщепленных пальм или бамбука, расположенных так плотно друг к другу, что не пропускают ни пули, ни стрелы.

План представляет собой параллелограмм с полукругом на одном конце; здание достаточно большое, чтобы вместить всю общину, часто насчитывающую более ста человек. В торжественных случаях несколько соседних общин могут найти в нем достаточно места даже для танцев, и под крышей одной *малокки* нередко собираются три или четыре сотни человек.

Внутри все устроено очень интересно. В центре - широкий зал или аллея, которая тянется из конца в конец по всей длине параллелограмма, а по обе стороны от нее - ряд перегородок, отделенных друг от друга раздвоенными пальмами или тростниками, расположенными вплотную. Каждая из этих секций - жилище семьи и место хранения гамаков, глиняных горшков, чашек-калабашей, посуды, корзин, оружия и украшений, которые являются частной собственностью каждого. В зале хранится большая кухонная утварь - например, большие глиняные печи и сковороды для запекания маниоки и варки *каксира* или *чичи*. Это также нейтральная площадка, где играют дети и где танцуют по случаю больших балов и других торжественных праздников.

Общий дверной проем находится во фронтоне, его ширина составляет шесть футов, а высота - десять. Днем он остается открытым, а ночью закрывается циновкой из пальмовых волокон, подвешенной сверху. В полукруглом конце есть еще один дверной проем меньшего размера, но он предназначен для личного пользования вождя, который выделяет всю часть полукруга для себя и своей семьи.

Разумеется, выше приведены лишь общие черты *малокки*. Более конкретное описание не могло бы удовлетворить все племена Амазонки. Среди разных общин и в разных частях Монтаньи *малокка* различается по размеру, форме, и материалам, из которых она построена; есть и такие племена, которые живут в отдельных хижинах. Эти исключения, однако, немногочисленны, и в целом вышеописанный стиль проживания характерен для всей Монтаньи, от пределов Перу до берегов Атлантики. На севере и юге мы встречаем этот необычный дом-деревню, от верховьев Рио-Негро до высокогорий Бразилии.

Большинство амазонских племен занимаются сельским хозяйством и освоили искусство обработки земли еще до прихода испанцев. Однако они практикуют ее в очень ограниченных масштабах. Они выращивают немного маниока и умеют делать из него *фаринья* или *маниоковый хлеб*. Они выращивают мусас и ямс, умеют перегонять различные напитки как из подорожника, так и из нескольких видов пальм. Они умеют делать из глины гончарные изделия, придавая им различные формы, ни грубые, ни неэлегантные, а из деревьев и паразитических твинеров, которые окружают их жилища, они изготавливают бесконечное множество аккуратных орудий и утвари.

Их каноэ представляют собой полые стволы деревьев достаточно хорошей формы и прекрасно приспособлены для передвижения - почти исключительно по воде, по многочисленным *кано* и *игарипе*, которые являются дорогами и тропами их страны - зачастую такими же узкими и запутанными, как и сухопутные пути.

Индейцы тропического леса одеваются в самые легкие костюмы. Конечно, у каждого племени своя мода, но простой пояс из хлопчатобумажной ткани или внутренней коры дерева, продетый вокруг талии и между конечностями, - это все, о чем они заботятся. Это *гуаюко*. Некоторые носят юбку из древесной коры, а в торжественных случаях можно увидеть туники из перьев, а также головные уборы с плюмажем из блестящих перьев крыльев и хвоста попугаев и макак. Круги из них также украшают руки и конечности. Все племена рисуют красками, используя *анотто*, *каруто* и некоторые другие красители, которые они получают из различных видов деревьев, описанных в другом месте.

Есть одно или два племени, которые *татуируют* свои шкуры; но эта странная практика гораздо менее распространена среди американских индейцев, чем у коренных жителей тихоокеанских островов.

В изготовлении различной домашней утвари и орудий труда, а также оружия для войны и охоты многие племена амазонских индейцев проявляют изобретательность, которая сделала бы честь самым искусным ремесленникам. Гамаки, сделанные ими, вызывают восхищение повсюду; именно из долины Амазонки поступает большинство этих изделий, столь ценимых в городах испанской и португальской Америки. Их изготовлением занимаются женщины, а мужчины применяют свои механические навыки только в работе с оружием:

Гамак, "реде" или "макейра", изготавливается из веревок, полученных из молодых листьев нескольких видов пальм. Пальма *астрокариум*, или "тукум", обеспечивает этот шнур, но еще лучшее качество получается из "мирिति" (*Mauritia flexuosa*). Нераскрывшийся лист, образующий толстый заостренный столбик, растущий из кроны дерева, отрезают у основания, и, раздвинув его, ловко встряхивают, пока не выпадут нежные листочки. Лишенные внешней оболочки, они оставляют после себя тонкую ткань бледно-желтоватого цвета, которая и служит волокном для изготовления корда. После связывания в пучки это волокно оставляют на некоторое время, чтобы оно высохло, а затем скручивают, прокатывая между рукой и бедром или ляжкой. Женщины выполняют этот процесс с большой ловкостью. Взяв две нити волокна между указательным и большим пальцами левой руки, они кладут их отдельно друг от друга вдоль бедра; перекатывая вниз, они скручивают их, а затем, ловко сведя вместе, перекатывают вверх, завершая создание шнура. Пятьдесят саженой за день считается хорошим днем прядения. После этого шнуры окрашивают в разные цвета, чтобы они были более декоративными, когда их вплетают в макиру.

Изготовление этого материала очень простое. Два горизонтальных стержня располагаются на расстоянии около семи футов друг от друга, через которые шнур пропускается пятьдесят или шестьдесят раз, формируя таким образом "моток". Затем наматывают основу, завязывая узлами поперечные нити на одинаковом расстоянии друг от друга, пока их не станет достаточно. Затем вставляют два прочных шнура в места, где проходят прутья, и, крепко завязав петли, чтобы стянуть все параллельные нити вместе, вытягивают прутья, и гамак готов к использованию.

Разумеется, при изготовлении очень тонких "красных" изделий, предназначенных для продажи торговцам, много внимания уделяется выбору материала, окрашиванию шнура и плетению гамака. Иногда изготавливаются очень дорогие изделия, украшенные блестящими перьями птиц, хитроумно вплетенными в сетку и по краям.

Помимо изготовления гамака, который является универсальным диваном индейцев Амазонки, женщины также изготавливают множество красивых корзин. Материалы для них

поставляют многие виды пальм и *каламуса*, одна из лучших - пальма "Иу" (*Astrocaryum acaule*). Они также изготавливают множество орудий и утвари: одни - для выращивания подорожника, дыни и *корня маниока*, другие - для превращения последнего в любимый овощ "фаринья" (*маниока*). Индейцы поняли, как отделить ядовитый сок этого ценного корня от полезного фарна, еще до появления среди них белых людей; процесс, с помощью которого они достигают этой цели, остался неизменным до сегодняшнего дня; фактически, он почти такой же, как у испанцев и португальцев, которые просто переняли индейский метод. Работа выполняется женщинами, и выглядит она следующим образом: корни маниока приносят домой с "грядки" в корзинах, а затем моют и чистят. Чистку обычно выполняют зубами; после этого корни натирают на терке, причем терка представляет собой большую деревянную плиту длиной около трех футов, шириной в фут, немного углубленную, а полая часть покрыта острыми кусочками кварца, выложенными в виде правильных ромбов. Иногда для более дешевой терки используют воздушный корень пальмы пашиуба (*Iriartea exhorhiza*), который, будучи густо покрыт жесткими шиповидными выступами, прекрасно подходит для этой цели.

Натертую мякоть кладут сушиться на сито, сделанное из кожуры водяного растения, а затем помещают в длинную эластичную цилиндрическую корзину или сетку из коры пальмы "джаситара" (*Desmoncus macroacanthus*). Это и есть *типити*; на нижнем конце корзины есть крепкая петля, через которую продевается прочный шест; сам же *типити*, наполненный мякотью, подвешивается к ветке дерева или к прочному колышку в стене. Один конец шеста упирается в какую-нибудь выступающую точку, которая служит точкой опоры, а индианка, усевшись на другой конец, с младенцем на руках или, возможно, с какой-то работой в руках, действует как рычаг. Ее вес притягивает стороны *типити* друг к другу, пока он не принимает форму перевернутого конуса; таким образом, сок постепенно выдавливается из мякоти и падает в сосуд, расположенный внизу для его приема. Мать должна следить за тем, чтобы маленький зверь не сбежал из-под ее взгляда и не утолил жажду из сосуда внизу. Если такое случится, то через несколько минут ей придется оплакивать потерянного ребенка, поскольку сок корня маниока, наиболее культивируемого индейцами, является смертельным ядом. Это "юкка амарга", или горький маниок; "юкка дульсе", или сладкий сорт, совершенно не вреден, даже если есть его в сыром виде.

Остальная часть процесса состоит в том, чтобы поместить тертую мякоть - теперь уже достаточно сухую - на большую сковороду или в печь и подвергнуть ее действию огня. После этого ее считают достаточно хорошей для использования индейцами; но впоследствии большая ее часть готовится для торговли, под разными названиями и продается как *семонилла* (ошибочно называемая *манной крупой*), саго и даже как манная крупа.

На дне этой ядовитой ванны все это время образовывался осадок. Это *крахмал* корня маниока - *тапиока* в торговле: конечно, его не выбрасывают.

Люди тропического леса проводят свою жизнь, почти ничего не делая. Они праздны и не склонны к труду - только когда их зовет война или погоня, они на время отбрасывают свою ленивую привычку и проявляют некоторую активность.

Они охотятся с луком и стрелами, ловят рыбу с помощью гарпунного копья, сетей, а иногда отравляют воду соком виноградной лозы под названием барбаско. Мальчик-пиксель, вака-марина или ламантин - все три названия являются синонимами - одно из главных преследуемых ими животных. Все воды долины Амазонки изобилуют ламантинами, вероятно, нескольких видов, и этих крупных существ ловят гарпуном, так же как тюленей или моржей. В южноамериканских реках часто встречаются морские свиньи, а также крупные

пресноводные рыбы многочисленных видов. Дичь, на которую охотятся амазонские индейцы, едва ли можно назвать благородной. Мы видели, что крупные *млекопитающие* немногочисленны и мало распространены в тропическом лесу. За исключением ягуара и пекари, охота ограничивается мелкими четвероногими - капибарой, пакой, агути, многими видами обезьян и огромным разнообразием птиц. Обезьяна - самая распространенная дичь, которую едят не только все индейцы Амазонии, но и большинство из них считают ее самой вкусной пищей.

Для добычи дичи охотники иногда используют обычный лук и стрелы, но у большинства племен есть оружие, которое они предпочитают всем другим именно для этой цели. Это орудие смерти столь оригинально по своему характеру и столь необычно по конструкции, что заслуживает особого и подробного описания.

Оружие, о котором я говорю, - это "духовое ружье", которое сами индейцы называют "пукуна", испанцы - "гравитана", а бразильские португальцы - "цербатана".

Когда амазонский индеец хочет изготовить для себя *пукуну*, он отправляется в лес и ищет два высоких, прямых стебля пальмы "пашиуба мири" (*Iriartea setigera*). Они должны быть такой толщины, чтобы один мог поместиться внутри другого. Найдя то, что ему нужно, он срезает оба и несет их домой в свою молокку. Ни один из них не имеет таких размеров, чтобы это было невозможно или затруднительно.

Теперь он берет длинный тонкий прут, уже подготовленный для этой цели, и выталкивает им сердцевину из обоих стеблей, как это делают мальчики, когда готовят свои поп-пушки из стеблей бузины. Прут, который используется для этой цели, добывается из другого вида пальмы *Iriartea*, древесина которой очень твердая и прочная. Небольшой пучок корня папоротника, закрепленный на конце стержня, затем протягивают вперед-назад через трубки, пока они не очистятся от налипшей на них сердцевины; оба стержня полируются таким образом до гладкости слоновой кости. Ладонь меньшего диаметра, отшлифованная до нужного размера, вставляется в трубку большего диаметра, чтобы исправить кривизну, если таковая имеется; если же это не удастся, обе трубки прибиваются к какой-нибудь прямой балке или столбу, и так оставляются, пока не станут прямыми. Один конец ствола, в силу особенностей дерева, всегда меньше другого; к нему прикреплен мундштук из двух клыков пекари, чтобы концентрировать дыхание охотника, когда он дует в трубку. Другой конец - это дуло; рядом с ним, на вершине, устанавливается прицел, обычно зуб пака или другого грызуна. Этот прицел приклеивается с помощью резинки, которую дает другое тропическое дерево. Поверх снаружи, желая придать оружию декоративную отделку, мастер наматывает по спирали блестящий вьюнок, и тогда *пукуна* готова к бою.

Иногда используется только один хвостовик пальмы, и вместо того, чтобы выталкивать сердцевину, стебель разделяется на две равные части по всей длине. Затем удаляется сердцевина, и две части соединяются вместе, как две части карандаша из кедрового дерева, и плотно скрепляются сипо.

Диаметр *пукуны* обычно составляет около полутора дюймов в самом толстом конце, а отверстие примерно равно отверстию пистолета обычного калибра. Длина же оружия варьируется от восьми до двенадцати футов.

Это необычное орудие предназначено для метания не пули, а стрелы, но поскольку эта стрела совершенно не похожа на обычную, она также нуждается в описании.

Стрела для духового ружья длиной около пятнадцати или восемнадцати дюймов делается из куска расщепленного бамбука; но если удастся найти пальму "патава", это дерево дает еще лучший материал - длинные шипы, которые вырастают из оснований листьев, покрытых чехлом. Они достигают 18 дюймов в длину, черного цвета, плоские, но совершенно прямые. Если их обрезать до нужной длины - а большинство из них не обрезаются, - то с одного конца их обтачивают до острия. Это острие окунают на глубину около трех дюймов в знаменитый яд "кураре", а там, где заканчивается след от яда, делают выемку, чтобы головка легко отламывалась, когда стрела находится в ране. Возле другого конца немного мягкого пуха из шелковистого хлопка (пух *бомбакса*) скручивается в гладкую массу в форме вертушки, большим концом в сторону ближнего конца стрелы. Хлопок удерживается на месте легким наматыванием на тонкую нить или волокно *бромелии*, и масса становится достаточно большой, чтобы заполнить трубку, аккуратно вдавливая ее внутрь.

Изготовленная таким образом стрела вставляется в трубку, и всякий раз, когда дичь оказывается в пределах досягаемости, индеец прикладывает рот к нижнему концу или мундштуку и с сильным "пыхтением", которое позволяет ему практика, отправляет маленького посланника на его смертельное задание. Он может безошибочно попасть в цель на расстоянии сорока или пятидесяти шагов, но предпочитает стрелять в направлении, почти вертикальном, так как в этом случае он может быть наиболее уверенным в цели. Поскольку его обычная дичь - птицы и обезьяны - обычно сидят на ветвях высоких деревьев, их положение как раз подходит ему. Конечно, убивает их не просто рана от стрелы, а яд, который через две-три минуты после попадания в птицу или обезьяну повергает их на землю. Когда последнюю поражают, она непременно вытаскивает стрелу, но уже упомянутая насечка защищает от этого, так как малейшее нажатие отламывает головку, пораженную ядом.

Эти стрелы опасны, даже для того, кто их изготовил, чтобы играть с ними: поэтому их носят в колчане, причем с большой осторожностью, - колчан состоит либо из бамбукового косяка, либо из аккуратного плетеного футляра.

Военное оружие лесных племен - это обычный лук и стрелы, также смазанные *кураре*, и "макана", или боевая дубина, свойственная Южной Америке, сделанная из твердой тяжелой древесины пальмы *писсаба*. Только одно или два племени используют копье; и "болас", и лазо совершенно неизвестны, поскольку такое оружие невозможно найти среди лесных деревьев. Это надлежащее оружие индейца-лошади, жителя открытых равнин; но и без него для всех военных целей у лесных племен достаточно оружия, и, к сожалению, они слишком часто им пользуются.

Глава третья.

Водные жители Маракайбо.

Горы Анды, возвышающиеся на крайнем юге Южной Америки, не только простираются по всей длине этого континента, но и продолжаются через Центральную Америку и Мексику под названием "Кордильеры Сьерра-Мадре", а еще дальше на север, к берегам Ледовитого моря, под весьма неуместным названием "Скалистые горы". Не стоит думать, что эти грандиозные горы образуют одну сплошную возвышенность. Во многих местах они разветвляются на различные ветви, отбрасывая отроги, а иногда и параллельные "сьерры", между которыми

лежат широкие "валлесы", или ровные равнины большой протяженности. Именно на этих высоких плато - многие из них возвышаются на 7000 футов над морем - проживает большая часть испано-американского населения; на них же расположено большинство крупных городов испанской Южной Америки и Мексики.

Эти параллельные цепи сходятся в разных местах, образуя то, что перуанцы называют "нодас" (узлы), и, пройдя некоторое расстояние в одной большой кордильере, снова раздваиваются. Одно из самых примечательных раздвоений Анд происходит около 2-го градуса северной широты. Там гигантская сьерра разделяется на две большие ветви, образующие форму буквы Y, причем левая ветвь - это та, которую обычно считают главным продолжением этих гор через Панамский перешеек, а правая образует восточную границу великой долины реки Магдалены; затем она направляется в восточном направлении вдоль всего северного побережья Южной Америки до крайней точки мыса Пария.

Каждая из этих ветвей снова разветвляется на несколько ветвей или отрогов, - вся система образует фигуру, которая, можно сказать, имеет некоторое сходство с генеалогическим древом, содержащим родословную четырех или пяти поколений.

В данном очерке речь идет только об одном из раздвоений правой или восточной сьерры. Достигнув широты 7 градусов северной широты, эта цепь разделяется на два крыла, которые, широко расходясь на восток и запад, вновь устремляются друг к другу, словно желая вновь соединиться. Западное крыло смело движется к этому воссоединению; восточное же, поколебавшись некоторое время, как бы не зная, какой курс выбрать, резко поворачивается спиной к своему старому товарищу и направляется в восточном направлении, пока не замирает на мысе Пария.

Однако вся масса сьерры не была едина во мнении; в момент нерешительности большой отрог отделяется от основного тела и проносится вокруг, как бы для того, чтобы соединиться с левым крылом, наступающим с запада. Хотя они находятся в пределах видимости друг друга, им не дают встретиться - оба резко заканчиваются до завершения круга и образуют фигуру, очень похожую на ботинок скаковой лошади. Внутри этой извилистой границы заключена обширная долина, размером со всю Ирландию, в центральной части которой, занимая около трети всего ее протяжения, находится водная гладь, известная со времен открытия Америки как озеро *Маракайбо*.

Такое название оно получило от имени индейца казика, которого встретили на его берегах первые первооткрыватели; но хотя это озеро было известно самым ранним исследователям Нового Света, хотя оно расположено рядом со многими колониальными поселениями как на материке, так и на островах Карибского моря, само озеро и обширная территория, которая его окружает, остаются почти такими же неизвестными и туманными, как если бы они находились среди центральных пустынь Африки.

И все же долина Маракайбо - одна из самых интересных частей земного шара, интересная не только как *terra incognita*, но и благодаря разнообразному характеру ее пейзажей и продуктов. Он обладает своеобразной *фауной*, а его *флора* - одна из самых богатых в мире, не превзойденная, а возможно, и не сравнимая ни с одной другой частью торридной зоны. Чтобы перечислить все виды растительного мира, пришлось бы перечислить почти все виды, принадлежащие тропической Америке. Здесь произрастают известные лекарственные растения - сассафрас и сарсапарилла, гваяковое дерево, копайва, цинхона и куспа, или *ангостурская кора*; здесь же находятся смертельные яды *барбаско* и *мавакура*, а рядом с ними - лекарственные средства "пало сано" и *микания гуако*. Здесь также растут растения и деревья, производящие хорошо известные в торговле красители: голубое индиго, красное

арнотто, озерный чика, бразилетто и драконью кровь; и, прежде всего, леса красного, золотого и эбенового оттенков, столь ценные в глазах европейских краснодеревщиков и изготовителей музыкальных инструментов.

И все же, как ни странно, эти богатые ресурсы лежат, подобно сокровищам, зарытым в недрах земли, или драгоценным камням на дне моря, до сих пор не освоенные. Несколько небольших лесозаготовительных предприятий у входа в озеро, - то тут, то там жалкая деревушка, поддерживаемая небольшой прибрежной торговлей красителями или черенками черного дерева, - то тут, то там деревушка рыбаков, "хато" с козами и овцами, и через более широкие промежутки времени "ганадерия" с крупным рогатым скотом или плантации деревьев какао (*cocale*) - вот единственное свидетельство того, что человек утвердил свое господство над этим интересным регионом. Однако эти поселения разбросаны очень редко и сильно удалены друг от друга. Между ними простираются широкие саванны и леса, огромные пространства, не имеющие названия и даже не исследованные, - настоящая дикая местность, но дикая местность, богатая природными ресурсами.

Озеро Маракайбо часто, хотя и ошибочно, называют морским рукавом. Это описание относится только к *заливу Маракайбо*, который на самом деле является частью Карибского моря. Само озеро совсем другое, это настоящее пресноводное озеро, отделенное от залива узкой горловиной или проливом. В пределах этого пролива, называемого "бока", или устье, соленая вода не распространяется, за исключением очень высоких приливов или длительных *северных* ветров, которые приводят к тому, что морская вода поднимается в озеро и придает некоторым его участкам соленый или солоноватый вкус. Однако это происходит лишь изредка и на время; воды озера, снабжаемые сотней ручьев из подковообразной сьерры, которая его окружает, вскоре возвращаются к своему нормальному характеру свежести.

Форма озера Маракайбо заслуживает внимания. Основная часть его поверхности имеет овальные очертания, - более длинный диаметр идет на север и юг, - но в связи с проливами, которые сообщаются с внешним заливом, оно принимает форму, несколько напоминающую еврейскую арфу, или, скорее, разновидность гитары, наиболее распространенную среди испанских американцев и известную под названием "мандолина" (или "бандолон"). С этим инструментом туземцы иногда сравнивают его.

Еще одна особенность озера Маракайбо - крайнее обмеление воды у его берегов. В средней части оно достаточно глубокое, но во многих местах вдоль берега человек может зайти в воду на несколько миль, не выходя за пределы своей глубины. Эта особенность обусловлена особенностями формирования долины, в которой он расположен. Лишь несколько отрогов окружающих ее сьерр подходят к краю озера. В целом же от оснований гор суша склоняется с очень пологим уклоном - настолько пологим, что кажется совершенно горизонтальной равниной, - и это продолжается на большом протяжении под поверхностью воды. Однако, как ни странно, после удаления от берега отмель заканчивается так же резко, как уступ скалы, и наступает почти непостижимая глубина, как будто центральная часть озера представляет собой обширное субаквальное ущелье, ограниченное с обеих сторон обрывистыми скалами. Так оно и есть на самом деле.

В озере Маракайбо наблюдается необычное явление, которое со времен Колумба озадачивает не только любопытных, но и ученых, которые безуспешно пытаются его объяснить. Это явление заключается в появлении удивительного света, который проявляется в середине ночи и в определенной части озера, недалеко от его южной оконечности. Этот

свет имеет некоторое сходство с *ignis fatuus* наших болот; скорее всего, это фосфоресценция аналогичной природы, хотя и в гораздо больших масштабах, поскольку она видна на огромном расстоянии по открытой воде. Поскольку он виден повсеместно в одном и том же направлении и кажется неподвижным в одном месте, он служит маяком для рыбаков и торговцев красильным деревом, которые плавают по водам озера, - его долгота точно соответствует долготе пролива, ведущего к заливу. Суда, сбившиеся с курса, часто ориентируются по загадочному "Фарол де Маракайбо" (Фонарь Маракайбо), ведь именно под таким названием этот природный маяк известен мореплавателям озера.

Для объяснения этого необычного явления были предложены различные объяснения, но ни одно из них, похоже, не объясняет его удовлетворительным образом. По-видимому, оно порождается выдохами, которые исходят из обширной болотистой местности, лежащей вокруг устья реки Зулия, и над которой оно повсеместно проявляется. Атмосфера в этом районе обычно горячее, чем в других местах, и, как предполагается, сильно заряжена электричеством; но каким бы ни был химический процесс, вызывающий иллюминацию, он действует совершенно бесшумно. Никто никогда не наблюдал ни взрыва, ни малейшего звука, связанного с его возникновением.

Из всех идей, возникающих при упоминании озера Маракайбо, пожалуй, ни одна не является столь интересной, как та, что связана с его коренными жителями, чьи своеобразные привычки и образ жизни не только поразили первых мореплавателей, но и в конечном итоге дали название самому озеру и обширной провинции, в которой оно расположено. Когда испанские первооткрыватели, обогнув берега залива, подошли к входу в озеро Маракайбо, они, к своему изумлению, увидели не только отдельные дома, но и целые деревни, которые, казалось, плыли по воде! Подойдя ближе, они увидели, что эти дома подняты на несколько футов над поверхностью и поддерживаются столбами или сваями, вбитыми в ил на дне. Эти *сверхводные* жилища навели их на мысль о Венеции - городе, построенном на море, к которому они давно привыкли; и побережье сразу же получило название *Венесуэла* (Маленькая Венеция), а затем и вся провинция, известная сегодня как Республика Венесуэла.

Хотя замеченные тогда "водные деревни" давно исчезли, в самом озере Маракайбо было обнаружено множество других подобных поселений, некоторые из которых существуют и по сей день. Помимо отдельных жилищ, расположенных в бухте или "лагуне", до сих пор существуют четыре основные деревни, построенные по этому плану, каждая из которых содержит от пятидесяти до ста жилищ. Жители некоторых из этих деревень были "христианизированы", то есть подчинились учению испанских миссионеров; одна из них, в частности, отличается тем, что в ее центре находится маленькая церковь - обычная *водяная* церковь, построенная на сваях, как и остальные дома, и отличающаяся от обычных жилищ только тем, что она больше и выполнена в несколько более претенциозном стиле. С колокольни этого диковинного церковного сооружения утром и вечером можно услышать звон латунного колокола, звонящего "орасион" и "вечерню" и возвещающего над широкими водами озера, что власть испанского монаха заменила власть касика среди индейцев озера Маракайбо. Однако крест распространил свое завоевание не на все берега озера. Вдоль западного берега бродит свирепый непокоренный гоахино, который, будучи настоящим воином, все еще сохраняет свою независимость и даже посягает на узурпированные владения монаха и "милитария".

Водный житель, однако, хотя и состоит в родстве с гоаджино, сильно отличается от него как по нраву, так и по образу жизни. Он вообще человек мира, и его можно назвать почти цивилизованным существом, то есть он следует регулярному промышленному призванию,

благодаря которому и выживает. Это призвание рыбака, и ни в одной части света он не мог бы следовать ему с большей уверенностью в успехе, поскольку воды, окружающие его жилище, буквально кишат рыбой.

Озеро Маракайбо давно известно как место обитания многочисленных и ценных видов рыб, в ловле которых индейский рыбак находит себе широкое занятие. Временами он занимается ловлей рыбы, как мы увидим далее, а также иногда, хотя и реже, охотой, отыскивая дичь в густых лесах или в зеленых саваннах, которые окружают озеро или окаймляют берега многочисленных "риачос" (ручьев), впадающих в него. По саванне бродит грациозный робук и "венадо", или южноамериканский олень, а по берегам рек бродят капибара и выносливый тапир, которых не беспокоят только их свирепые кошачьи враги - пума и пятнистый ягуар.

Но охотничьи экскурсии не являются привычкой водного индейца, чье призвание, как уже отмечалось, в основном рыбак и "птицелов", и чье пропитание в основном получают от двух видов *водных обитателей*, как и он сам - один с плавниками, живущий под поверхностью, и называемый *рыбой*; другой с крыльями, обычно отдыхающий *на* поверхности, и известный как *птица*. Эти два существа, очень разных видов, составляют основную и повседневную пищу индейцев Маракайбо.

Рассказывая о его привычках, мы начнем с описания способа, которым он строит свое необычное жилище.

Как и другие строители, он начинает с выбора места. Это должно быть место, где вода не имеет большой глубины; и чем дальше от берега он сможет найти мелкое место, тем лучше для его цели, поскольку у него есть веская причина желать удалиться от берега, как мы увидим в ближайшее время. Иногда попадаетесь нечто вроде подводного острова или возвышенной песчаной отмели, которые дают ему именно то место, которое он ищет. После того как он выбрал место, его следующей заботой становится добыча определенного количества стволов деревьев нужной длины и толщины для изготовления "свай". Не всякая древесина подойдет для этой цели, так как не так много сортов, которые могли бы долго противостоять гниению и изнашиванию водными насекомыми, которыми изобилует озеро. Кроме того, строительство одного из этих водных домов, даже если это всего лишь грубая хижина, требует много времени и труда, поэтому желательно сделать его как можно более долговечным. Поэтому к выбору древесины для "свай" подходят с особой тщательностью.

Но так получилось, что в лесах вокруг озера можно найти именно такую древесину - дерево, известное *испанцам* как "вера", "пало сано", а *туземцам* как "гуаяк". Это один из зигифилов рода *Guaiacum*, в котором существует множество видов, называемых "железное дерево" или "лигнум-витае"; но речь идет о *дереве* лигнум-витае (*Guaiacum arboreum*), достигающем высоты 100 футов, с прекрасной зонтикообразной головой и ярко-оранжевыми цветами. Его древесина настолько тверда, что из нее можно сделать острие топора, а туземцы верят, что если закопать его на достаточное время под землю, то он превратится в железо! Хотя это поверье не совсем верно в отношении *железа*, оно не настолько преувеличено, как можно было бы предположить. Пал де фиерро", когда его закапывают в почву Маракайбо или погружают в воды озера, на самом деле претерпевает подобную метаморфозу; другими словами, он превращается в камень; окаменевшие стволы этого дерева часто встречаются на берегах озера. Что еще более необычно - сваи водяных домов часто окаменевают, так что жилище опирается уже не на деревянные столбы, а на настоящие каменные колонны!

Зная все это по опыту, индеец выбирает гуаяк для своих стоек, обрезает их нужной длины, а затем, спустив их на воду, переносит к месту своего жилища и закрепляет на месте.

На этом месте возводится платформа из расщепленных досок какой-нибудь менее прочной древесины, обычно "сеiba", или "шелково-хлопковое дерево" (*Bombax seiba*), или "cedro negro" (*Cedrela odorata*) из порядка *Meliaceae*. Оба вида в изобилии растут на берегах озера, а огромные стволы первого используются водными индейцами для строительства каноэ.

Платформа, или пол, находится на высоте двух-трех футов над поверхностью воды, остается только возвести стены и накрыть их крышей. Первые делаются из самых простых материалов - легких саженьцев или бамбуковых жердей, - обычно оставляемых открытыми в промежутках. Здесь не бывает зимы и холодов, зачем же делать стены толстыми? Однако в определенное время года бывают сильные дожди, и от них нужно защищаться, но это несложно, так как широкие листья "энеа" и "вихай" (вид *геликони*) служат для крыши не хуже черепицы, шифера или плитняка. Природа в этих краях щедра и обеспечивает своих людей всем необходимым. Даже веревки и шнуры она предоставляет для скрепления балок, брусьев и стропил, а также для удержания соломы против самых яростных атак ветра. Многочисленные виды ползучих и вьющихся растений ("лианы" или "сипо") прекрасно подходят для этой цели. Их применяют в зеленом состоянии, а когда они сжимаются в результате эксикации, то притягивают бревна так плотно друг к другу, как будто их удерживают железные шипы. Именно таким образом и из таких материалов строит свой дом водяной индеец.

Почему он обитает в таком необычном жилище - вопрос, требующий ответа. Если рядом находится *твердая земля*, одинаково удобная для всех целей его призвания, почему бы ему не построить свою хижину там? Ведь тогда к ней будет гораздо легче добраться как по суше, так и по воде, тогда как в нынешнем положении он не может ни уйти от дома, ни вернуться к нему без помощи своего "периагуа" (каноэ). Кроме того, построив дом на берегу или на опушке леса, он избавит себя от необходимости переносить тяжелые сваи и устанавливать их на место - работа, как уже говорилось, не из простых. Для того ли, чтобы обезопасить себя от врагов, - ведь именно это иногда заставляет людей искать необычные места для своих жилищ? Нет; у индейцев Маракайбо, как и у всех других людей, есть свои враги, но ни один из них не заставил его принять этот странный обычай. Другие враги? Дикие звери? Может быть, страшный ягуар? Нет, ничего подобного. И все же на самом деле именно живое существо побудило его к этому средству, заставило его бежать с материка и укрыться в воде, чтобы защититься от его нападения, - существо столь малых размеров и, по-видимому, столь презренное по своей силе, что вы, несомненно, улыбнетесь при мысли о том, что оно может обратить в бегство сильного человека, - маленькое насекомое размером с английскую мошку, не больше, но столь грозное благодаря своему ядовитому укусу и мириадам особей, что сделало многие участки берегов озера Маракайбо совершенно непригодными для жизни. Вы, несомненно, догадываетесь, о каком насекомом я говорю? Вы не можете не узнать в нем *комара*? Именно так; я имею в виду именно комара, и ни в одной части Южной Америки эти насекомые не встречаются в большем количестве, и нигде они не бывают более кровожадными, чем на границах этого великого пресноводного моря. Не только один вид комаров, но и все их разновидности, известные как "jejens", "zancudos" и "tempraneros", обитают здесь в несметных количествах, каждый вид появляется в определенный час дня или ночи, "вставая на стражу" (как говорят о них преследуемые туземцы) по очереди и давая лишь короткие промежутки передышки от своих жестоких атак.

Так уж сложилось, что, хотя различные виды комаров являются порождениями болотистой или водной местности и редко встречаются там, где почва высокая и сухая, они так же редко совершают свои вылазки вдаль от суши. Им нравится жить под сенью листьев или в траве, растениях или деревьях, среди которых они вылупились. Они не отходят далеко от берега, и только когда их несет ветерок, они вылетают на открытую воду. Нужно ли говорить больше?

Теперь у вас есть объяснение, почему индейцы Маракайбо строят свои жилища у воды. Просто чтобы спастись от "плага де москас" (вредителя мух).

Как и большинство других индейцев тропической Америки, а некоторые даже более холодных широт, жители Маракайбо ходят голыми, надевая только *гуаюэо*, или "поясной ремень". Однако те из них, кто подчинился власти монахов, приняли несколько более скромную одежду, состоящую из небольшого фартука из хлопка или пальмового волокна, подвешенного на талии и доходящего до колен.

Мы уже говорили, что индеец, живущий в воде, - рыбак, и что воды озера поставляют ему множество видов рыбы отличного качества. Рассказ о них, а также о методах их ловли может оказаться небезынтересным.

Во-первых, это рыба, известная как "лиза", разновидность конька. Она имеет блестящий серебристый оттенок с голубоватыми вкраплениями. Это небольшая рыба, всего около фута в длину, но она отлично подходит для употребления в пищу и, будучи сохраненной путем сушки, является предметом торговли с западноиндийскими островами. На побережьях Куманы и Магариты много людей занимаются ловлей *лизы*; но хотя лиза в действительности является морской рыбой, она в изобилии водится в пресных водах Маракайбо и также является объектом промышленного промысла. Обычно ее ловят неводами, сделанными из волокон *алоз кокуи* (*агавы кокуи*) или из шнуров, полученных из нераспустившихся листочков пальмы мориче (*Mauritia flexuosa*), оба этих полезных растительных продукта являются коренными жителями этого региона. Икра лизы, высушенная на солнце, высоко ценится и попадает в торговые каналы.

Еще более деликатной рыбой является "парго". Она белого цвета с розовым оттенком, и их также вылавливают в огромных количествах. Так же как и "донцелла", один из самых красивых видов, о чем свидетельствует его красивое название "донцелла" (юная дева). Этих рыб так много в некоторых частях озера, что один из его заливов получил название *Лагуна-де-Донселла*.

Большая, уродливая рыба, называемая "вагре", с огромной головой и широким ртом, из которого с каждой стороны тянется бородавчатый отросток, также является объектом преследования индейцев. Его обычно поражают копьем или убивают стрелами, когда он показывается у поверхности воды. Еще одно чудовищное существо почти круглой формы и диаметром в три фута - "каритэ", которого подобным образом убивают гарпуном.

Кроме них, есть еще "вигита", или "рыба-старуха", которая сама питается более мелкими существами из племени плавников, и особенно мелкими видами панцирных рыб. Свое странное название она получила благодаря необычному звуку, который она издает и который напоминает голос старухи, ослабевшей от старости.

Дорадо, или позолоченная рыба, названная так из-за своего красивого цвета, ловится на крючок, на котором нет никакой другой наживки, кроме кусочка белой тряпки. Однако ее нужно постоянно держать в движении, и приманка воспроизводится простым гребком каное по поверхности озера, пока дорадо, привлеченный белым метеором, не пойдет по его следу и в конце концов не попадется на крючок.

Водные индейцы ловят и многие другие виды рыб, например, лебраншу, которая собирается в большие "школы" и размножается в лагунах и вверх по рекам, гуабину и несколько видов сардин, которые попадают в жестяные коробки в Европе; ведь рыбак из Маракайбо не довольствуется исключительно рыбной диетой. Он любит немного "касавы", или маисового

хлеба, вместе с ней; кроме того, у него есть несколько других потребностей, которые нужно удовлетворить, и эти средства он легко получает в обмен на излишки продукции своих сетей, гарпунов и стрел.

Мы уже говорили, что он занимается ловлей рыбы. В определенные сезоны года это, по сути, его занятие. Сезон ловли - это период северной зимы, когда перелетные водные птицы спускаются из бореальных районов Земли Принца Руперта, чтобы понежиться в более приятных водах озера Маракайбо. Там они собираются в большие стаи, омрачая воздух своими мириадами, то порхая над озером, то, наоборот, сидя на его поверхности безмолвно и неподвижно. Однако, несмотря на свою многочисленность, они слишком пугливы, чтобы подойти к ним достаточно близко, чтобы "пронести" индейскую стрелу или ружье; и если бы не хитрая уловка, которую индейцы используют для их поимки, они могли бы снова вернуться в свои северные места обитания, не упустив ни одного человека из своего "графа".

Но им не позволили уйти невредимыми. За время пребывания в пределах озера Маракайбо их легионы значительно поредели, и тысячам из них, осевшим на его манящих водах, суждено больше никогда не взлететь на крыло.

Для их поимки индейский фоулер, как уже говорилось, использует весьма изобретательную хитрость. Нечто подобное описано и в других частях света, но нигде она не доведена до такого совершенства, как на озере Маракайбо.

Сначала охотник снабжает себя несколькими большими тыквами круглой формы, каждая из которых не меньше его собственного черепа. Их легко добыть либо из травянистого кабачка (*Cucurbita lagenaris*), либо из калабаша (*Crescentia cujete*), которые в изобилии растут на берегах озера. Наполнив ими свою периагуа, он выходит в открытую воду на определенное расстояние от суши или от своего жилища. Это расстояние регулируется несколькими соображениями. Он должен добраться до места, которое в любое время суток не боятся посещать утки и другие водоплавающие птицы; с другой стороны, он не должен заходить на такую глубину, чтобы вода была выше его подбородка, когда он переходит ее вброд. Последнее соображение не так важно, поскольку водный индеец может плавать почти так же хорошо, как утка, и нырять, как утка, если понадобится; но оно связано с другим вопросом, имеющим большее значение, - удобством расположения птиц как можно ближе, чтобы избавить его от слишком долгого и утомительного "блуждания". Необходимо, чтобы они находились так близко, чтобы в любое время они были у него на виду.

Найдя подходящее место, что позволяет сделать обширная отмель (о которой уже говорилось), он приступает к осуществлению своего замысла, опуская тыкву то здесь, то там, пока большое пространство поверхности не будет покрыто этими плавающими ракушками. К каждой тыкве с помощью веревки прикреплен камень, который, упираясь в дно, ставит буй на якорь и не дает ему дрейфовать в глубину или быть полностью унесенным.

Когда все приманки расставлены, индеец возвращается на веслах к своему жилищу на платформе и там с настороженным видом ждет результатов. Поначалу птицы пугливо относятся к этим круглым желтым предметам, вторгшимся в их владения; но, по прошествии нескольких часов, не видя в них ничего плохого, они набираются смелости и решаются подойти. Движимые инстинктивным любопытством, присущим каждому существу, они постепенно приближаются все ближе и ближе, пока, наконец, не решаются войти в окружение странных объектов и тщательно их изучить. И хотя они не могут понять, для чего все это предназначено, они не видят ничего плохого в желтых шарообразных штуках, которые только покачиваются, но не пытаются причинить им никакого вреда. Удовлетворив таким образом свое любопытство, они вскоре утихают, и птицы, больше не рассматривая

плавающие раковины как объект подозрений, свободно плавают среди них или спокойно сидят на воде бок о бок с ними.

Но вот наступил момент, когда индейцу необходимо действовать, и он быстро снаряжается. Сначала он обвязывает вокруг талии крепкую веревку, к которой привязано множество коротких веревок или шнуров. Затем он натягивает на голову большую тыквенную раковину, которая, довольно плотно прилегая, закрывает весь череп, доходя до шеи. Эта раковина точно такая же, как и другие, уже плавающие на воде, за исключением того, что с одной стороны у нее есть три отверстия: два на одном уровне с глазами индейца, а третье напротив его рта, предназначенное для дыхания.

Теперь он готов к работе; таким странным образом экипированный, он тихо сползает со своей платформы и, лежа вдоль воды, осторожно плывет в направлении уток.

Он плывет только там, где вода слишком мелкая и не позволяет ему приседать под поверхностью; ведь если бы он стоял прямо и плыл, - даже если бы он был еще далеко от них, - у пугливых птиц могли бы возникнуть подозрения относительно его последующих приближений.

Когда он достигает места, где озеро достаточно глубокое, он встает на ноги и переходит вброд, держа плечи ниже поверхности. Он продвигается очень медленно и осторожно, едва ли поднимая рябь на поверхности спокойного озера, и чем ближе к намеченным жертвам, тем осторожнее.

Ничего не подозревающие птицы наблюдают за приближением разрушителя, не испытывая ни малейшего чувства опасности. Им кажется, что новый гость - это всего лишь еще один из тех неодушевленных предметов, которые находятся рядом с ними, - еще одна тыквенная скорлупа, дрейфующая по воде, чтобы присоединиться к своим товарищам. Они не подозревают, что в этой деревянной подделке, подобно коню Трои, обитает страшный враг.

Бедняжки! Как они могли? Столь хорошо продуманная хитрость могла бы обмануть и более рациональные умы, чем их; и, в самом деле, не имея представления об опасности, они, возможно, даже не потрудились заметить новое прибытие.

Тем временем тыква бесшумно всплывает в их среду, и видно, как она приближается к странным людям, сначала к одному, а потом к другому, как будто у нее есть какое-то особое дело к каждому из них. Дело это, по-видимому, носит весьма загадочный характер и в каждом случае резко завершается тем, что утка внезапно ныряет под воду - не головой вперед, как это обычно бывает, а наоборот, как бы толкаясь вниз ногами, причем так стремительно, что существо не успевает произнести ни одного "кря".

После того как довольно много особей исчезло таким загадочным образом, остальные иногда начинают подозревать движущийся калабаш и либо взлетают на крыло, либо уплывают в менее опасное место; но если тыква выполняет свою функцию умело, то ее можно увидеть несколько раз проходящей туда-сюда между птицами и водной деревней, прежде чем произойдет это событие. На каждом обратном пути, когда она удаляется от стаи и приближается к жилищам, можно увидеть, как она поднимается высоко над поверхностью воды. Тогда становится ясно, что она покрывает череп дикаря медного цвета, вокруг бедер которого можно заметить двойной ярус мертвых уток, свисающих за шеи с веревки на поясе и образующих нечто вроде плюмажной юбки, тяжесть которой почти тащит ее обладателя обратно в воду.

Разумеется, за поимкой следует пиршество, и в сезон ловли индейцы Маракайбо наслаждаются жареной уткой по своему усмотрению. Он не особо беспокоится о зеленом горошке и не требует, чтобы его утку фаршировали шалфеем и луком; но острая приправа из красного перца - один из обязательных ингредиентов южноамериканской *кухни*; ее он обычно получает с небольшого участка стручкового перца, который выращивает на соседнем берегу; а если у него нет земли, он приобретает ее по бартеру, обменивая свою птицу или рыбу на нее и немного маисовой или маниоковой муки, поставляемой торговцами с побережья.

Индейцы Маракайбо не чужды коммерции. Он был "христианизирован" - если воспользоваться фразеологией его священника-прозелитария, - и это познакомило его с новыми потребностями и нуждами. Расходы, которые в его прежнем языческом состоянии были ему совершенно незнакомы, теперь стали необходимыми, и для их удовлетворения требуются коммерческие усилия. Церковь должна получать свои взносы. Такие роскошные вещи, как крещение, венчание и погребение, нельзя получить без затрат, и падре тщательно следит за тем, чтобы ни одна из них не досталась даром. Он внушил своему прозелиту, что, если все эти обряды не будут официально выполнены, у него не останется ни малейшего шанса на том свете; и под влиянием этого заблуждения простой дикарь с готовностью отдает десятую, пятую, а может быть, правильнее будет сказать, всю свою долю. Между платой за крещение и погребение, мульками за исполнение брачного обряда, взносами на шоу и церемонии *días de fiesta*, экстравагантными ценами на благословенные четки, свинцовые распятия и изображения святых покровителей, бедный христианизированный индеец вынужден расстаться почти со всем своим скромным достоянием; и страх, что после смерти он не сможет оплатить христианское погребение, часто является одной из мук его жизни.

Поэтому, чтобы удовлетворить многочисленные требования церкви, он вынужден немного заняться коммерцией. Для водного жителя Маракайбо рыба является одним из основных предметов экспортной торговли, разумеется, в консервированном виде, поскольку он слишком удален от крупных городов и метрополий, чтобы иметь возможность продавать ее в свежем виде. Однако он знает, как их лечить, - для этого он сушит их на солнце и коптит, - и, подготовленные таким образом, они попадают к торговцу, который развозит их по всей Вест-Индии, где вместе с вареным рисом они составляют основную пищу тысяч темнокожих детей Эфиопии.

У индейцев Маракайбо, однако, есть еще один ресурс, который время от времени снабжает его предметами коммерческого экспорта. В его стране, то есть на прилегающих берегах озера, производят лучший *каучук*. Там в изобилии произрастает индийское каучуковое дерево нескольких видов, а настоящая "серинга", дающая самый лучший и самый ценный вид этого клейкого сока, нигде не встречается в таком совершенстве, как в лесах Маракайбо. Торговый каучук получают из многих других частей Америки, а также из других тропических стран; но поскольку многие бутылки и обувь, столь известные в магазинах индийской резины, производятся индейцами Маракайбо, мы не найдем более подходящего места, чтобы рассказать об этом необычном продукте и способе, которым его готовят для целей торговли и производства.

Как уже упоминалось, индийскую резину получают из многих видов деревьев, большинство из которых относится к порядку "Морады" или к *Euphorbiaceae*. Некоторые из них являются видами *фикуса*, но и роды, и виды слишком многочисленны, чтобы приводить их здесь. То, что поставляет "бутылочную индийскую резину", является эуфорбиевым растением - упомянутой выше *серингой*, - чье правильное ботаническое название - *Siphonia elastica*. Это высокое, прямое, гладкоствольное дерево со стволом около фута в диаметре, но в

благоприятных условиях достигающее гораздо больших размеров. Процесс добычи сока, из которого изготавливают каучуковое дерево, имеет некоторое сходство со сбором сахарного клена в лесах севера.

Маленьким топориком или томагавком индеец прорезает в коре щель и вставляет в нее небольшой клин из дерева, чтобы стороны не расходились. Прямо под прорехой он закрепляет небольшой глиняный сосуд в форме чашки, причем глина еще находится в пластичном состоянии, так что ее можно плотно прикрепить к коре. В этот сосуд вскоре начинает стекать похожий на молоко сок *серинги*, и так продолжается до тех пор, пока не наберется примерно пятая часть пинты. Однако это не весь урожай дерева, а только одна рана; обычно на одном и том же стволе открывают множество отверстий, или "кранов", каждый из которых снабжен своей чашей или приемником. Через четыре-шесть часов сок перестает течь.

Затем чашки отсоединяют от дерева, а их содержимое, перелитое в большой глиняный сосуд, несут к месту, где будет происходить процесс изготовления каучука, - обычно это сухое открытое место посреди леса, где для этой цели был разбит временный лагерь.

Если жилище индейца находится на расстоянии от места произрастания индийского каучукового дерева, как в случае с жителями озера Маракайбо, транспортировать сок туда не стоит. Не должно быть никаких задержек после наполнения чашек, и процесс изготовления должен начаться сразу же, или как только млечный сок начнет сворачиваться, что происходит практически мгновенно.

Прежде чем добраться до своего лагеря, "серингера" запасается большим количеством пальмовых орехов, с помощью которых он собирается развести огонь для копчения каучука. Эти орехи - плоды нескольких видов пальм, но самые лучшие - плоды двух великолепных видов: "инаха" (*Maximiliana regia*) и "урукури" (*Attalea excelsa*).

Из этих орехов разжигают костер, а глиняный горшок с отверстием в дне ставят над кучей горлышком вниз. Через отверстие теперь поднимается сильный едкий дым.

Если речь идет об обуви, то уже готовится глиняная колодка, из верха которой торчит палочка, служащая ручкой, пока идет работа. Взяв палочку в руку, серингера слегка окунает колодку в молоко или осторожно наливает жидкость в чашку, чтобы равномерно покрыть всю поверхность; затем, держа ее над дымом, он продолжает поворачивать ее, пока жидкость не станет сухой и клейкой. Затем он снова окунает ботинок в дым и продолжает окуливание, и так продолжается до тех пор, пока сорок или пятьдесят различных слоев не приведут бока и подошвы обуви к нужной толщине. Подошва, требующая большего веса, конечно, подвергается более частому окуливанию, чем "верхняя кожа".

Весь процесс изготовления обуви не занимает и получаса, но после этого она должна получить еще некоторое внимание в виде орнамента; линии и фигуры еще должны быть выполнены, и это делается примерно через два дня после процесса копчения. Они просто прорисовываются куском гладкой проволоки, а чаще - корешком какого-нибудь дерева, например, колючим острием листа *бромелии*.

Примерно через неделю обувь готова к снятию с последней, что достигается за счет и за счет полного разрушения последней, которая разбивается на фрагменты, а затем вычищается. Для размягчения колодки иногда используют воду, а внутреннюю поверхность обуви моют после того, как из нее вынули глину.

Бутылки делаются точно так же - круглый шар или другая глиняная масса, имеющая форму, служит формой для их изготовления. Чтобы извлечь форму из узкого горлышка бутылки, требуется немного больше усилий.

Следует отметить, что не дым пальмовых орехов придает индийской резине ее особый темный цвет, а эффект старения. В свежем виде она имеет беловатый или кремовый цвет, а темный оттенок приобретает только после длительного хранения.

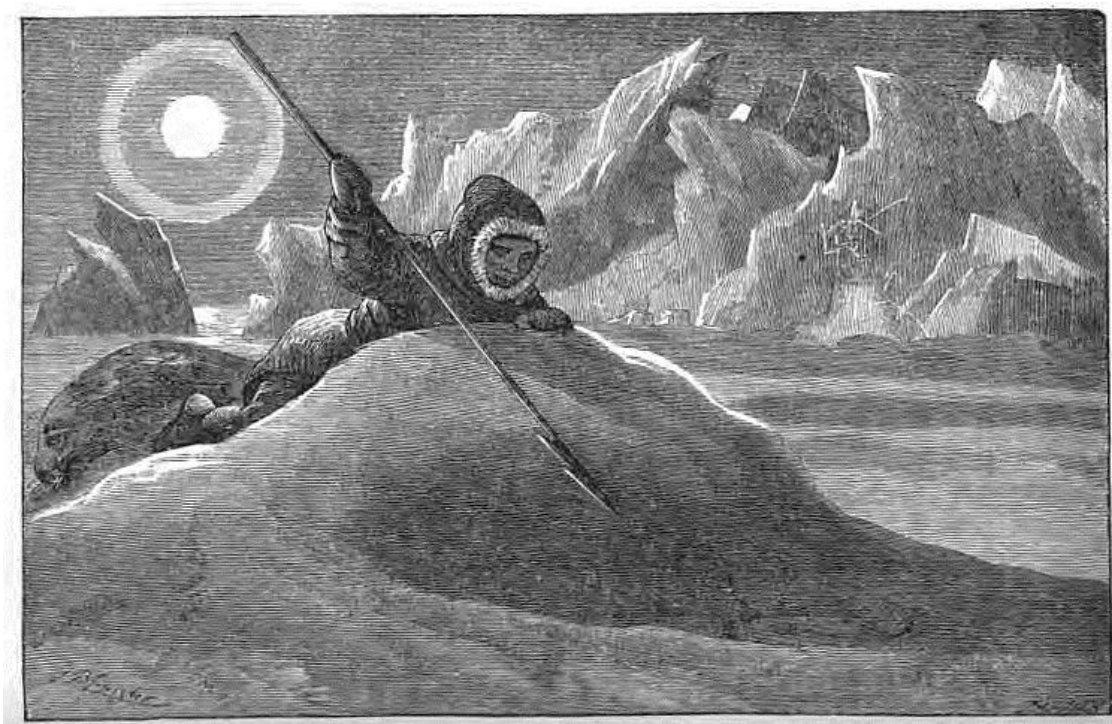
Мы могли бы добавить много других подробностей о том, как индеец из Маракайбо проводит свое время, но, пожалуй, уже сказано достаточно, чтобы показать, что его существование в целом является *странным*.

Глава четвертая.

Эскимосы.

Эскимосы - это, безусловно, "странный народ", возможно, самый странный на земле. Своеобразие регионов, в которых они обитают, естественным образом обусловило формирование у них системы привычек и образа жизни, отличных от привычек и образа жизни любого другого народа на земном шаре; а из-за удаленности и труднодоступности стран, в которых они живут, они не только остались несмешанным народом, но и почти не изменились в своих обычаях и нравах за тот долгий период, когда они впервые были известны цивилизованным народам.

Народ эскимосов давно известен, и его привычки часто описываются. Первые сведения о них мы получили из Гренландии, ведь коренные жители Гренландии - настоящие эскимосы, а сотни лет назад о них поведали миру датские колонисты и миссионеры, а также китобой, посещавшие берега этой негостеприимной земли. В более поздние времена они стали известны нам благодаря исследователям Арктики и китобоям, которые прошли через лабиринт ледяных островов, простирающихся на север от континента Америка. Эскимосы могут похвастаться тем, что обладают самой длинной страной в мире. В первую очередь им принадлежит Гренландия, а также западные берега Баффинова залива. В Северной Америке их территория начинается у пролива Белль-Айл, который отделяет Ньюфаундленд от Лабрадора, и далее простирается по всему побережью Северного Ледовитого океана, не только до пролива Беринга, но и за ним, вокруг тихоокеанского побережья Русской Америки, вплоть до великой горы Святого Ильи. Через пролив Беринга они занимают часть азиатского побережья под именем чутских, а некоторые острова в северном углу Тихого океана также населены этими людьми, хотя и под другим именем. Кроме того, многочисленные ледяные острова, лежащие между Северной Америкой и полюсом, либо заселены, либо посещаются эскимосами до самой высокой точки, до которой еще не дошли открытия.

Не приходится сомневаться, что лапландцы Северной Европы, самоеды и другие прибрежные народы, живущие вдоль сибирских берегов, являются родственными расами эскимосов; принимая такую точку зрения на вопрос, можно сказать, что последние занимают всю линию побережья обоих континентов, обращенную на север; Иными словами, их страна простирается вокруг земного шара - хотя нельзя сказать (как часто хвастливо заявляют о Британской империи), что "солнце на ней никогда не заходит"; ведь над "империей" эскимосов солнце не только заходит, но и остается вне поля зрения по несколько месяцев подряд.

Однако не принято относить лапландцев и *азиатские арктические* народы к эскимосам. Есть несколько существенных различий, и то, что здесь говорится об эскимосах, относится только к тем, кто населяет северные побережья и острова Америки, и к коренным жителям Гренландии.

Несмотря на огромную протяженность обозначенной таким образом территории, несмотря на малочисленность населения эскимосов и огромные расстояния, на которые одно маленькое племя или община отделены от другого, абсолютное сходство их привычек, физического и интеллектуального развития, а главное - языка, неопровержимо доказывает, что все они изначально принадлежат к одной и той же расе.

Поэтому все, что можно сказать о "шеллинге", или коренном жителе Гренландии, будет в равной степени применимо к эскимосам Лабрадора, эскимосам реки Маккензи или пролива Беринга, или, добавим, к жителям острова Хадиаг или туски противоположного азиатского побережья; всегда принимая во внимание различия в костюме, диалекте, образе жизни и т. д., которые могут быть вызваны различными обстоятельствами, в которых они находятся. Однако во всем этом они удивительно похожи: их одежда, оружие, лодки, дома и домашняя утварь почти одинаковы по материалу и конструкции от Восточной Гренландии до Чукотского Носа.

Если их страна самая длинная в мире, то она и *самая узкая*. Конечно, если принять во внимание крупные острова, густо усыпанные Северный Ледовитый океан, ее можно считать достаточно широкой; но я говорю скорее о территории, которой они владеют на

континентах. Ее можно рассматривать как простую полосу, повторяющую очертания побережья и никогда не выходящую за пределы расстояния, равного дню пути вглубь материка. Действительно, они заходят во внутренние районы только в течение нескольких коротких недель лета, чтобы поохотиться на северного оленя, ондатру и других животных; после каждой экскурсии они снова возвращаются к берегам моря, где у них есть зимние жилища и более постоянный дом. Они действительно и однозначно являются *прибрежным* народом, и именно к морю они обращаются за основными средствами к существованию. Если бы не этот источник снабжения, они не смогли бы долго существовать на земле, совершенно неспособной обеспечить потребности даже самого ограниченного населения.

Название "*эскимосы*" - или, как его иногда пишут, "эскимосы", - как и многие другие национальные названия, имеет неясное происхождение. Предполагается, что оно было дано им канадскими вояжерами, работавшими в Компании Гудзонова залива, и произошло от слов *Seux qui miaux* (те, кто мяукает), в связи с тем, что они кричали, как кошки. Но этимология, мягко говоря, *подозрительна*. Обычно они называют себя "инуитами" (произносится как "энн-о-эт"), что означает "люди", хотя у разных племен они носят разные племенные названия.

По внешнему виду их нельзя назвать привлекательными, хотя некоторые молодые мужчины и девушки, очищенные от грязи и жира, которыми обычно покрыта их кожа, выглядят далеко не плохо. Их естественный цвет кожи не намного темнее, чем у некоторых южных народов Европы - например, португальцев, - а у молодых девушек часто бывают цветущие щеки и приятное выражение лица. Их лица, как правило, широкие, округлые, лоб и подбородок узкие и покатые, а щеки очень рельефные, хотя и не угловатые. Напротив, они довольно толстые и круглые. Этот выступ щек придает их носу вид низкого и плоского; часто встречаются люди с такими высокими щеками, что линейка, проведенная от одной к другой, не коснется переносицы между ними!

С возрастом цвет лица становится темнее, возможно, из-за воздействия климата. Очень естественно, что и мужчины, и женщины становятся все более уродливыми, но особенно последние, некоторые из которых в старости представляют собой настолько отвратительный вид, что первые исследователи Арктики не могли не охарактеризовать их как *ведьм*.

Средний рост эскимосов намного ниже, чем у европейских народов, хотя иногда встречаются люди почти шести футов ростом. Однако это редкие исключения, и эскимосы с такими пропорциями были бы гигантами среди своего народа. Более распространенный рост - от четырех футов восьми дюймов до пяти футов восьми дюймов; женщины еще короче, редко достигая отметки в пять футов. Низкий рост мужчин и женщин объясняется недостатком длины конечностей, поскольку их тела достаточно длинные; но поскольку эскимосы почти постоянно находятся в своем каноэ, или каяке, или на собачьих упряжках, их ноги мало чем заняты и, следовательно, отстают в своем развитии.

Подобная особенность наблюдается у команчей и других индейцев прерий, а также у гуачо и патагонских индейцев южноамериканских пампасов, которые большую часть времени проводят на спинах своих лошадей.

У эскимосов нет религии, если не считать таковой веру в ведьм, колдунов, "шаманов" и добрых или злых духов, с некоторым путаным представлением о хорошем и плохом месте в будущем. Миссионерское рвение среди них было почти напрасным. Они демонстрируют апатичное безразличие к учениям христианства.

У них также нет никакой политической организации, и в этом отношении они существенно отличаются от большинства известных дикарей, самые низшие из которых обычно имеют своих вождей и советы старейшин. Однако отсутствие всякого правительства не является доказательством того, что они стоят на более низкой ступени цивилизации, чем другие дикари; скорее, наоборот, ведь сама идея вожества или правительства предполагает существование порока в народе и необходимость принуждения и подавления. Считается, что по отношению друг к другу эти грубые люди ведут себя самым честным образом; и можно доказать, что таким же было их поведение по отношению к чужакам, пока они не были развращены чрезмерным искушением. Все арктические путешественники отмечают случаи того, что они называют мелким воровством, со стороны некоторых племен эскимосов, то есть кражи гвоздей, топориков, кусков железных петель и т. д., но стоит задуматься, что эти предметы, в глазах эскимосов - то же, что слитки золота для европейцев, и стоит поинтересоваться, если несколько слитков упомянутого металла свободно и небрежно разложить на тротуарах Лондона, как долго они будут менять своих владельцев? Воровство следует рассматривать вместе с количеством соблазнов; и, похоже, даже в этих зафиксированных случаях в нем участвовало лишь несколько эскимосов. Я полагаю, что золотые слитки могли бы забрать не только несколько жителей Лондона. Сколько среди нас воров, для которых нет большего соблазна, чем дешевый хлопчатобумажный платок, - надо полагать, не мало.

По правде говоря, эскимосы отнюдь не такие дикари, какими их представляют. Единственный важный момент, в котором они полностью сходны с дикарями, - это нечистоплотность их людей и, возможно, тот факт, что они едят большую часть своей пищи (рыбу и мясо) в сыром виде. Впрочем, за последнюю привычку они отчасти обязаны обстоятельствам, в которых оказались - костры или кулинария порой были совершенно невозможны. Они не единственные люди, которых заставляли есть сырую плоть; европейцы, путешествовавшие по этой негостеприимной стране, вскоре привыкают к этой практике, одновременно излечиваясь от *отвращения* к ней.

Конечно, неправильно характеризовать эскимосов как простых *дикарей*. Напротив, их можно считать цивилизованным народом, то есть настолько цивилизованным, насколько это позволяет суровый климат, в котором они живут; и можно с уверенностью утверждать, что колония самых образованных людей в Европе, основанная эскимосами и предоставленная исключительно их собственным ресурсам, за одно поколение продемонстрировала бы цивилизацию, ни на йоту не превосходящую ту, что сейчас встречается среди эскимосов. Действительно, факт уже установлен: датские и норвежские колонисты Западной Гренландии, хотя и поддерживают постоянное общение со своей родиной, но не более цивилизованы, чем "скелинги", которые являются их соседями.

В действительности эскимосы максимально использовали и продолжают использовать те обстоятельства, в которых оказались. *Сельское хозяйство* для них невозможно, иначе они давно бы уже занялись им. Так же как и торговля; а что касается производства, то сомнительно, чтобы европейцы могли превзойти их в подобных обстоятельствах. Какое бы сырье ни производила их страна, оно у них прочно и аккуратно изготовлено, о чем свидетельствует удивительное мастерство, с которым они делают свои платья, лодки, орудия для охоты и рыбной ловли; и в этих достижениях - единственных, осуществимых в их гиперборейском раю, - они совершенные адепты. В таких искусствах цивилизованные европейцы для них - совершенные простаки, и теории спекулянтов у костра, которые так недавно распространялись в наших газетах, о том, что сэр Джон Франклин и его команда не могли не прокормиться там, где простые эскимосы могли устроить себе дом, выдают лишь

невежество в отношении состояния этих людей. По правде говоря, белые люди голодали бы там, где эскимосы могли бы жить в роскошном изобилии, настолько превосходят нас их знания как в рыболовстве, так и в охоте. Достоверно известно, что в то время как наши арктические мореплаватели на своих зимних стоянках, снабженные хорошими ружьями, сетями и всеми необходимыми приспособлениями, лишь изредка могли убить оленя или поймать тюленя, эскимосы добывали и то и другое в изобилии и, по-видимому, без особых усилий; и мы сейчас отметим причины их превосходства в этом отношении.

Сама одежда эскимосов свидетельствует об их превосходстве над другими дикарями. Ни в одно время года они не ходят ни голыми, ни даже "оборванными". У них есть свои изменения в зависимости от времени года: летнее платье и более теплое зимнее. И то, и другое шьется сложнейшим образом; подготовка материала, а также способ его соединения доказывают, что женщины эскимосов - а они в равной степени портные и портнихи - одни из лучших швей в мире.

Капитан Лайон, один из самых наблюдательных арктических путешественников, дал описание костюма эскимосов острова Саваж и бухты Репульс-Бей, где он зимовал, и его рассказ настолько нагляден и подробен, что было бы глупо изменять хоть одно слово в его языке. Его описание, с небольшими различиями в изготовлении и материале, довольно точно отражает костюм всей расы.

"Одежда обоих полов в основном состоит из тонких и хорошо выделанных оленьих шкур; также используются шкуры медведей, тюленей, волков, лисиц и сурков. Тюленьи шкуры редко используются для изготовления какой-либо части одежды, кроме сапог и туфель, поскольку они лучше противостоят воде и гораздо прочнее других видов кожи.

"Основной зимней одеждой мужчин является просторное пальто из оленьей кожи, не имеющее отверстий спереди, и большой капюшон, который накидывается на голову по желанию. Этот капюшон неизменно оторочен белым мехом с бедер оленя и, таким образом, представляет собой живой контраст с темным лицом, которое он облегает. Передняя, или брюшная, часть шубы обрезается вровень с верхней частью бедер, но сзади она формируется в широкую юбку, закругленную в нижней части, которая доходит до нескольких дюймов от земли. Нижние края и хвосты этих платьев в некоторых случаях окаймлены полосами меха противоположного цвета, а излюбленным украшением является бахрома из маленьких полосок кожи под каймой. Эти украшения придают платью очень приятный вид. В ветреную погоду принято завязывать кусок кожи или шнура вокруг талии плаща, но в других случаях платье висит свободно.

"Внутри только что описанного платья есть еще одно, точно такой же формы; но, хотя оно лишено украшений из кожи, к нему часто подвешивают маленькие ниточки бус на плечах или небольшой части спины. Эта одежда из более тонкой кожи служит рубашкой, а волосная часть располагается рядом с телом: такова внутренняя привычка. При ходьбе хвост привязывают двумя веревками к спине, чтобы он не мешал ногам. Кроме этих двух плащей, у них есть еще большой плащ, или, собственно, открытая оленья шкура с рукавами: он, в силу своего размера, чаще используется как одеяло; я лишь однажды видел, как его носил мужчина на корабле, хотя женщины накидывают его на плечи, чтобы укрыть себя и детей, сидя на санях.

"Троудеры, которые плотно обвязываются вокруг поясицы, не имеют пояса, а полностью зависят от утягивающего шнура; они обычно из оленьей кожи и украшены так же, как и пальто. Один из самых любимых узоров - это расположение шкур оленьих ног таким образом, чтобы получились очень красивые полосы. Как и в случае с куртками, есть две пары

этих незаменимых вещей, доходящих не ниже коленной чашечки, что является причиной больших бед в холодную погоду, так как эта часть часто сильно обмораживается; тем не менее, при всем своем опыте использования этого плохого приспособления, они не добавляют ни дюйма к установленной длине.

"Сапоги доходят до низа бриджей, которые свободно свисают поверх них. В них, как и в других частях одежды, существует множество разновидностей цвета, материала и рисунка, но по форме они никогда не меняются. Зимние сапоги обычно из оленьей кожи: одни из них с шерстью на ноге, а другие - с мехом снаружи. Между ними надевается пара мягких тапочек того же вида, а снаружи - крепкий башмак из тюленьей кожи, который натягивается до уровня щиколотки, где плотно фиксируется шнурком. Для охотничьих вылазок или летом, когда страна оттаивает, надевают только одну пару сапог. Они сшиты из тюленьей кожи, причем так хорошо и без шерсти, что, несмотря на полную пропитку, не пропускают воду. Подошва обычно из жесткой шкуры моржа или крупного тюленя, называемого Оо-гио, так что ноги хорошо защищены при ходьбе по неровной поверхности. Иногда на улице носят тапочки. В обоих случаях сапоги плотно застегиваются вокруг голенища кожаным ремешком. Рукавицы обычно носят из оленьей шкуры с шерстью внутри, но на самом деле для них используется любая кожа. Они очень удобны в сухом виде, но если их намочить и снова заморозить, то зимой они защищают руки так же слабо, как и лед. Летом и во время рыбалки используются отличные рукавицы из тюленьей кожи, которые обладают такой же способностью противостоять воде, как и сапоги, о которых я только что говорил. Платья, которые я только что описал, используются в основном зимой. Летом принято носить пальто, сапоги и даже бриджи, состоящие из выделанных шкур уток, с перьями на теле. Они удобны, легки и легко готовятся. Немногочисленные украшения, имеющиеся у них, носят мужчины. Это бандажи, опоясывающие голову и состоящие из кожи разного цвета, сплетенной в мозаичный узор, а в некоторых случаях в них вплетены человеческие волосы, чтобы контрастировать с белыми шкурами. С нижнего края свисают лисьи зубы, расположенные в виде бахромы по лбу. Некоторые носят зуб мускусной лисицы, кусочек слоновой кости или небольшой кусочек кости.

"Одежда женщин из тех же материалов, что и у мужчин, но по форме почти все детали отличаются от мужского платья. Внутренняя куртка надевается на кожу, а мех другой - снаружи. Задний лоскут, или хвост, имеет ту же форму, что и описанный выше, но спереди также есть небольшой лоскут, простирающийся примерно на полпути вниз по бедру. У каждой шубы есть огромный капюшон, который не только закрывает голову, но и служит детской колыбелью в течение двух-трех лет после рождения младенца. Чтобы ноша ребенка не стягивала платье через горло, к воротнику или шейной части прикреплено приспособление, во многом напоминающее стропы солдатского ранца, откуда оно проходит под капюшоном, перекрещивается и, попадая под руки, закрепляется с каждой стороны груди деревянной пуговицей. На плечах женского пальто есть место, похожее на мешок, для того чтобы облегчить вынимание ребенка из капюшона вокруг груди, не вынимая его из куртки.

"Иногда вокруг талии носят пояс: он отвечает двойной цели - удобству и украшению; он состоит из того, что они считают ценными безделушками, например, из костей лисиц (костей раблеагио), а иногда из ушей оленей, которые висят парами по двадцать или тридцать штук и являются трофеями мастерства охотника, с которым связана его обладательница. Невыразительные женские повязки имеют ту же форму, что и мужские, но они не украшены таким же диковинным сочетанием цветов; передняя часть обычно белая, а задняя - из темного меха. Способ крепления их на талии тот же, но шнурки гораздо длиннее, они

свисают вниз с одной стороны, а их концы часто украшены каким-нибудь подвесным украшением, например, точилом или двумя мускусными лисицами, кусочком слоновой кости, маленьким шариком из дерева или перфорированным камнем.

"Сапоги представительниц прекрасного пола, без сомнения, являются самой необычной частью их снаряжения, они такого огромного размера, что напоминают кожаные мешки и придают всей фигуре самый деформированный и, в то же время, смехотворный вид; громоздкая часть находится у колена; верхний конец сформирован в заостренный лоскут, который, закрывая переднюю часть бедра, закрепляется пуговицей или узлом внутри пояса бриджей.

"Некоторые из этих просторных предметов одежды сделаны с большим вкусом, из шкур разных цветов; есть они и из пергамента - тюленьей кожи. Их носят по две пары; на ногах также есть пара тапочек из тюленьей кожи, которые плотно прилегают и туго завязываются вокруг лодыжки".

"Дети не имеют никакой одежды и лежат голыми в капюшонах своих матерей до двух-трех лет, когда их запикивают в маленькое платье, обычно из овечьей шкуры, состоящее из куртки и бриджей, причем задняя часть открыта; в них их затапливают, и тогда шнурок или два закрывают все снова. Непременной частью экипировки является шапочка, которая обычно имеет причудливую форму; шкура головы оленя - излюбленный материал для композиции, и иногда ее можно увидеть с идеальными ушами, носом и отверстиями для глаз, расположенными вдоль макушки головы, которая в результате выглядит как у животного".

Тот же автор дает наиболее наглядное описание любопытных зимних жилищ эскимосов, которые во многих частях побережья строятся из единственных доступных материалов - льда и снега! Снег для стен и лед для окон! Вы можете представить себе дом эскимосов как очень холодное жилище; однако это отнюдь не так.

"Вход в жилище, - рассказывает капитан Лайон, - был через отверстие диаметром около ярда, которое вело через низкий арочный проход достаточной ширины, чтобы в нем могли пройти двое, и длиной около шестнадцати футов; затем открылось другое отверстие, которое вело через такой же по форме, но более короткий проход, имевший в конце круглое отверстие около двух футов в поперечнике. По этому отверстию мы поднялись на одну ступеньку и оказались в куполе высотой около семи футов и стольких же в диаметре, откуда выходили три жилых помещения с арочными крышами. Следует отметить, что это описание большой хижины, в меньших, содержащих одну или две семьи, купола устроены несколько иначе.

"Каждое жилище в среднем может составлять четырнадцать или шестнадцать футов в диаметре на шесть или семь в высоту, но поскольку для их строительства использовался только снег, а он всегда был под рукой, можно предположить, что определенного размера не существует, что, конечно, зависит от желания строителя. Кладка арки была выполнена таким образом, что удовлетворила бы самого обычного художника, а ключевой элемент на вершине представлял собой большую квадратную плиту. Блоки снега, использовавшиеся в постройках, были толщиной от четырех до шести дюймов и длиной около пары футов, тщательно обтесанные большим ножом. Там, где две семьи занимали купол, с каждой стороны возвышалось по сиденью высотой в два фута. Эти возвышения использовались в качестве кроватей и покрывались в первую очередь китовой костью, веточками андромеды или кусками тюленьей шкуры, поверх которых расстилались олени шкуры и одежда из оленьих шкур, имевшая очень теплый вид. Шкурки использовались в качестве одеял, а по краям многих из них была пришита декоративная бахрома из кожи.

"Каждое жилище освещалось широким куском прозрачного пресноводного льда около двух футов в диаметре, который составлял часть крыши и располагался над дверью. Эти окна давали очень приятный свет, без бликов и чем-то напоминающий тот, что проникает через матовое стекло. Вскоре мы узнали, что строительство дома - дело часа или двух, и что достаточно пары человек - одного для резки плит и другого для их укладки.

Для поддержки ламп и кухонной утвари для каждой семьи возводится снежная насыпь, а если у хозяина две жены или мать, то обе занимают отдельное место, по одному на каждом конце скамьи".

"Я считаю невозможным пытаться описать все при повторном посещении и поэтому расскажу только о тех предметах мебели, которые должны быть всегда одинаковыми и с которыми любой человек может познакомиться за пять минут. Рама, состоящая из двух или трех сломанных рыболовных копий, поддерживала в первую очередь большой обруч из дерева или кости, поперек которого была расстелена или сработана сетка для приема мокрой или влажной одежды, шкур и т. д., которые можно было высушить при свете лампы. На это приспособление хозяин каждой хижины клал свои рукавицы при входе, предварительно тщательно очистив их от снега.

"На упомянутой раме подвешивались один или несколько каменных горшков в форме гроба над лампами из того же материала, серповидной формы, с гребнем, идущим вдоль спины; чашеобразная часть наполнялась ворванью, а масло и фитили располагались близко друг к другу по краю. Фитили делались из мха и обрезались куском асбеста, камня или дерева; рядом висел большой пучок мха для будущего запаса. Лампы поддерживались палками, костями или кусками рога на высоте, достаточной для того, чтобы под ними стоял овальный горшок из дерева или китовой кости для сбора масла, которое могло упасть с них. Лампы значительно различались по размеру: от двух футов до шести дюймов в длину, а горшки были столь же неравномерны, вмещая от двух-трех галлонов до половины пинты. Хотя я уже упоминал о своеобразных подмостках, не все эти люди обладали столь грандиозным приспособлением: многие довольствовались тем, что подвешивали свой горшок к куску кости, воткнутому в стену хижины. Одна молодая женщина представляла собой карикатуру: она была неполноценной женой молодого человека, чья старшая дама была большого роста, с соответствующей лампой и т. д. в одном углу; в то время как она сама, невысокая и толстая, имела лампу размером с половину десертной тарелки и горшок, вмещавший только пинту.

"Почти в каждой семье имелся большой деревянный поднос, похожий на те, что используют мясники в Англии; однако, как мы вскоре убедились, его отделения были более разнообразными: в одних хранилось сырое мясо тюленей и ворвань, в других - шкуры, которые мочили в моче. Список сосудов завершало множество чаш разного размера из китовой кости, дерева или кожи, и было очевидно, что они сделаны для того, чтобы вмещать *что угодно*".

Эскимосы используют два вида лодок - "оомиак" и "каяк". Оомиак - это просто большая разновидность пунта, используемая исключительно женщинами, а вот каяк - это триумф военно-морского искусства, столь же элегантный, сколь и изобретательный. Его длина составляет около двадцати пяти футов, а ширина - менее двух. По форме его сравнивают с ткацким челноком, хотя он сужается гораздо изящнее, чем этот механизм. Она покрыта палубой от форштевня до кормы, за исключением круглого отверстия почти посередине судна, и этот круглый люк достаточно велик, чтобы вместить тело эскимоса в сидячем положении. По ободу круга проходит небольшой гребень, иногда более высокий спереди, чем сзади, и этот гребень часто украшен обручем из слоновой кости. Вдоль каждой стороны

каркаса проходит плоский кусок дерева, который, по сути, является единственным прочным элементом байдарки. Его глубина в центре составляет четыре или пять дюймов, а толщина - около трех четвертей дюйма; он сужается к точке у начала форштевня и кормовых выступов. Шестьдесят четыре ребра крепятся к этой части киля; семь небольших стержней проходят по всей длине днища и за пределами ребер. Днище округлое, без киля; двадцать две маленькие балки или поперечины держат раму на растяжках сверху, и одна крепкая балка проходит по центру, от форштевня до кормы, разумеется, прерываясь в сидячей части. Ребра сделаны из ивы, а также из китовой кости или, если ее удастся достать, из хорошего зернистого дерева. Вся конструкция весит не более пятидесяти-шестидесяти фунтов, так что человек легко несет свой каяк на голове, что, благодаря форме обода, он может делать без помощи рук.

Эскимосы гордятся опрятным видом своей лодки, а на ее дно кладут теплую шкуру, чтобы сидеть на ней. Его поза - ноги направлены вперед, и он не может изменить свое положение без помощи другого человека; во всех случаях, когда нужно поднять груз, изменить укладку или совершить какое-либо движение, принято, чтобы две байдарки лежали вместе, а весло каждой из них было положено поперек другой, они образуют устойчивую двойную лодку. Надутый тюлений пузырь неизменно входит в снаряжение каноэ, а оружие удерживается на своих местах небольшими линиями из китовой кости, плотно натянутыми поперек верхней обшивки, чтобы под ними находились острия или рукоятки копий. Плоть часто укладывают на форштевень или корму, а также птиц и яйца; но тюлень, хотя и круглый и легко перекачивающийся, так аккуратно балансирует на верхней части лодки, что редко требует привязывания. Когда эскимосы не гребут, их равновесие должно быть хорошо сохранено, и в лодке всегда заметна дрожь. Самое сложное положение для управления каяком - когда он идет против ветра и при небольшой волне. Любая невнимательность может мгновенно перевернуть это хрупкое судно, обнажив широкую сторону. Ловкость, с которой они поворачиваются, скорость их движения и чрезвычайная элегантность формы каяков делают эскимоса очень интересным, когда он сидит самостоятельно и направляет свой курс к добыче.

"Весло двухлопастное, девять футов три дюйма в длину, маленькое у рукоятки и расширяющееся до четырех дюймов у лопастей, которые тонкие и окантованы слоновой костью как для прочности, так и для украшения.

"Следующим важным предметом для лодки являются сани, которые занимают не менее трех четвертей года. Человек, владеющий и ими, и каноэ, считается человеком с собственностью. Дать конкретное описание саней было бы невозможно, так как нет двух одинаковых, а материалы, из которых они состоят, столь же разнообразны, как и их форма. Самые лучшие изготавливаются из челюстных костей кита, распиленных на части толщиной около двух дюймов, а глубиной от шести дюймов до фута. Это полозья, на которые надевается тонкая доска из того же материала; боковые части соединяются при помощи костей, кусков дерева или оленьих рогов, скрепленных поперек, с промежутком в несколько дюймов между каждым, и они выдерживают любое большое напряжение, которое могут получить сани. Общая ширина верхней части саней составляет около двадцати дюймов, но полозья наклоняются внутрь, и поэтому внизу она гораздо больше. Длина костяных саней составляет от четырех футов до четырнадцати. Вес их неизбежно велик; вес одной из саней умеренного размера, то есть около десяти или двенадцати футов, составил двести семнадцать фунтов. Шкура моржа очень часто используется в самую холодную часть зимы, так как она сильно замерзает и напоминает дюймовую доску, в десять раз более прочную, для полозьев. Еще одно хитроумное приспособление - обкладывание тюленьей шкуры мхом и землей, так что, если налить немного воды, легко образуется круглый твердый болстер. Все

эти виды полозьев имеют одинаковое расположение костей, палок и т. д. в верхней части; поверхность, которая проходит по снегу, покрыта льдом, путем смешивания снега с пресной водой, что значительно облегчает нагрузку на собак, так как они легко скользят вперед. Мальчишки часто развлекаются тем, что привязывают несколько собак к небольшому куску тюленьей шкуры и сидят на нем, держась за следы. Затем они планируют отправиться в путь на полной скорости, и тот, кто выдержит наибольшее количество ударов, прежде чем откажется от своей хватки, считается очень хорошим парнем.

"У эскимосов есть различные виды копий, но их различие заключается главным образом в веществах, из которых они состоят, а не в их общей форме.

"Одно из них, называемое *kä-të-tëek*, представляет собой большое и крепкое копье с острием из слоновой кости, предназначенное для добывания раненого животного в воде. Его никогда не бросают, а отводят для него место на каяке.

"Оонак - более легкий вид, чем первый; также с наконечником из слоновой кости. К нему прикреплен мочевого пузырь, а также свободная головка с прикрепленной к ней леской; когда она вонзается в животное, то мгновенно освобождается от рукоятки, придающей импульс. Некоторые из этих орудий сделаны из цельной слоновой кости рога единорога, около четырех футов в длину, замечательно отшлифованной и отполированной.

"Ип-пёо-тёо-йёо - еще один вид ручного копья, мало чем отличающийся от предыдущего. Однако у него нет придатков.

"Ноог-вит" бывает двух видов, но оба используются для поражения птиц, молодых животных или рыб. Первый вид имеет двойную вилку на конце, а примерно на половине его длины есть еще три колючки, расходящиеся в разные стороны, так что если крайняя пара промахнется, то некоторые из центральных могут ударить. Второй вид имеет только три колючие вилки в головке. Все острия сделаны из слоновой кости, а естественный изгиб моржового клыка способствует и облегчает их изготовление.

"Среди второстепенных инструментов ледовой охоты - длинный костяной щуп для прощупывания трещин, через которые, как предполагается, дышат тюлени, а также для проверки безопасности дороги. Еще одно приспособление иногда используется с тем же эффектом, что и поплавков рыболовной лески. Его цель - предупредить охотника, наблюдающего за тюленьей норой, о том, что животное поднимается на поверхность, чтобы он мог нанести удар, не видя и не будучи замеченным своей добычей. Это очень тонкий стержень из кости или слоновой кости, длиной около фута и толщиной с тонкий вязальный спиц. На нижнем конце находится небольшой набалдашник, похожий на головку булавки, а к верхней части привязан тонкий кусок сухожилия, чтобы свободно прикрепить его к боковой стенке норы. Животное, поднимаясь, не замечает столь маленького предмета, висящего в воде, и толкает его носом, когда бдительный эскимосец, заметив, что его маленький маячок находится в движении, сбивает его и забирает свой приз.

"Маленькие колышки или булавки из слоновой кости используются для затыкания отверстий, сделанных копиями в теле животного; таким образом сохраняется кровь, являющаяся большой роскошью для туземцев.

"Тот же недостаток дерева, который заставляет искать заменители при изготовлении копий, также является причиной большого разнообразия луков. Рог мускусной лисицы, тонкие рога оленей или другие костяные вещества так же часто используются или встречаются, как и

дерево, при изготовлении этого оружия, в котором упругость является второстепенным фактором. Три или четыре куска рога или дерева часто соединяются вместе в одном луке - сила заключается только в огромном количестве маленьких плетеных сухожилий; они, в количестве, возможно, сотни, проходят по задней части лука, и, будучи довольно тугими, и имея пружину кэтгута, заставляют оружие, когда оно не натянуто, поворачиваться в неправильную сторону; когда же оно согнуто, их объединенная сила и эластичность поражают. Тетива состоит из пятнадцати-двадцати косичек, каждая из которых свободна от другой, но во время использования скручивается, так что несколько дополнительных оборотов в любой момент изменяют ее длину. Общая длина лука составляет около трех футов с половиной.

"Стрелы короткие, легкие и не имеют общего правила по длине или толщине. У хорошей стрелы половина древка костяная, а головка из твердого шифера или небольшого куска железа; у других - остrokонечные костяные головки; ни одна из них не имеет колючек. Для конца используются два перышка, которые привязываются друг к другу, плоские стороны параллельны. В аккуратный чехол кладут лук и несколько стрел. Для этой цели предпочтительна тюленья кожа, как более устойчивая к влаге, чем любая другая. В маленьком мешочке, прикрепленном сбоку, лежит камень для заточки и несколько запасных наконечников стрел, аккуратно завернутых в кусок кожи.

"Лук держится в горизонтальном положении и, хотя способен на большую силу, редко используется на расстоянии более двенадцати-двадцати ярдов".

Теперь, когда описаны их дома, одежда, сани, лодки, утварь и оружие, остается только узнать, как эти необычные люди проводят время, как они снабжают себя пищей и как им удается поддерживать жизнь в течение долгой темной зимы и не столь гостеприимного лета в их суровом климате. Их занятия из года в год проходят с почти неизменной регулярностью, хотя, как и их одежда, они меняются в зависимости от сезона.

Их короткое лето занято главным образом охотой на оленей и других четвероногих - по той простой причине, что именно в это время они появляются в наибольшем количестве, мигрируя на север по мере таяния снега в долинах и на склонах холмов. Не исключено, что они убивают оленей и в другие времена года, ведь эти животные не все мигрируют на юг с наступлением зимы, значительное их число остается на берегах Ледовитого моря, а также на островах к северу от него в течение всего года. Конечно, эскимосы убивают оленей, когда и где могут; и здесь можно заметить, что ни в одной части американского континента олень не был обучен или одомашнен так, как у лапландцев и жителей русской Азии. Ни северные индейцы (тинне), ни эскимосы никогда не достигали такой степени домашней цивилизации, и этот факт является одним из самых сильных отличий американских эскимосов от родственных им рас на севере Азии. Только одно племя настоящих эскимосов держит в подчинении северных оленей - уже упоминавшиеся туски на азиатском побережье; и можно легко доказать, что эта практика пришла к ним из сопредельных стран северной Азии. Американские эскимосы, как и грeнландские, имеют в качестве одомашненного животного только собаку; ее они обучили запрягать свои сани в стиле, демонстрирующем высочайшее мастерство и даже элегантность. Собака эскимосов слишком хорошо известна, чтобы требовать особого описания. Его часто привозят в эту страну на судах, на которых возвращаются арктические китобои и мореплаватели; его толстое, крепкое тело, плотно покрытое длинной жесткой шерстью беловатого или желтоватого цвета, уши, гладкая морда и, прежде всего, кругообразный завиток кустистого хвоста легко запомнятся любому, кто хоть раз видел это ценное животное.

Летом эскимосы покидают свои зимние дома на берегу и, взяв с собой палатки, отправляются в глубь страны. Они не уходят далеко от моря - не дальше, чем нужно, чтобы найти долины, где пасутся олени, и пресноводные озера, которые в это время года часто посещают стаи лебедей, гусей разных видов, уток и других водоплавающих птиц. Охота на оленей составляет их основное занятие в это время; но, конечно, "все, что попадает в сети" эскимосов, - это рыба; они также занимаются ловлей диких птиц и пресноводной рыбы, которой изобилуют эти озера. Для диких птиц это сезон размножения и линьки, и эскимосы не только лишают их яиц, но и забирают большое количество молодых особей, прежде чем они достаточно оперились, чтобы летать, а также старых особей, которые также неспособны к существованию из-за состояния "линьки". На своих стремительных байдарках, которые они носят на голове, они могут преследовать порхающие стаи в любой части озера и догонять их, куда бы они ни направились. В это время в кладовой *инуитов* царит изобилие.

Пресноводную рыбу поражают копьями из каяков, а если лед на воде достаточно прочен, чтобы выдержать вес человека, рыбу ловят другим способом. Во льду пробивают отверстие, отколовшиеся куски счищают и выбрасывают в сторону, а затем рыбак спускает вниз блестящую безделушку - обычно белый зуб какого-нибудь животного - в качестве приманки. Он держит ее на плаву до тех пор, пока рыба, заметив ее вдали сквозь прозрачную воду, обычно приближается, чтобы разведать, отчасти из любопытства, но больше, возможно, чтобы посмотреть, есть ли на ней что-нибудь съедобное. Приблизившись, эскимосы ловко утыкают жертву своим копьем и высаживают ее на лед. Этот вид рыбалки обычно поручают мальчикам - время охотников слишком ценно, чтобы тратить его на ожидание подхода рыбы к приманке, событие ненадежное и неопределенное.

При добыче оленей эскимосы не применяют методов, сильно отличающихся от тех, что используют "неподвижные охотники" в других частях Америки. Ему приходится полагаться только на свой лук и стрелы, но и с этим бедным оружием он умудряется навести большой хаос среди стада оленей, чем охотник из глубинки со своей замечательной винтовкой. В его превосходном управлении нет никакой тайны. Она заключается лишь в том, чтобы продемонстрировать великую стратегию и терпение, с которыми он делает свои подходы, переползая от точки к точке и используя все доступные укрытия, которые может предоставить земля.

Но все это было бы бесполезно, если бы не *уловка*, которую он применяет на практике и которая приводит ничего не подозревающего оленя в пределах досягаемости его смертоносных стрел. Она заключается в тщательной имитации криков животного, настолько тщательной, что острое существо само не может распознать подделку, но, приближаясь все ближе и ближе к камню или кусту, из которого, как кажется, исходит зов, становится жертвой обмана. Бесшумная стрела не издает никаких звуков; стадо, слегка встревоженное падением одного из своих собратьев, вскоре успокаивается и продолжает рыскать по траве или облизывать лишайник. На зов прибегает еще один, и еще, которые в свою очередь становятся жертвами либо своего любопытства, либо инстинкта любовной страсти.

Для этого вида охоты лук намного превосходит любое другое оружие; даже винтовка уступает ему.

Иногда эскимосы берут оленей в большом количестве, охотясь на них с собаками, загоняя стадо в какое-нибудь дефиле или *ущелье* среди скал, а затем убивая их по своему усмотрению стрелами и копьями. Однако это исключительный случай, поскольку такие естественные "загоны" не всегда находятся под рукой. Индейцы, живущие южнее, строят

искусственные загоны, но в стране эскимосов нет ни времени, ни материалов для таких сложных приспособлений.

Эскимосы, живущие в тех местах, где обитают мускусные лисицы, охотятся на этих животных так же, как на северных оленей; но убить мускусного быка или корову - это подвиг гораздо большего масштаба, и он требует большего внимания, чем стрельба по крошечному оленю.

Я уже говорил, что эскимосы даже во время таких охотничьих вылазок не заходят далеко в глубь страны. Есть веская причина, по которой они держатся поближе к морскому побережью. Если бы они проникли далеко вглубь суши, им грозила бы опасность встретиться со своими *злейшими* врагами, индейцами *тинне*, которые в этом регионе также охотятся на северных оленей и ондатр. Между этими двумя расами людей ведется война на ножах, и так было с тех пор, как о них впервые узнали. Они часто сталкиваются на реках в глубине страны, и эти конфликты носят настолько жестокий и кровопролитный характер, что вызывают у каждого из них здоровый страх перед другим. Индейцы, однако, боятся эскимосов больше, чем те их; до недавнего времени они старались никогда не приближаться к их берегам; но теперь мушкет и винтовка попали в руки некоторых северных племен, которые используют это превосходное оружие не только для того, чтобы держать эскимосов на расстоянии, но и для того, чтобы сделать их более осторожными в расширении своего ареала в глубь страны.

Когда наступает тоскливая зима, и оленей на заснеженных равнинах становится мало, эскимосы возвращаются в свои зимние деревни на побережье. Четвероногие и птицы больше не занимают все их внимание, ведь теперь их мысли обращены к обитателям великих глубин. Тюлень и морж отныне являются главными объектами их преследования. Возможно, летом, когда вода была открытой, они приходили на берег, чтобы поймать этого великана ледяных морей - кита. Если это так, и им удалось поймать лишь одного или двух, то они могут рассчитывать на зиму в изобилии - ведь плоти взрослого кита или, что еще лучше, целого отряда таких крупных существ хватит, чтобы прокормить целое племя в течение нескольких месяцев.

У них нет процесса вяления этой огромной туши, да он и не нужен. В их климате не требуется ни соль, ни копчение. Джек Фрост - их провизор, и выполняет эту задачу, не доставляя им ни хлопот, ни расходов. Им нужно только поднимать огромные флиты на леса, уже возведенные для этой цели, чтобы уберечь мясо от волков, росомх, лис и своих собственных полуголодных собак. Из своей воздушной кладовой они могут отрезать кусок ворвани, когда почувствуют голод или у них появится желание поесть, и это *желание* сохраняется до тех пор, пока остается хоть кусочек.

Способ поимки кита у них совершенно иной, чем у рыболовов-китобоев. Когда огромное существо обнаруживается поблизости, все племя выходит вперед и окружает его на своих байдарках; затем они бросают дротики в его тело, но вместо длинных лесок к ним прикреплены тюленьи шкуры, зашитые герметично и надутые, как пузыри. Когда несколько таких дротиков прикрепляются к телу кита, животное, каким бы мощным оно ни было, с большим трудом опускается далеко вниз или даже быстро продвигается по воде. Вскоре он поднимается на поверхность, и буйки из тюленьей шкуры указывают его местонахождение обитателям каяков, которые на своих быстроходных суденышках вскоре снова подплывают к нему и производят новый залп в его тело. Таким образом, кит вскоре "изнемогает", а затем становится жертвой их больших копий, как и в случае поимки обычными китобоями.

Нет нужды добавлять, что подобный успех приветствуется как юбилей племени, поскольку он не только приносит пользу всей общине, но и является удачей, которая случается довольно редко.

Когда киты не добыты, долгую темную зиму можно ожидать с некоторой тревогой, и именно тогда эскимосу приходится приложить все свое умение и энергию, чтобы поймать моржа или тюленя - последний может рассматриваться как помощник в его жизни, обеспечивающий его не только пищей, но и светом, топливом и одеждой для тела и конечностей.

Среди тюленей, обитающих в полярных морях, есть несколько видов, но обыкновенный тюлень (*Calocephalus vitulina*) и гренландский тюлень (*Calocephalus Groenlandicus*) наиболее многочисленны и, следовательно, являются главным объектом преследования.

Эскимосы используют различные хитрости для захвата этих существ в зависимости от обстоятельств, в которых они могут встретиться; и какими бы простыми ни казались тюлени, их отнюдь не легко поймать. Обычно они очень пугливы и подозрительны, даже в тех местах, где человек никогда их не видел. У них есть и другие враги, особенно большой белый медведь, и страх перед этим тираном ледяных морей заставляет их быть всегда начеку. Однако, несмотря на их бдительность, и медведь, и двуногие устраивают среди них большой хаос, и каждый год сотни тысяч тюленей уничтожаются.

Медведь при ловле тюленей демонстрирует мастерство и хитрость, едва ли превосходящие мастерство самого разумного существа. Когда это огромное четвероногое замечает тюленя, греющегося на краю ледяного поля, он делает свои подходы, не бросаясь прямо на него, что, как он прекрасно понимает, может привести к гибели его цели. Заметив тюленя, ему остается только броситься к воде, где он вскоре может утонуть или уплыть за пределы досягаемости медведя. Чтобы предотвратить это, медведь отходит далеко с подветренной стороны, а затем, нырнув под поверхность, делает свои подходы под водой, время от времени осторожно поднимая голову, чтобы определить истинные ориентиры своей жертвы. После нескольких таких подводных "выходов" он подбирается к краю льдины так, чтобы отрезать тюленю путь к воде. Одна пружина выводит его на лед, и тогда, прежде чем бедный тюлень успевает сделать скобу из камбалы, он оказывается запертым в смертельных объятиях медведя. Когда тюленей обнаруживают спящими, эскимосы приближаются к ним на своем каяке, стараясь грести осторожно и бесшумно. Если ему удастся пробраться между ними и открытой водой, он убивает их обычным способом - просто бьет дубиной по морде или протыкает копьем. Иногда, однако, тюлень засыпает на поверхности открытой воды. Тогда к нему подбираются аналогичным образом с помощью каяка и наносят удар гарпуном. Но один удар не всегда убивает тюленя, особенно если он крупный и удар был плохо направлен. В таких случаях животное, несомненно, сбежит, унеся с собой гарпун, что станет серьезной потерей для владельца, который не может достать такое оружие без особого труда. Чтобы предотвратить это, эскимосы используют приспособление, подобное тому, что применяется при поимке кита, - прикрепляют к гарпуну поплавков или буй с помощью шнура, и это настолько затрудняет проход тюленя по воде, что он не может ни нырнуть, ни уплыть на большое расстояние. Поплавок обычно представляет собой моржовый пузырь, надутый обычным способом, и куда бы тюлень ни пошел, поплавок оставляет его след, позволяя эскимосу следовать за ним на своем каяке в форме челнока и снова пронзая его с более точным прицелом.

Зимой, когда море полностью покрывается льдом, можно предположить, что промысел тюленей прекратится, ведь тюлень по сути своей - морское животное; и хотя он может существовать как на льду, так и на суше, он не сможет *прокормиться* там. Доступ к воде ему необходим, чтобы добывать себе пищу, состоящую из мелкой рыбы и моллюсков. Конечно, когда лед образуется на поверхности, тюлень находится в своей истинной стихии - в воде под ним, но когда этот лед становится, как это часто бывает, толщиной в целый ярд, простираясь на сотни миль в море, как тогда добраться до тюленя? Его вообще невозможно достать, и в

такое время народ эскимосов, несомненно, голодал бы, если бы не свойственная этому животному привычка, благодаря которой, к счастью для них, он оказывается в пределах их досягаемости.

Хотя тюлень может жить под водой, как рыба, и, вероятно, мог бы провести целую зиму подо льдом без особых неудобств, он любит время от времени подышать свежим воздухом и спокойно вздремнуть на верхней поверхности под открытым небом. Для этого он пробивает отверстие во льду, пока тот еще тонкий, и тщательно держит его открытым в течение всей зимы, очищая каждую новую корку по мере ее образования. Какой бы толщины ни достигал лед, это отверстие всегда служит местом дыхания для тюленя и проходом, через который он может выбраться на верхнюю поверхность и предаться своей любимой сиесте на свежем воздухе. Зная об этой привычке, эскимосы пользуются ею, чтобы сделать тюленя своим пленником. Обнаружив животное на льду, охотник подходит к нему с величайшей осторожностью. Это совершенно необходимо, ведь если враг будет замечен или издаст хоть малейший шум, настороженный тюлень быстро забьется в свою нору и будет потерян безвозвратно. Сильно напуганный, он долго не появляется, отказываясь от прогулок на свежем воздухе, пока терпение его преследователя не истощится, и берег снова не станет чистым.

При подходе охотник использует все свое искусство, не только пользуясь любимыми неровностями, такими как сугробы и торосы, чтобы скрыть себя; он также практикует гениальный обман, одеваясь в шкуру тюленя того же вида, придавая своему телу фигуру животного и имитируя его движения, неуклюже барахтаясь на льду и колеблясь головой из стороны в сторону, как это делают тюлени.

Этот обман часто оказывается успешным, когда охотник в любом другом обличье тщетно пытался бы подобраться к добыче на расстояние удара. Когда тюленей мало, а их запасы очень нужны, эскимосы часто часами терпеливо лежат на краю тюленьей норы, ожидая, пока животное поднимется. Чтобы дать ему время хорошо освоиться на льду, охотник прячется за кучей снега, которую он специально для этого собирает и наваливает. Палочка-поплавок, хитроумно помещенная в воду дыхательного отверстия, служит сигналом, когда тюлень пробирается через свой проход, похожий на ловушку; движение палочки свидетельствует о его подъеме. Тогда охотник занимает правильную позицию для удара и собирает все свои силы для встречи.

Даже в долгую, темную зимнюю ночь практикуется такой способ ловли тюленя. Обнаружив отверстие для дыхания, которое можно найти по его темному цвету, охотник поступает следующим образом: он счищает снег вокруг него и, подняв немного воды, выливает ее на лед, чтобы вокруг отверстия образовался круг более темного оттенка. Затем он делает что-то вроде лепешки из чистого белого снега и закрывает ею отверстие, как крышкой. В центре этой крышки он пробивает небольшое отверстие наконечником копья, а затем садится и терпеливо ожидает появления пломбира.

Печать, как и прежде, неприметно поднимается. Темная вода, бурлящая в маленьком центральном отверстии, выдает его приближение, которое можно заметить даже в самую темную ночь. Охотник не ждет, пока он выберется на лед. Возможно, если бы он это сделал, подозрительное существо могло бы обнаружить устройство и снова нырнуть вниз. Но времени на раздумья у него нет. Прежде чем оно успевает повернуть свое громоздкое тело, тяжелое копьё охотника, пробив податливый снег, обрушивается на его череп и убивает его в тот же миг.

Морж (*Trichechus rosmarus*) - еще один важный продукт полярных морей, на которого эскимосы охотятся с большим усердием. Это великолепное земноводное животное добывается с помощью приспособлений, очень похожих на те, что используются для добычи тюленей; но поимка моржа - событие, по важности уступающее лишь поимке кита. Его огромная туша не только обеспечивает пищей целую деревню, но и дает масло, превосходящее китовое, а также множество других полезных вещей. Кожа, кости и кишки используются эскимосами для многих бытовых нужд, а кроме того, из огромных коренных клыков добывается одна из самых ценных слоновых костей, из которой изготавливают прекрасные зубы ослепительной белизны, сверкающие между пурпурных губ, которые можно часто увидеть на балу или вечернем приеме!

Глава пятая.

Мундрукус, или Обезглавливатели.

В нашем общем очерке об индейцах Амазонки говорилось, что есть несколько племен, которые отличаются по некоторым обычаям от всех остальных, и их можно даже считать *странными среди странных*. Одно из таких племен - *мундруку*, которое по своей численности и воинственной силе почти заслуживает звания нации. Во всяком случае, это мощная конфедерация, состоящая из различных племен, объединенных в одну общую национальность и включающая в свою лигу других индейцев, которых мундруку сначала завоевали, а затем присоединили к себе на условиях равенства, иными словами, "аннексировали" их. Такого же рода аннексии или союзы распространены среди племен Северной Америки; как в случае с могущественным народом команчей, которые распространяют свой защитный союз на вако, уашитов и кайгуа или киовай.

Махуэ - главное племя, которому так покровительствуют мундруки, а их вместе насчитывается не менее 20 000 душ.

До начала португальской охоты за рабами мундруку занимали южный берег Амазонки, от устья Тапажоса до Мадейры. Этот позорный промысел привел к тому, что берега великой реки были очищены от ее коренных жителей, за исключением тех из них, кто решил обратиться в рабство или стать *неофитами*, приняв монашескую веру. Ни один из этих вариантов не устраивал мундруков, и они приняли единственную альтернативу, которая могла обеспечить их независимость, - уход от опасной близости кровожадной работорговли.

Однако это отступление мундруков отнюдь не было бесславным бегством. Уход был добровольным с их стороны, а не принудительным, как в случае с более слабыми племенами. С давних времен они стойко противостояли посягательствам португальцев, и последние даже были вынуждены заключить с ними некий гнусный союз. Уход мундруку с Амазонки был скорее результатом переговоров, в ходе которых они уступили свою территорию между устьями Тапажос и Мадейры бразильскому правительству; и по сей день они не совсем недружелюбны к *белым* бразильцам, хотя к мулатам и неграм, составляющим значительную часть населения Бразилии, мундруку не знают иных чувств, кроме смертельной враждебности. Истоки их ненависти к бразильским неграм кроются в восстании, которое произошло в провинции Нижняя Амазонка (в штате Пара) в 1835 году. Это *была кастовая революция* против белых, но особенно против *европейских* португальцев. В этом деле

мундруку были задействованы против темнокожих повстанцев - *габано*, как их называли, - и оказали большую услугу в подавлении восстания. Поэтому они сохранили томительную искру дружбы к своим белым союзникам; или, возможно, правильнее было бы сказать, что они их не ненавидят, а ведут небольшую торговлю с их торговцами. При всем том они время от времени перерезают глотки нескольким из них, особенно тем, кто не имеет с ними прямых дел, а проходит через их страну, направляясь от Амазонки к алмазным рудникам Бразилии. Этих последних называют *монсао*, и их бизнес заключается в перевозке грузов из городов на Амазонке (Сантарем и Пара) к старателям золота и промывальщикам алмазов в округе Матто-Гроссо, столицей которого является Куяба. Их путь лежит по воде и "порту" вверх по реке Тапахос и через территорию страшного Мундрукуса, что требует шестимесячного путешествия, столь же опасного и утомительного, как и утомительного.

Нынешняя резиденция Мундрукуса находится между Тапахосом и Мадейрой, как и раньше, но далеко вверх по обеим рекам. На реке Тапахос, выше так называемых "Сахоеiras", или катаракты, находятся их деревни. Там они живут, не подвергаясь никаким притеснениям со стороны белых; их границы широко простираются вокруг них и ограничиваются только контактами с другими воинственными племенами, подобными им самим, которые являются их смертельными врагами. К последним относятся *мурасы*, обитающие в устьях рек Мадейра и Рио-Негро.

Мундруку строят *малокку*, описанную в другом месте; только в их случае она используется не как жилище, а как большой арсенал, зал совета, бальный зал и, если нужно, крепость. Опасаясь нападения, все спят в нем "под оружием". Это сооружение большого размера и огромной прочности, которое обычно становится еще более неприступным, если его "шинкуют" и оштукатуривают глиной. Именно в этом здании хранятся те ужасные трофеи, благодаря которым мундруки получили страшный титул *декапитадоров*, или "обезглавливателей". Это название и его происхождение мы сейчас объясним.

Вокруг большого малокка расположены хижины, образующие деревню, в которых обычно живут люди.

Мундруку не лишены достаточных средств к существованию. Как и большинство других амазонских племен, они выращивают немного маниока, подорожника и даже кукурузы; они умеют готовить еду *фаринья*, а также, к сожалению, отвратительную *чичу*, универсальный напиток южноамериканских аборигенов. У них есть свои сосуды из калабаша - как растительного, так и древесного - и полный набор орудий труда и утвари для поля и кухни. Их боевое оружие - обычное для других племен Амазонии, иногда они носят и копье. У них есть каноэ из полых деревьев; и, конечно, рыбалка и охота - занятия мужчин, а женщины, как и почти везде у индейцев, занимаются рутинной работой: пашут и жнут, "колют дрова и черпают воду", делают домашнюю утварь и пользуются ею, - все эти занятия ниже достоинства "господского" или, скорее, *ленивого* дикаря.

Я уже говорил, что они поддерживают торговые отношения с белыми торговцами. Он не очень велик, и их экспорт состоит исключительно из местных и спонтанных продуктов земли, одним из главных товаров является сарсапарилла. Они собирают ее (женщины и дети) в течение шести месяцев в году. Остальные шесть месяцев они не занимаются никаким промыслом, поскольку этот период уходит на враждебные походы против соседних племен. Их импорт состоит из железных инструментов и деталей для оружия; но особенно часто они обменивают продукт своего труда на декоративные украшения, которыми дикари повсеместно восхищаются и желают их приобрести. Их сарсапарилла хороша и пользуется большим спросом на медицинском рынке.

Каждый знаком с природой и характером этого ценного лекарственного корня, внешний вид которого, должно быть, также известен почти всем, поскольку наши аптекари так часто выставляют связки этого корня в своих витринах. Возможно, не все знакомы с тем фактом, что корень сарсапариллы является продуктом большого количества различных видов растений, большинство из которых относится к роду *Simlax*, но не мало и растений других родов, таких как *Carex* и *Herreria*, корни которых также продаются как сарсапарилла. Виды симлакса широко распространены по всему торридному поясу, в Азии, Африке и Америке, а некоторые виды растут за пределами тропиков, как, например, в Вирджинии и долине Миссисипи, а также по другую сторону Тихого океана на большом континенте-острове Австралия.

Однако самая лучшая сарсапарилла - та, что производится в тропических странах, особенно во влажных, где атмосфера одновременно жаркая и влажная. Эти условия необходимы для того, чтобы сконцентрировать силу своего сока и сделать ее более активной.

Не стоит перечислять различные виды симлакса, из которых получают корень сарсапариллы, входящий в фармакопею. Их существует почти бесконечное множество, и они одинаково разнообразны по качеству; некоторые виды на самом деле почти бесполезны, и по этой причине при использовании их в качестве лекарства следует очень тщательно подходить к выбору вида. Как и во всех других продуктах, будь то пища или лекарство, ценные виды являются самыми редкими; в данном случае причина в том, что лучшая сарсапарилла встречается не только в труднодоступных местах, но и там, где сбор ее корня сопряжен со значительной опасностью из-за нездорового климата и враждебности дикарей, на территории которых она растет. Что касается количества, которое можно получить, то здесь нет никаких ограничений, если говорить о нехватке самого растения, поскольку оно встречается во всех странах тропической Америки в изобилии как в виде видов, так и отдельных растений. Вдоль берегов некоторых южноамериканских рек растет такое количество этого растения, что индейцы считают, что эти потоки, известные как *черные воды*, такие как Рио-Негро и другие, получают свой особый цвет от корней этого растения. Однако это ошибочное предположение, поскольку многие *беловодные* реки протекают через регионы, обильно снабженные корнем сарсапариллы. Поэтому черная вода должна быть вызвана какой-то другой, пока неизвестной причиной.

Как уже было замечено, сарсапарилла из страны Мундруку отличается самым лучшим качеством. Это *Simlax papyracea* Суаре, известный в торговле как "лиссабонский" или "бразильский". Это вьющееся растение или низкорослый кустарник, стебель которого уплощен и угловат, с рядами колючек, расположенных вдоль выдающихся краев. Его листья имеют овальную заостренную форму и отмечены *продольными* нервами. Он вырастает без всякой опоры до высоты пятнадцати-двадцати футов, после чего обхватывает окружающие ветви деревьев и распространяется на большое расстояние во всех направлениях. От главного корня отходит множество длинных усиков, одинаковой толщины, покрытых коричневатой корой, а иногда темно-серого цвета. Эти усики волокнистые, толщиной с перо. Они имеют постоянную тенденцию к изгибанию, а также морщинистые в продольном направлении, с небольшими боковыми волокнами, ответвляющимися от боковых сторон.

Именно в коре или эпидермисе корневища заключена лекарственная ценность; но усики - и корневище, и кора - собираются вместе, и не предпринимается никаких попыток отделить их, пока они не достигнут своего коммерческого назначения. Более того, даже они продаются вместе, способ приготовления корня остается на выбор потребителя или аптекаря, который его приобретает.

Мундруки собирают его в течение шести месяцев сезона дождей, отчасти потому, что в остальные шесть они заняты другими делами, а отчасти потому, что во время дождя корни легче извлекать из влажной почвы. Процесс заключается в том, чтобы просто выкопать их или вытащить из земли - последний способ особенно подходит в тех случаях, когда усики лежат у поверхности, и они вытягиваются, не ломаясь. Если не выкапывать основной корень, он пустит новые усики, которые через некоторое время дадут новый урожай; но импровизированные дикари не делают подобных расчетов, руководствуясь исключительно соображениями удобства, и поэтому во время сбора они обычно уничтожают и корень, и растение.

Как уже говорилось, этот труд возлагается на женщин, которым также помогают их дети. Они отправляются в глубь леса, где симлакс растет в наибольшем изобилии, и, собрав столько корней, сколько смогут унести с собой, возвращаются со своими связками в малокку В свежем виде сарсапарилла достаточно тяжела - отчасти из-за сока, который она содержит, а отчасти из-за количества грязи или земли, которая прилипает к рифленой поверхности корней.

Крайне вероятно, что в таком свежем виде польза сассапарилля, как очистителя крови, гораздо больше, чем после того, как он прошел через каналы торговли; и у автора этого очерка есть некоторые основания, основанные на личном опыте, полагать, что это именно так. Несомненно, что репутация этого бесценного лекарства гораздо ниже в странах, где растение не растет, чем в тех, где оно распространено и может быть получено в свежем виде. Во всех частях Испанской Америки его достоинства не вызывают сомнений, и опыт привел к тому, что там он используется более широко, чем в других странах. Поэтому вполне вероятно, что добродетель содержится в соке, а не в кортикальной оболочке корневища; и она, конечно, будет существенно изменена и ухудшена, если не полностью уничтожена, в процессе эксикации, которая обязательно должна произойти за время, необходимое для транспортировки в отдаленные части света. В европейской фармакопее предполагается, что именно эпидермис корня содержит санитарный принцип; он, обладающий муцилагинозой природой и слегка горьковатым вкусом, используется как в отварах, так и в настоях в качестве тонизирующего и общеукрепляющего средства. В Америке, однако, его обычно принимают для так называемого *очищения крови* - с той же целью, что и корневища *сассафраса* и других растений; но сассапариль, как правило, считается лучшим, и он, безусловно, *является* лучшим из всех известных лекарств для этой цели. Почему она упала в цене среди практиков Старого Света или почему она никогда не пользовалась такой большой репутацией, как в Америке, может объясняться двумя обстоятельствами. Во-первых, корень, предлагаемый для продажи, обычно является продуктом менее ценных видов; во-вторых, сок, а не корневище, может быть частью, содержащей благотворный принцип.

Когда собранные корни хранятся некоторое время, они становятся сухими и легкими, и для удобства укладки и перевозки - что важно для торговца в его восьмитонной *гарратее* - необходимо, чтобы корни были упакованы в пакеты одинаковой длины и толщины. Такие пакеты формируются путем укладки корней рядом друг с другом и сдвигания концов более длинных. В связке подходящего размера для хранения содержится *арроба* весом в двадцать пять фунтов, хотя вес зависит от состояния корня. Главной целью является однородность размеров, поэтому пучки делаются круглой или цилиндрической формы, около пяти дюймов в диаметре и более ярда в длину. Они обрезаются с концов, чтобы их можно было укладывать, не оставляя пустого пространства между двумя ярусами, и каждый пучок плотно обвязывается с одного конца до другого "сипо", или ползучим растением.

Утверждается, что это "сипо" - корень сарсапариллы, содранный с коры; и действительно, его собственный корень мог бы послужить достаточно хорошо, если бы не то, что такое использование уничтожит его лекарственную ценность и, таким образом, приведет к значительной трате дорогого материала. Сарсапарилла не продается даром даже на берегах Тапахоса. Пучок самого лучшего качества не покидает рук мундруку, пока в него не будет вложено около четырех долларов, а это значит, что его цена превышает шесть пенсов за фунт. Поэтому он не очень-то жаждет тратить материал, сбор которого стоил ему - точнее, его жене и детям - столько хлопот. Его кордаж обходится дешевле и состоит из длинных, гибких корней одного из видов *поттоса*, которые, будучи так называемыми *воздушными* и не зарытыми в землю, не требуют никакого труда или копания, чтобы добраться до них. Нужно только протянуть руку и спустить их с верхушек высоких деревьев, с которых они свисают, как серпантин, часто длиной в сотню футов. Они становятся жестче, если содрать с них кору; когда это сделано, они готовы к использованию и служат не только для связывания пучков сарсапариллы, но и для многих других целей в домашнем хозяйстве мундруков.

Помимо сарсапариллы, мундруку поставляют торговцу еще несколько товаров, представляющих коммерческую ценность, поскольку их климат, хотя и является одним из самых нездоровых во всем регионе Амазонки из-за сильной жары и влажности, по этой же причине является одним из самых плодородных. Почти все тропические овощи, которые являются характерной чертой бразильской экспортной торговли, могут быть произведены здесь в самом роскошном виде; но только те, которые произрастают спонтанно у самых дверей его дома, заставляют мундруку заниматься их сбором.

Есть, однако, один товар, который он не только собирает, но и превращает в предмет коммерческого обмена - правда, очень редкий. Это *гуарана*, которую производят из плодов дерева, почти уникального для территории Мундруку, поскольку нигде она не встречается в таком изобилии, как на Тапахосе. Он так ценится в бразильских поселениях, что при транспортировке туда его стоимость равна почти весу серебра. Он является составным элементом напитка, который оказывает стимулирующее воздействие на организм, несколько более сильное, чем чай или кофе. Она предотвращает сон, но самое ценное ее свойство - это то, что она является хорошим жаропонижающим средством, равным лучшему хинину. *Гуарана* готовится из семян инги - одного из семейства *мимозовых*. Это невысокое, широко раскидистое дерево, как и большинство представителей семейства мимозовых. Бобовые собирают, а семена обжаривают в них. Затем их вынимают и, измельчив в порошок, смешивают с водой, чтобы получилась жесткая паста, которую формуют в виде маленьких кирпичиков, а после высыхания она готова к употреблению. Напиток готовится путем соскабливания столовой ложки пыли с кирпича и смешивания ее с пинтой воды, и сухая паста, хранящаяся в течение любого времени, готова к употреблению в любое время.

Куст *гуараны* растет и в других местах долины Амазонки, а также в некоторых верховьях реки Ориноко, где некоторые племена также умеют готовить этот напиток. Но он распространен очень скупо, и нигде не встречается так часто, как в верховьях Тапахоса, отсюда и его высокая цена на рынках Бразилии. Мундруку производит его не только для "домашнего использования", но и для "экспорта".

Он готовит еще один необычный предмет роскоши, причем исключительно для собственного пользования, - не для удовлетворения губ или нёба, а для носа, - иными словами, нюхательный табак. Не думайте, однако, что это обычный нюхательный табак - измельченный продукт невинного табака. Ничего подобного; это настолько мощный и стимулирующий состав, что вдыхающий его чувствует себя так, словно его ударило током; его тело содрогается; его глаза устремляются вперед, как будто они хотят покинуть свои

впадины; его конечности не выдерживают, и он падает на землю, как человек в состоянии опьянения! На короткое время он буквально сходит с ума, но вскоре приступ проходит - обычно он длится всего несколько минут, - и на смену ему приходит ощущение новой силы, мужества и жизнерадостности. Таковы последствия приема нюхательного табака с мундруку.

А теперь опишем природу вещества, которое производит эти мощные эффекты.

Как и *гуарана*, этот нюхательный табак представляет собой препарат, основу которого составляют семена бобового дерева. Однако на этот раз это не *инга*, а *акация*. Это *акация ниопо*, названная так потому, что "ниопо" - это название самого нюхательного табака у некоторых племен (осмаков и других), которые, как и мундруки, являются любителями нюхательного табака. Его также называют *курупа*, а приспособление для его приготовления и приема - а приспособление это весьма обширно - на общем языке (*lingoa geral*) амазонских регионов называется *парика*.

Мы опишем приготовление, устройство и церемонию.

Стручки *акаций ниопо* - небольшого дерева с очень нежными перистыми листьями - срывают, когда они созреют. Затем их разрезают на мелкие кусочки и бросают в сосуд с водой. В ней они остаются до тех пор, пока не станут мацерированными, а семена не почернеют. Затем их выбирают и толкут в ступке, в качестве которой обычно используется околоплодник *сапусаи*, или дерева "обезьяний горшок" (*Lecythis ollaria*). В результате толчения они превращаются в пасту, которую берут, разминают между ладонями и формируют небольшие лепешки, но только после того, как смешают с мукой из маниока, известью из обожженной раковины (*хеликс*) и небольшим количеством сока из свежих листьев "абуты" - мениспермового растения рода *Cocculus*. Затем лепешки сушат или "жарят" на примитивной решетке, прутья которой представляют собой саженцы твердого дерева, и когда они хорошо затвердеют, нюхательный табак готов для "коробки". В коробочке его и носят - обычно из какой-нибудь редкой и красивой раковины.

Церемония принятия нюхательного табака - самая необычная часть представления. Когда мундруку чувствует желание сделать "щепотку" - хотя это нечто большее, чем *щепотка*, которую он вдыхает, когда чувствует желание, - он вынимает лепешку из коробки, отсыпает примерно ложку в неглубокий блюдцеобразный сосуд типа калабаша, а затем распределяет порошок по всему дну сосуда в виде равномерного "расслоения". Разбрасывание происходит не пальцами, а крошечной, похожей на карандаш кисточкой, сделанной из щетины большого муравьеда (*Myrmecophaga jubata*).

Он не спешит, но и не торопится, поскольку, как можно догадаться по эффекту, это действие повторяется не так часто, как при обычном курении. Когда пыль *ниопо* уложена по его вкусу, в ход идет еще один инструмент, устройство которого также необходимо описать. Это "машинка" длиной от шести до восьми дюймов, сделанная из двух перьев с крыла *гавиао реал*, или "орла-гарпии" (*Harpyia destructor*). Эти перья располагаются рядом друг с другом на большей части своей длины, образуя две параллельные трубки, и таким образом аккуратно сплетаются вместе с помощью нити. С одного конца они раздвигаются так, чтобы расходиться на ширину, соответствующую ширине между ноздрями мундруку, - именно туда их предполагается помещать во время церемонии принятия табака.

И таким образом они размещаются: один конец каждого пера слегка проникает в линию перегородки, а другой опирается на нюхательный табак или бродит по поверхности блюда, пока весь находящийся там порошок не втягивается и не вдыхается, вызывая судорожные эффекты, о которых уже говорилось выше.

Вместо перьев иногда используют голенькую косточку одной из разновидностей птиц, предположительно ржанки. Она полая и имеет на конце трубку-вилку. Этот вид не так часто встречается и его нелегко достать, так как тот, у кого есть ниопо, считает его самым ценным предметом своего аппарата.

Надувание ниопо не ограничивается исключительно мундруку. В другом месте мы видели, что это также является привычкой оттомаков, питающихся грязью; это практикуют и другие племена в верховьях Амазонки. Но махуэсы, уже упоминавшиеся как союзники мундруку, являются самыми стойкими любителями нюхательного табака из всех.

Еще одним странным обычаем мундруку является их привычка "татуировать". Я говорю о настоящей татуировке, то есть нанесении на кожу точек и линий, которые невозможно стереть, в отличие от простого *рисования* или окрашивания, которое можно легко смыть. Мундруки также рисуют, используя *анотто*, *куиток*, *каруту* и другие пигменты, но в этом они лишь следуют практике сотен других племен. Настоящая *татуировка* - это совсем другое дело, и она почти не известна среди аборигенов Америки, хотя достаточно распространена на островах Южного моря. Несколько других индейских племен практикуют ее в ограниченных масштабах, как уже говорилось, но среди мундруку это "институт"; и хотя процесс этот болезненный, его приходится терпеть каждому в народе, "каждому сыну матери" и дочери, которые прокляты мундруку в качестве отца.

Этому подвергаются молодые люди, когда им исполняется восемь или десять лет.

Татуировка была описана так часто, что мне не стоит повторять ее здесь; но есть несколько "моментов", характерных для татуировки Мундруку, и несколько других, непонятных в других местах.

Обычно этим занимаются старые кроны, которые в результате долгой практики приобрели большое мастерство в этом искусстве.

Главным инструментом является гребень из шипов - не один шип, как принято считать, а ярус или ряд шипов, уложенных в виде гребня. Эти колючки - шипы пальмы "мурумуну" или "пупунха" (*Gullielmia speciosa*). Гумбольдт утверждает, что эта пальма гладкая и бесхребетная, но в этом великий и добрый человек ошибся. Ее ствол настолько покрыт шипами и колючками, что когда индейцам нужно взобраться на нее, чтобы достать ценные плоды, которые они едят в разном виде, им приходится сооружать ступеньки или грубое подобие лестницы, чтобы иметь возможность добраться до них.

Затем гребень надавливают на кожу "татуи", пока все острия не проникнут в плоть, и открывается ряд отверстий, из которых обильно течет кровь. Как только ее удастся вытереть, в раны втирают пепел жженой камеди или смолы, которые после заживления выглядят как множество точек глубокого синеватого или черного цвета. Таким образом, молодые мундрукусы, как мальчики, так и девочки, получают те регулярные ряды пунктирных линий, которые так причудливо пересекают их лоб и щеки, руки и конечности, грудь и тело. Часто спрашивали, как эти точечные линии располагаются на коже такими прямыми и симметричными рядами, образуя правильные параллельные линии или другие геометрические узоры. Расческа" объяснит эту загадку.

Тату, несколько ниток бус из ракушек или ожерелий, браслеты из зубов обезьян и ягуаров - вот и все, что разрешено носить красавице Мундруку. В стране мундруку все наоборот, чем у цивилизованных людей: мужчины являются выразителями моды, а косметика и бижутерия остаются исключительно за ними. Не довольствуясь татуировками, они *раскрашивают* свое

тело в виде "шинели", а также украшают себя яркими перьями птиц. Они носят на голове красивый циркуль из перьев макаки, а по торжественным случаям появляются в великолепном "платье из перьев", которое так долго славилось как особый костюм индейцев тропических лесов. Эти платья их женщины ткнут и украшают каймой, затрачивая на это много утомительного труда. Они также украшают свои руки и ноги рядами перьев вокруг них, кончики которых повернуты вверх и назад.

Нанесение татуировок характерно только для самих мундруку, их союзники, махуэ, не следуют этой практике, а довольствуются простым "слоем" краски.

Трудно сказать, какой мотив побудил людей впервые приобщиться к этому необычному и варварскому обычаю. Легче сказать, почему ему до сих пор следуют, а на вопрос "почему" можно ответить, сказав, что мундруки "шрамируют" себя, потому что их отцы делали это до них. Многие обычаи среди цивилизованных народов, но не менее нелепые, если только мы можем так думать, покоятся на подобной основе. Возможно, наша современная отвратительная шляпа - хотя она и имеет другое происхождение - не менее смехотворна, чем татуировки дикарей. Конечно, она вполне равна ей по уродству и, вероятно, будет соперничать с ней по долговечности, - к нашему сожалению. Но даже *мы* относимся к татуировкам свысока. Наш веселый Джек был бы никем на форштивне без "Полли" в синей форме на его избитой непогодой груди и *браного якоря* на руке.

Но мундруку крестят своих несчастных отпрысков еще более диким способом. Татуировку можно назвать *крещением кровью*, которое совершается в нежном возрасте десяти лет. Когда юноша - к счастью, это не распространяется на слабый пол - достигает восемнадцати лет, он должен пройти через *токандейру*, которая заслуживает названия "*крещение огнем*"!

Это тоже заслуживает описания. Когда юноша-мундруку становится кандидатом в мужчины, для него готовят пару "*перчаток*". Они состоят из двух кусков коры пальмового дерева, из которых выдолблена сердцевина, но оставлен один конец. Полая часть имеет достаточный диаметр, чтобы свободно обхватывать руки, и такую длину, чтобы доходить до середины руки, по типу перчаток.

Подготовленные перчатки почти полностью заполняются муравьями, причем не только ядовитыми рыжими, но и всеми другими видами, большими или маленькими, способными кусаться или жалить, которых в тропической Южной Америке бесконечное множество. С этой "подкладкой" "рукавицы" готовы к использованию, и новичку приходится их натягивать. Если он откажется или даже проявит склонность уклониться от огненного испытания, он пропал. С этого часа он никогда не должен поднимать голову, а тем более предлагать руку и сердце, ибо во всей стране Мундруку не найдется девы, способной выслушать его нежные речи. Он навсегда лишен удовольствия стать бенедиктом. Разумеется, он не отказывается, а, погрузив руки в "рукавицы", в самую гущу ползающих по земле хозяев, приступает к церемонии.

Он должен не снимать перчатки, пока не станцует перед каждой дверью в деревне. Он должен петь, как будто от радости; и для этого есть много музыки, барабаны и фифы, человеческие голоса, потому что его родители и родственники рядом с ним, подбадривая его своими песнями и жестами. Он испытывает боль, настоящую агонию, потому что эти ядовитые муравьи и жалят, и кусают, и занимаются тем и другим с самого первого момента. С каждым мгновением его агония становится все сильнее, его страдания острее, ибо яд будоражит его вены, он бледнеет, его глаза наливаются кровью, его грудь вздрагивает от волнения, а конечности дрожат под ним; но, несмотря на все это, горе ему, если он произнесет хоть один слабый крик! На нем будет вечное клеймо, ему никогда не дадут нести

в бой копье Мундруку, чтобы водрузить на его острие страшный трофей *обезглавливателей*. Вперед, вперед, сквозь ревущую толпу, среди друзей и родственников с такими же встревоженными лицами, как у него самого; вперед, под звуки пронзительного дудочника и хриплый рокот индейского барабана; вперед, пока он не предстанет перед хижиной вождя! Там снова поют песню, танцуют "джигу", и то и другое с гордостью длится до полного истощения сил исполнителя. Тогда, и только тогда, перчатки отбрасываются в сторону, а их обладатель падает назад, в объятия своих друзей, "достаточно наказанный!".

Наступает час поздравлений. Девушки собираются вокруг него и обнимают его за шею своими татуированными руками. Они сгрудились вокруг него и прижимаются к нему, распевая песню триумфа; но в этот момент он не в настроении для нежных ласк и, вырвавшись из их объятий, бросается к реке. Достигнув ее берега, он с головой погружается в воду и остается в ней по шею, пока прохладная жидкость не облегчит его больные руки и не утихомирит бурлящую кровь. Когда он выходит из воды, то становится мужчиной, пригодным для воина Мундруку и достойным руки девицы Мундруку.

Можно заметить, что это ужасное испытание мундруку, хотя, возможно, и свойственно южноамериканским индейцам, имеет параллель с некоторыми племенами севера - манданами и другими, как подробно описано Кэтлином, одним из самых острых этнологических наблюдателей.

Трофей в виде скальпа у северных индейцев также имеет аналог в обычае мундруку, который отличает его больше всего и который завоевал для него страшный титул "Обезглавливатель".

Это необычное прозвище сейчас будет объяснено.

Когда мундруку удастся убить врага, он, как и его северный коллега, не довольствуется только кожей с головы. *Он должен получить всю голову*, скальп и череп, кости, мозги и все остальное! И он забирает все, отрезая голову своим ножом чистым разрезом через шею, а туловище оставляет королю стервятников. С жутким трофеем, насаженным на острие копья, он триумфально возвращается в малокку, чтобы принять приветствия своего племени и похвалы вождя.

Но воинский подвиг требует памяти - какого-то знака, с помощью которого он мог бы увековечить свою славу. Среди мундруков не существует искусства печати, и нет дружеского пера, чтобы запечатлеть подвиг. Но это было сделано, - и вот доказательства! гораздо более ясные, чем часто сопровождают подвиги цивилизованных героев. Есть свидетельство того, что враг убит; есть мрачный, кровавый ваучер, осязаемый как на глаз, так и на ощупь, подтверждающий, что где-то есть труп.

Конечно, для настоящего времени таких доказательств достаточно, но как насчет будущего? Со временем подвиг может быть забыт, как забывают великие дела в других местах. Кто-то может даже отрицать его. Какой-нибудь клеветник может шепнуть, или намекнуть, или открыто заявить, что это был не подвиг, что мертвого человека не было; ведь стервятники к этому времени уже унесли бы тело, а белые муравьи (*термиты*) в равной степени уничтожили бы все следы костей. Как же тогда сохранить доказательства? *Сохранив голову!* Именно такая мысль приходит в голову воину Мундруку. Он твердо намерен не допустить, чтобы его подвиг был похоронен в забвении путем *погребения головы* его врага. Этот язык, пусть и немой, расскажет потомкам историю; эта бледная щека, пусть и немного сморщенная в процессе "сушки", все равно будет достаточно гладкой, чтобы показать, что на ней нет *татуировки*, и быть опознанной как кожа врага. Какой-нибудь юный Мундруку, еще не родившийся, прочтет в лице этого ухмыляющегося и оскаленного свидетеля

свидетельство доблести своего отца. Поэтому голова должна быть сохранена, и ее берегут с не меньшей тщательностью, чем заветный портрет знаменитого предка. Реликвию черепа даже *бальзамируют*, как будто из любви к тому, кому она принадлежала. Мозг и глазные яблоки удаляются, чтобы облегчить процесс высыхания; но вставляются фальшивые глаза, а язык, зубы и уши, скальп, череп и волосы - все это сохраняется, и не только сохраняется, но и "титивируется" в самом одобрительном стиле моды. Длинные волосы тщательно вычесываются, разделяются и укладываются; блестящие перья петуха и макаки закладываются за уши и закручиваются в свисающие локоны. Через язык пропущен декоративный шнурок, за который трофей подвешивают к балкам большой малокки.

Оставаться там ему не разрешается. В какой-нибудь темной нише этой Голгофы - этого Мундрукина Вестминстера - он может быть забыт и упущен из виду. Чтобы не допустить этого, его часто выносят наружу и проветривают. На всех военных и праздничных мероприятиях он появляется, опираясь на острие копья воина; и даже в мирные времена его можно увидеть - вместе с сотнями ему подобных - расположенным в круговом ряду вокруг поляны маниока и смиренно вззирающим на труды в поле.

Не так уж необычно, что этот обычай бальзамировать головы своих врагов встречается у даяков на Борнео, причем процесс в обоих местах до смешного похож. Между амазонскими племенами и борнейскими дикарями есть еще одно редкое совпадение: и те, и другие снабжены духовым ружьем. *Гравитана* американских племен почти идентична сумпитану Борнео. Это служит еще одним доказательством нашей теории об изначальной связи между американскими индейцами и дикарями великого Южного моря.

Мундруку редко страдает от недостатка пищи. А если и бывает, то это полностью его собственная вина и вина его ленивого нрава. Почва на его территории самая плодородная, и на ней самопроизвольно произрастает множество съедобных плодов, таких как орехи пальмы *пупунья* и великолепные плоды *бертолетии эксцельса*, или дерева джувия, известного в Европе как "бразильский орех". Из них есть два вида, как уже упоминалось, второй - дерево из рода *Lecythys*, *Lecythys ollaria*, или "обезьяний горшок". Такое тривиальное название оно получило, во-первых, из-за того, что его большой околоплодник, размером почти с голову ребенка, имеет подвижную верхушку или крышку, которая отпадает, когда плод созревает; во-вторых, из-за того, что обезьяны часто видели вынимающими семена или орехи из той части скорлупы, которая остается прикрепленной к дереву, и которая, имея значительное сходство с горшком по своей форме, таким образом, очень уместно обозначается как горшок обезьян. Общее индейское название обезьяньего горшка - *сапусайя*, и орехи этого вида так называются в торговле, хотя их также называют бразильскими орехами. Они имеют более приятный вкус, чем настоящие бразильские орехи, и их не так легко достать, поскольку *Lecythys* менее распространен в долине Амазонки. Он требует особой почвы и растет только на тех участках, которые подвергаются ежегодному затоплению реками.

Настоящие бразильские орехи - это деревья "джувия" индейцев; сезон их сбора - один из урожаев народа мундруку. Огромные перикарпы, напоминающие крупные орехи какао, когда их очищают от волокон, не раскрываются и не высыпают семена, как это происходит с обезьяньим горшком. Весь плод падает сразу; а поскольку он очень тяжелый, и ветви, на которых он растет, часто находятся на высоте почти ста футов от земли, легко представить, что он падает, как десятифунтовый снаряд; на самом деле один из них, упавший на голову мундруку, скорее всего, раздавит его череп, как пуля яичную скорлупу; и такие несчастные случаи нередко происходят с людьми, неосторожно проходящими под ветвями бертолетии, когда ее орехи созрели. Иногда обезьяны, сидящие на земле и присматривающие за

упавшими, становятся жертвами подобного несчастного случая; но эти существа обладают хитрым умом и, по опыту зная об опасности, почти никогда не пройдут под деревом ювии, а проходя мимо, всегда делают широкий круг вокруг него. Обезьяны не могут сами вскрыть большой околоплодник, как они это делают у сапусаи, но, несмотря на это, они достаточно хитры, чтобы добраться до драгоценного содержимого. В этом им помогают другие существа, которые также заинтересованы в открытии раковин ювий - кави и другие мелкие грызуны, чьи зубы, сформированные именно для этой цели, позволяют им прогрызть отверстие в лигнистых околоплодниках, таких твердых и толстых, как они. Обезьяны, сидящие на корточках вокруг, наблюдают за процессом беспечно, как будто результат их нисколько не волнует; но как только они видят, что отверстие достаточно большое, чтобы просунуть руку, они бросаются вперед, прогоняют более слабое существо, которое так долго и кропотливо трудилось, и завладевают трофеем.

Собирателю орехов мундруку также не может завладеть плодами ювии без определенной доли опасности и труда. Ему приходится взбираться на самые высокие деревья, чтобы собрать весь урожай за один раз; а когда он занимается сбором тех, что лежат на земле, ему угрожает опасность получить удар от странных, которые постоянно падают. Чтобы обезопасить свой череп от несчастных случаев, он носит на голове толстую деревянную шапку или каску - по образцу шапок, которые носят наши пожарные, - и всегда старается держать свое тело в вертикальном положении, наклоняясь так редко, как только может избежать этого, чтобы не получить удар между плечами или по позвоночнику, который, скорее всего, расплющит его о землю. Эти бразильские орехи составляют часть пищи мундруку, как и многих других племен амазонских индейцев, а также являются предметом индейской торговли, поскольку их собирают среди разных племен португальские и испанские торговцы.

Но Мундруку не полностью зависит от спонтанной продукции леса, которая в лучшем случае обеспечивает лишь скудные запасы. Он занимается сельским хозяйством - выращивает немного корня маниока, подорожника, ямса и других тропических растений, которые дают огромный урожай при малейших хлопотах или внимании; и это именно то, что его устраивает. Несколько дней, проведенных маленькой общиной на грядках с ямсом - точнее, женщинами и детьми, ведь именно они занимаются сельским хозяйством в Мундруку, - достаточно, чтобы обеспечить обильное снабжение хлебом на весь год. С мясом дела обстоят не так хорошо, поскольку домашние животные, особенно быки, в стране амазонок не процветают. В стране Мундруку плотоядный ягуар, которому помогают мухи и летучие мыши-вампиры, быстро уничтожил бы их, даже если бы индеец имел желание разводить их, чего он не делает.

Поэтому вместо говядины он довольствуется рыбой, изредка стейком из большого тапира или грискина *манати*. Птицы тоже иногда дают ему пищу, но основную статью его плотского рациона составляют *квадруманы* - многочисленные виды обезьян, которыми изобилуют его леса. Он добывает их, сбивая с деревьев с помощью лука и стрел, а также используя различные другие охотничьи приспособления.

Его способ их приготовления достаточно своеобразен, чтобы его описать. Сначала разжигают большой костер из поленьев и дают ему гореть до тех пор, пока не образуется достаточное количество красной гари. Над этой золой сооружается решетка из зеленых саженцев дерева, уложенных параллельно друг другу, как прутья колосника, и на нее укладывается "косяк".

Перед тем как положить обезьяну на решетку, с ней ничего не делают. С нее не снимают кожу, и даже кишки не всегда вынимают. Огонь сжигает шерсть в достаточной степени, чтобы удовлетворить желудок мундруку, а шкуру поджаривают и едят вместе с мясом. Таким образом, это буквально "carne con cuero".

Можно заметить, что эта лесная решетка, или "барбекю", как ее правильно называют, не является идеей, присущей исключительно Южной Америке. Она используется среди индейцев севера и различных нецивилизованных племен в других частях света.

Иногда мундруку не утруждают себя строительством решетки. Когда они находятся в походе и не могут уделить время способу приготовления пищи, косяк жарится на вертеле на общем костре. Вертел - это просто палка, заостренная с обоих концов, один из которых насаживается на обезьяну, а другой втыкается в землю. Затем палку наклоняют к огню, чтобы туша оказалась над пламенем. На вертеле обезьяна оказывается в сидячем положении, с поднятой головой и длинным хвостом, свисающим вдоль саженца, - как будто она еще жива и находится в одной из своих самых естественных поз, цепляясь за ветку дерева! Зрелище достаточно комичное; но иногда приходилось наблюдать и мучительное зрелище, болезненное для любого, кроме дикаря: когда молодяк обезьяны был пойман вместе со своей плотинкой и все еще узнавал форму своего родителя, - даже когда вся шерсть была сожжена, а кожа прокалена огнем, - он бросался вперед в самое пламя и с пронзительным криком приглашал в материнские объятия! Подобный трогательный случай мы часто наблюдали в лесах Амазонии.

В завершение нашего очерка о мундруку, отметим, что форма правления у них деспотическая, хотя и не в крайней степени. Тушао, или вождь, обладает значительной властью, хотя она не абсолютна и не распространяется на лишение жизни, если только объектом недовольства не является раб, а многие из них находятся в рабстве у мундруку.

Религия мундруку похожа на религию многих других племен Северной и Южной Америки. Она состоит из абсурдных церемоний, обращений к добрым и злым духам потустороннего мира, а также смешана с огромным количеством шарлатанства в отношении бед, от которых страдают мундруку в этой жизни. Другими словами, это комбинация жреца и врача, объединенных в одно целое, тот арх-шарлатан, известный североамериканским индейцам как "Человек-медик", а среди мундруку - как "Пуге".

Глава шестая.

Кентавры из "Гран-Чако".

В другом месте я уже говорил, что широкая полоса независимой индейской территории - то есть территории, никогда не покорявшейся испанцам и не принадлежавшей им, - пересекает внутренние районы Южной Америки, простираясь в продольном направлении через весь континент. Начинаясь у мыса Горн, она заканчивается на полуострове Свободного *Гоахироса*, который вдается в Карибское море, - иными словами, ее длина составляет почти 5 000 миль. В ширину он сильно варьируется. В Патагонии и части Пампасов она простирается от Атлантики до Тихого океана, и еще шире она на широте реки Амазонки, где вся страна от Атлантики до Перуанских Анд, за исключением нескольких малочисленных бразильских поселений, занята племенами независимых индейцев. В любой точке эта территория на картах оказывается прерванной участками страны с цивилизованными

поселениями. Названия городов и деревень расположены так же густо, как если бы страна была хорошо заселена; прослеживаются многочисленные дороги, образующие на бумаге лабиринтную сеть. Широкий пояс такого рода простирается от нижней Параны (Ла-Плате) до Анд Чили, составляя верхние провинции "Аргентинской конфедерации"; другой, очевидно, соединяет поселения Боливии и Бразилии; и снова на севере, провинции Венесуэлы, кажется, объединены с провинциями Новой Гранады.

Однако все это скорее кажущееся, чем реальное. Города на картах - это, в общем, просто *ранчерии*, или собрания хижин; некоторые из них - названия укрепленных пунктов, а большая часть - просто руины, развалины поселений монашеских миссий, давно разрушенных, и лишь название на карте свидетельствует о том, что они когда-либо существовали. Дороги вообще не являются дорогами, это не более чем следы на карте, показывающие общий маршрут движения.

Даже через аргентинские провинции, где эта номенклатура наиболее густо представлена на карте, конные индейцы пампасов совершают свои набеги по своему усмотрению; их "ареал" встречается, а в некоторых случаях и "сходится" с ареалом племен, обитающих на северной стороне этих поселений. Последние, в свою очередь, совершают свои грабительские походы в Кампос Парексис, в верховьях Амазонки, откуда простирается независимая территория, далеко и широко, до самой Амазонки; затем в Ориноко, и через *Льянос* к берегам залива Маракайбо - свободный ареал независимых гоахино.

Таким образом, эта огромная территория фактически находится во владении аборигенов. Хотя в некоторых местах они были заняты представителями белой расы - испанцами и португальцами, - эта оккупация едва ли заслуживает такого названия. Поселения немногочисленны и скорее *ретроградны*, чем *прогрессивны*. Индейцы кочуют по ним и вокруг них, где и когда им вздумается; и только когда какой-нибудь униженный договор обеспечивает им временную передышку от военных действий, колонист наслаждается спокойствием. В остальное время он живет в постоянном страхе, не смея доверять себе дальше непосредственной близости от своего дома или деревни, которые он вынужден укреплять.

Правда, в один из периодов южноамериканской истории дела обстояли не так уж плохо. Когда испанская нация находилась в зените своего могущества, ситуация была иной; но даже тогда на указанной территории существовали большие участки, окруженные так же, как и в настоящее время, - участки, которые испанцы, при всей их хваленой воинственной силе, не могли даже *исследовать*, не говоря уже о том, чтобы покорить. Одним из них был тот, который является предметом нашего очерка, "Эль Гран Чако".

Из всех участков дикой территории, существующих в Южной Америке и известных под разными названиями - *Пампасы*, *Парамос*, *Кампос Парексис*, *Пуна*, *Пайонал*, *Льянос* и *Монтанас*, - нет ни одного, представляющего больший интерес, чем *Эль Гран Чако*, - пожалуй, нет ни одного, равного ему в этом отношении. Он интересен не только своеобразной почвой, климатом и продукцией, но и характером и историей его жителей, которые представляют нам черты и эпизоды поистине романтические.

Протяженность "Гран-Чако" составляет 200 000 квадратных миль, что в два раза больше площади Британских островов. Его восточная граница четко определена - это река Парагвай и ее продолжение Парана, вплоть до места, где последняя принимает один из своих больших западных притоков, Саладо; этот последний обычно рассматривается как южная и западная граница Чако. К северу границы Чако не столь определены, хотя нагорье Боливии и старая миссионерская провинция Чикитос, образующая водораздел между реками Ла-Платы и

бассейнами Амазонки, могут быть географически рассмотрены как окончание Чако в этом направлении. На север и юг она простирается на одиннадцать градусов широты; на восток и запад она имеет неодинаковую ширину - то расширяясь, то сужаясь, в зависимости от способности белых поселенцев вдоль ее границ поддерживать свою границу. На восточной стороне, как уже говорилось, граница определенная и заканчивается на берегах Парагвая и Параны. К востоку от этой линии, совпадающей почти с меридианом долготы, индейцы Гран-Чако не бродят: хорошо заселенная провинция Корриентес и диктаторское правительство Парагвая представляют более твердый фронт сопротивления; но и колонист этих стран не думает переходить на западный берег пограничной реки, чтобы основать там какое-либо учреждение. Он не осмеливается даже ступить на территорию Чако. На протяжении тысячи миль, вверх и вниз, две расы, европейская и американская, держатся на противоположных берегах этого великого потока. Они смотрят друг на друга: один - с портика своего хорошо построенного особняка или, возможно, с улицы своего города; другой - стоя у своего скромного "тольдо", или палатки, покрытой циновками, - что более вероятно, на спине своей полудикой лошади, запряженной на мгновение на каком-нибудь выступающем мысе, с которого открывается вид на реку. И так эти две расы смотрели друг на друга в течение трех столетий, и между ними не было почти никаких других сношений, кроме смертельной вражды.

Поверхность Гран-Чако на всем протяжении имеет характер шампанского. Ее можно описать как обширную равнину. Однако она не является продолжением Пампасов, поскольку их разделяет более изрезанный участок, на котором расположены сьерры Кордова и Сан-Луис с уже упомянутыми аргентинскими поселениями. Кроме того, эти две великие равнины существенно отличаются по своему характеру, даже в большей степени, чем сами Пампасы от пустынных степей Патагонии. Лишь некоторые виды животного и растительного мира Гран-Чако идентичны пампасским, а его индейские жители совершенно не похожи на кровожадных дикарей более южной равнины. Чако, расположенное на много градусов ближе к экватору, более тропическое по своему характеру; на самом деле, северная его часть действительно такова, так как находится в зоне торридов и представляет собой тропическую растительность. Каждый дюйм территории Чако находится в зоне пальм, но в северной ее половине эти прекрасные деревья изобилуют многочисленными видами, еще неизвестными ботанику, и составляют характерные черты ландшафта. Некоторые из них растут лесами на многие мили, другие - "глыбами", с открытыми, покрытыми травой равнинами между ними, а третьи смешивают свои изящные ветви с листьями и ветвями двудольных деревьев, или, заключенные в объятия роскошных лиан и паразитических альпинистов, образуют рощи самой пестрой зелени и фантастических очертаний. Такими рощами покрыта вся поверхность страны Чако; промежутки между ними заняты равнинами с сочной колышущейся травой, то и дело попадаются участки болот, покрытые высоким и изящным тростником, несколько засушливых мест, поросших необычными формами *альгаробии* и *кактусов*, а в некоторых местах - отдельные скалистые насыпи куполообразной или конической формы, возвышающиеся над общим уровнем равнин, как будто предназначенные для использования в качестве сторожевых башен для их охраны и безопасности.

Таковы пейзажи, которые Гранд-Чако представляет взору, - они значительно отличаются от лысого и однообразного монотонного вида прерий и памп; они гораздо грандиознее и прекраснее их, а по живописности, пожалуй, не имеют себе равных на земле. Неудивительно, что индейцы Южной Америки считают ее земным Элизиумом; неудивительно, что испанец мечтает о ней, хотя для испанского священника и испанского солдата она всегда была скорее чистилищем, чем раем. И те, и другие вступали в его

пределы, но ни один из них не смог поселиться в его владениях; а попытки завоевать его мечом и крестом были одинаково безуспешны - одинаково и фатально отбиты на протяжении более чем трехсот лет. Сейчас, как и во времена перуанского завоевания, как и в тот день, когда корабли Мендосы плыли вверх по водам Параны, Гран-Чако - непокоренная страна, принадлежащая ее коренным жителям и только им. Правда, на нее *претендуют* и испанцы, и португальцы, и не менее четырех отдельных претендентов, принадлежащих к этим двум национальностям. Бразилия и Боливия, Парагвай и Аргентинская конфедерация - все они претендуют на кусочек этого земного рая и даже спорят о том, как должны пересекаться их пограничные линии!

В этих претензиях есть нечто крайне нелепое, поскольку ни одна из четырех держав не может показать ни малейшего основания для них. Ни одна из них не может претендовать на завоевание; и уж тем более они не могут обосновать свои права на основе оккупации или владения. Ни один из них не осмеливается ступить за пределы этой земли, и они только рады, если ее нынешние обитатели довольствуются тем, что остаются в ее пределах. Таким образом, притязания испанцев и португальцев не имеют более высокого титула, чем тот, что триста пятьдесят лет назад он был дарован им Папой Римским, - титул не менее смехотворный, чем то, что они целовали палец Папы, чтобы получить его!

Среди этих четырех конфликтующих претендентов появляется пятый, и это настоящий владелец - сам "красный индеец". В его пользу говорят "три пункта закона" - владение, и, возможно, четвертый - власть удерживать владение. Во всяком случае, он удерживал его в течение трехсот лет вопреки всем шансам и всем желающим; и кто знает, может быть, он не удержит его еще триста лет? Только, надо надеяться, для другого использования и под влиянием более прогрессивной цивилизации.

Итак, индеец - несомненный властелин "Гран-Чако". Давайте заглянем к нему и посмотрим, что он за индеец и как он управляет этими величественными владениями.

Налюбовавшись богатыми пейзажами этой земли, зеленеющими равнинами, испещренными зарослями "кебрачо" и купами пальмы *карандай*, пейзажами, напоминающими самые роскошные парки, мы оглядываемся в поисках особняков и хозяев. Особняка нет, но перед нами стоит его владелец.

Нас сразу же поражает его внешность: высокий рост, прямая, как тростник, мускулистая фигура, округлые, хорошо сложенные конечности, пронзительные угольно-черные глаза, хорошо сформированные черты лица, слегка аквильный нос - и, пожалуй, мы немного удивлены светлым цветом его кожи. В этом мы отмечаем несомненную особенность, которая отличает его от большинства других племен его расы. Перед нами не *краснокожий* индеец, не дикарь *медного цвета*, а человек, чей цвет лица едва ли темнее, чем у мулата, и ничуть не глубже, чем у многих испанцев андалузского происхождения, которые могут похвастаться обладанием чистейшим "sangre azul"; ни на один оттенок не темнее, чем тысячи португальцев, живущих по ту сторону бразильской границы.

И помните, что перед нами *настоящая* кожа индейца Чако, а не *нарисованная*, ибо здесь мы почти впервые встречаем родной цвет лица аборигена, не испорченный теми ужасными пигментами, которые на этих страницах так часто мелькали перед глазами наших читателей.

Индеец из Чако почти не знает, что такое краска, или, во всяком случае, использует ее скупой и только через определенные промежутки времени, по очень торжественным случаям. Поэтому мы избавлены от описания его *эскулапа*, и это несомненное облегчение.

Было бы интересно выяснить причину, по которой он воздерживается от обычая, почти универсального для его расы. Почему он отказывается от краски?

Потому ли, что не может себе ее позволить, или потому, что ее нельзя купить в его стране? Нет; ни то, ни другое не может быть названо в качестве причины. Куст "аннотто" (*Bixa orellana*) и дикий индиго в изобилии произрастают на его территории, и он знает, как добывать краски из обоих, - ведь его женщины добывают их и используют для окрашивания пряжи своих паутинок. Другие красители - множество других - он мог бы легко добыть; и даже кохиновый кактус с его ярким паразитом-лазурью является коренным жителем его земли. Не может быть, чтобы нехватка материала мешала ему использовать его, - что же тогда?

Причина необъяснима; но не может ли быть так, что этот романтический дикарь, в остальном более одаренный, чем остальные представители его расы, наделен также более верным чувством прекрасного и прекрасного? *Quien sabe?*

Однако не следует думать, что он полностью свободен от "пятна", ведь он иногда рисует, как уже было признано; кроме того, следует помнить, что индейцы Чако не принадлежат ни к одному племени, ни к одной общине. По лицу этой обширной равнины разбросано множество их объединений, которые не похожи друг на друга ни по своим привычкам, ни по обычаям, а, напротив, очень непохожи; они даже не всегда дружны между собой, а заняты враждой и *вендеттой* самого смертоносного свойства. Некоторые из этих племен рисуют самые страшные картины, другие идут еще дальше и *наносят* на лица несмываемую *татуировку* - обычай, который в Америке распространен почти только среди индейцев Чако и нескольких племен на южных притоках Амазонки. К счастью, этот обычай идет на спад: мужчины больше не практикуют его, но, по необычному извращению вкуса, он все еще распространен среди женщин, и ни одна красавица из племени чако не будет считаться красивой без креста из синевато-черных точек на лбу, линии таких же точек, идущей от угла каждого глаза к ушам, и множества подобных отметин на щеках, руках и груди. Все это делается острием шипа - корешка *мимозы* или алоэ *карагуатайского*; а темно-фиолетовый цвет достигается путем всыпания древесного угля в свежие и кровоточащие проколы. Эта операция занимает несколько дней, а боль от нее - самая острая и продолжительная, она длится до тех пор, пока отравленные раны не зарубцуются. И все же ее переносят без ропота - так же, как люди в цивилизованной жизни переносят болезненное применение краски для волос и пинцета.

Нет нужды говорить, что волосы индейца из Чако не нуждаются в окрашивании, если только он не хочет, чтобы они были белого, красного или желтого цвета - нередкое увлечение среди дикарей.

Однако его вкус не отличается от вкуса цивилизованных денди, и он довольствуется своим естественным оттенком - цветом воронова крыла. Но он не может оставить его на произвол судьбы. Лишь часть ее - та, что покрывает верхнюю часть головы, - сохраняет свою длину и пышность. Для остальной части у него есть своя собственная *тонзура*; волосы, расположенные непосредственно над лбом, а иногда и полосой, идущей по всему периметру над ушами до затылка, либо тщательно сбриваются острым ракушечником, либо полностью выщипываются роговым пинцетом местного производства. Если бы не длинные и пышные локоны, которые все еще остаются, - покрывающие его макушку, как гребень, - этот выбритый круг мог бы приравнять его к некоторым орденам монахов; но, несмотря на сходство тонзуры, между индейцем из Чако и братом распятия и капота нет большого сходства.

Этот способ "одевать волосы" не совсем свойственен индейцам Гран-Чако. Его также практикуют некоторые племена прерий - осаге, пауни и два-три других; но все они носят "бритву" немного выше, оставляя на макушке лишь участок, или "скальп-лок".

Племена чако безбороды от природы, и если несколько волосков случайно появляются на щеке или подбородке, их тщательно "выстригают". Подобным образом и мужчины, и женщины избавляются от бровей и ресниц, жертвуя этими несомненными украшениями, как они говорят, принципу полезности, поскольку утверждают, что *без них они видят лучше!* Они смеются над белыми людьми, которые сохраняют эти украшения, называя их "страусоглазыми" - из-за сходства, которое они видят между волосатыми бровями и жесткими, похожими на волосы перьями, которые щетинятся вокруг глаз реи, или американского страуса, - известного обитателя Гран-Чако.

Костюм индейцев Чако отличается необычайной простотой, и в этом опять-таки проявляется особенность их ума. Вместо безвкусных и мишурных украшений, в которые с удовольствием облачаются большинство дикарей, он довольствуется одной полоской ткани, плотно сложенной вокруг его чресл. Обычно это либо кусок белого хлопка, либо шерсть, вытканная в три цвета - красный, белый и синий, причем оттенки настолько яркие, что производят в целом симпатичный эффект. Одежда женщин почти не отличается от мужской, и покрывало обеих, как бы скучно оно ни было, не является ни нелепым, ни нескромным. Она хорошо соответствует их образу жизни и климату, в котором царит вечная весна. Когда холодные ветры проносятся над их травянистыми равнинами, они ищут защиты под складками более просторного покрывала, которым они снабжены, - плаща, обычно сделанного из мягкого меха нутрии, или южноамериканской выдры, или халата из красивой пятнистой шкуры ягуара. Они не носят ни головных уборов, ни *чаушур*, ни подвесок на носу, ни отвратительных украшений на губах, которые можно увидеть у других племен Южной Америки; но многие из них прокалывают уши, и особенно женщины, которые расщепляют нежные мочки и вставляют в них спиральные придатки из свернутых пальмовых листьев, которые свисают до самых плеч. Таким образом, можно заметить, что среди племен чако женщины уродуют себя больше, чем мужчины, и все, несомненно, в угоду *моды*.

Видно, что описанное нами простое платье оставляет конечности и большую часть тела обнаженными. Поверхностному наблюдателю это может показаться неэлегантным костюмом, и, возможно, так оно и есть среди европейцев, или так называемых "белых". Уродливые фигуры европейцев, обезображенные веками труда и монархического крепостного права, плохо переносят воздействие света, как и кожа цвета трипса, которой они так дорожат. Совсем другое впечатление производит насыщенный брюнетистый оттенок - бронзовый, если хотите, - особенно если, как в случае с индейцами Чако, он покрывает тело правильной формы, с руками и конечностями симметричной пропорции. Тогда, и только тогда, дорогая одежда кажется излишней, и глаз сразу же признает, что на земле нет моды, равной моде на человеческую форму.

Прежде всего, он выглядит изящным верхом на лошади, и почти всегда индеец Чако демонстрирует его именно в таком положении. Редко можно встретить его пешком, но всегда на спине его прекрасного коня, - вместе они представляют собой образ кентавра. И, вероятно, в этом сходстве он ближе к истинному идеалу греческого мифа, чем любой другой всадник в мире; ведь индейцы Чако отличаются не только от других "конных индейцев" в их манере езды, но и от всех других конных народов. Ему неведомы нелепые татарские и арабские седла с высокими пиками и аляповатыми атрибутами, неизвестна и нелепая атрибутика, наполовину скрывающая лошадь, используемая мексиканцами, южноамериканскими испанцами и даже индейцами других племен, он презирает

пластинчатые удила, вышитые уздечки и звонкие шпоры, так щекочущие тщеславие других конников Нового Света. Всадник из Чако не нуждается в подобных аксессуарах для своей элегантности. У него нет седла, или есть только малейшая заплатка из шкуры ягуара, - шпоры и стремяна также отсутствуют. Голый он сидит на своей голой лошади, прекрасный изгиб которой не нарушают никакие посторонние атрибуты, - даже ремешок, который его ведет, едва заметен из-за своей незначительности. Кто же может отрицать его сходство с кентавром?

В таком виде, не имея ни седла, ни уздечки, кроме тонкой полоски сыромятной шкуры, обмотанной вокруг нижней челюсти лошади, он мчится галопом по равнине, изящно поворачивает, чтобы избежать норы *вискача*, проносится на полной скорости сквозь близко стоящие и часто колючие стволы пальм, а если нужно, встает на дыбы, как "звездный всадник" на ипподроме. В таком положении он высматривает врагов или дичь, которую ищет, и, возвышаясь над окружающими предметами, замечает вдаль на равнине страуса, большого оленя (*cervus campestris*) и красивых пятнистых косуль, которые бесчисленными стадами пасутся в покрытых травой саваннах.

Жилище индейцев Чако представляет собой палатку, покрытую не шкурами, а циновками, сплетенными из эпидермиса молодых листьев пальмы. Она устанавливается на двух длинных стойках и хребтовом столбе, на который подвешивается циновка - очень похоже на *палатку д'абри*, используемую солдатами зуавов. Его постель - гамак, раскачивающийся между вертикальными столбами, а чаще - между двумя пальмами, растущими рядом. Он укрывается в палатке только во время дождя, а чтобы пол не намок, выкапывает траншею снаружи. Он мало заботится о том, чтобы находиться на солнце; но его жена более деликатна и обычно носит на голове большой пучок перьев *реу*, а-ля *зонтик*, который защищает ее лицо от горячих палящих лучей.

Палатка не стоит долго в одном положении. Как бы ни были велики запасы, которые природа предоставляет в диких местах Чако, они не выливаются все в одно место. Это было бы слишком удобно и привело бы к дурным последствиям. Получатель такого блага вскоре стал бы вялым из-за отсутствия необходимости напрягаться; от такого изобилия пострадало бы не только его здоровье, но и его нравственная природа.

К счастью, индейцев Чако такая участь, скорее всего, не постигнет. Пища, которой он питается, поступает из множества разнообразных источников, несколько из которых можно найти только в одном конкретном месте, и каждый только в свое время года. Например, на сухих равнинах он преследует *рею* и *вискача*, ягуара, пуму и *куропато*; в лесах и болотистых местах - различные виды диких свиней (пекари). На берегах рек он встречается тапира и капивару, а в их водах - рыбу, *утриа*, гусей и уток. В более густых лесных массивах ему приходится искать различных видов обезьян, которые также составляют часть его пищи. Когда он собирает бобовые, *альгаробии* нескольких видов или собирает сахаристый сок *карагуатай*, он должен посетить участки, где процветают только *мимозы* и *бромелии*; и тогда он тратит много своего времени на поиски гнезд диких пчел, из меда которых и семян *альгаробии* он извлекает приятный, но очень пьянящий напиток. Однако, к его чести, он употребляет его очень редко и только по торжественным случаям; насколько же он отличается от зверских гуляк, пьющих чичу в Пампасах!

Эти многочисленные путешествия и связанные с ними занятия не позволяют индейцам чако впадать в привычку к безделью и сохраняют их здоровье до удивительного долголетия:

настолько, что "прожить столько же, сколько индеец чако" стало пословичным выражением в поселениях Южной Америки.

Старый штирийский монах Добрижоффер привел поразительные факты: среди этих людей восьмидесятилетний мужчина считается в расцвете сил; сто лет считаются обычным возрастом; многие из них сохраняют бодрость духа и в сто двадцать лет! Если допустить некоторое преувеличение в утверждениях монаха, то, тем не менее, можно с уверенностью сказать, что индейцы Гран-Чако, отчасти благодаря своему прекрасному климату, а отчасти - образу жизни и пропитанию, обладают здоровьем и силой до глубокой старости, причем в такой степени, которая неизвестна в менее благоприятных регионах мира. Об этом есть многочисленные и достоверные свидетельства.

Пища индейцев Чако отличается простотой, они не используют ни соль, ни специи. Обычно он владеет небольшим стадом крупного рогатого скота и несколькими овцами, которые достаются ему путем грабежа соседних поселений испанцев. Свои враждебные набеги он обычно направляет на юг и запад, так как с речными провинциями - Бразилией, Парагваем и Коррентиной - у него мир.

В этих походах он преодолевает большие расстояния, пересекая множество бесплодных ручьев и рек, и берет с собой жену, детей, палатки и утварь, словом, все, чем владеет. Он переправляется через ручьи вплавь, используя одну руку для управления лошадью. Этой рукой он также может управлять собой, а в другой он несет свое длинное копье, на вершине которого он размещает любой предмет, который он не хотел бы намочить. В "бальзе", называемой "пелота", сделанной из бычьей шкуры и больше похожей на квадратный ящик, чем на лодку, перевозится домашняя утварь и щенки, которых всегда много. Драгоценный ребенок" также является пассажиром пелоты. *Пелота* приводится в движение, вернее, перетягивается, с помощью каната-румпеля, зажатого в зубах сильного пловца или привязанного к хвосту лошади; таким образом осуществляется переправа.

Возвращаясь с добычей - со стадами домашнего скота или отарами овец, а нередко и с пленными людьми, женщинами и детьми, - переправа становится более трудной, но он наверняка совершит ее без потерь и почти без опасности быть настигнутым во время погони.

Не стоит слишком строго осуждать его привычку к вольному разбою. Следует принять во внимание множество смягчающих обстоятельств - его обиды и кровопролитные преследования. Следует помнить, что военные действия начались с противоположной стороны, а у индейцев эта привычка не совсем исконная, а скорее результат принципа возмездия. Он - близкий родственник *инков*, некоторые племена Чако - остатки рассеянной перуанской расы, и он все еще помнит кровавую расправу над своими предками со стороны Писарроса и Альмагроса. Поэтому, пользуясь фразеологией французских трибуналов, можно сказать, что существуют "смягчающие обстоятельства в его пользу". Одно обстоятельство, несомненно, говорит в пользу индейца Чако, и это то, что он не *пытает* своих пленников, даже когда в его руки попадают *белые* люди! Что касается пленных женщин и детей, то обращение с ними скорее мягкое, чем иное; по сути, они принимаются в племя и разделяют с остальными как радости, так и тяготы дикарской жизни.

Когда у индейца Чако есть рогатый скот и овцы, он ест баранину и говядину; но если их не хватает, ему приходится прибегать к охоте. Он ловит оленей и страусов, сбивая их своим быстрым конем и пронзая длинным копьем; иногда он использует *болас*. Для охоты на более мелкую дичь он использует лук и стрелы, а рыбу также ловит, стреляя в нее из лука.

Индеец Чако является владельцем породы собак, и большие стаи этих животных можно увидеть вокруг его лагеря или в сопровождении кавалькады, переезжающей с места на место. Это маленькие существа - предполагается, что они происходят от европейской породы, но они удивительно плодовиты: самка часто приносит двенадцать щенков за один раз. Они зарываются в землю и питаются отбросами лагеря. Их используют для сбивания пятнистой косули, охоты на капивару, большого муравьеда, *вискачей* и других мелких животных. Тапира ловят в капканы, а при удобном случае и на копыя. Его мясом лакомятся индейцы Чако, но шкура имеет большее значение, так как из нее можно изготовить сумки, кнуты и другие предметы. Пекари двух видов (*dicotyles torquatus* и *collaris*) также преследуются собаками, и охотник пронзает их копьём, когда останавливается, чтобы облаять визжащую стаю; подобным образом убивают и большого американского тигра (ягуара). Убийство этого свирепого и сильного четвероногого - один из подвигов охотника из Чако, а его шкура и плоть являются предметом повышенного спроса. Последнее особенно востребовано, поскольку, съев плоть столь сильного и мужественного существа, индеец верит, что его собственная сила и мужество увеличатся. Когда убивают ягуара, его туша становится общим достоянием всех, и каждый член племени должен получить свой кусок, или "грискин", каким бы маленьким он ни был после такого многократного деления! По той же причине с удовольствием едят мясо дикого кабана, а также муравья-медведя - одного из самых отважных животных - и тапира, благодаря его огромной силе.

Хлеб индейцев Чако, как уже говорилось, происходит от нескольких видов мимозы, называемых неопределенно *альгаробиями*, а монахами-миссионерами - "хлебом святого Иоанна". Пальмы различных видов дают съедобные орехи, а в лесах Чако растет множество деревьев, приносящих сочные плоды. Ими индеец разнообразит свой рацион, а также диким медом - важнейшим продуктом, по уже названным причинам. В Чако обитают бескрылые пчелы, многочисленные виды которых свидетельствуют о множестве цветов, цветущих как бы "невидимо" в этом цветущем Элизиуме. Мед этих пчел, особенно некоторых видов, известен как самый лучший и чистый. В испанских поселениях он продается по самой высокой цене, и достать его очень трудно, поскольку индейцы Чако мало занимаются торговлей и лишь изредка приносят его на рынок. У него мало желаний, и ему нет дела до мишуры торговцев: поэтому большую часть собранного меда он оставляет для собственного употребления. Он ищет пчелиное гнездо, наблюдая за полетом насекомого, когда оно проносится взад-вперед над диким партером; его острота зрения, намного превосходящая зрение европейца, позволяет ему отслеживать его перемещения в воздухе и следовать за ним к его кладу. Он утверждает, что не смог бы сделать это так хорошо, если бы был обременен бровями и ресницами, и называет это одной из своих причин для удаления этих волосатых придатков. Возможно, в его словах есть доля правды, как бы странно это ни звучало для человека, *не являющегося* охотником за пчелами. В конце концов он находит гнездо - иногда в дупле дерева, иногда на ветке, - в последнем случае оно представляет собой большую массу, состоящую из вещества, похожего на промокательную бумагу, и свисающую с веток. Иногда он прослеживает насекомое до подземного жилища; но следует заметить, что все это разные виды пчел, которые строят свои гнезда и ячейки сотов каждая в своем излюбленном месте и по своей собственной моде. Охотнику за пчелами все равно, как - лишь бы найти гнездо; хотя он предпочтет, чтобы ему указали на гнездо, построенное на толстом восьмиугольном кактусе, известном как место обитания пчелы "тосими". Это предпочтение вызвано тем простым фактом, что из всех медов в Чако мед пчелы "тосими" *самый сладкий*.

Приходится сожалеть, что, обладая множеством достоинств и имея прекрасную возможность их реализовать, индеец из Чако не соглашается оставаться в мире и доброй

воле со всеми людьми. Похоже, его природе необходимо время от времени огрызаться на какого-нибудь врага, будь то белый или его собственный цвет лица. Но, конечно, было бы смешно порицать его за это, так как это, по-видимому, также порок, универсальный для человечества; ибо где есть племя или народ, дикарь или цивилизованный, который не практикует его, когда чувствует себя достаточно смелым или сильным, чтобы сделать это? Индеец Чако не одинок в своем пренебрежении шестой заповедью, не единственное существо на земле, которое слишком часто выходит на бой.

У него есть два разных вида врагов: один - европеец, другой - представитель его собственной расы, можно сказать, почти его сородич. Но следует помнить, что в Чако обитает несколько отдельных племен, которые, хотя и имеют определенное сходство, во многих отношениях совершенно несхожи, и, не образуя единого народа и не живя в гармоничном союзе друг с другом, чаще всего вступают в самые смертельные схватки. Все их войны ведутся верхом на лошадях - это кавалерийские стычки, - индеец из Чако не желает касаться земли ногой. Оставшись без лошади, он чувствует себя побежденным, как рыба, оказавшаяся в воде!

Его боевое оружие примитивно; это лук и копье, а также разновидность дубины, известная в испанской фразеологии как "макана". Это оружие также встречается в руках некоторых амазонских племен, хотя и несколько отличается по конструкции. Макана" индейцев Чако - это короткий, крепкий кусок тяжелого железного дерева, обычно известной под названием *квебраха*, или "топор-ломик", который в изобилии растет в странах Парагвая. В испано-американских странах многочисленные виды называются "квебраха", как и многочисленные "железные деревья". Парагвайское дерево, как и большинство других, получивших это название, является разновидностью эбенового дерева, или лигнум-витае, - короче говоря, настоящим *гваяком*. Древесина твердая, прочная и тяжелая, почти как металл, и поэтому как раз подходит для боевой дубинки.

Макана индейцев Чако короткая, не более двух футов в длину, и используется как для ударов рукой, так и для метания на расстояние. Она толще и, конечно, тяжелее на обоих концах, а способ захвата - вокруг узкой части посередине. Индейская молодежь, готовясь к войне, упражняется в метании маканы, как другие люди играют в кегли или квоиты.

Лазо и *болас* есть в руках племен Чако, но эти приспособления используются редко и больше для охоты, чем для войны. В настоящих военных походах они редко обходятся без них.

Их главное оружие против врага - длинные копья, ведь это самое эффективное оружие для человека, сидящего верхом на лошади. Копья индейцев чако имеют огромную длину, их древко часто достигает пятнадцати футов от острия до колючки. Они используют их и при посадке на лошадь, причем в свойственной им манере. Они садятся на лошадь правым боком, в отличие от европейцев; ни в чем другом нет ни малейшего сходства между этими двумя модами посадки в седло. Индеец из племени чако не вставляет пальцы ног в стремяна, не дергает бедного коня за холку, не цепляется и не забирается на сиденье. Он кладет приклад копья на землю, правой рукой обхватывает его чуть выше головы, а затем, подняв свое легкое тело с упругой пружиной, опускается, как кошка, на хребет своего хорошо обученного коня. Одно слово, прикосновение к колену или другой хорошо понятный сигнал - и животное летит как стрела.

Когда индеец из племени чако отправляется на войну против белых, его оружие - это то, что уже описано выше. Он еще не освоил использование ружей и пороха, хотя часто испытывает их смертоносное действие. Действительно, удивительно, что он смог так долго сохранять свою независимость, имея против себя такое оружие. Порох часто давал трусам победу над

храбрецами, но индейцу Чако даже без пороха удавалось так или иначе сохранять свою свободу.

Отправляясь в экспедицию против белых поселений, он не берет с собой ни щита, ни других защитных доспехов. В какой-то период своей истории он так и делал; но опыт научил его, что эти приспособления малопригодны против свинцовых пуль, и он выбросил их, однако снова берет их, когда идет воевать с врагами своего рода.

При нападении на поселение или деревню белых одним из его любимых стратегических планов является поджог домов; и это ему очень часто удается - почти наверняка, когда солома успевает высохнуть. Его план заключается в том, чтобы направить стрелу с куском пылающего хлопка, прикрепленного к наконечнику. Для этого он использует самый прочный лук и, лежа на спине, сгибает его ногами. Таким образом достигается гораздо большая дальность полета, а прицеливание не имеет особого значения, лишь бы стрела попала в крышу дома.

Отправляясь на войну с враждебным племенем своего рода и цвета, он экипируется совершенно иначе. Его лицо раскрашивается самым страшным образом и в самые отвратительные узоры, какие только может представить воображение, а тело почти полностью покрывает полный почтовый костюм. Толстая шкура тапира служит материалом для шлема, кирасы, кюиса, поножей - всего, а под ней подкладка из шкуры ягуара. В таком снаряжении он мало подвержен опасности от стрел врага, хотя и сильно обременен управлением своей лошадью; если бы он отправился в грабительскую экспедицию против белых, такое обременение непременно привело бы его к беде. Он прекрасно это знает, а потому никогда не отправляется в таком виде в набег на поселения.

Индейцы Чако уже давно живут в мире со своими восточными соседями - испанцами и португальцами, но они по-прежнему враждуют с поселениями на юге - Кордовой и Сан-Луисом - и часто возвращаются из этих несчастных провинций, нагруженные добычей. Если ему случается привезти что-нибудь бесполезное или лишнее в его дикарском доме - арфу или гитару, дорогую мебель или даже красивую лошадь, - он не обязан это выбрасывать: он знает, что может найти покупателей на другом берегу реки - среди испанских купцов Корриентеса или Парагвая, которые в любой момент готовы стать получателями имущества, украденного у их сородичей на юге!

Такие странные трехугольные сделки совершаются и в северных странах испанской Америки - в провинциях Чиуауа, Нью-Леон и Нью-Мексико. Там они называются "cosas de Mexico". Похоже, что они в равной степени являются "cosas de Paraguay".

Глава седьмая.

Фегеи, или человекоящеры.

Есть ли у меня читатель, который не слышал о "короле каннибальских островов"? Думаю, я могу считать само собой разумеющимся, что в моем большом кругу мальчиков-читателей нет ни одного, кто не слышал бы об этом королевском антропофаге, об этом "могучем короле", который...

"В одной хижине
Имел пятьдесят жен, черных, как *сут*,
И пятьдесят двойных...
Этот король каннибальских островов".

И все же, как ни странно, старая песня не была преувеличением ни в отношении количества его жен, ни в отношении других деталей, связанных с королем "Мусти-фасти-шанг". Напротив, в ней представлена картина жизни и привычек его полигамного величества, которая, увы, слишком смехотворно похожа на правду.

Хотя король Каннибальских островов был известен давно, люди никогда не имели определенного представления о том, в какой части света находятся владения его величества. Будучи, как следует из названия, островным королевством, оно, конечно, должно было находиться в какой-то части океана; и Тихий океан или Великое Южное море обычно считались тем местом, где оно расположено; но были ли это острова Тонга, или Маркизские, или Лоо-Чу, или Су-Лоо, или какая-то другая группа, которая имела право на отличие как сообщество людоедов, с королем-людоедом во главе - не было очень четко установлено вплоть до недавнего времени. Теперь в этом вопросе нет никакой неопределенности. Хотя известно, что в нескольких группах островов Южного моря существует эта ужасная склонность, тем не менее, людоеды *par excellence*, настоящие *добросовестные* последователи этой привычки, - это *фейги*. Вне всякого сомнения, это величайшие каннибалы во всем мире, их острова - настоящие "Каннибальские острова", а их король - не кто иной, как сам "Мусти-фуси-шанг".

Увы, эта тема слишком серьезна, чтобы шутить над ней, и мы не без боли обращаемся к ней. Правда должна быть сказана, и нет причин, по которым мир не должен знать, какими отчаянно злыми могут стать люди под влиянием деспотизма, оставляющего массы во власти безответственных немногих, без закона, морального или физического, чтобы сдерживать их необузданные страсти.

Острова Фиджи находятся в Тихом океане на широте 18 градусов южной широты. Эта параллель проходит почти через центр группы. Примечательна их долгота: она дополняет меридиан Гринвича - линию 180 градусов. Поэтому, когда в Лондоне полдень, у фиджийцев - полночь. Возьмем за центр точку пересечения этих двух линий, 18 градусов широты и 180 градусов долготы; опишем воображаемый круг диаметром 300 миль; его окружность, за небольшим исключением небольшой удаленной группы, заключит в "кольцевую ограду", так сказать, весь архипелаг Фиджи.

Всего в группе насчитывается не менее 225 островов и островков, из которых в настоящее время населены от 80 до 90 - все население не превышает 200 000 человек. Оценки писателей сильно расходятся: одни называют 150 000 человек, другие - более чем вдвое больше. Есть основания полагать, что 150 000 - это слишком мало. Тогда скажем, что 200 000; ведь старая пословица: "In medias res", как правило, верна.

Только два острова являются крупными - Вити и Вануа. Вити имеет 90 миль в длину и 50 в ширину, а Вануа - 100 на 25. Некоторые из них - так называемые "коралловые острова", другие - "вулканические", представляющие собой всевозможные горные ландшафты, суровые и возвышенные. Некоторые из горных пиков достигают высоты 5 000 футов над уровнем моря, и известны все их формы - столообразные, куполообразные, игольчатые и конические. Фактически, ни одна группа в Тихом океане не может похвастаться таким количеством разновидностей форм и аспектов, как архипелаг Фиджи. При плавании через

эти острова перед глазами открываются самые прекрасные пейзажи, самые живописные группы скал, хребтов и горных пиков, овраги, заполненные пышной растительностью, долины, покрытые мягкой зеленью, настолько божественно прекрасные, что кажутся обиталищем ангельских существ. "Их вид был настолько прекрасен, - пишет один из посетивших их людей, - что я с трудом мог заставить себя осознать тот общеизвестный факт, что они являются обителью дикой, свирепой и вероломной расы канныбалов". Увы, таков факт, хорошо известный, как отмечает писатель.

Пожалуй, ни к одной части света природа не была так щедра, как к Фиджийским островам. Она изливала здесь свои блага в большом изобилии, и *рог изобилия* можно считать эмблемой этой земли. Богатейшие продукты тропической растительности процветают в изобилии, неизвестном в других местах, а рост ценных пищевых продуктов происходит почти спонтанно. Многие виды действительно производятся спонтанно, а те, что культивируются, почти бесконечны по количеству и разнообразию. Ямс вырастает до шести футов в длину, весит сто фунтов каждый, и выращивается несколько сортов. Сладкий картофель достигает веса в пять или шесть фунтов, а таро (*Arum esculentum*) также дает корень огромного размера, который составляет основную статью питания фегеев. Еще один огромный клубень весом в двадцать или тридцать фунтов, используемый в качестве лакрицы, - это плод "масаве", или ти-дерева (*dracaena terminalis*); а корень *пипера метистикума* часто достигает веса в сто сорок фунтов! Последний обладает сильными наркотическими свойствами и является материалом, который повсеместно используется для дистилляции или, скорее, варки туземного напитка под названием "якона" - "кава", которым пользуются путешественники по Южному морю. Хлебное дерево растет в изобилии: на разных островах группы насчитывается не менее девяти разновидностей этого знаменитого дерева, каждая из которых приносит свои плоды; и что не менее примечательно, среди *мускатных деревьев* - подорожника и банана - на островах Фиджи насчитывается тридцать различных видов, как спонтанно растущих, так и культивируемых! Все они хорошо отличаются друг от друга и носят разные названия. Три вида какао-пальм добавляют к необычайному разнообразию растительной пищи еще и живописность пейзажа; но нет недостатка и в прекрасных формах растительности: здесь растет красивое дерево ти, процветают папоротники и винтовые сосны, плантации и бананы раскрывают свои широкие яркие листья навстречу солнцу; Где *арумы* раскинули свои огромные ветви, смешиваясь с толстыми сочными лопастями бромелии, и где папайи, шаддоки, апельсиновые и лаймовые деревья демонстрируют все оттенки листвы, от темно-зеленого до самого блестящего золотого.

Фрукты ста видов выращиваются в величайшем изобилии: апельсин и папуасское яблоко, теньковка и лимон, словом, почти все виды фруктов, которые могут процветать в тропическом климате. Кроме того, многие местные и ценные виды, как корней, так и плодов, свойственны группе Фиджи, но неизвестны и не культивируются ни в одной другой части света. Даже сама ткань страны - и прекрасная ткань - является продуктом местного дерева, "мало" или бумажной шелковицы (*Brousonetia papyrifera*), "тапа" путешественников. Из этого ценного дерева получают не только материал для платьев, но и гобелены для украшения храмов, занавесок и вешалок в домах.

У нас нет места для более подробного рассказа о продукции этих островов. Чтобы хоть сколько-нибудь подробно описать различные роды и виды растений этих островов, потребовался бы целый том. Сказанного достаточно, чтобы показать, насколько щедра, а точнее, расточительна, была природа для островов Фегейского архипелага.

О животном мире и говорить нечего. Среди четвероногих животных наблюдается обычная скудость видов, которая наблюдается повсеместно на Полинезийских островах. Разводят

собак и свиней, причем последних в значительных количествах, поскольку их мясо является важным продуктом питания; но они не являются коренными жителями группы Фиджи, хотя период их появления неизвестен. Два или три мелких грызуна - единственные четвероногие, которые, как известно, являются настоящими коренными жителями этой местности. Виды рептилий также скудны, хотя черепаха распространена на побережье, и ее ловля является постоянным занятием определенного класса жителей. Виды птиц более многочисленны, а среди них есть попугаи, свойственные островам, с богатым и красивым оперением.

Но мы не имеем права останавливаться на этих темах. Как бы ни были интересны зоология и ботаника Фегейского архипелага, и то и другое теряет свою значимость в сравнении с его этнологией - естественной историей его обитателей, - предметом глубокого, но, увы, ужасно болезненного интереса. Изучив состояние и характер этих людей, мы увидим, как мало они заслуживали тех благ, которыми их так щедро одарила природа.

В портрете Фегея вы ожидаете увидеть нечто ужасающе отвратительное - зная, как и вы, что он пожиратель человеческой плоти, - человека гигантского роста, со смуглой кожей, налитыми кровью глазами, исхудалыми, костлявыми челюстями и ужасающим обликом. Вы ожидаете, что этот человек будет описан как голый - или только со шкурой дикого зверя на плечах, - не построивший никакого дома, не изготовивший никакой домашней или другой утвари, вооруженный огромной узловатой дубиной, которую он всегда готов использовать: человек, который живет в пещере, спит безразлично на открытом воздухе или под укрытием куста; короче говоря, настоящий дикарь. Именно такого существа вы ожидаете от меня, и я признаю, что именно такой физический облик - именно такое состояние личной отвратительности - в точности соответствует моральному уродству фегеевцев. Кроме того, вы ожидаете, что этот дикарь будет почти лишен интеллектуальных способностей, полностью лишен нравственного чувства, не будет знать, что хорошо и что плохо, не будет иметь никаких знаний, не будет иметь идей. Вполне естественно, что вы ищете такие черты в *каннибале*.

Портрет, который я собираюсь написать, разочарует вас. Я не жалею об этом, поскольку это позволяет мне привести еще одно свидетельство того, что человек в своей изначальной природе не является существом, склонным к такому отчаянному злодеянию. То простое и примитивное состояние, которое люди легкомысленно называют *дикостью*, не является состоянием, благоприятным для каннибализма. Я знаю, что именно таким людям обычно приписывают эту привычку, но совершенно ошибочно. Жителя Андаманских островов обвиняют в этом только потому, что он предпочитает ходить голым и выглядит, как и подобает, голодным и истощенным. Обвинение оказалось ложным. Похожей репутацией пользуется бушмен из Южной Африки. Это тоже оказалось клеветой. Кариб долгое время жил под этим обвинением только потому, что представлял собой свирепый фронт перед испанским тираном, который хотел поработить его; и мы слышали, как то же самое клеймо было наложено на дюжину других племен, причем обычно выбирались самые *низкие дикари*, иными словами, те, чье состояние выглядело наиболее жалким. В таких случаях обвинение, как показало расследование, всегда оказывалось ошибочным.

В самом примитивном состоянии, в котором человек появляется на земле, у него либо полностью отсутствует социальная организация, либо, если таковая существует, она либо патриархальная, либо республиканская. Ни одно из этих условий не благоприятствует развитию порока, тем более самого ужасного из всех пороков.

Чтобы опровергнуть это утверждение, не стоит приводить примеры бушменов или некоторых других низких племен. Это не люди в их первобытном состоянии, поднимающиеся вверх, а

совершенно обратное состояние. Это разлагающиеся остатки развращенной цивилизации, погружающиеся обратно в пыль, из которой они были созданы.

Нет - и я рад это сказать - человек, как он изначально вышел из рук Творца, не имеет такой ужасной склонности, как каннибализм. В своем первобытном состоянии он никогда не практиковал его, за исключением тех случаев, когда мотивы были таковы, что в равной степени искушали людей, исповедующих самую высокую цивилизацию, - но это нельзя считать каннибализмом. Там, где он существует в своей истинной непримиримой форме, - а к несчастью, так оно и есть, - ранние стадии социальной организации должны быть пройдены; республиканская и патриархальная формы должны уступить место абсолютной и монархической. Такое положение вещей абсолютно необходимо, прежде чем человек сможет обрести достаточную силу, чтобы овладеть своим ближним и съесть его. Не может быть "каннибала" без "короля".

Фейские каннибалы далеко не *дикари*, согласно обычному пониманию этого термина, а совсем наоборот. Если мы придерживаемся обычного значения слова "цивилизация", понимая под ним народ, владеющий искусством, живущий в хорошо построенных домах, производящий прекрасные товары, обрабатывающий свои земли научно и успешно, практикующий маленькие вежливости и достижения социальной жизни, - если это *критерии* цивилизации, то не более чем правдой будет сказать, что уровень, которым обладают жители островов Фиджи, несравненно выше уровня низших слоев большинства европейских народов.

Поразительно размышлять - и столь же поразительно, сколь и печально, - что народ, обладающий такой интеллектуальной мощью и когда-либо проявлявший ее в удивительной степени, в искусствах, производстве и даже в достижении своих собственных персон, должен в то же время демонстрировать моральные черты столь противоположного характера. Зверская жестокость, инстинкт угнетения, жестокий и свирепый, сердце, не знающее жалости, как у самого изверга, рука, готовая нанести убийственный удар, даже если жертва - брат, губы, лгущие в каждом слове, язык, склонный к варварскому хвастовству, грудь, в которой бьются только чувства предательства и трусости, - вот отвратительные черты фегеянина. Как бы ни была темна его кожа, душа его на много оттенков темнее.

Однако пора перейти к более детальному описанию этого чудовища-людоеда, и сначала мы дадим описание его внешности.

Фиджийцы выше среднего роста европейцев или белых людей: среди них встречаются мужчины ростом в шесть футов, хотя немногие достигают роста в шесть футов шесть дюймов. Корпулентные люди не встречаются, хотя крупных и мускулистых мужчин очень много. Их фигура в большей степени соответствует фигуре белого человека, чем у любой другой известной расы. Пропорции их конечностей напоминают таковые у северных европейцев, хотя некоторые из них более узкие в поясице. Грудь у них широкая и мускулистая, а крепкие конечности и короткие, хорошо поставленные шеи бросаются в глаза. Очертания лица - правильный овал; рот большой, с белыми зубами, расположенными регулярно - ах! эти ужасные зубы! - нос хорошей формы, с полными ноздрями, но при этом совершенно отличный, как и губы, от типа африканского негра. Действительно, за исключением цвета кожи, они очень мало похожи на негров, то есть на толстогубых и плосконосых негров, о которых мы так мечтаем; ведь в Африке есть негритянские племена, черты лица которых столь же прекрасны, как у фегеевцев, или даже как у нас. По цвету кожи фегеец почти, если не совсем, такой же темный, как негр; но можно заметить, что существуют различные оттенки, как и среди чистых эфиопов. В группе фегеев много мужчин мулатов, но они не

принадлежат к исконной группе фегеев. Это либо смешанное потомство с островитянами Тонга, либо чистокровные островитяне Тонга, которые в течение последних двухсот лет вливались в социальную общность фегеевцев. Эти светлокожие люди в основном обитают на восточной или наветренной стороне группы Фиджи, то есть на стороне, обращенной к самому Тонга, и торговые ветры объясняют их иммиграцию, которая поначалу была чисто случайной. В настоящее время они играют заметную роль в делах фегеев, находясь в фаворе у королей и великих вождей, отчасти из-за того, что они лучшие моряки, чем коренные фегеи, а отчасти из-за других услуг, которые эти тираны требуют от них выполнять. В некоторых искусствах тонганцы превосходят фигейцев, но не во всех. В гончарном деле, резьбе по дереву, изготовлении циновок и корзин, а также в производстве ткани тапа фегеанцам нет равных на всем Тихом океане.

Больше о тонганцах говорить не стоит, они описаны в другом месте. Живущие в Фиджи не все остаются там на всю жизнь. Некоторые из них так и живут, и их называют тонга-фигейцами; остальные - только гости, временно предоставляющие свои услуги фигейским вождям или занятые в кораблестроении - в строительстве тех больших военных каноэ, которые вызывают изумление у путешественников по Южному морю и которые Фиджи выпускает из своих верфей в самом совершенном виде. После завершения строительства тонганские чужеземцы используют их для перевозки на свои собственные острова, которые лежат примерно в трехстах милях к наветренной стороне (юго-востоку).

Но продолжим портрет Фегеи. Мы коснулись почти всех его частей, кроме волос; но они требуют тщательнейшей известковки, такой, какую дает сам владелец. В естественном состоянии голова фегейнина покрыта массой черных волос, длинных, вьющихся и кустистых, иногда достигающих до лба, и соединенных усами с густой, круглой или остроконечной бородой, к которой часто добавляются усы. Черный цвет волос, конечно, является естественным, но его не всегда носят. Другие цвета считаются более подходящими, и волосы, как у мужчин, так и у женщин, окрашиваются различными способами, известью выжигают их до красноватого или белесо-коричневого оттенка. Нередкими цветами являются куркумово-желтый и даже киноварно-красный, но все они постоянно меняются в зависимости от моды при дворе!

Коммодор Уилкс, посвятивший много времени исследованию островов Фиджи, утверждает, что волосы фиджийцев в естественном состоянии прямые, а не "вьющиеся", как описано выше, и говорит, что вьющиеся волосы - дело рук парикмахера; но коммодор совершенно ошибается в этой идее. Тысячи фиджийцев, к волосам которых никогда не прикасался парикмахер и которые даже не одевались сами, демонстрируют эту особенность. С сожалением добавим, что это лишь одно из тысячи ошибочных утверждений, сделанных Коммодором во время его гигантского исследования. Возможно, он прекрасно разбирался в своей специальности - прокладывать эхолоты и составлять карты; но во всем, что касается естественной истории или этнологии, достойный коммодор, похоже, был слеп, и, действительно, его обширный штат натуралистов всех мастей дал гораздо меньше, чем можно было ожидать от таких прекрасных возможностей, которыми они пользовались. Наблюдения коммодора не выдержат испытания временем, и на них нельзя полагаться как на надежные руководства, за исключением тех случаев, когда он был непосредственным очевидцем. В правдивости его намерений сомневаться не приходится.

Одно очень своеобразное представление среди фейгов он, по-видимому, видел воочию, и поскольку он описал его с достаточной подробностью, мы скопируем его рассказ; хотя после всего сказанного мы должны во многом извиниться за эту вольность. Упомянутое представление - это "парикмахерское искусство" варварского монарха, и его можно

рассматривать как доказательство высокой цивилизации среди фиджийцев. Как видно, за исключением табуированных пальцев, между цирюльником с Бонд-стрит и мастером того же призвания на Каннибальских островах нет особой разницы.

"Вожди, в частности, - пишет коммодор Уилкс, - уделяют большое внимание уходу за головой, и для этого у всех них есть цирюльники, единственным занятием которых является уход за головами своих хозяев. Эти цирюльники называются *а-ву-ни-улу*. Они прикреплены к дому вождя в количестве от двух до дюжины. Эта обязанность считается настолько священной, что на их руки наложено табу на любую другую работу, и им даже не разрешается кормить себя. Чтобы одеть голову вождя, требуется несколько часов. Волосы распускаются по голове со всех сторон на расстояние, которое часто достигает восьми дюймов. Борода, за которой также тщательно ухаживают, часто достигает груди, и когда у фегеянина эти важные части лица хорошо одеты, он демонстрирует степень самомнения, что не может не забавлять.

"При укладке волос их хорошо помазывают маслом, смешанным с угольной смолой, до полного насыщения. Затем цирюльник берет заколку - длинный и тонкий стержень, сделанный из черепаховой скорлупы или кости, и начинает дергать почти каждый отдельный волосок. Это заставляет их пушиться и вставать дыбом. Затем куст волос подравнивают, распуская их, пока он не приобретает вид огромного парика. Когда с этим покончено, вокруг него легкими складками наматывают кусок тапы, настолько тонкой, что она напоминает бумажную салфетку, чтобы защитить волосы от росы или пыли. Этот покров, похожий на тюрбан, называется *сала*, и никому, кроме вождей, не разрешается носить его; любая попытка кай-си, или простого человека, надеть этот головной убор немедленно карается смертью. Сала, если за ним правильно ухаживать, держится три недели или месяц, а волосы одевают только тогда, когда их снимают; но высокие вожди и щеголи редко пропускают день, чтобы не сменить сала и не привести волосы в порядок".

Этим рассказом мы завершаем описание личности фегеянина. Его костюм - самый простой, и его легко описать. У мужчин это просто полоска ткани "тапа" или "мало", продетая несколько раз вокруг талии, а концы оставлены свисать вниз спереди. Длина свисающих концов определяет ранг владельца, и только в случае королей или великих вождей им разрешается касаться земли. Тюрбан из тончайшей ткани тапа среди огромной копны волос - еще один знак ранга, который носят только короли и вожди; этот головной убор, который значительно увеличивает достоинство владельца, не всегда причесывают по одной и той же моде, но каждый вождь приспособливает его к своему собственному или преобладающему при дворе вкусу. Женское платье - это просто пояс с бахромой длиной от шести до десяти дюймов. После того как они становятся женами, его носят дольше, иногда он достигает до колена и представляет собой очень живописное одеяние. Она называется "лику", и многие из них изготовлены с удивительным мастерством и аккуратностью, а материал для них добывается из различных вьющихся растений леса. Под "лику" женщины наносят татуировки, и только их. Их мужчины, напротив, не делают татуировок, но по торжественным случаям раскрашивают свои лица и тела в самые причудливые цвета и узоры.

Короли и некоторые вожди подвешивают на шею украшения из раковин - часто размером с обеденную тарелку, - которые спускаются на грудь. Некоторые вместо этого носят ожерелье из зубов кита, вырезанных так, что они напоминают когти, и очень похожи на ожерелья индейцев прерий, сделанные из когтей медведя гризли. Другой вид ожерелья - возможно, более подходящий для фиджи - это цепочка из человеческих зубов; и этот вид нередко носят эти свирепые денди.

Не следует думать, что скудость фейского костюма объясняется бедностью или скупостью его носителя. Ничего подобного. Просто такова мода того времени. Если бы было иначе, он мог бы легко обеспечить себя материалами, но он не желает иного. В его климате царит вечное лето, и у него нет необходимости обременять свое тело лишней одеждой. За исключением тюрбана на голове, его король так же наг, как и он сам.

Вы можете предположить, что у фиджийцев мало представлений о скромности; но, как ни странно, на самом деле это не один из их недостатков. Они считают "мало" и "лику" самой скромной одеждой, и если бы на улице увидели мужчину или женщину без этих скудных покрывал, его бы забили дубинкой до смерти!

Следует признать, что они не совсем развратны - в этом отношении они представляют собой самую поразительную аномалию. Им приписывают определенные добродетели, и поскольку я описал лишь темную сторону их характера, будет справедливо рассказать и о другой. Действительно, мне приятно это делать - хотя положительных сторон не так много, чтобы сильно изменить картину. Весь этот характер так хорошо описан одним из самых зорких наблюдателей, побывавших в Южных морях, - миссионером Уильямсом из Уэсли, - что мы заимствуем это описание.

"Аспект фегейнина, - говорит мистер Уильямс, - с точки зрения его умственного характера, отнюдь не поддерживающий решение, которое вытеснило бы его почти из человечества, представляет много интересных моментов, показывающих, что, если бы ему уделялось обычное внимание, он занял бы достойное место в человеческой семье, для которой до сих пор он был позором. Скучная, бесплодная тупость не является частью его характера. Его чувства остры, но недолговечны; его эмоции легко пробуждаются, но преходящи; он может искренне любить и глубоко ненавидеть; он может искренне сочувствовать и умело притворяться; его верность и преданность сильны и долговечны, а месть никогда не умирает, но ждет, чтобы воспользоваться обстоятельствами или самым черным предательством, чтобы выполнить свою цель. Его чувства остры и так хорошо используются, что он часто превосходит белого человека в обычных вещах. Такт называют "готовой наличностью", и он в полной мере присущ уроженцу Фиджи, позволяя ему сразу преодолевать многие трудности и решать многие задачи, которые англичанин "замял" бы. Инструменты, шнур или упаковочные материалы он находит прямо на месте, где белый человек был бы в растерянности; а природа кажется ему лишь общим магазином, где нужный предмет всегда под рукой.

"В социальной дипломатии фегеец очень осторожен и хитер. В то, что он когда-либо наносил визит просто *мимоходом*, трудно поверить. Если с его губ не слетает просьба, значит, он уже принес желание и только ждет удобного случая, чтобы преподнести его сейчас или подготовить почву для его благосклонного приема в другое время. Его лицо и голос - сплошная приятность; он обладает редким умением определять, на какую тему вам больше всего хочется поговорить, или сразу видит, хотите ли вы молчать. Едва ли он не прочитает ваше выражение лица; и дело должно быть действительно срочным, чтобы заставить его просить об одолжении, когда он видит хмурый взгляд. Чем важнее ему кажется его дело, тем искреннее он протестует против того, что у него его нет; и тема, о которой он думает в первую очередь, доходит до его уст последней или даже не называется; ведь он скорее нанесет второй, а то и третий визит, чем рискнет потерпеть неудачу из-за опрометчивости. Кажется, он читает других людей по интуиции, особенно если в них ярко выражены эгоизм или похоть. Если это послужит его цели, он будет изучать сложные и своеобразные характеры, сохраняя результаты для будущего использования; если впоследствии он захочет им понравиться, он будет знать, как это сделать, а если досадить им, то это будет сделано наиболее точно.

"У него острый слух, и одним движением ногтя он определяет спелость плодов или крепость различных веществ".

Из какого источника произошел фегеец, можно только догадываться. У него нет истории, нет даже предания о том, когда его предки впервые заселили архипелаг, в котором мы его сейчас находим. О его расе мы знаем не намного больше. Предположения относят его к той же семье, что и "папуасского негра", и у него есть некоторые черты сходства с этой расой - цвет кожи и вьющиеся волосы; но между несчастным уроженцем Западной Австралии и прекрасно развитым фигейцем столько же различий, сколько между низкорослым лапландцем и мужественным норвежцем; грубую кожу настоящего папуаса не узнать в гладком, блестящем эпидермисе жителя острова Фиджи. Впрочем, это может быть результатом более высокого уровня жизни, и, несомненно, среди горных племен фегеев, ведущих жизнь, полную лишений и невзгод, можно заметить приближение к папуасской внешности. Вряд ли стоит добавлять, что фегеи принадлежат к расе, совершенно отличной от полинезийцев или жителей островов Южного моря. Последняя отличается не только формой, цветом лица и языком, но и многими важными психическими характеристиками. Именно к этой расе принадлежат тонганцы, и ее особенности будут описаны при рассмотрении этого народа.

Если бы мы взялись за подробное описание нравов и обычаев фиджийцев, - их способов строительства домов и каноэ, - их искусств и производств, поскольку они владеют и тем, и другим, - их орудий сельского хозяйства и домашнего обихода, - их оружия войны, их религиозных церемоний и придворного этикета, - наша задача потребовала бы больше места, чем отведено нам здесь: фактически это было бы равносильно описанию всей социальной экономики цивилизованного народа; и для такого описания едва ли хватило бы целого тома. В таком очерке, как этот, рассказ об этих людях должен быть дан в наиболее сжатой и синоптической форме, и можно затронуть только те моменты, которые могут представлять наибольший интерес.

Следует помнить, что цивилизация фегеев - разумеется, я имею в виду их мастерство в промышленном искусстве - является полностью местной. Они заимствовали идеи у тонганцев, как и тонганцы - у них, но и те, и другие - родом из Южного моря, а не из какого-либо из так называемых великих *центров* цивилизации. Те, кто произошел от этих источников, относятся к современности и занимают лишь незначительное место в панораме фегейской жизни. Дома, которые они строят, основательны и соответствуют их потребностям. Мы не можем останавливаться на подробном описании архитектуры. Частные дома обычно имеют длину около двадцати пяти футов на пятнадцать в ширину; внутри они представляют собой одну комнату, но с возвышенным диваном в конце, иногда закрытым красивыми занавесками "тапа" и служащим в качестве спального помещения.

План дома представляет собой продолговатый квадрат или, правильнее сказать, параллелограмм. Стены построены из дерева - это прямые столбы из кокосовой пальмы, папоротника, бамбука или плодов хлебного дерева, а промежутки между ними тесно скручены или заполнены тростником или *каламусом*. Солома состоит из листьев дикого или культивируемого сахарного тростника, иногда *пандануса*, толсто уложенных, особенно у карниза, где она тщательно обрезается, обнажая край толщиной от одного до двух футов. Крыша имеет четыре грани, то есть это "вальмовая крыша". Она сделана с очень крутым уклоном и спускается низко, выступая паром над головами вертикальных бревен. Благодаря этому вокруг дома образуется своеобразная затененная веранда, а дождь не попадает на стены. Коньковый столб - особенность; он крепится к коньку соломы крепкими витыми веревками, которые придают ему декоративный вид; его резные концы выступают за оба

фронтон, или, скорее, за "вальмовые крыши", на длину фута или более; он дополнительно украшен белыми раковинами, которые чаще всего используются для этой цели. Дом Фиджи в целом выглядит живописно и не слишком элегантно. Самая неприятная особенность - низкая дверь. Обычно их две, и ни одна в каждом доме не превышает трех футов в высоту. Фиджи не называет причин, по которым его дверь сделана такой низкой; но поскольку он часто ожидает гостей, держа в руках дубинку для убийства, возможно, это как-то связано с тем, что он делает вход таким трудным.

Дома вождей и большой дом совета, или храм, называемый "Буре", построены точно в том же стиле, только оба они больше, а двери, стены и коньковые столбы более тщательно украшены. Модным стилем украшения является плетение из какао-волокна, или "синнет", который обрабатывается и вплетается вокруг столбов в регулярные фигуры "рельефо".

Описанный дом не является универсальным для всей группы. Существует много "порядков" архитектуры, и тот, что преобладает на Наветренных островах, отличается от стиля Подветренных, и в целом он лучше. Разные районы имеют разные формы. В одном из них вы можете увидеть деревню, похожую на скопление плетеных корзин, в другом - на деревенскую беседку. В третьем - продолговатые сеновалы с отверстиями по бокам, а в четвертом - конические.

Как видно, при таком разнообразии домов иллюстрировать всю архитектуру Фиджинов было бы утомительным занятием. Даже сам мастер Кускин в отчаянии бросил бы это занятие.

Не менее утомительно было бы описывать различные приспособления и утварь, которые есть в доме фегеев. Мебель достаточно проста. Здесь нет ни стульев, ни столов, ни кроватей. Кровать представляет собой красивый коврик, расстеленный на *däis*, или диване; в домах богатых людей пол покрыт таким же ковром. Эти циновки имеют тончайшую текстуру и намного превосходят те, что изготавливаются в других странах. В качестве материала используются *гибускус* (*Hibiscus tiliaceus*), *пандан* (*Pandanus odoratissimus*) и разновидность камыша. Они в изобилии имеются в каждом доме, даже самый бедный человек имеет свою циновку, на которой он может сидеть или лежать; именно они служат для широко расставленных парусов гигантских каноэ. В дополнение к циновкам можно увидеть множество тканей тапа и корзин всех форм и размеров - плетеные изделия получают из ротанга (*флагеллярии*) и других источников. Один предмет мебели заслуживает особого упоминания - это подушка, на которую ложится спать владыка фиджи. Она мало претендует на звание *пуховой* подушки, поскольку представляет собой простой цилиндр из твердого полированного дерева, к которому приделаны короткие дугообразные подставки, чтобы она прочно держалась на своем месте. Ее назначение - удерживать большую всклокоченную шевелюру от сбрасывания и распутывания в часы отдыха; и фейское тщеславие позволяет обладателю шевелюры переносить эту хрупкую опору с самым невозмутимым спокойствием. Если бы он обладал хоть малейшей искрой совести, то даже она была бы мягкой по сравнению с любой подушкой, на которой он мог бы покоить свою повинную голову.

Помимо корзин, в глаза бросаются и другие сосуды. Это гончарные изделия, столь же разнообразные по форме и размеру, как и по виду. Здесь есть горшки и кастрюли, миски, блюда, чашки и блюдца, кувшины и бутылки - многие из них редкого и любопытного дизайна, некоторые красные, другие украшены глазурью, полученной из камеди сосны *каури*, - ведь это дерево также является коренным продуктом островов Фиджи. Несмотря на отсутствие гончарного круга у фиджийцев, пропорции их сосудов так же точны и верны, а полировка так же совершенна, как если бы их изготовил Стаффорд. Здесь можно увидеть горшки для приготовления пищи огромных размеров. Это кувшины с достаточно широкими

горлышками, чтобы вместить самый большой сустав. Я не осмеливаюсь упоминать о том, какое блюдо часто готовят в этих огромных котлах. Ужасные горшки!

Их орудия труда столь же разнообразны и многочисленны: одни предназначены для производства, другие - для сельского хозяйства. Последние - самые простые. Плуг Feegee - это просто заостренная палка, глубоко втыкаемая в землю, идвигающаяся до тех пор, пока комок почвы не выбьется наверх. Его измельчают в форму, сначала легкой дубинкой, а затем пальцами. Процесс медленный, но достаточно быстрый для фегеянина, чья ферма - всего лишь сад. Ему не нужны ни плуг, ни быки, ни лошади. Если корни таро и сладкого картофеля весят по десять фунтов, ямса и якона - более ста, а подорожники дают гроздь по сто пятьдесят плодов на одну голову, зачем ему утруждать себя разбивкой большей площади? Его один акр приносит ему столько же растительных богатств, сколько пятьдесят - английскому фермеру!

Не следует думать, что он получает все это в свое распоряжение; нет, ни половины, ни пятой части. По крайней мере, четыре пятых его пота должны быть потрачены на уплату налогов или десятины; и это подводит нас к форме его правления. Мы не будем долго останавливаться на этом вопросе. Достаточно сказать, что большая часть народа находится в состоянии презренного крепостного права, худшего, чем само рабство. Они не владеют ничем, что могли бы назвать своим, - ни женами, ни дочерьми, ни даже жизнью! Все это может быть отнято у них в любой момент. Нет закона, запрещающего лишать их имущества, нет ограничений для воли и удовольствия их вождей или начальников; а поскольку они составляют многочисленную группу, у бедных *канайе* нет конца грубым расхитителям. Для вождя ограбить или *забить до смерти* кого-нибудь из простых людей - обычное дело, и нередки случаи, когда его самого забивают до смерти его начальник, король! Таких *королей* в Фиджи восемь, а не один, как говорится в старой песне; но слова баллады подойдут к каждому из них с достаточной степенью уместности. Любой из них может ответить на вопрос "Musty-fusty-shang?".

Эти короли имеют свои резиденции на различных островах, и различные части группы распределены под их властью несколько неравномерно. Некоторые острова или части островов являются их данниками; другие связаны с ними своего рода почетным союзом; есть и совершенно независимые сообщества, живущие под произволом своих вождей. Не все короли обладают одинаковой властью и значением, но в этом отношении было много изменений даже в течение фейского исторического периода, который длится только до начала нынешнего столетия. Иногда один из них оказывается самым влиятельным, иногда другой; в большинстве же случаев первенство достается тому, кто обладает наибольшим количеством хитрости и вероломства. Тот, кто наиболее успешно убивает своих соперников и избавляется от оппозиции простым применением дубинки, обычно становится на время главой "короля Каннибальских островов". Я не имею в виду, что он правит всем архипелагом. Еще ни одному королю не удавалось объединить все острова под единым правительством. Он добивается лишь того, что его повсюду боятся, ему подносят дары и делают всевозможные унижительные комплименты. У этих королей есть все свои суды и придворный этикет, как и у их "королевских братьев" в других странах, а соблюдаемые церемонии столь же сложны и унижают человеческое достоинство.

Наказание за пренебрежение их соблюдением в Фиджи гораздо суровее, чем в других местах. За решительное или умышленное несоблюдение череп провинившегося нередко размоzzают дубинкой самого его величества, даже в присутствии полного "зала". Более мелкие или случайные ошибки, или даже проявление некрасивой *бестактности*, наказываются потерей пальца: следствием этого является то, что в Фиджи не хватает многих

пальцев! Действительно, полный комплект - скорее исключение, чем правило. Если король или великий вождь случайно промахнется ногой и поскользнется, то все, кто находится рядом с ним или вокруг него, упадут точно так же, - толпа обрушится вниз, буквально как "тысяча кирпичей!"

Я мог бы описать тысячу обычаев, чтобы показать, насколько унижено и опозорено достоинство человеческой фигуры на земле Фиджи; но эту тему можно было бы хорошо проиллюстрировать и дома. Фланкизм - это мода, которая, к сожалению, не ограничивается Фегейским архипелагом; и хотя формы, в которых он там проявляется, могут быть разными, суть остается той же. Она всегда появляется там, где люди политически неравны, - везде, где есть класс, обладающий наследственными привилегиями.

Я перехожу к последней, самой мрачной черте фегейского характера - ужасному преступлению и обычаю канибализма. Я мог бы нарисовать картину и дополнить ее деталями на основании свидетельств десятков очевидцев - картину, которая заставила бы ваше сердце плакать. Но это слишком ужасно, чтобы описывать это здесь. Мое перо отказывается от этой обязанности, и поэтому я должен оставить эту болезненную историю нерассказанной.

Глава восьмая.

Тонганы, или дружелюбные островитяне.

Приятно выйти из общества свирепых фегейцев в общество другого народа, который, хотя и является ближайшим соседом первых, отличается от них почти во всех отношениях, - я имею в виду тонганцев, или жителей Дружелюбных островов. Это название вряд ли нуждается в объяснении. Всем известно, что оно было дано им знаменитым мореплавателем Куком, который, хотя и не был фактическим первооткрывателем группы Тонга, первым тщательно исследовал эти острова и дал о них достоверные сведения цивилизованному миру. Тасман, которого можно назвать "голландским капитаном Куком", считается первооткрывателем этих островов еще в 1643 году, хотя есть основания полагать, что некоторые испанские исследователи из Перу могли побывать на этих островах и до него. Однако Тасман зафиксировал факт своего визита, и поэтому ему принадлежит заслуга открытия Австралии, Новой Зеландии, Земли Ван Демена и других известных ныне островов юго-западной части Тихого океана. Тасман присвоил трем островам из группы Тонга названия Амстердам, Роттердам и Миддлбург; но, к счастью, географы действовали в этом вопросе с большим вкусом, чем это принято, и голландские национальные названия Тасмана вышли из употребления, а истинные туземные названия островов были восстановлены на карте. Так же следует поступить и с другими островами Тихого океана; ведь трудно представить себе что-либо более неудачное, чем такие названия, как Каролинские острова и острова Лояльности, Земля принца Уильяма, остров короля Георга и десять тысяч земель Альберта и Виктории, которые гений лести, или, скорее, фланкизма, так либерально распространил по лицу земли. Название "Дружелюбные острова", данное Куком архипелагу Тонга, заслуживает жизни, поскольку оно не только уместно, но и отражает приятный факт - мирный характер наших первых контактов с этим интересным народом.

Здесь можно заметить, что мистер Уайлд и другие поверхностные составители карт позволили себе неоправданную вольность с этим названием. Вместо того чтобы оставить его в том виде, в каком оно было дано великим мореплавателем, - применимым только к архипелагу Тонга, - они *расширили* его, включив в него архипелаг самоанцев и - можно ли поверить в это - архипелаг *феагов*? Вряд ли стоит указывать на крайнюю нелепость такой классификации: трудно найти две национальности, более непохожие друг на друга, чем тонганцы и феги. То, что у них много общих обычаев, объясняется (к несчастью для тонганцев) общением, которое породила близость; но в этнологическом смысле белое не является большим контрастом к черному, а добро к злу, чем тот, который существует между тонганцем и фегианцем. Кук никогда не посещал архипелаг фегианцев - он видел некоторых из них только на Тонгатабу и слышал, что их страна представляет собой *большой остров*. Если бы он посетил этот остров, а точнее, группу из более чем двухсот островов, вряд ли он счел бы нужным распространять на них название, которое составители карт сочли нужным присвоить. Вместо "Дружественных островов" он мог бы по контрасту назвать их "Враждебными островами" или дать им старое, воспетое в песнях название "Острова каннибалов" - то, что больше всего подходит и чего они действительно заслуживают. Столь острый наблюдатель, как Кук, вряд ли мог не заметить уместности этого названия.

Положение Тонга, или Дружелюбных островов, легко запечатлеть в памяти. Параллель 20 градусов южной широты и меридиан 175 градусов западной долготы почти пересекаются в Тофоа, который можно считать центральным островом группы. Таким образом, видно, что их центральная точка находится на 5 градусов восточнее и 2 градуса южнее центра Фегейского архипелага, а ближайшие острова этих двух групп удалены друг от друга примерно на триста миль.

Однако стоит отметить, что острова Тонга имеют преимущество в отношении ветра. *Торговые пути* идут в их пользу, а от Тонга до Фиджи, если воспользоваться фразеологией сухопутных жителей, "вниз по склону", в то время как в противоположном направлении все "вверх по склону". Следствием этого является то, что многие тонганцы постоянно совершают путешествия в группу Фиджи - большое количество из них осело там (как уже говорилось в другом месте), - в то время как лишь небольшое количество фиджийцев находят свой путь на

Дружественные острова. Есть и еще одна причина такой неравномерной миграции: тонганцы гораздо смелее и лучше моряков, чем их западные соседи; ведь хотя паром превосходит всех других жителей островов Южного моря в искусстве *строительства* своих каноэ (или кораблей, как их можно было бы назвать), но они так же сильно отстают от многих других в искусстве *управления* ими.

Их превосходство в кораблестроении можно отчасти объяснить превосходными материалами, которые в изобилии поставляют эти острова, хотя это не единственная причина. Сколько бы мы ни отказывали фригийцам в обладании моральными качествами, мы в то же время вынуждены признать их большие интеллектуальные способности, которые проявляются в развитом состоянии их искусств и мануфактур. Однако по интеллектуальным способностям жители Дружественных островов равны им, и превосходство фигейцев даже в "архитектуре каноэ" больше не признается. Правда, большинство своих больших двухместных судов тонганцы делают на Фиджи; но это объясняется уже указанными причинами - большим изобилием и превосходным качеством древесины и других материалов, производимых там. На "верфях" Фиги тонганцы строят для себя и даже усовершенствовали заимствованную модель.

Хотя это взаимодействие, в некоторой степени напоминающее союз, в некоторых отношениях выгодно для жителей Дружественных островов, в целом его можно считать неудачным для них. Если оно и улучшило их знания в области искусств и производства, то с лихвой компенсировало это преимущество ущербом, нанесенным их моральному облику. Прозелитов всегда гораздо легче приобщить к пороку, чем к добродетели, что и доказано в данном случае: общение со свирепыми фиджи сильно испортило характер тонганца. Из этого источника он перенял любовь к войне и другие нечестивые обычаи; и, по всей вероятности, если бы этому влиянию позволили продержаться еще несколько лет, ужасная привычка к каннибализму - хотя это совершенно противно природным склонностям тонганцев - стала бы среди них обычной. Можно не сомневаться, что именно это стало бы конечным следствием союза, ведь его предвестники - человеческие жертвоприношения и мстительное умерщвление врагов - уже появились на Дружественных островах. К счастью для тонганцев, другое влияние - влияние миссионеров - пришло как раз вовремя, чтобы предотвратить эту ужасную катастрофу; и хотя это миссионерское вмешательство было не самым лучшим в своем роде, оно все же предпочтительнее язычества, которое ему частично удалось подчинить.

Тонганский архипелаг гораздо менее обширен, чем архипелаг Фиджи, - островов здесь немного, и только пять или шесть из них имеют значительные размеры. Тонгатабу, самый крупный, имеет около девяноста миль в окружности. От самого южного из этой группы - Эо - до Явана, расположенного на другой оконечности, он простирается в северном или северо-восточном направлении примерно на двести миль по почти прямой линии. Все острова, за одним или двумя исключениями, низменные, их поверхность разнообразна несколькими буграми или курганами высотой пятьдесят или шестьдесят футов, большинство из которых выглядят как искусственные. Некоторые из небольших островков, например Као, представляют собой горы высотой около шестисот футов, поднимающиеся прямо из моря, а Тофоа, расположенный у восточного края архипелага, выглядит как *возвышенность*. Большая часть островов покрыта богатой тропической растительностью, как естественной, так и культивируемой, а их ботаника включает большинство видов, характерных для других островов Южного моря. Мы находим какао и три других вида пальм, панданус, хлебное дерево в разных видах, а также полезные мусаки, подорожник и банан. Дерево ти (*Dracaena terminalis*), бумажная шелковица (*Brousonetia papyrifera*), сахарный тростник, ямс многих

видов, дерево, дающее известную *куркуму*, прекрасная *казуарина* и сотни других видов растений, кустарников и деревьев, ценных своими корнями и плодами, соком и сердцевинной, стволами и ветвями, листьями и волокнистым материалом коры.

Как живописное украшение почвы, нет ни одной части света, где бы не создавались более прекрасные пейзажи с помощью пышной растительности. Возможно, по живописности они не сравнятся с пейзажами группы Фиджи, где горы являются дополнением к пейзажу, но по мягкой, спокойной красоте ландшафты островов Тонга не превзойдут ни один другой в тропическом мире; а с учетом климата, которым они наслаждаются - бесконечного лета - они вполне могут соответствовать описанию "обители блаженных". И действительно, когда Тасман впервые взглянул на эти острова, они, возможно, заслуживали такого названия больше, чем любая другая точка на обитаемом земном шаре; ведь если какой-нибудь народ на этой земле можно считать счастливым и благословенным, то это, несомненно, жители этих прекрасных островов в далеком Южном море. Тасман даже записал примечательный факт: он не видел у них никакого оружия - никакого оружия войны! Возможно, в то время им не были известны ни отвратительная торговля, ни ее орудия. Увы! Чуть более чем через столетие после этого мирная обстановка перестала быть таковой. Когда великий английский мореплаватель посетил эти острова, он обнаружил в руках людей боевую дубину и копье, оба по образцу Фиджи и, несомненно, того же зловещего происхождения.

Внешний облик жителей Дружественных островов мало чем отличается от облика других южноморских племен и народов. Разумеется, мы говорим только об истинных полинезийцах со смуглым цветом лица, не касаясь чернокожих островитян, таких как фейги и другие папуасские племена. Эти два народа не имеют ни сходства, ни родства друг с другом, и не составит труда показать, что они имеют совершенно разное происхождение. Что касается чернокожих, то даже нет уверенности в том, что они сами принадлежат к одному первоначальному роду; ведь великолепно развитый каннибал из Фиджи имеет очень мало общих черт с жалким кенгуру-людоедом из Западной Австралии. Происходили ли черные островитяне (или, как их еще называют, меланезийцы) изначально из одного источника - это еще вопрос для этнологов; но не может быть никаких сомнений в том, откуда они начали колонизацию Тихого океана. Несомненно, это была западная граница, за которой они не достигли значительного прогресса, поскольку в настоящее время архипелаг Фегея является их наиболее продвинутой станцией на востоке. Коричневые или полинезийские расы, напротив, начали свои миграции с восточной границы великого океана - другими словами, они пришли из Америки; и так называемые индейцы Америки, по моему мнению, являются *прародителями*, а не *потомками* этих людей из мира Океана. Если ученые-этологи обратят свое внимание на этот взгляд на предмет и освободят свой разум от старой сказочной фантазии о первоначальном фонде, расположенном где-то (они точно не знают где) в степях Азии, они, возможно, придут к более рациональной гипотезе о заселении так называемых новых миров, как американского, так и океанического. Они смогут доказать - что можно было бы сделать здесь, если бы позволило место, - что полинезийцы являются эмигрантами из тропической Америки и что жители Сандвичевых островов прибыли из Калифорнии, а не калифорнийцы с Гавайских островов.

То, как рассматривать этот вопрос, не имеет особого значения. Достаточно знать, что аборигены группы Тонга имеют сильное сходство с жителями других полинезийских архипелагов - с отагейцами и новозеландцами, но более всего с жителями Самоанских или Мореходных островов, от которых они, действительно, могут рассматриваться как ветвь, имеющая отдельное политическое и географическое существование. Их язык также

подтверждает родство, поскольку он является всего лишь диалектом общего языка, на котором говорят все полинезийцы.

Все различия, существующие между тонганцами и другими полинезийцами в плане внешности, свидетельствуют в пользу первых. Мужчины, как правило, считаются самыми красивыми из всех жителей островов Южного моря, а женщины - самыми прекрасными представителями своего пола. Многие из них считались бы красивыми в любой части света; и, как правило, они обладают личной красотой в более высокой степени, чем отагейцы, о которых много говорят.

Тонганцы отличаются высоким ростом - скорее выше, чем ниже европейских народов. Мужчины ростом в шесть футов встречаются довольно часто, хотя мало кто из них обладает гигантскими пропорциями. На самом деле, истинно средний размер является почти универсальным, а избыток в ту или иную сторону составляет исключение. Объем их тела идеально пропорционален их росту. В отличие от чернокожих фиджийцев, которые часто бывают костлявыми и исхудалыми, тонганцы обладают хорошо округлыми руками и конечностями, а руки и ноги, особенно у женщин, маленькие и изящной формы.

Описать черты их лица будет непростой задачей, поскольку они настолько разнообразны у разных людей, что выбрать хорошее типичное лицо практически невозможно. То же самое можно сказать почти о каждой нации, живущей на земле; и эту трудность можно понять, если попытаться описать лицо, которое соответствовало бы всем чертам большого города или даже маленькой деревни, или, с еще большим ограничением, различных людей одной семьи. Среди лиц жителей Дружелюбных островов можно найти такое же разнообразие, как и среди жителей английского города или графства; отсюда и трудность создания правильного подобия. Однако можно отметить несколько характерных моментов, касающихся как черт, так и цвета лица. Их губы почти никогда не бывают толстыми или негритянскими; и хотя носы, как правило, закруглены на конце, это правило не является универсальным; у многих из них истинно римские носы и то, что можно назвать полным набором лучших итальянских черт. Разница между полами в чертах лица также меньше, чем это обычно бывает в других странах - женщины отличаются только меньшим размером.

Формы женщин представляют собой более заметное различие; среди красавиц Тонга много таких, которых можно назвать моделями в отношении формы и пропорций. По цвету кожи тонганцы светлее большинства других жителей Южных морей. У некоторых женщин из лучших слоев населения - тех, кто меньше всего подвергается воздействию открытого воздуха, - кожа имеет светло-оливковый оттенок; дети же у всех почти белые после рождения. Они становятся более смуглыми не столько от возраста, сколько от пребывания на солнце; ведь как только они становятся способными выходить на улицу, они почти никогда после этого не заходят под тень крыши, разве что в ночные часы.

У тонганцев хорошие глаза и зубы, но в этом отношении они не превосходят многие другие племена Океании - даже чернокожие фиджийцы обладают и глазами, и "слоновой костью", которую вряд ли можно превзойти где-либо. Тонганцы, однако, имеют преимущество перед своими сумрачными соседями в том, что касается волос: их головы покрыты пышным ростом настоящих волос. Иногда они совершенно прямые, как у американских индейцев, но чаще имеют легкую волну или волнистость, или завиток, приближающийся, но никогда не достигающий до состояния "хрустящего".

Его волосы естественного цвета - черные, и приходится сожалеть, что у тонганцев не хватает хорошего вкуса, чтобы оставить их естественного оттенка. Напротив, у них в моде окрашивать их в красновато-коричневый, пурпурный или оранжевый цвет. Коричневый цвет

получается от применения жженого коралла, пурпурный - от растительной краски, которую наносят на волосы при помощи припарки, а оранжевый - от обильного смазывания куркумой, которой женщины иногда помазывают свое тело и тело своих детей. Такая манера окрашивания волос характерна и для фегеев, и вопрос о том, получили ли они ее от тонганцев, или тонганцы от них, остается открытым. Более вероятной представляется гипотеза, что среди многих других уродливых обычаев она зародилась в стране фегеев, где, однако, люди называют причину, по которой ее практикуют, совсем не похожую на простой мотив украшения. Они утверждают, что это также служит полезной цели, предотвращая чрезмерное размножение паразитических насекомых, которые в противном случае сочли бы огромную шевелюру фригийца удобным местом обитания и надежным убежищем от опасности. Возможно, это имело какое-то отношение к происхождению обычая; но, будучи однажды установленным в целях пользы, он теперь подтвержден и поддерживается тонганцами как бесполезное украшение. Их вкусы в отношении цвета полностью противоречат вкусам европейских модников. Как жаль, что эти двое не могут обменяться волосами! Тогда обе стороны, как пара рекламных объявлений в "Таймс", точно *подошли* бы друг другу.

Помимо разнообразной моды на цвета, существует большое разнообразие стилей, в которых тонганцы носят свои волосы. Одни стригут их коротко на одной стороне головы, оставляя полную длину на другой; другие выбривают небольшой участок или отрезают только один локон; третьи - и это, безусловно, проявление лучшего вкуса - оставляют волосы расти во всей их пышности. В этом, опять же, мы видим обратную сторону европейской моды, поскольку женщины носят самые короткие волосы. Мужчины, хотя и не лишены бороды, обычно подстригают ее очень близко или сбривают совсем, - в качестве бритвы им служит кусок ракушки или, скорее, пара ракушек.

Тонкий край одной раковины подкладывают под волосы, как расческу для стрижки волос, а краем другой, приложенной сверху, прочесывают и разделяют волоски. Для этой цели существуют штатные цирюльники, которые благодаря практике стали очень ловкими в ее выполнении; и жертва операции утверждает, что боли почти нет, во всяком случае, она не вызывает слез на глазах, как это часто делает тупая бритва с нами, бедными тонкокожими европейцами!

Одежда тонганцев очень похожа на одежду отахейцев, столь часто описываемую и хорошо известную; но мы не можем обойти ее стороной, не отметив примечательную особенность полинезийцев, проявляющуюся в характере их костюма. Туземные племена почти всех других стран с теплым климатом довольствуются самым скудным одеянием - как правило, оно вообще отсутствует, но редко что можно назвать юбкой. В Южной Америке большинство племен носят "гуаюко" - простую полоску вокруг поясицы, а среди фейги "мало" или "маси" у мужчин и скудная "лику" у женщин - единственное оправдание скромной одежды. В Африке мы находим племена, в равной степени лишенные одежды, и то же замечание применимо к тропическим странам по всему земному шару. Однако здесь, среди народа, живущего посреди огромного океана, изолированного от всего цивилизованного мира, мы находим природный инстинкт скромности, который делает честь их характеру и даже соответствует этому характеру, как впервые заметили путешественники в Южных морях. Какие бы акты неопрятности ни приписывали отагейтцам, они были сильно преувеличены их общением с безнравственными белыми людьми; но ни одно из таких преступных действий не может быть предъявлено туземцам Дружественных островов. Напротив, их поведение, как между собой, так и в присутствии европейских гостей, всегда отличалось скромностью, которая могла бы посрамить Риджент-стрит или Рэтклифф-хайвей.

Описание национального костюма тонганцев, хотя оно часто приводится, не является недостойным места здесь; и мы дадим его настолько кратко, насколько позволит правильное понимание. Описанию подлежит только один предмет одежды - "пареу", который лучше понять, назвав его "подъюбником". Материалом обычно служит ткань "тапа" - ткань местного производства, которая будет описана далее, - а выкройка - одна из самых простых, не требующая ни портного для мужчин, ни портнихи для другого пола, так как каждый может сделать свое пареу сам. Нужно только выкроить кусок ткани "тапа" в форме "продолговатого квадрата" - большого, около двух ярдов в каждую сторону. Его оборачивают вокруг тела - средней частью к пояснице, - а затем оба конца, выведенные вперед, накладывают друг на друга до упора, создавая, разумеется, двойную складку ткани. Затем вокруг талии завязывается пояс - обычно это шнур из декоративной косички; он делит кусок тапы на тело и юбку. Последняя имеет такую длину, чтобы простираться ниже икры ноги, - иногда до щиколотки, - а верхняя часть тела доходила бы до плеч, если бы этого требовала погода, что часто и происходит, *когда этого требуют миссионеры*. Но не в любое другое время: такой некрасивый способ ношения пареу никогда не предполагался простыми тонганцами, которым и в голову не приходило, что в их моде есть какая-то нескромность, пока об этом не сказали их пуританские наставники!

По тонганской моде пареу - это что-то вроде туники, причем очень изящной; по методистской моде она становится платьем или, скорее, безрукавкой, напоминающей мешок. Но если часть тела не должна использоваться таким образом, как, спросите вы, от нее можно избавиться? Неужели она должна висеть снаружи, подобно платью рабыни, которая влезла в него лишь наполовину? Ничего подобного. Естественное расположение просто и своеобразно; кроме того, костюм не только характерен, но и изящен для привыкшего к нему глаза. Верхняя половина ткани тапа аккуратно складывается или разворачивается, пока не превратится в плотный валик, и этот валик, обернутый вокруг тела, чуть выше пояса, закрепляется в таком положении. Образовавшаяся таким образом выпуклость заставляет талию казаться меньше, а эффект хорошо сформированного бюста, возвышающегося над валиком из ткани тапа, несомненно, поразителен и элегантен. В холодную погоду, но особенно ночью, валик снимают, а плечи прикрывают; следует заметить, что пареу, которое днем носят как платье, ночью также надевают как спальную рубашку, особенно те, у кого ограниченный гардероб. Не всегда холод требует носить его ночью. В это время она больше используется для защиты от комаров, которые в изобилии водятся среди пышной растительности Тонганских островов.

Пареу" не всегда изготавливается из ткани "тапа". Тонкие циновки, сотканые из волокон винтовой сосны (пандануса), также в моде; а в торжественных случаях пареу украшают красными перьями, что придает элегантность и живописность его внешнему виду. Более грубое и скудное пареу можно увидеть у более бедных людей, материалом для него служит грубая тапа, сделанная из коры хлебного дерева, и нередко это всего лишь полоса, обернутая вокруг чресел; другими словами, "мало", "маро" или "масо", как это безразлично написано в разнообразной орфографии путешественников. Описав эту единственную и неповторимую одежду, мы закончили знакомство с костюмом жителей Тонганских островов, как мужчин, так и женщин, - ведь и те и другие носят пареу одинаково. Голова почти у всех непокрыта; головной убор не носят разве что великие вожди, да и то лишь в редких и торжественных случаях. Это своего рода чалма, опоясывающая голову, причем спереди она глубже, чем сзади. На лбу перья достигают высоты двенадцати или пятнадцати дюймов, постепенно опускаясь с каждой стороны по мере того, как луч уходит назад за уши. Основной ряд состоит из красивых хвостовых перьев тропической птицы *Phaeton aethurus*, а передняя или филейная часть шапки украшена алыми перьями одного из видов попугаев.

Головной убор женщин состоит просто из живых цветов, изобилие которых - среди прочих прекрасных цветков апельсина - всегда легко достать. Носят также подвеску в ухе - кусочек слоновой кости длиной около двух дюймов, пропущенный через два отверстия, проколотые в мочке уха. Подвеска висит горизонтально, два отверстия уравнивают ее и удерживают в нужном положении. Носят также ожерелье из жемчужных раковин, сформированных в бусины. Иногда добавляют нитку из семян пандануса, а дополнительным украшением служит браслет из перламутра, выполненный в виде кольца. Татуируют себя только мужчины, и этот процесс ограничивается той частью тела от талии до бедер, которая всегда покрыта пареу. Практика нанесения татуировок, возможно, впервые возникла из желания уравнивать возраст с молодостью и скрыть уродливую физиономию. Но островитянам Тонгана не нужно скрывать уродство, и у мужчин и женщин хватило хорошего вкуса воздержаться от уродования прекрасных черт, которыми их так щедро одарила природа. Единственные следы татуировки, которые можно увидеть на женщинах, - это несколько тонких линий на ладонях; они не уродуют свою светлую кожу отвратительными пигментами, которые так часто используются в других племенах, которые мы привыкли называть *дикарями*.

Они помазывают тело прекрасным маслом, добываемым из кокосового ореха, которое также ароматизируется различными видами цветов, которым дают настояться в масле; но этот туалет несколько дороговат, и его практикуют только лучшие слои общества. Однако все, и богатые, и бедные, привержены привычке к крайней чистоте, и купание в пресной воде является для них частой процедурой. Они возражают против купания в море, а когда купаются, всегда заканчивают купание обливанием тела пресной водой - эта практика, как они утверждают, предотвращает огрубение кожи, которое в противном случае может быть вызвано морской водой.

Архитектура домов на Тонганских островах находится в довольно отсталом состоянии. У них нет ни Ренов, ни Иниго Джонсов; но это объясняется естественной причиной. У них нет нужды в великих архитекторах, да и в домах тоже, и только самые богатые тонганцы возводят жилище более претенциозное, чем простой сарай. Ставится несколько столбов из пальмовых стволов, на которые кладутся поперечные балки, стропила и крыша. Листья пандануса или сахарного тростника покрывают крышу, а боковые стороны остаются открытыми. В домах вождей и более состоятельных людей стены выложены из циновки пандануса, прикрепленных к стойкам; некоторые из этих домов имеют значительные размеры и аккуратно построены. Интерьеры содержатся в тщательной чистоте, полы покрыты красивыми циновками, вытканными в цветных узорах и имеющими вид дорогих ковров. Здесь нет ни стульев, ни столов. Мужчины сидят по-портновски, а женщины - откинувшись на спинку кресла, повернув обе конечности немного в сторону и назад. Любопытное ограждение или перегородка образуется путем установки жесткой циновки шириной около двух футов на ее край, - валик на каждом конце поддерживает ее и удерживает в вертикальном положении.

Из утвари можно отметить блюда, миски и чашки, обычно из калабаша или скорлупы какао, и бесконечное множество корзин самой изобретательной плетеной конструкции. Используется также "подушка-стул", но она отличается от подушки фегеев тем, что горизонтальная часть имеет углубление для приема головы. Можно увидеть множество музыкальных инструментов: пандейские трубы, носовая флейта, различные виды бамбуковых барабанов, все они были подробно описаны путешественниками. Мне жаль добавлять, что боевые дубинки и копья, предназначенные для подобных целей, также можно заметить среди более полезных мирных орудий. Луки и стрелы тоже распространены, но они

используются только для отстрела птиц и мелких грызунов, особенно крыс, которые очень многочисленны и губительны для посевов.

В пищу тонганцы употребляют свинью - ту же самую, что распространена на всех островах Океании. Утверждается, что фиджийцы получили это животное с Дружественных островов; но я считаю, что в данном случае выгода была получена с другой стороны, поскольку Сус Папуа, скорее всего, вошел в Южное море с подветренной, а не с наветренной стороны. По всей вероятности, собака могла быть завезена с восточного края; но свиньи и домашняя птица, по-видимому, западного происхождения, - западного с точки зрения положения Тихого океана.

Основная пища жителей Дружественных островов, однако, растительного происхождения и состоит из ямса, хлебного дерева, таро, подорожника, сладкого картофеля и, по сути, большинства корней и фруктов, распространенных на других островах Тихого океана. Рыба также составляет важную часть их пищи. Они пьют "каву", или сок *Piper methisticum*, или, скорее, его корни, разжеванные до состояния кашицы; но они редко предаются излишествам, которые наблюдаются у фигейцев, и не слишком любят этот напиток, разве что в качестве средства для получения вида опьянения, которое доставляет им кратковременное удовольствие. Многие из них, особенно женщины, корчат гримасы, принимая его; и неудивительно, ведь это в лучшем случае отвратительный напиток.

Время жителей Тонганских островов проходит достаточно приятно, когда нет злой войны. Мужчины занимаются возделыванием земли или рыбной ловлей, а женщина здесь больше не является простой рабыней и труженицей, как почти везде у диких и даже полудициализованных народов. Это великий факт, который рассказывает удивительную историю, которая говорит о заслугах островитян Тонгана. Мужчины делят не только труд со своими более нежными спутницами, но и все остальное - еду, разговоры и все удовольствия жизни. И те, и другие принимают одинаковое участие - едят вместе, пьют вместе и сразу же присоединяются к праздничной церемонии. В грандиозных танцах - или балах, как их правильнее называть, - женщины играют важную роль; и эти представления, хотя и проходят под открытым небом, устраиваются с элегантностью и шиком, которые не посрамили бы самый модный балный зал в христианском мире. Их танцы, действительно, намного изящнее, чем все, что когда-либо можно было увидеть в "Альмаксе" или "Жарден Мабиле".

Основное занятие мужчин - выращивание батата и подорожника, многие из которых достигают размеров полей, с изгородями, которые, кажется, были возведены почти как украшение. Они сделаны из тростника, тесно посаженного и поднятого на высоту шести футов, между заборами разных владельцев оставлены промежутки, которые служат дорогами для всей общины. Посреди этих полей стоят сараи, или дома, окруженные великолепными формами тропической растительности и образующие картины нежно-красивого характера.

Мужчины также занимаются строительством своих каноэ - чтобы приобрести большие, они совершают путешествие, как уже говорилось, на острова Фиджи, а иногда остаются там по несколько лет.

Однако это, как правило, профессиональные строители лодок, и они составляют лишь небольшую часть из сорока тысяч человек, населяющих различные острова Тонганского архипелага.

Мужчины также иногда занимаются плетением циновок и плетеных корзин, вырезанием причудливых игрушек из дерева и ракушек; но основная часть производственного бизнеса находится в руках женщин, особенно изготовление ткани тапа, о которой уже так часто упоминалось. Здесь можно рассказать об этом производстве с оговоркой, что им занимаются не только женщины группы Фиджи, но и почти всех других полинезийских островов. Есть небольшие различия в способе изготовления, а также в качестве ткани; но приведенный здесь рассказ, как об изготовлении, так и о крашении, удовлетворит почти всех.

Кора малонового дерева, или "бумажной шелковицы", снимается полосками, как можно дольше, а затем вымачивается в воде, чтобы облегчить отделение эпидермиса, которое осуществляется с помощью большой вороненой раковины. В таком виде он хранится некоторое время, хотя и пригоден для немедленного использования. Бревно, сплющенное с верхней стороны, закрепляют так, чтобы оно немного пружинило, и на нем отбивают полосы коры - или *маси*, как ее называют, - *ики*, или молотком, около двух дюймов в квадрате, с продольными бороздками на трех сторонах. Два отрезка мокрого *маси* обычно бьют вместе, чтобы обеспечить большую прочность - клейковины, которую они содержат, достаточно, чтобы сохранить их волокна соединенными. Таким образом, двухдюймовая полоса может быть выбита до ширины полутора футов, но длина при этом уменьшается. Куски аккуратно скрепляются крахмалом таро или марантой, сваренной целиком, и таким образом достигают длины во много ярдов. "Ширины" соединяются тем же способом по бокам, чтобы получились куски в пятнадцать или тридцать футов квадратных, и на них дамы исчерпывают все свое умение украшать. Середина квадрата окрашивается в красно-коричневый цвет следующим образом: на выпуклой доске длиной в несколько футов параллельно, на расстоянии ширины пальца друг от друга, располагаются тонкие прямые кусочки бамбука шириной в четверть дюйма. По бокам от них располагаются изогнутые кусочки, сформированные из серединок листочков кокосового ореха. На подготовленную таким образом доску кладут ткань и натирают ее краской, полученной из *лауци* (*Aleurites triloba*). Ткань, разумеется, принимает краску на те части, которые подвергаются давлению, поддерживаемые подкладками; таким образом, получается тот же самый рисунок в используемом цвете. Более сильный состав того же красителя, нанесенный с помощью кисти, используется для разделения квадрата на продолговатые части, с большими круглыми или лучистыми точками в центре. *Кеса*, или краска, если она хорошая, высыхает яркой. С двух сторон квадрата по-прежнему оставляют пустые бордюры шириной в два-три фута, и разработка орнамента на них, чтобы вызвать аплодисменты, является предметом гордости каждой дамы. Теперь аппарат полностью изменился. Оператор работает на простой доске; красная краска сменяется черной; узор теперь формируется из полоски бананового листа, расположенной на верхней поверхности ткани. Из листа вырезается узор длиной не более дюйма, который дама хочет напечатать на кайме, и держит его за первый и средний пальцы, прижимая большим. Затем, взяв в правую руку мягкую ткань, смоченную в краске, она плотно проводит ею по трафарету, и получается четкий рисунок. Опытные пальцы оператора работают быстро, но в конечном итоге это утомительный процесс.

К сожалению, я должен добавить, что мужчины занимаются менее полезным искусством: изготовлением боевого оружия - булав и копий, которыми жители разных островов и даже одних и тех же слишком часто орудовали друг против друга. Этот воинственный дух полностью обусловлен их общением со свирепыми фиджи, чьему хвастливому и амбициозному духу они склонны подражать. На самом деле их восхищение повадками фегеев вызывает удивление, и объяснить его можно только тем, что, посещая этих дикарей и исповедуемых воинов, тонганцы прониклись определенным страхом перед ними. Они

признают более безрассудный дух своих союзников, а также осознают, что по интеллектуальным способностям чернокожие не уступают им самим. Они, конечно, уступают им в мужестве, как и во всех хороших моральных качествах; но тонганцы вряд ли могут в это поверить, поскольку их жестокое и свирепое поведение, кажется, дает основания для противоположной мысли. На самом деле именно это внушает им уважение, которое не имеет под собой никакой другой основы, кроме смутного чувства страха. Поэтому они стремятся подражать тем действиям, которые вызывают этот страх, и это приводит их к войне друг с другом.

Приходится сожалеть, что миссионеры снабдили их мотивом. Их недавние войны вызваны исключительно миссионерским влиянием, ведь методизм на Тонганских островах принял одну из доктрин Магомета и верит в то, что вера будет распространяться мечом! Узурпатор, желающий стать королем всей группы, принял методистскую форму христианства и связал себя с ее учителями, которые предлагают ему помощь всем своим влиянием; и эти прежде мирные острова теперь являют собой тягостное зрелище разделенной национальности - "христианской партии" и "партии дьявола". Цель завоевания со стороны первых - поставить партию дьявола под абсолютный суверенитет деспота, законы которого будут диктовать его служители-миссионеры. О мягкости этих законов мы уже имеем несколько примеров, которые, конечно, распространяются только на "христианизированных". На один из них, касающийся способа ношения пареу, мы уже намекали, а другой - это еще более несерьезный законодательный акт: указ о том, что впредь никому не будет позволено курить табак под страхом самого сурового наказания.

Если учесть, что житель Тонганских островов наслаждается "травкой" (и выращивает ее тоже) больше, чем почти любой другой курильщик в мире, строгость "табу" может быть понятна. Но можно с уверенностью сказать, что если бы его методистское величество однажды прочно сел на свой трон, то были бы быстро провозглашены и более "голубые" законы, чем этот. Американский коммодор Уилкс, посетив Тонганские острова, застал их в таком воинственном состоянии; но, видя, что право явно на стороне "партии дьявола", отказался вмешиваться; вернее, его вмешательство, которое быстро принесло бы мир, было отвергнуто христианской партией, подстрекаемой кровожадным духом их "христианских" учителей. Но не таков был капитан Кроузер из службы Ее Британского Величества, который прибыл вскоре после этого. Этот нерассуждающий офицер, не желающий верить, что королевская власть может быть неправа, сразу же встал на сторону короля и христиан и с головой окунулся в дело. Меланхолический результат хорошо известен. Все закончилось тем, что капитан Кроузер оставил свое тело на поле боя вместе с телами многих своих храбрых татар, а христианская сторона позорно отступила за пределы досягаемости своих врагов.

Такое вмешательство британского военного судна в дела жителей Тонганских островов сильно контрастирует с нашим поведением в присутствии феагов. Там мы имеем дело с фактами, когда британские офицеры были свидетелями самых ужасных сцен, - массовых убийств и каннибализма, - имея полную власть остановить преступление и наказать его, - власть, которая была бы свободно предоставлена им согласием и одобрением всего цивилизованного мира, - и все же они стояли в стороне, в образе праздных зрителей, боясь нарушить тонкую ледяную линию *невмешательства*!

Странной кажется теория, согласно которой убийство перестает быть убийством, если убийца и его жертва случайно оказываются другой национальности, чем наша собственная! Это слишком тонкое различие, чтобы выдержать исследование философского ума; возможно, оно еще поддастся более верному пониманию принципов справедливости. Не было такой щепетильности, когда королевская власть требовала поддержки на Тонганских

островах; и никогда не будет, когда корысть требует иного. Милосердие и справедливость могут не справиться с лицемерным заблуждением о невмешательстве, но этот принцип всегда рушится по требованию политического удобства.

Глава девятая.

Туркоманы.

Азия с древнейших времен отличалась наличием большого количества населения, не имеющего постоянного места жительства, но ведущего *кочевой* или бродячий образ жизни. Это не единственная часть земного шара, где встречаются люди такого типа: в Африке, особенно в северной ее части, есть много *кочевых* народов, а если принять во внимание индейскую расу, то окажется, что и на северо- и южноамериканском континентах есть свои племена странствующих людей. Однако именно в Азии этот неустроенный образ жизни проявляется в наибольшей степени - именно там мы находим эти великие пастушеские племена, или "орды", как их называют, которые в разные исторические периоды не только увеличивались до численности крупных народностей, но и были достаточно сильны, чтобы захватить соседние империи, проникая своими завоеваниями даже в саму Европу. Таковы были нашествия монголов при Зенгисхане, татар при Тимуре и турок, чьи выродившиеся потомки сегодня так слабо удерживают огромную территорию, завоеванную их странствующими предками.

Пастушеская жизнь, действительно, имеет свои прелести, которые делают ее привлекательной для естественных склонностей человека, и везде, где есть возможность следовать ей, эта жизнь будет предпочтительнее любой другой. Она позволяет человеку в изобилии удовлетворять все свои самые насущные потребности, не требуя от него никаких серьезных усилий ни духа, ни тела; и, учитывая природную леность азиатских народов, не приходится удивляться тому, что многие из них предпочитают такой образ жизни. Кроме того, их страна особенно благоприятна для развития пастушеской расы. Пожалуй, не одна треть поверхности азиатского континента приспособлена для сельского хозяйства. По крайней мере, половину ее занимают безлесные, безводные равнины, многие из которых имеют все признаки пустыни, где земледельческий народ не мог бы существовать, или, во всяком случае, где его труд был бы вознагражден лишь самой скудной и нестабильной отдачей.

Даже пастушеский народ в этих регионах нашел бы лишь жалкое пропитание, если бы был прикован к одному месту; ведь роскошная трава, которая, по большей части, характерна для великих равнин саванны в Америке, либо совсем отсутствует в *степях* Азии, либо, в лучшем случае, очень скудна и непостоянна. Поэтому постоянное место жительства невозможно, за исключением наиболее плодородных участков или *оазисов*: в других местах кочевая жизнь - это необходимость, вытекающая из условий почвы.

Трудно точно определить границы территории, занимаемой бродячими расами в Азии; но в общих чертах можно сказать, что вся центральная часть континента заселена таким образом: действительно, гораздо больше, чем центральная часть, - ведь, если исключить богатые сельскохозяйственные страны Индостана и небольшую часть Персии, Аравии и Турции, вся Азия имеет такой характер. Страны, известные как Балк и Бокара, Яркенд и Хива, а также ряд других, не менее примечательных, являются лишь центральными пунктами оазисов - больших городов, поддерживаемых скорее торговлей, чем продуктами сельского хозяйства, и имеющих племена кочевников, живущих в пределах видимости от их стен. Даже современные границы азиатской Турции, Аравии и Персии содержат в себе значительную долю кочевого населения; то же самое можно сказать о Восточной Польше и России в Европе. Часть страны Афган и Белочи также населена кочевниками.

Эти кочующие люди принадлежат к разным типам и расам людей, но в привычках и обычаях всех есть определенное сходство, как и следовало ожидать от схожих обстоятельств, в которых они находятся.

В основном они занимают бесплодные степи, и это легко объяснимо: там, где появляются плодородные районы, кочевая жизнь больше не нужна. Даже бродячее племя, попав в такую местность, уже не будет иметь мотивов покинуть ее и вскоре привяжется к почве - иными словами, перестанет быть скитальцами; и независимо от того, обратят они свое внимание на земледелие или нет, они непременно откажутся от палаточной жизни и поселятся на постоянное место жительства. Такова история многих азиатских племен; но есть и много других, которые с незапамятных времен демонстрировали отвращение к идее прикрепления к земле. Они предпочитают свободную бродячую жизнь, которой позволяет им предаваться пустыня, и, кочуя с места на место в зависимости от выбора пастбищ, полностью занимаются

кормлением своих стад и отар - единственного средства к существованию. Их никогда не побуждали и не могли побудить к проживанию в городах или деревнях.

Они также не были загнаны в эти пустынные районы в поисках убежища от политического гнета, как это происходит с некоторыми коренными племенами Африки и Америки. Напротив, эти азиатские кочевники чаще всего являются агрессорами, а не объектами агрессии. Это скорее вопрос выбора и склонности: как и в случае с племенами аравийской расы, известными как "бедуины".

Соотношение азиатского бродячего населения и тех, кто живет в городах или постоянных поселениях, варьируется в зависимости от характера страны. Во многих обширных районах первые значительно превосходят вторых, а более бесплодные степи заняты почти исключительно ими. В целом они признают суверенитет некоторых великих держав, таких как Китайская, Российская и Турецкая империи, Персидское царство или несколько могущественных ханов, например Хивы и Бокара; но этот суверенитет по большей части не более чем номинальный, и от его верности можно легко отказаться, когда они этого захотят. Она редко бывает настолько сильной, чтобы позволить какой-либо из вышеупомянутых держав взимать с них большую дань; а некоторые из более воинственных бродячих племен пользуются большим вниманием и лаской, особенно когда требуются их военные услуги. В целом они заявляют наследственные права на территории, по которым кочуют, и мало прислушиваются к приказам короля, хана или императора.

Как уже говорилось, эти странствующие люди принадлежат к разным расам; на самом деле они представляют почти все разновидности коренных жителей Азиатского континента; можно привести целый каталог имен, из которых монголы, татары, туркоманы, усбеки, киргизы и калмаки, пожалуй, наиболее известны. Было также сказано, что во многих вопросах они похожи друг на друга; но есть и много важных особенностей, в которых они различаются, - физические, моральные и интеллектуальные. Некоторые из "орд", или племен, ведут чисто пастушеский образ жизни, отличаются мягким и гостеприимным нравом, очень любят чужаков и добры к тем, кто приходит к ним. Другие же не приемлют никаких контактов с другими людьми, кроме представителей своей расы и религии, и стесняются, а то и вовсе негостеприимны, когда их посещают чужаки. Но есть класс еще менее достойного внимания характера - большое количество племен, которые не только негостеприимны и враждебны к чужакам, но и столь же свирепы и кровожадны, как любые дикари в Африке, Америке или на островах Южного моря.

В качестве достойного образца этого класса мы выбираем туркоманов; по сути, их можно рассматривать как его *тип*, и наше описание в дальнейшем можно считать применимым именно к этим людям.

Страну туркоманов можно без труда найти на карте, но определить ее точную границу было бы невозможно, поскольку таковой не существует. Если бы вы проехали вдоль всей северной границы Персии, почти от ворот Тегерана до восточной границы королевства, - или даже дальше, к Балке, - вы были бы уверены, что услышите о разбойниках-туркоманах, и подверглись бы большой опасности быть ограбленным ими, - последнее несчастье было бы не столь важно, поскольку оно было бы лишь прелюдией к тому, что вас либо убьют на месте, либо уведут в плен. Совершая это путешествие вдоль северной границы Персии, вы познакомитесь с местонахождением туркменских орд; вернее, вы обнаружите, что вся северная часть Персии - широкая полоса, простирающаяся на сотни миль в глубь страны, - если и не находится в полном владении туркмен, то захватывается и грабится ими по своему усмотрению. Однако это не их дом, а лишь "плацдарм", место обитания их жертв. Место их

постоянного проживания находится дальше на севере и с достаточной точностью определяется тем, что его западной границей является весь восточный берег Каспийского моря, а река Аму (древний Оксус) может считаться пределом их ареала на востоке. Некоторые племена уходят еще дальше на восток, чем Аму; но те, которые особенно отличаются своими грабительскими наклонностями, живут в описанных пределах - к северу от гор Эльбурс и в великой степи Каурезм, где они примыкают к хивинскому племени усбеков.

Вся эта огромная территория, простирающаяся от восточного берега Каспия до Аму и Аральского моря, может быть охарактеризована как настоящая пустыня. То тут, то там встречаются оазисы, но ни одного сколько-нибудь значимого, за исключением самой Хивы: да и то это всего лишь орошаемая полоса, лежащая по обоим берегам Оксуса. Действительно, трудно поверить, что эта территория Хивы, столь незначительная по площади, могла быть резиденцией могущественной империи, какой она когда-то была.

Таким образом, пустыня между Каспийским морем и рекой Оксус может считаться истинной землей туркоманов и обычно называется Туркоманией. Следует, однако, помнить, что существуют родственные племена, не входящие в пределы Туркомании, поскольку Туркестан географов - это страна гораздо большей протяженности; кроме того, значительная часть туркоманской расы - это поселенцы или, скорее, скитальцы в Армении. Поэтому мы ограничимся собственно Туркоманией и ее жителями.

Мы не будем останавливаться на вопросе о происхождении народа, который сейчас называется туркоманами. Если бы мы стали рассуждать на эту тему, то мало продвинулись бы в описании их привычек и образа жизни. Обычно их считают татарами, усбеками или монголами; и, рассказывая о них, я уверен, что мало что добавлю к вашим знаниям о том, кто они на самом деле. Правда в том, что слова "татарин", "монгол" и еще полдюжины других названий, используемых по отношению к азиатским расам, не имеют никакого определенного значения, - просто потому, что относительные различия разных народов этого континента очень несовершенны; а ученые этнологи не любят признаваться в ограниченности своих знаний. Один из них, мистер Лэтэм, которому достаточно нескольких слов на их языке, чтобы категорически решить, к какой разновидности человеческой расы принадлежит тот или иной народ, к сожалению, усугубил эту путаницу, назвав почти всех *монголами*: поставив гордого турка в тюрбане в один ряд с приземистым и низкорослым лапландцем! Конечно, это лишь возвращает нас к старой идее, что все люди произошли от одной пары первых родителей, - доктрине, которая, хотя и популярна, трудно совместить с рациональными знаниями, полученными в результате этнологического исследования.

Для нашей цели не имеет значения, от какой расы произошел туркоман: является ли он истинным турком, как считают некоторые, или потомком последователей Великого хана татар. Он в значительной степени обладает татарской физиономией - некоторые племена отличаются этим больше других, - и высокие скулы, плоские носы, маленькие косые глаза и скудные бороды - все эти характеристики очень часто наблюдаются. Некоторые из этих особенностей чаще встречаются среди женщин, чем среди мужчин - многие из последних высокие, крепкие и хорошо сложенные, в то время как можно увидеть большое количество тех, кто имеет обычные черты перса. Возможно, было бы безопаснее всего считать, что нынешние туркменские племена не принадлежат к чистому роду, а скорее представляют собой смесь нескольких; и их привычка брать рабов у других народов, которая долгое время существовала среди них, давала бы вероятность этой идеи. Во всяком случае, без такой гипотезы трудно объяснить удивительное разнообразие, как черт, так и форм, которые встречаются среди них. Цвет лица у них смуглый, в некоторых случаях почти коричневый, как

у американских индейцев; но постоянное пребывание на открытом воздухе в любую погоду во многом способствует потемнению их кожи. Новорожденные дети почти такие же белые, как у персов, а их молодые девушки имеют румяный брюнетистый оттенок, который некоторые считают даже более приятным, чем абсолютно белый цвет лица.

Костюм туркоманов, как и у большинства восточных народов, богат и живописен. Одежда мужчин варьируется в зависимости от ранга. Некоторые из самых бедных людей не носят ничего, кроме короткой шерстяной тоники или рубашки, и пары грубых шерстяных кальсон. Другие, вместо рубашки, одеты в более длинную одежду, что-то вроде халата или халата джентльмена, сделанного из верблюжьей шерсти или грубого коричневого шерстяного материала. Но настоящий туркоманский костюм, который носят все, кто может себе это позволить, состоит из одежды из смешанного шелка и хлопка - *баронни*, - которая спускается ниже колена и, хотя открыта спереди, застегивается на груди до самой шеи. Эффект дополняет поясок вокруг талии, а под юбкой можно увидеть брюки из хлопка или даже шелка. Вместо сапог или гетр на ногах - суконные обмотки, а на ногах - тапочки по персидской моде, с носками из мягкой кожи коорди.

Поскольку материал, из которого шьется баронство, хорошего качества - смесь шелка и хлопка - и поскольку ткань всегда полосатая или клетчатая, красного, синего, фиолетового и зеленого цветов, создается эффект некоторой живописности. Головной убор дополняет этот образ - это высокая меховая шапка с усеченным верхом, мех которой - прекрасный сорт, получаемый из шкуры астраханского ягненка, хорошо известного в торговле. Эти шапки бывают разных цветов - черные, красные или серые. Другой распространенный вид головного убора - шапка с круглым верхом или в форме шлема, сделанная из стеганого хлопчатобумажного материала; но этот вид, хотя и используется среди туркоманов, более характерен для их врагов, "коордов", которые носят его повсеместно.

Джубба" - это разновидность халата, предназначенная для ношения поверх других одежд, обычно из шерстяной ткани или верблюжьей шерсти. Он также сшит как халат, с широкими рукавами, но плотно прилегающими к запястьям. Она достаточно просторна, и одна ее сторона накладывается на другую спереди, как у двубортного пальто. Джубба" - это, по сути, национальная одежда.

Женская одежда очень живописна. Путешественник так подробно описывает его: "Головной убор этих женщин.

"Головной убор этих женщин весьма необычен: большинство из них носят высокую шапку с широким венцом, напоминающую солдатскую фуражку, называемую "шако". Она надвинута на затылок, а поверх нее наброшен шелковый платок очень ярких цветов, который покрывает верхнюю часть и ниспадает с каждой стороны, как вуаль. Спереди он покрыт украшениями из серебра и золота различной формы; чаще всего это золотые монеты, мохры или томауны, нанизанные в ряд, с серебряными колокольчиками или пуговицами и цепочками, отходящими от них; сердца и другие причудливые формы, с вправленными в них камнями. Все это скорее напоминает великолепные атрибуты для лошади, чем украшения для женщины.

"Каркасы этих чудовищных головных уборов сделаны из легких щепок дерева или расщепленного тростника, обтянутых тканью; а когда они не носят их, то обматывают голову тканью той же формы и небрежно набрасывают на нее другую, похожую на вуаль. Вуаль или покрывало, о котором говорилось выше, закрывает рот; спускается до груди. В ушах носят серьги; длинные волосы разделены и заплетены на четыре части, расположенные по две с каждой стороны; одна из них ниспадает за плечами, другая - перед, и обе унизаны

множеством золотых украшений, агатов, сердоликов и других камней, в зависимости от средств и качества владельца. Остальная часть их одежды состоит из длинного, свободного жилета или рубашки с рукавами, которая покрывает все лицо до ступней, открыта на груди, спереди, но застегивается на пуговицы или завязки до шеи: она сделана из шелка или хлопчатобумажной ткани, красной, синей, зеленой, в красную и желтую полоску, в клетку или разных цветов: под ней находятся зере-джаме, или кальсоны, также из шелка или хлопка; некоторые носят короткую *пелерину* или рубашку из того же материала. Это, я думаю, все; но в холодную погоду они носят, кроме того, джуббас, или пальто, как у мужчин, из полосатой ткани из шелка и хлопка; на ногах они обычно носят тапочки, как у персидских женщин".

Палатки, или "переносные дома" туркоманов - так скорее стоит называть их передвижные жилища - отличаются от большинства сооружений подобного рода, используемых в других странах. Тот же умный путешественник описывает их следующим образом

"Переносные деревянные дома туркоманов упоминались несколькими писателями, но я не знаю, чтобы было дано точное описание их структуры. Каркас любопытно сконструирован из легкого дерева, уложенного в рейки шириной около дюйма и толщиной три четверти, пересекающие друг друга по диагонали, но под прямым углом, на расстоянии около фута друг от друга, и скрепленные на каждом пересечении ремешками из сырой кожи, чтобы быть подвижными; весь каркас может быть закрыт или открыт на манер тех детских игрушек, которые изображают роту солдат, и закрываются или расширяются по желанию, чтобы сформировать открытую или закрытую колонну.

"Одна или несколько частей, построенных таким образом, растягиваются, окружая круглое пространство диаметром от пятнадцати до двадцати футов, и образуют каркас стен, которые укрепляются лентами из шерсти или шерстяными веревками, завязанными вокруг конца каждого стержня, чтобы закрепить его на своем месте. От верхних концов этих прутьев отходят такие же прутья, согнутые у стен под углом, несколько меньшим прямого, так, что более длинные части наклоняются к центру, и, связанные веревками, образуют каркас крыши. Поверх нее набрасывают покрытие из черного *нумуда*, оставляя в центре большое отверстие для выхода дыма и освещения жилища. Такие же нумуды обматывают стены; а снаружи, чтобы все было плотно, привязывают еще один каркас, сделанный из расщепленного тростника или камыша, или из очень легкого и прочного дерева, связанного крепкой бечевкой, причем части должны быть перпендикулярны. Сам он закреплен прочной широкой лентой из плетеного волосяного материала, которая прочно соединяет их. Большое круглое отверстие в верхней части закрывается, в зависимости от случая, куском нумуда, который оттягивается или затягивается крепким шнуром, как занавеска. Если ветер сильный, с подветренной стороны ставят палку, которая поддерживает ткань.

"В большинстве этих домов не держат постоянно расстеленным ковер или нумуд; но лучшие классы используют ковер в форме подковы, в центре которой вырезан камин, а концы усечены, чтобы люди низкого достатка или те, кто не хочет снимать сапоги, могли сесть на землю. На этот ковер кладут еще один или два нумуда, по мере необходимости, для знатных гостей. Когда в палатке находятся женщины, для их удобства делается разделение из расщепленного тростника; но более богатые люди имеют отдельную палатку для своих личных апартаментов.

"Мебель состоит не более чем из верблюдов и лошадей; *джоалов*, или мешков, в которые упаковываются их вещи, и которые часто сделаны из очень красивого вида ковров из камвольного бархата с богатыми узорами; мечи, ружья, копья, луки и стрелы, и другие орудия

семьи, со всякой всячиной, можно увидеть подвешенными на концах деревянных прутьев, которые образуют очень удобные штыри для этой цели. У некоторых племен вся домашняя утварь сделана из дерева - калео, подносы для подачи пищи, сосуды для молока и т. д. У других все эти предметы сделаны из глины или металла. На черных верхушках палаток часто можно увидеть большие белые массы кислого творога, выжатого из пахты и поставленного сушиться в качестве будущего запаса; он, раздробленный и смешанный с водой, образует очень приятный кислый напиток и используется в качестве основы для того опьяняющего напитка, который называется *киммиз*. Самый распространенный и наиболее освежающий напиток, который они предлагают усталому и перегретому путнику в полдень, - это пахта, или кислый творог с водой; и, действительно, модификация этого напитка, а также некоторые другие простые шербеты - единственные напитки, которые подают во время еды.

"Таковы деревянные дома туркоманов, в одном из которых помещается только верблюд. Есть и более бедные, менее искусственной конструкции, каркас которых сделан из тростника.

"Лагерь, как правило, имеет квадратную форму, окружая открытое пространство или образуя широкую улицу, дома расположены по обеим сторонам, дверями друг к другу. У них всегда можно увидеть самые живописные группы, занятые различными домашними делами или курящие свои простые деревянные *кальяны*. Более важные лагеря окружены забором из тростника, который служит для защиты стад от мелких краж".

Теперь нам предстоит узнать, как туркоманы проводят свое время. Мы уже описывали их как пастушеский и кочевой народ; при обычных обстоятельствах их занятие заключается в уходе за своими стадами. В нескольких более плодородных оазисах у них есть жилища, или, скорее, лагеря, более постоянного характера, где они выращивают немного кукурузы или ячменя, чтобы обеспечить себя материалом для хлеба; но эти поселения, если они и заслуживают такого названия, являются исключительными; они используются главным образом как своего рода штаб-квартиры, где содержатся женщины и имущество, пока сами мужчины отсутствуют в своих воровских экспедициях. Как правило, их стада находятся в движении и перегоняются с места на место с короткими интервалами в несколько недель или даже дней. Разбивка и установка палаток дает им работу, к которой добавляется дойка скота, приготовление сыра и масла. Женщины, кроме того, коротают свободные часы за плетением грубых одеял, или "нумудов", плетением циновок и изготовлением различных предметов одежды и домашнего обихода. Более дорогие части их костюма, однако, не местного производства: они приобретаются в результате торговли. Только мужчины ухаживают за верблюдами и лошадьми, особенно заботясь о последних.

Их стада представляют собой значительное разнообразие видов. Помимо лошадей, крупного рогатого скота и овец, у них много верблюдов, и в их распоряжении не менее трех разновидностей этого ценного животного: дромадер с двумя горбами и обычный верблюд. Третья разновидность - это скрещенная порода, или "мул", между этими двумя. Дромадер легче и быстрее всех остальных, но он не такой мощный, как любой из них, и, уступая им в качестве ноши, туркоманы меньше всего заботятся о нем. Одногорбый верблюд более распространен, и хороший верблюд с легкостью перенесет груз в шесть или семьсот фунтов. Верблюд-мул более мощный, чем его родители, а также более послушный и способный к большей выносливости. Он вырастает до очень больших размеров, но при этом низкий в пропорции к своей массе, с крепкими, костлявыми ногами и большим количеством грубой, лохматой шерсти на загривке, плечах, шее и даже на макушке головы, что придает ему странный, несколько фантастический вид. Его окрас варьируется от светло-серого до коричневого, хотя нередко он бывает почти черным. Этот вид верблюда может нести груз весом от восьмисот до тысячи фунтов.

Туркоманские овцы относятся к крупнохвостой породе, их хвосты часто достигают огромных размеров. Эта разновидность овец - истинный обитатель пустыни: толстый хвост, несомненно, является природной защитой от голода, как и единственный выступ, или "горб", на верблюде.

Лошадь туркомана - животное, которому он придает наибольшее значение. Порода, которой он владеет, славится по всей Восточной Азии, как арабская - на Западе. Однако их нельзя назвать красивыми лошадьми, согласно истинному стандарту "лошадиной красоты"; но туркоман заботится об этом меньше, чем о других хороших качествах. По скорости и выносливости их не превзойдут, если вообще превзойдут, лошади любой другой страны.

Размером они с обычную лошадь, но сильно отличаются по строению. Их тела длинные пропорционально массе туши, и, похоже, они не обладают достаточной компактностью каркаса. Их ноги также длинные, как правило, мускулистые, ниже коленного сустава; английскому жокею они показались бы слишком узкими в стойке. У них также длинные шеи и большие тяжелые головы. Это те особенности, которые обычно наблюдаются у туркоманских лошадей; но следует заметить, что только в плохом состоянии они выглядят так некрасиво, и в таком состоянии их привыкли держать владельцы, особенно когда им приходится выполнять какую-либо очень тяжелую работу. Кормление улучшает их форму и приближает к виду хорошо выращенной английской лошади.

Их выносливость поистине невероятна: когда их готовят для чаппоу или грабительской экспедиции, они могут нести своего всадника и провизию в течение семи или восьми дней вместе, со скоростью двадцать или даже тридцать фурсунгов, то есть от восьмидесяти до ста миль в день. Их тренировки больше похожи на тренировки наших драчунов и пеших артистов, чем на тренировки скаковых лошадей. Когда задумывается какая-либо длительная экспедиция, требующая большой скорости, они начинают с ежедневного пробега лошадей на многие мили; кормят их скудно, только ячменем, а ночью набрасывают на них нумуды, чтобы они пропотевали, пока не удалят все частицы жира, а плоть не станет твердой и сухожильной. Об этом они судят по ощущению мышц, особенно на холке, затылке и подгрудке; когда они становятся достаточно твердыми и упругими, они говорят в похвалу животному, что "его плоть - мрамор". После такой тренировки лошадь будет идти быстро и настойчиво, практически любое время, не падая в кондиции и не сбиваясь с ног, в то время как упитанные лошади редко выживают. Их учат быстрой ходьбе, легкой рыси или амбрэ, которые легко несут всадника со скоростью шесть миль в час; но они также будут идти галопом на протяжении сорока или пятидесяти миль, никогда не снимая уздечки и не проявляя ни малейшего признака усталости. Их *ябуки*, или галоши, и большие пони по своей способности переносить усталость ничуть не уступают лошадям, если не превосходят их; это крепкие, компактные, энергичные животные, не обладающие прекрасной кровью крупных пород, но более доступные для бедных слоев населения и, следовательно, используемые в гораздо большем количестве, чем превосходные и более дорогие лошади.

"У туркоманов принято учить своих лошадей сражаться пятками и таким образом помогать хозяевам во время боя. По воле всадника они набрасываются на человека или животное, которое может оказаться перед ними, и вцепляются в них зубами. Это умение полезно в день битвы и грабежа, для поимки пленных и бродячего скота, но в то же время оно делает их злобными и опасными в обращении".

Помимо отар и стад, у туркоманов есть порода очень крупных свирепых собак, которые помогают им в содержании скота. Они также необходимы в качестве сторожевых собак, чтобы защищать лагерь от воров и более опасных врагов их мира; и эти верные существа так

хорошо обучены, что невозможно, чтобы друг или враг приблизился к туркменскому лагерю, не предупредив вовремя его обитателей. Двух или трех таких собак всегда можно увидеть лежащими у входа в каждую палатку, а несколько других в течение ночи караулят на подступах к лагерю.

Другие породы собак, принадлежащие им, используются для охоты, ведь эти дикие скитальцы иногда посвящают свои часы преследованию. У них есть две породы: гладкошерстная собака, наполовину гончая, наполовину пойнтер, которая охотится в основном по запаху; и борзая, очень быстрая, с длинной шелковистой шерстью, которую они используют для преследования, - зайцы и антилопы являются их дичью.

У них есть особый способ охоты, который практикуют также персы. Его скорее следует назвать ястребиной охотой, чем охотой, поскольку для этой цели используется ястреб. Это вид сокола, называемый "гурк", и он обучен не только бросаться на мелкую дичь, такую как куропатки и дрофы, но и на антилоп и даже на диких ослов, которые в изобилии водятся на равнинах Туркомании. Вы удивитесь, как птица, размером не больше обычного сокола, может поймать такую дичь, но после объяснения метода все покажется достаточно простым. Гурка обучают подлетать к четвероногому и закреплять когти в одном определенном месте - на лобной кости, как раз между глаз. Прикрепившись таким образом, птица, вместо того чтобы закрыть крылья и оставаться в покое, постоянно держит их в движении, хлопая ими над глазами четвероногого. Это делается, несомненно, для того, чтобы она могла удержаться на насесте, а несчастное животное, атакованное таким образом, не знает, в каком направлении бежать, и вскоре настигается преследующими его спортсменами и либо пронзается копьем, либо застреливается из лука и стрел.

Туркоманы часто охотятся на кабанов; как и все остальное у этих грубых кентавров, охота ведется верхом на лошади. Лук и стрелы - плохое оружие против толстой и прочной шкуры гирканского кабана (ведь он буквально гирканский кабан), и, конечно, спичечный замок будет столь же неэффективен. Как же туркоманскому спортсмену удастся добыть эту щетинистую дичь? Со всей легкостью в мире. Ему стоит лишь пустить лошадь галопом вплотную к боку кабана после того, как его настигнут собаки, а затем резко повернуть коня. Последний, хорошо натренированный, без дальнейших подсказок выполняет остальную часть представления, которое заключается в нанесении кабану такого удара каблуком с железным наконечником, чтобы свалить четвероногое на землю, часто убивая его в тот же миг!

Такие занятия и развлечения занимают лишь малую часть мелодии туркомана. У него есть и другое, куда менее почетное призвание, которое, к сожалению, он считает самым почетным занятием в своей жизни. Это призвание разбойника. Его пастушеские занятия имеют лишь второстепенное значение. Он смотрит на них только как на средство обеспечения своих ежедневных потребностей - пищи и более необходимой части одежды; но у него есть и другие потребности, которые можно считать роскошью. Ему необходимо поддерживать поголовье лошадей и верблюдов, и он хотел бы увеличить его. Ему нужно дорогое снаряжение для лошади и дорогая одежда для него самого, и он желает иметь прекрасное оружие, такое как копья, мечи, луки, спички, кинжалы и пистолеты. Его самое эффективное оружие - копье и меч, и именно их он использует в основном.

Его копье состоит из стального наконечника с четырьмя желобками и очень острыми краями, закрепленного на тонком древке длиной от восьми до десяти футов. При использовании копья он держит его под левой рукой, а правой направляет его либо прямо, либо вправо, либо влево; если вправо, то острие лежит поперек задней части седла; если влево, то

передняя часть копья упирается в шею лошади. Туркоманы управляют своими лошадьми левой рукой, но большинство из них настолько хорошо сломаны, что подчиняются движению колена или импульсу тела. Когда они приближаются к цели, то часто хватают копьё обеими руками, чтобы придать больший эффект удару. Лошадь, подстегнутая до полной скорости заряда, таким образом, предлагает атаку, несомненно, очень грозную на вид, но, возможно, менее опасную, чем другая, в которой успех так сильно зависит от мастерства и адреса. Туркоманы достаточно ловко владеют мечом, который почти повсеместно имеет изогнутую персидскую форму и очень острый; они также носят кинжал на поясе. Огнестрельное оружие пока мало распространено среди них; у них есть несколько единиц, отобранных у ограбленных ими путешественников, и еще несколько штук они изредка приобретают у русских через Бокару. Некоторые пользуются луком и стрелами, но они отнюдь не так ловки в обращении с этим оружием, как их предки.

Итак, сев на своего великолепного коня и вооружившись копьем и мечом, туркоман отправляется заниматься своим любимым делом - грабежом. Он отправляется в путь не один и не с небольшим числом своих товарищей. Их количество зависит от расстояния или опасности экспедиции; а если они считаются большими, то отряд из пятисот или даже тысячи человек обычно отправляется в путь вместе.

Вы спросите, куда они направляются - на восток, запад, север или юг? Это полностью зависит от того, кто может быть их врагом на данный момент, ведь наряду с желанием получить добычу в них присутствует и нечто похожее на враждебные чувства. В этом отношении, однако, туркоман - настоящий исмаилитянин, и за неимением другой жертвы он без колебаний разграбит людей родственной расы. Действительно, несколько туркоманских племен уже давно воюют друг с другом, и их вражда между собой столь же смертоносна, как и против чужаков их расы. Однако *центром* большинства туркоманских экспедиций является северная часть Персии, в частности Корасан. Именно в эту провинцию направляется большинство их великих набегов, либо против мирных жителей персидских городов и деревень, либо, как часто бывает, против торговых караванов, которые постоянно проходят между Тегераном и городами на востоке - Мушедом, Балхом, Бокарой, Гератом и Келатом. Я уже говорил, что эти набеги совершаются далеко в глубь Персии; и тот факт, что Персия допускает такое положение вещей, возможно, удивит вас; но вы бы не удивились, если бы лучше знали состояние этого королевства. Исходя из исторических ассоциаций, вы считаете Персию могущественной страной; и так оно и было когда-то, и могущественной, и процветающей. Тот день прошел; и в настоящее время эта приходящая в упадок монархия не только бессильна поддерживать порядок в своих собственных границах, но даже находится под угрозой уничтожения со стороны тех самых кочевых рас, которые так часто давали законы великим империям Азии. Даже сейчас более могущественные татарские ханы с тоской смотрят на пошатнувшийся трон Надир-шаха, а сам он из Хивы не раз делал попытку вторжения. Но эта тема слишком обширна, чтобы обсуждать ее здесь. Он введен лишь для того, чтобы объяснить, с какой легкостью несколько сотен туркоманских разбойников могут проникнуть в страну и причинить ей беспокойство. Мы находим параллель во многих других частях света, как старых, так и новых. В последнем случае северные провинции Мексики и южные страны Ла-Плата и Парагвай находятся именно в таком состоянии: слабые, изможденные потомки испанских завоевателей, с одной стороны, хорошо представляют собой остатки расы Надир-шаха; с другой стороны, туркоманы - это тип краснокожих индейцев. Сравнение, однако, касается не только последнего. Он, по крайней мере, обладает мужеством и доблестью; в то время как туркоман, несмотря на его склонность к грабежам и кровожадную свирепость характера, такой же откровенный трус, как и тот, кто когда-либо владел копьем. Даже перс может справиться с ним, когда его достаточно много; а

на торговые караваны, которые обычно состоят из истинных турок и представителей других рас, обладающих некоторой "смелостью", никогда не нападают, если только их не превосходят в численности в соотношении три к одному.

При всем этом вся северная часть Персидского царства оставлена на милость этих грабителей пустыни. В городах и деревнях есть большие крепости, в которые жители уходят при появлении грабителей и живут там до тех пор, пока те не укачат, уводя свои стада и пастбища в пустыню. Даже бедный фермер вынужден строить посреди своих полей крепость, в которую он может удалиться при любой внезапной тревоге, а его работники обрабатывают землю, держа мечи наготове, а спички лежат рядом!

Эти полевые крепости Корассана настолько любопытны, как по конструкции, так и по назначению, что мы не можем обойти их вниманием, не описав. Обычно их ставят на видном месте, на удобном расстоянии от всех частей обрабатываемого участка. Они строятся из грязи и возвышаются на высоту пятнадцати или двадцати футов, имеют круглую форму, чем-то напоминая известные круглые башни Ирландии. Внизу оставлен небольшой проем, через который ищущие укрытия могут протиснуть свое тело, и, забаррикадив его внутри, можно считать защиту завершенной. С вершины, до которой можно легко добраться изнутри, фермер и его рабочие могут с успехом использовать свои спички; но они никогда не прибегают к этому, поскольку трусливый вольный разбойник заботится о том, чтобы дать грязевой башне широкое рождение. У него нет оружия, которым он мог бы штурмовать ее; более того, у него нет времени на осаду, поскольку час промедления может привести к опасности со стороны быстро приближающихся сил. Единственное, о чем он думает, - это продолжать идти своим курсом и сметать скот или брать в плен людей, которых он может случайно встретить без оружия и предупреждения. Время от времени он отваживается на нападение - там, где есть большая добыча, чтобы соблазнить его, и лишь слабые силы, чтобы защитить ее. Его враги - ненавистные "куззилбаши", как он называет персов, - в случае поражения не ждут от него пощады. Всех, кто сопротивляется, он убивает на месте, и часто смерть наступает от пыток; но если их удастся взять в плен, грабитель пустыни предпочитает оставить их в живых, поскольку пленник для него более ценен, чем смерть врага. Пленник, попавший в плен, прекрасно понимает, что за этим последует. Первым делом туркоман надежно связывает руки жертвы за спиной, затем надевает на шею длинный недоуздок, прикрепляя другой его конец к хвосту своей лошади, и таким образом начинает поход в обратном направлении. Если бедный пешеход не поспевает за лошадью, он знает, что его может ожидать: его протащат по земле, а возможно, и разорвут на куски о камни. Предчувствуя эту ужасную участь, он прилагает почти нечеловеческие усилия, чтобы не отстать от отряда своих бесчеловечных похитителей, хотя прекрасно понимает, что они ведут его в безнадежное рабство.

Ночью ему также связывают ноги и, бросив на землю, накрывают грубым "нумудом". Не думайте, что это делается для того, чтобы защитить его от холода: цель совсем другая. Нумуд накидывают на него, чтобы двое похитителей могли спать на его краях - по одному с каждой стороны - таким образом удерживая его и лишая возможности сбежать.

Прибыв в лагерь разбойников, пленник недолго остается в неведении относительно своей дальнейшей судьбы. Его хозяин - ведь теперь он фактически раб - хочет получить новое слово, или кусок шелковой ткани, или верблюда, или какой-нибудь другой предмет роскоши. Это он может получить либо в Хиве, либо в Бокаре в обмен на своего раба; и вот новый пленник - или пленницы, как получится - отправляются на готовый рынок. Это не единичный и не редкий случай. Это повседневное явление; и следует отметить, что из трехсот тысяч

человек, составляющих подданных хивинского хана, почти половина - персидские рабы, полученные от разбойников из Туркомании!

Политическая организация туркоманов носит патриархальный характер. По необходимости они живут небольшими общинами, которые называются "тирами", что в буквальном переводе означает "стрелы", хотя по какой причине они так называются, неизвестно. Возможно, это связано с быстротой их передвижения: ведь во время враждебных вылазок или переездов с места на место они передвигаются с быстротой, которую можно сравнить со стрелами.

Над каждым племенем или тиром есть вождь, похожий на "шейха" арабских племен, и действительно, многие их обычаи имеют близкую аналогию с обычаями странствующих бедуинов Аравии и Египта, а также кабылов Марокко и Алжира. Обстоятельства жизни, почти одинаковые для тех и других, не могли не породить множество поразительных сходств.

Туркоманские племена, как уже отмечалось, часто воюют друг с другом, но еще чаще они объединяются для грабежа общего врага - каравана или персидской деревни. В эти простые грабительские экспедиции они отправляются в таком количестве, в каком может потребоваться; но когда их призывают принять участие в чем-либо, похожем на национальную войну, они могут набрать много тысяч человек; и тогда они действительно становятся ужасными - даже для самых могущественных государей Центральной Азии, которым приходится прибегать к дипломатии, чтобы привлечь их на ту или иную сторону. Для них не имеет значения, какова причина, - тот, кто может пообещать им самую большую добычу в виде скота или рабов, обязательно получит помощь их копий и мечей.

Туркоманы не язычники, то есть они не исповедуют язычество, хотя при всем том уважении, которое они уделяют религиозным обрядам, их можно назвать настоящими неверными. Однако они исповедуют религию, и это магометанство в его худшей и наиболее фанатичной форме - "суннитской". Персы, как известно, придерживаются более мягких шиитских доктрин; и поскольку в большинстве стран, где исповедуются обе эти религии, их приверженцы искренне ненавидят друг друга, так же обстоит дело и между туркоманами и персами. Первые даже презирают персидское вероучение, называя его последователей "неверными" собаками, или *куззилбашами*; и эта фанатичная злоба дает им своего рода благовидное оправдание враждебного отношения к ним.

В целом туркоманов можно рассматривать как настоящих дикарей, одетых в *шелка*, а не в *шкуры*.

Глава 10.

Оттомаки, или грязноеды.

На берегах Ориноко, на небольшом расстоянии выше того места, где эта могучая река делает свой второй большой размах на восток, живет удивительный народ - племя дикарей, которые даже среди дикарей отличаются многими особыми и необычными обычаями. Это *оттомаки*.

Они были давно известны, а благодаря рассказам первых испанских миссионеров стали печально известны из-за некоторых любопытных привычек; но хотя миссионеры жили среди них и пытались приобщить их к "звуку колокола", их усилия увенчались весьма частичным и

временным успехом; и в настоящее время оттомаки такие же дикари в своих привычках и такие же необычные в своих обычаях, какими они были во времена Колумба.

Оттомаки не являются ни низкорослыми, ни слабыми людьми. Их тело крепкое, а руки и конечности сильные и мускулистые, но они удивительно плохо сложены, а выражение лица привычно суровое и злопамятное.

Их костюм легко описать, вернее, его вообще нельзя *описать*, поскольку у них его нет. Представители обоих полов ходят совершенно голыми, если не считать небольшого пояса шириной в три-четыре дюйма, сделанного из хлопка или коры деревьев и называемого *гуаюко*, который они носят вокруг талии, но даже его они надевают не из соображений скромности.

То, что они рассматривают в свете костюма, - это наряд, и в этом они так же хороши и конкретны, как парижские денди. Разговоры о том, как "расцветить" увядшую *красавицу* для бального зала, или о времени, которое тратит изысканный человек на то, чтобы поправить завязки своего шарфа, - все это мелочи по сравнению с долгим и тщательным туалетом оттомаской дамы или джентльмена.

На одно нанесение рисунка они часто тратят большую часть дня, с одним или двумя помощниками; и это не *татуировка*, рассчитанная на всю жизнь, а костюм, который наверняка будет изуродован или полностью смыт при первом же попадании под сильный ливень. К этому следует добавить, что пигменты, которые используются для этой цели, отнюдь не так легко достать: растительные вещества, которые их дают, в стране осмаков в дефиците, и одному из этих индейцев приходится тратить несколько дней своего труда на покупку краски, достаточной для того, чтобы покрыть всю его кожу одним "слоем". По этой причине осмак красит свое тело только по торжественным случаям, а в обычное время довольствуется лишь окрашиванием лица и волос.

Когда осмак хочет предстать в "полном облачении", он сначала наносит на себя "грунтовку" красного цвета. Он состоит из красителя под названием "аннотто", который получают из мякоти плодов *бикса ореллана* и который индейцы умели готовить еще до общения с европейцами. Поверх красной основы наносится решетка из линий черного цвета с точкой в центре каждого маленького квадрата или ромба. Черная краска - это "каруто", также растительный пигмент, получаемый из *американской генипы*. Если джентльмен достаточно богат, чтобы иметь немного "чика", красивого красного цвета озера, также являющегося продуктом растения - "*бигнони*", "*чика*", то он будет испытывать экстатический восторг, как модный денди, обладающий хорошим гардеробом; и, втерев полфунта черепахового масла в свои длинные черные локоны, он будет считать себя одетым "на все сто". Однако не всегда он может позволить себе *чику*, ведь это один из самых дорогих материалов, из которых южноамериканский дикарь может изготовить свой костюм.

Оттомаск уделяет гораздо меньше внимания строительству своего дома. Очень часто он вообще не строит его; но когда он хочет защитить свое тело от солнечных лучей или периодических дождей, он строит небольшое сооружение - простую хижину из саженцев или бамбука, с навесом из пальмовых листьев.

Его оружие состоит из универсального лука и стрел, которыми он управляет с большой ловкостью; кроме того, у него есть гарпун, которым он убивает ламантинов и аллигаторов. Кроме того, у него есть еще несколько видов оружия, помогающих ему в погоне и рыбной ловле, - последняя является его основным занятием, а также главным источником пропитания.

Оттомак принадлежит к одному из племен индейцев, названных испанскими миссионерами *Indios andantes*, то есть "бродячие" или "бродячие индейцы", которые вместо того, чтобы оставаться в постоянных деревнях, кочуют с места на место по необходимости или склонности. Возможно, это объясняется особенностью страны, которую они населяют: ведь *индейцы-андантес* живут не в густых лесах, а в обширных безлесных саваннах, которые тянутся вдоль Ориноко выше ее большой излучины. В этих местах редко встречаются деревья "джувия" (*бертолетия* и *лецитис*), дающие вкусные "бразильские орехи", и другие растения, обеспечивающие дикаря пищей в естественных условиях; а поскольку саванны ежегодно затопляются на несколько месяцев, оттомак вынужден, хочет он того или нет, менять место жительства и искать пропитание в другом месте. Когда наводнения стихают и воды становятся достаточно оседлыми, чтобы можно было ловить рыбу, "зима" оттомака заканчивается, и он может в изобилии получать пищу от аллигаторов, ламантинов, черепах, *тонинов* или дельфинов и других крупных рыб, которые часто встречаются в большом потоке, где он обитает. Из них *ламантин* является самым важным в глазах оттомака - он самый большой по размеру и, следовательно, обеспечивает его самым большим количеством мяса.

Это необычное полукитообразное существо почти слишком хорошо известно, чтобы требовать описания. Он водится почти во всех крупных реках тропической Америки, где питается травой и водными растениями, растущими по их берегам. Он известен под разными названиями, в зависимости от места и народа. Испанцы называют ее *vasca marina*, или "морская корова", а португальцы *reixe hoj*, или "рыба-лиса" - оба названия одинаково неуместны, а их происхождение связано с небольшим сходством, которое существует между "ликом" этого животного и ликом быка.

Мы считаем, что истинное название *вест-индского животного* - *манати*, а не *ламантин*, поскольку слово имеет индийское происхождение. Некоторые авторы отрицают это, утверждая, что оно является производным от испанского слова "mano", рука, означающего, таким образом, рыбу с руками, - в знак намека на рудиментарные руки, которые составляют одну из ее отличительных характеристик. Так считает историк Овьедо, но другой испанский миссионер, отец Гили, предлагает более правильное объяснение названия, доказывая, что ни больше, ни меньше, чем простая истина, что "манати" - это название, данное этому животному туземцами Хайти и Кубы, где также встречается этот вид, и это слово не имеет никакого отношения к "рукам" этого существа. Сходство с испанским словом, которое должно означать "рука", является лишь случайным обстоятельством; и, как справедливо замечает остроумный Гумбольдт, согласно гению испанского языка, слово, применяемое таким образом, должно было бы писаться *manudo*, или *manon*, а не *manati*.

У индейцев почти столько же различных названий для этого существа, сколько рек, в которых оно водится; но на "лингво аграль" великой долины Амазонки его называют "хуаруа". Среди осмаков она называется "апойя". Можно с уверенностью утверждать, что в реках тропической Америки обитает несколько видов этого земноводного животного, и, возможно, ни один из них не идентичен вест-индскому. До сих пор все они считались принадлежащими к одному виду и описывались под научным названием *Manatus Americanus* - название, данное американскому манати, чтобы отличить его от "ламантина" из Африки и "дюгоня" из восточно-индийских морей. Однако западноиндийский вид имеет некоторые характерные отличия, которые свидетельствуют о том, что это отдельный вид или, во всяком случае, разновидность. Он гораздо крупнее, чем те, что обитают в южноамериканских реках, хотя и там встречается большое разнообразие, но гораздо реже, чем те, которых обычно ловят рыбаки. У западноиндийского манати ногти хорошо развиты по внешнему краю плавников

или предплечий, в то время как у других видов они либо вообще отсутствуют, либо находятся в очень зачаточном состоянии. О том, что существуют различные виды, можно судить по рассказам туземцев, которые занимаются их ловлей, а наблюдения таких людей обычно заслуживают большего доверия, чем домыслы ученых-анатомов. Амазонские рыбаки сходятся во мнении, что в Амазонке и ее многочисленных притоках обитают три вида манати, которые не только сильно различаются по размеру - от семи до двадцати футов в длину - и по весу - от четырехсот до двух тысяч фунтов, - но и по цвету кожи, форме хвостов и плавников. Вид, встречающийся в Ориноко и называемый осмаками "апойя", обычно достигает двенадцати футов в длину и весит от пятисот до восьмисот фунтов; но время от времени попадаются особи гораздо крупнее, возможно, в силу большего возраста или других случайных обстоятельств. Гумбольдт слышал об одной из них, которая весила восемь тысяч фунтов; а французский натуралист Д'Орбиньи говорит об одной, убитой в боливийских водах Амазонки, которая была двадцать футов в длину. Таких размеров часто достигает *американский манатус (Manatus Americanus)*, обитающий на Кубе и в Хайти.

По форме манати напоминает крупного тюленя, но имеет некоторые сходства с рыбой. Его тело овально-продолговатое, с большим, плоским, округлым хвостом, расположенным горизонтально, который служит рулем, направляющим его курс в воде. Сразу за плечами вместо плавников располагается пара ласт, которые имеют некоторое сходство с руками, прикрепленными к телу без рукоятей. Ими он пользуется, когда подкрадывается к берегу, а самка - при переноске птенцов. Мамочки (не стоит забывать, что это млекопитающее животное) расположены чуть ниже и позади ласт. Морда тупая, с толстыми губами - верхняя выступает на несколько дюймов за нижнюю и покрыта нежным эпидермисом: очевидно, что она пользуется этим выступом, который обладает острым чувством осязания, как слон своим хоботом. Губы покрыты щетиной, или бородой, которая придает лицу животного некое человекоподобное выражение, - обстоятельство, более заметное у дюгоней, обитающих в восточных водах. Их также называют "рыбами-женщинами", и, несомненно, такие существа, наряду с тюленями и моржами, породили множество историй о сиренах и русалках. Однако "коровье лицо", от которого манати получил свои испанские и португальские эпитеты, является наиболее характерным; в его пище мы находим еще большую аналогию с бычьими четвероногими, с которыми его сравнивают. На этом сходство прекращается. Тело - как у тюленя, но вместо шерсти, как у китообразных, у манати гладкая кожа, больше всего напоминающая индийскую резину. Несколько коротких волосков расположены тут и там, но их почти не видно. Цвет манати - свинцовый, с небольшими вкраплениями розовато-белого оттенка на брюхе, но в этом отношении нет единообразия. Некоторые особи имеют равномерный кремовый цвет нижней части тела.

Легкие этого животного представляют собой особенность, заслуживающую внимания. Они очень объемные, иногда достигают трех футов в длину, и настолько пористые и эластичные, что способны к огромному расширению. Когда они раздуваются, то выглядят как большие плавательные пузыри; именно благодаря этой способности удерживать воздух манати может так долго оставаться под водой, хотя, как и настоящим *китообразным*, ему необходимо время от времени всплывать на поверхность, чтобы вдохнуть воздух.

Мякоть манати употребляют в пищу все племена индейцев, которые могут ее достать, хотя у одних она пользуется большим уважением, чем у других. Когда-то ее очень любили в колониальных поселениях Гвианы и Вест-Индии, и она составляла значительный предмет торговли; но в этих местах манати стали редкостью - из-за непрекращающихся преследований рыбаков. Некоторые считают, что мясо манатиса не полезно и вызывает лихорадку, но это не совсем так. Она больше похожа на свинину, чем на говядину, хотя и

является мясом коровы, и очень вкусна в свежем виде, но и в засоленном или высушенном на солнце тоже не плоха. В таком виде она хранится несколько месяцев; она всегда была в запасе у монахов южноамериканских миссий, которые, несмотря на ее млекопитающий характер, считают удобным в дни Великого поста относиться к ней как к рыбе! Кожа манати отличается большой толщиной - на спине не менее полутора дюймов, хотя по мере приближения к нижней части тела она становится тоньше. Ее разрезают на куски, которые служат для различных целей, например для изготовления щитов, корда и кнутов. "Эти плети из кожи манати, - пишет Бэйс Гумбольдт, - являются жестоким орудием наказания для несчастных рабов и даже для индейцев миссий, хотя, согласно законам, с последними следует обращаться как со свободными людьми".

Еще один ценный продукт, получаемый из этого животного, - масло, известное в миссиях как манати-баттер (*manteca de manati*). Оно производится из слоя чистого жира толщиной в полтора дюйма, который, находясь непосредственно под кожей, обволакивает все тело животного. Масло используется для лампад в миссионерских церквях, но среди самих индейцев его также применяют в *кулинарии*, поскольку оно не имеет того фетишистского запаха, который свойственен маслу китов и соленоводных китообразных.

Пищей манати является исключительно трава, которую он находит на берегах озер и рек, где часто бывает. Она съедает огромное количество травы, а обычное время для ее просмотра - ночь, хотя, возможно, эта привычка возникла из-за того, что ночью безопаснее всего подходить к берегу. В тех местах, где его не трогали, его часто можно увидеть днем.

Я так подробно остановился на этом животном, потому что оно более тесно связано с историей привычек осмаков, чем, возможно, с историей любого другого племени южноамериканских индейцев, исключая только гуамо, которые сами могут рассматриваться лишь как ветвь семьи осмаков. Хотя, как уже отмечалось, все племена, живущие у рек Манати, преследуют это существо и питаются его плотью, ни в одной другой части Южной Америки этот вид рыболовства не ведется так широко и так ловко, как у оттомаков и гуамо, - причина в том, что среди огромных травянистых саванн, характерных для страны оттомаков, есть множество ручьев и лагун, которые являются излюбленными местами обитания этого травоядного животного. В одной реке, в частности, их водится так много, что она получила название *Рио-де-Манатис* (река манатисов). Манати, когда его не беспокоят, ведет стайный образ жизни, собираясь в отряды (или стада, если придерживаться аналогии) большей или меньшей численности и держа в центре молодых "детенышей", которых матери охраняют с нежнейшей привязанностью. Родители так привязаны к своим детенышам, что если детеныша похищают, к матери можно легко подойти; и эта преданность взаимна: в случаях, когда мать захватывали и вытаскивали на берег, молодой детеныш часто следовал за безжизненным телом до самого берега!

Поскольку манати играет такую важную роль в домашнем хозяйстве османов, конечно, ловля этого животного ведется в самых широких масштабах среди этих людей, и, подобно "урожаю черепаших яиц", о котором пойдет речь далее, промысел манати имеет свой особый сезон. Некоторые авторы ошибочно считают, что этот сезон приходится на период наводнения, когда вода достигает максимальной высоты. Это совершенно не соответствует истине, так как в этот период на реках Амазонка и Ориноко все виды ловли затруднены и небезопасны. Тогда наступает настоящая зима - "голубые месяцы" южноамериканских речных индейцев; и именно тогда, как мы увидим, осмак приближается к голодной смерти, к которой он подходит каждый год своей жизни.

Манати и другие виды рыб водятся в любое время года; но истинный сезон ловли манати наступает, когда воды великого наводнения значительно спадают и продолжают быстро убывать. Когда наводнение достигает своего пика, манати уходит из русла великой реки и в поисках травы попадает в озера и окрестные болота, оставаясь там бродить по их берегам. Когда паводок быстро проходит, манати начинает чувствовать себя "немного не в своей тарелке", и именно в это время его легче всего поймать.

Иногда индейцы собираются вместе со своими каноэ, образуя большую флотилию, и, направляясь к лучшим местам обитания "коровы-рыбы", ведут промысел в массовом порядке. Монахи миссий также возглавляют *прирученные* племена в этих экспедициях, как и при сборе яиц черепахи, и под наблюдением дисциплины и авторитета проводится регулярный систематический курс. Лагерь разбивается в удобном месте на берегу. Возводятся леса для сушки мяса и шкур на солнце, на землю ставятся сосуды и другая утварь для превращения жира в масло. Всех пойманных манатисов привозят на каноэ в этот центральный пункт, где их "*фленсируют*", вялят и готовят. Здесь обычно собираются мелкие торговцы из Ангостуры и других портов нижнего Ориноко, которые приезжают, чтобы обменять свои индейские безделушки на *мантеку де манати* так же, как, как мы сейчас увидим, они обменивают *мантеку де тортугас*. Нет нужды добавлять, что это сезон радости и празднеств, подобный сборам вина и урожая в европейских крестьянских домах.

Способ ловли манати очень похож на тот, который применяют эскимосы при добыче тюленя и который был описан в другом месте. Опасность промысла невелика, ведь ни одно существо не может быть более безобидным и безвредным, чем это. Оно не делает ни малейшей попытки ни защититься, ни отомстить, хотя иногда случается, что каноэ захлестывает или затягивает под воду, но это ничто для индейца Оттомака, который почти такой же амфибии, как и сам манати.

В положенный час рыбак отправляется на поиски манати. Его рыбацкая лодка - это выдолбленное из одного ствола каноэ, которое обычно называют "землянка". Заметив рыбу-корову, покоящуюся на поверхности воды, оттомак гребет к ней, соблюдая величайшую осторожность; ведь хотя органы зрения и слуха у этого животного внешне развиты очень слабо, оно хорошо слышит и видит, и малейший подозрительный шум послужит для него сигналом нырнуть под воду и, конечно же, спастись.

Подойдя достаточно близко, чтобы хорошо прицелиться, оттомак бросает гарпун в тело животного, который, пробив толстую шкуру, крепко держится. К этому гарпуну прикрепляется шнур с поплавком, и поплавок, оставаясь над водой, указывает направление, в котором раненое животное теперь пытается выбраться. Когда животное устает бороться, индеец возвращает шнур и, взяв его в руки, подтягивает свое каноэ к рыбе. Если она еще слишком жива, он несколько раз ударяет ее копьем, но не стремится убить ее сразу, пока не поднимет на борт. Попав туда, он прекращает существование существа, вставляя в его ноздри деревянную пробку, которая в мгновение ока лишает его жизни.

Теперь оттомак готовится доставить тушу к себе домой или, если рыбалка происходит в компании, к общему месту встречи. Возможно, ему предстоит пройти некоторое расстояние, причем против течения, и он считает неудобным буксировать такой тяжелый и громоздкий предмет. Чтобы устранить это неудобство, он прибегает к уже упомянутому способу - помещает тушу в свое каноэ. Но как он ее туда затащит? Как один индеец обычной силы может поднять из воды груз весом в тысячу фунтов и перекинуть его через борт своего неустойчивого судна? Именно в этом он проявляет великую хитрость и расчетливость: вместо того чтобы поднять тушу над каноэ, он опускает каноэ под тушу, сначала наполнив

судно почти доверху водой, а затем, подняв груз на борт, вычерпывает воду с помощью раковины тыквы. В конце концов ему удается приспособить свой груз, и тогда он гребет к дому со своим призом.

По прибытии в свою деревню - если он добирается до нее - ему помогают перенести груз другие члены его племени; но он не несет его в свой дом, поскольку осмаки - настоящие социалисты, и продукция как охоты, так и рыболовства является общей собственностью всех. Вождь деревни, сидя перед своей хижиной, принимает все, что приносят домой, и распределяет это между главами семей, давая каждому пропорционально количеству ртов, которые нужно накормить.

Манати очищают от шкуры - ее толстая шкура, как уже отмечалось, служит для многих полезных целей; пласты жира, или "ворвани", которые находятся под ней, удаляют, чтобы превратить в масло; и, наконец, мякоть, которая считается равной свинине как по деликатности, так и по вкусу, нарезают тонкими ломтиками, чтобы либо зажарить и съесть в тот момент, либо сохранить для будущего случая, не с помощью соли, о которой осмак совершенно не знает, а путем сушки на солнце и копчения на медленном огне. Подобным образом "лечат" рыбу и плоть аллигатора; при тщательном выполнении процесса и то, и другое хранится месяцами.

Аллигатора ловят разными способами: иногда на крючок с наживкой, привязанный крепким шнуром, иногда его убивают ударом гарпунного копья, а нередко он попадает в петлю, накинутую на его лапу, и осмак бесстрашно ныряет под него и затягивает силки.

Некоторые индейские племена не хотят есть мускусную плоть аллигатора, но оттомаки не столь привередливы. В самом деле, эти люди отказываются практически от любой пищи, какой бы мерзкой или неприятной она ни была; среди их соседей - индейцев других племен - бытует поговорка, что "для желудка осмака нет ничего слишком отвратительного".

Возможно, эта поговорка покажется совершенно верной, когда мы перейдем к описанию вида пищи, которую едят эти люди, и которая надолго сделала их знаменитыми - или, скорее, печально знаменитыми - под названием "грязноеды". О них можно буквально сказать, что они "едят грязь", поскольку таков, в действительности, один из их обычаев.

К этой необычной практике прибегают в основном в те месяцы года, когда реки набухают до наибольшей высоты и остаются полноводными. В это время прекращается всякая рыбалка, и оттомаку трудно добыть достаточное количество пищи. Чтобы восполнить недостаток, он набивает желудок неким подобием клейкой глины, которую он запас на всякий случай и съедает около фунта в день! Она не является его единственным рационом, но часто в течение нескольких дней подряд это единственная пища, которая проходит через его губы! В ней нет ничего питательного - это доказано анализом. Она просто *заполняет* живот, вызывая сытость или, по крайней мере, давая некоторое облегчение от мук голода. Не было замечено и того, что оттомак худеет или становится нездоровым на этой неестественной пище: напротив, он является одним из самых крепких и здоровых американских индейцев.

Земля, которую ест оттомак, носит название "*пойя*". Он ест не любую глину, а только ту, которую находит на берегах ручьев. Она мягкая и гладкая на ощупь, не вязкая, как шпаклевка. В естественном состоянии она желтовато-серого цвета, но, застывая на огне, приобретает красный оттенок из-за содержащегося в ней оксида железа.

Долгое время считалось, что оттомаки смешивали эту глину с маниокой и черепаховым маслом или каким-то другим питательным веществом. Даже отец Гумилла, который был

достаточно доверчив, чтобы поверить почти во все, не мог "проглотить" историю о глине в ее естественном состоянии, но считал, что она была приготовлена с каким-то сочетанием фариньи или жира. Однако это не так. Это чистая земля, содержащая (согласно анализу Воклена) силекс и глинозем, с тремя или четырьмя процентами извести!

Эту глину осмак накапливает, формируя из нее шарики диаметром в несколько дюймов, которые, слегка затвердев перед огнем, складывает в маленькие пирамидки, как складывают пушечные ядра в арсенале или крепости. Когда осмак хочет поест *из пойи*, он размягчает один из шариков, смачивая его, а затем, соскребая столько, сколько ему требуется для еды, возвращает *пойю* на место на пирамиде.

Поедание грязи не заканчивается с падением воды. Эта практика породила тягу к ней, и оттомак не довольствуется небольшим количеством *пойи*, даже если в изобилии можно получить более питательную пищу.

Эта привычка есть землю присуща не только оттомакам. Другие родственные племена потворствуют ей, хотя и не в такой степени; ту же противоестественную практику мы находим у дикарей Новой Каледонии и Индийского архипелага. Она также распространена на западном побережье Африки. Гумбольдт считал, что это исключительно тропическая привычка. В этом великий философ заблуждался, поскольку известно, что некоторые племена северных индейцев практикуют ее на холодных берегах реки Маккензи.

Когда наводнения спадают, как уже говорилось, оттомаку живется лучше. Тогда он может в изобилии добывать и рыбу, и черепах. Первых он ловит как крючками, так и сетями, или стреляет в них из лука, когда они поднимаются к поверхности.

Черепахи в реках Оттомака бывают двух видов - *арау* и *терекай*. Первая - самая востребованная, так как является самой крупной. Она достигает почти ярда в поперечнике и весит от пятидесяти до ста фунтов. Это пугливое существо, и поймать его было бы трудно, если бы не его привычка поднимать голову над поверхностью воды и таким образом подставлять мягкую часть горла под стрелы индейцев. Даже в этом случае стрела может не убить его; но оттомак заботится о том, чтобы острие было хорошо смазано ядом *кураре*, который за несколько секунд делает свое дело и обеспечивает смерть жертвы.

Терекай добывается другим и еще более изобретательным способом. Этот вид, плывущий по поверхности или даже лежащий неподвижно, не представляет собой никакой метки, в которую можно было бы прицелиться с малейшим шансом на успех. Самая острая стрела отскочит от его плоской спины, как от стальной поверхности. Поэтому, чтобы попасть в жизненно важные органы своей жертвы, индеец прибегает к способу, в котором он проявляет ловкость и мастерство, поистине поразительные.

Он направляет свое древко не на черепаху, а в воздух, описывая своим курсом параболическую кривую и так рассчитывая его скорость и направление, чтобы оно опустилось перпендикулярно, острием вперед, на спину ничего не подозревающего пловца и пронзило панцирь прямо в жизненно важные вены его тела!

Редко какой индеец не попадает в такую цель; и на Ориноко, и на Амазонке тысячи черепах добываются таким образом.

Однако главным сезоном празднеств и ликования у оттомаков является *косеча де тортукас*, или "черепаховый урожай". Как уже было замечено, что касается промысла манати, то для него это то же самое, что сбор урожая для народов Северной Европы или виноделие для народов Юга, ибо это более истинный характер *косеча*. Именно тогда он получает

возможность не только запастись черепаховым маслом, которым смазывают волосы и кожу, но и достаточное количество этого вкусного жира, чтобы поджарить сушеные ломтики манати и излишки для продажи торговцам черепахами из Нижнего Ориноко. В этой мелкой торговле не требуется никакой монеты; копья для гарпунов и железные наконечники стрел, грубые ножи и топоры, но прежде всего несколько лепешек *аннотто*, *чика* и *каруто*, которые обмениваются на черепашее масло. Толстая шкура манати - для изготовления рабских кнутов, пятнистая шкура ягуара и некоторые другие шкурки, которые добывает погоня, также являются предметами экспортной торговли.

Вышеупомянутые пигменты уже были приобретены торговцем как предметы *экспорта* другого племени.

Черепаховое масло - это продукт из яиц более крупного вида - *арау*, известного под простым названием *tortuga*, или черепаха. Яйца *терекай* могли бы служить не хуже; но из-за различий в повадках этого животного его яйца не могут быть получены в достаточном количестве для производства масла. Не бывает большого "косеча", или урожая яиц, потому что это существо не стайное, как его сородичи, а каждая самка устраивает гнездо отдельно от других, в каком-нибудь уединенном месте, и там выводит свой выводок. Гнезда *тетеревов* тоже находят и лишают яиц, но это происходит лишь время от времени, а поскольку содержимого одного гнезда недостаточно для "взбивания", из него нельзя сделать "масло". Поэтому их собирают, чтобы использовать только как *яйца*, а не как *масло*.

С другой стороны, *арау*, не будучи стайными в обычных условиях, становятся таковыми в период "кладки". Тогда все черепахи Ориноко и ее притоков собираются в три-четыре огромные банды, насчитывающие в общей сложности более миллиона особей, и направляются к определенным местам встречи, которые они имеют привычку посещать с незапамятных времен. Эти общие места размножения расположены между катараками реки и большой излучиной, где она впадает в Апур; это просто широкие песчаные пляжи, поднимающиеся пологим склоном от кромки воды и тянущиеся на многие мили вдоль берега. Есть несколько небольших лежбищ на притоках, но три наиболее заметных находятся на берегах главной реки, между уже указанными пунктами. Лежбище, посещаемое осмаками, находится на острове в устье реки Уруана, на котором в основном и обитают эти люди.

Сезон откладки *яиц* черепахи *арау* варьируется в разных реках тропической Америки - в Амазонке и ее притоках он наступает в иной период, чем в Ориноко. Он регулируется подъемом или, скорее, спадом паводков и происходит, когда воды, находясь на самой низкой стадии, обнажают низкие песчаные отмели на берегах. Это происходит (на Ориноко) в марте, и уже в начале этого месяца большие скопления завершаются. За несколько недель до этого во всех частях реки вблизи предполагаемых мест размножения можно увидеть черепах, плавающих на поверхности или греющихся у берегов. По мере того как солнце становится все сильнее, желание отложить икру увеличивается, как будто жара как-то связана с их оплодотворением. В течение некоторого времени перед окончательным действием можно наблюдать, как эти существа выстраиваются в длинную линию перед местом размножения, высоко подняв голову и шею над водой, как бы созерцая свое предполагаемое место обитания и просчитывая опасности, которым они могут подвергнуться. Они не без оснований задумываются об этом. Вдоль берега расхаживает властный ягуар, ожидая, когда можно будет пообедать первым, кто ступит на твердую землю, или набить желудок вкусными "новоотложенными" яйцами. Уродливый аллигатор тоже не

прочь *полакомиться* гигантским омлетом; не меньше и "гарсас" (белых журавлей), и "замурос" (черных стервятников), которые сотнями парят в воздухе. То тут, то там можно заметить индейцев-дозорных, которые держатся как можно дальше от черепах, но стараются отогнать всех других врагов, чье присутствие может навести на них страх. Если на реке появляется каноэ или лодка, эти часовые предупреждают их держаться подальше от фаланги черепах, чтобы не потревожить их и не вызвать тревогу, ведь индеец прекрасно знает, что если среди араусов возникнет паника, то его *косеча* сильно сократится.

Когда черепахи достаточно прогреются на солнце, чтобы приступить к работе, они выползают на сухой песчаный пляж, и начинается кладка. Именно ночью проводится эта операция, поскольку в это время их многочисленные враги, особенно грифы, менее активны. Каждая черепаха выкапывает ямку диаметром и глубиной почти в ярд, и, положив туда от пятидесяти до ста яиц, засыпает их песком, разравнивая поверхность и плотно утрамбовывая его. Иногда особи слетаются в гнезда друг друга, разбивая при этом множество яиц и создавая неразбериху, а вдали слышен скрип, издаваемый трущимися друг о друга скорлупками, похожий на шум катаракта. Иногда несколько человек, пришедших поздно или медливших с работой, продолжают заниматься ею до рассвета и даже после того, как на землю спускаются индейцы, чье присутствие они уже не замечают. Движимые инстинктом фило-производства, эти "бешеные черепахи", как их называют индейцы, совершенно не обращают внимания на опасность и не предпринимают никаких попыток убежать от нее; их переворачивают на спину или без труда убивают на месте.

Теперь, когда пляж покинут черепахами, сборщики яиц приступают к своей работе. Так как обычно существует несколько племен, претендующих на долю в *косе*, земля отмеряется и делится между ними. Благодаря регулярности расположения гнезд и почти одинаковому количеству яиц в каждом из них, можно легко определить среднее количество под данной поверхностью. С помощью заостренной палки, воткнутой в песок, можно определить очертания залежи - обычно она тянется вдоль пляжа полосой около тридцати ярдов в ширину.

Когда участки определены, начинается работа по добыче нефти - каждое племя работает само по себе, в соответствии с социальной системой. Песчаный покров удаляется, а яйца помещаются в корзины, которые затем высыпаются в большие деревянные корыта, служащие общим вместилищем. Каноэ, поставленные на песок, часто выполняют роль корыт. Когда в корыто попадает достаточное количество яиц, их разбивают, взбивают вместе и взбивают, как если бы они предназначались для гигантского омлета. Добавляют воду, затем смесь помещают в большие котлы и варят до тех пор, пока масло не поднимется до верха, после чего его тщательно снимают и разливают в глиняные банки ("ботигас"), предоставленные торговцами.

Вся операция занимает около двух недель, и за это время происходит множество любопытных сцен. Песок кишит молодыми черепахами размером с доллар, которые вылупились раньше времени и успели выползти из панциря. Их преследуют во всех направлениях и ловят маленькие голые осмаки, которые пожирают их "тело, кости и все остальное" с таким же рвением, как если бы это был крыжовник. Журавли и стервятники, а также молодые аллигаторы тоже принимают участие в этой забаве - ведь у потомства бедного арау нет конца врагам.

Когда все масло сварено и разлито по бутылкам, торговец выставляет свои заманчивые товары и устраивает лучший рынок, на который он способен; а дикарь возвращается в свою

деревню с пальмовыми хижинами, прихватив с собой предметы обмена и несколько корзин яиц, которые он оставил для собственного употребления; так заканчивается *cosecha de tortugas*.

Именно в этот сезон оттомак больше всего предается праздности и ест меньше всего грязи. Воды дают ему в изобилии рыбу и черепашие мясо, говядину из морской коровы и стейки из хвоста аллигатора. У него есть черепаховое и манатиное масло, в котором он жарит все эти лакомства, а также смазывает волосы и кожу.

Он также может одеться "на все сто", получив для своего масла свежий запас драгоценных пигментов. Кроме того, он предается приступам опьянения, вызванным напитком из маиса или корня маниока, но чаще всего - разновидностью нюхательного табака, который он вдыхает ноздрями. Это - *ниопо*, изготовленный из листьев *мимозы* и смешанный с разновидностью извести, которую получают путем обжига раковины рода *хеликс*, встречающейся в водах Ориноко. Действие *ниопо* напоминает эффект от жевания *бетеля*, табака, опиума или перуанской наркотической *коки*. При свободном употреблении возникает вид опьянения или, скорее, мании; но этот нюхательный табак и его действие более подробно описаны в другом месте. Здесь же он представлен потому, что в случае с оттомаком этот наркотик часто приводит к самым плачевным последствиям. Во время опьянения оттомак ссорится и буйствует. Он ковыряет дырку в пальто своего соседа, а если между ним и соперником есть какая-нибудь "старая болячка", то мстительное чувство обязательно проявляется в таких случаях и нередко заканчивается поединком, в результате которого погибает один или оба участника. В этих дуэлях не используются ни шпаги, ни пистолеты, ни ножи, ни дубинки, ни какое-либо другое подобное оружие. Гибель жертвы наступает совершенно иным образом и является результатом очень легкой царапины, полученной во время поединка от *ногтя* противника. То, что столь пустяковая рана оказалась смертельной, было бы чем-то *очень* загадочным, если бы мы не знали, что ноготь, нанесший эту царапину, уже был пропитан *кураре* - одним из самых смертоносных растительных ядов, который осмак умеет готовить в своей самой сильной и злобной форме.

Поэтому, если вам выпадет несчастливая судьба вступить в схватку с индейцем-оттомаком, не забывайте держаться подальше от его "когтей"!

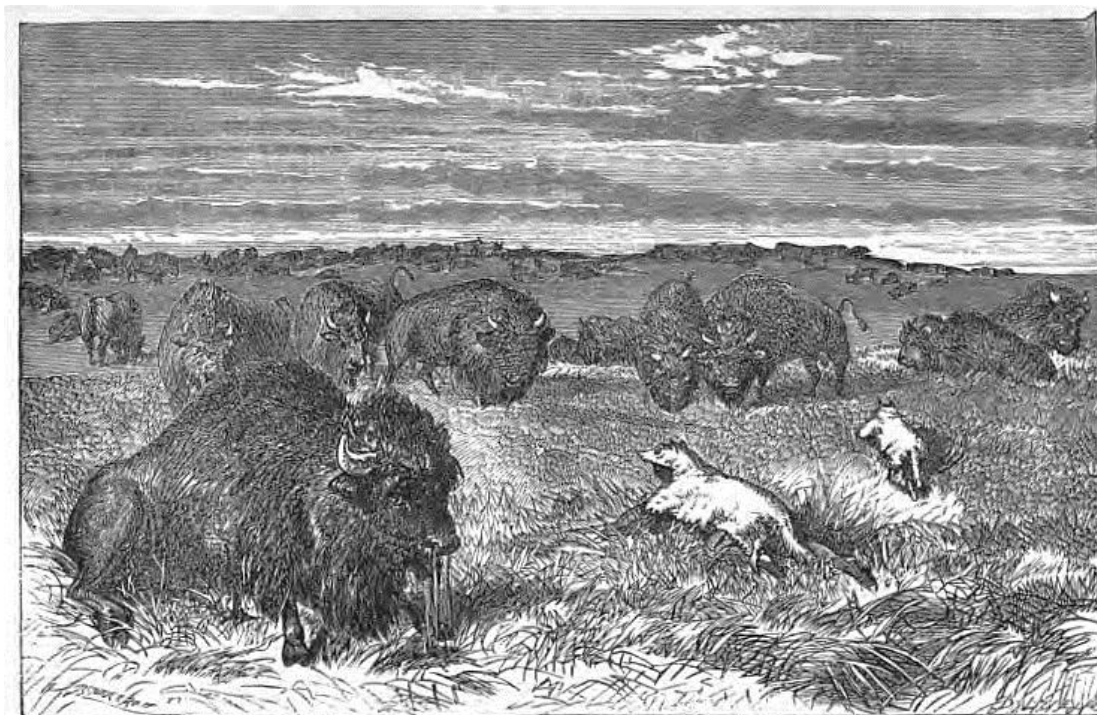
Глава одиннадцатая.

Команчи, или индейцы прерий.

Юный читатель, мне не нужно говорить тебе, что самое благородное из животных - лошадь - не является коренным жителем Америки. Вы уже знаете, что, когда Колумб открыл Новый Свет, там не было обнаружено ни одного животного из рода лошадей; и все же геолог неопровержимо доказал, что когда-то лошади существовали в Новом Свете, причем в период, с геологической точки зрения, не очень отдаленный. Окаменелые кости, изученные одним из самых опытных современных путешественников - доктором Дарвином, - подтверждают эту истину без всяких сомнений.

Лошадь, которая в настоящее время обитает в Америке, хотя и не является местной, оказалась процветающей экзотикой. Не только в домашнем состоянии она увеличилась в

численности, но и во многих местах вырвалась из-под контроля человека и теперь дичает на великих равнинах Северной и Южной Америки. Хотя в Америке можно встретить почти все породы лошадей, известные в Европе, подавляющее большинство принадлежит к двум очень четким видам. Первый из них - это крупная английская лошадь в различных ее разновидностях, завезенная англо-американцами и обитающая почти исключительно в лесистой местности Соединенных Штатов. Второй вид - андалузско-арабская лошадь, лошадь испанских завоевателей, - гораздо меньшая порода, чем англо-арабская, но вполне равная ей по выносливости и красоте форм. Именно андалузская лошадь встречается по всей Испанской Америке, именно она размножилась до такой степени, именно она "одичала".

То, что в нормальном состоянии лошадь - житель открытых равнин, доказывают ее привычки в Америке, ведь ни в одной части, где преобладают леса, она не встречается в диком виде - только в прериях на севере и в льяносах и пампасах на юге, где лесистая местность является исключением.

Должно быть, эти великие степи пришлись ему по вкусу, ведь спустя совсем немного времени после прибытия испанцев в Новый Свет мы видим лошадь, сбежавшую от цивилизации, - она не только существует в диком состоянии в прериях, но и находится во владении многих индейских племен.

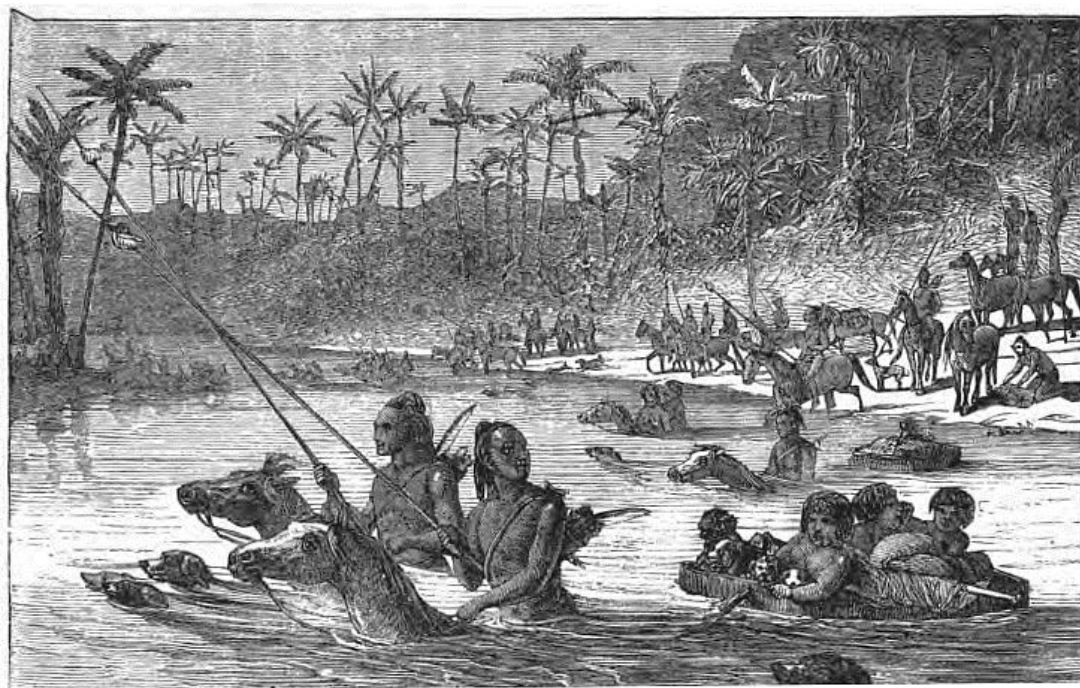
Было бы интересно проследить, как изменились привычки этих арабов, населявших западный мир, в связи с появлением у них лошади. Как бы враждебно они ни относились к его европейскому всаднику, они, должно быть, приняли лошадь как друга. Несомненно, они восхищались смелым, свободным духом этого благородного животного, столь похожего на их собственную природу. Вскоре они стали неразлучными спутниками, и так продолжается с тех пор и по сей день. Безусловно, индейцы прерий, или "лошадиные индейцы" наших дней, во многих отношениях существенно отличаются от степенного и стоического сына леса, так часто изображаемого в романах; и почти так же безусловно, что обладание лошадью во многом способствовало этой непохожести. Иначе и быть не могло. С появлением лошади появились новые привычки, новые манеры и обычаи, новые способы мышления и действия.

Не только погоня, но и сама война стала другой игрой, в которую играли совершенно по-другому.

Мы не будем возвращаться назад, чтобы узнать, какими *были* эти индейцы, когда ходили пешком. Наша цель - описать, какими они стали теперь, когда они верхом на лошади. Буквально, можно сказать, *на лошадях*, потому что, если в данный момент они не спят, мы можем с уверенностью считать, что они сидят на спинах своих лошадей, - молодые и старые, богатые и бедные, - потому что нет ни одного настолько бедного, чтобы не быть хозяином лошади "мустанг".

В "стране прерий" каждое племя индейцев владеет лошадью. На севере - крисы, кроу и блэкфиты, сиу, шайены и арапахо; на равнинах Платте, Канзаса и Осаге - пауни, канзасцы и осаги, все индейцы с лошадьми. К западу от великого горного хребта живут апачи: также юта, навахо и змеевики, или шошони, - последние довольно редко. Другие племена, в большей или меньшей степени, владеют этим ценным животным; но истинный тип "индейца-лошадника" можно найти у команчей, повелителя тех широких владений, что простираются от Арканзаса до Рио-Гранде. Именно он доставляет неприятности пограничным колонистам Техаса и в равной степени преследует испанские поселения в Новой Мексике; именно он совершает свои набеги почти в самое сердце Новой Испании, даже к воротам густонаселенного Дуранго.

Рассматривая команчей как тип конных индейцев, мы поговорим о нем более подробно. Если допустить некоторые незначительные различия в характере климата и страны, его привычки и обычаи окажутся не очень похожими на привычки и обычаи других племен, которые делают прерию своим домом.

Сказать, что команчи - лучшие всадники в мире, значило бы утверждать то, что не является фактом. Он не более совершенен в этом деле, чем его сосед и злейший враг, пауни, - не лучше "вакеры" из Калифорнии, "ранчеро" из Мексики, "ल्याнеро" из Венесуэлы, "гаучо" из Буэнос-Айреса, конных индейцев "Гран-Чако" из Парагвая, Пампасов и Патагонии. Однако он *не уступает* ни одному из них, а это уже о многом говорит, - одним словом, он занимает место среди лучших всадников мира.

Команчи садятся на лошадь почти с младенчества - их передают с рук матери на плечи мустанга. Когда он научился ходить, ему почти не позволяют практиковать этот естественный способ передвижения, а все свои движения он совершает на спине лошади. Команчу не придет в голову совершать путешествие пешком - даже если речь идет о расстоянии в несколько сотен ярдов, - чем ползти на руках и коленях. Лошадь, готовая к седлу и уздечке, всегда стоит рядом - неважно, есть ли седло или уздечка, - и, забравшись на спину животного, или на его шею, или на круп, или повиснув на боку, индеец направляет его к намеченному месту, обычно быстрым галопом. Для всадника не имеет значения, как быстро идет лошадь: это не мешает ему сесть или сойти по своему желанию. В любой момент, схватившись за гриву, он может вскочить на плечи лошади, как это часто можно увидеть на арене цирка.

Конный индеец - истинный *представитель кочевых* рас, обитатель палаток, которые его четвероногий помощник позволяет переносить с места на место с максимальным удобством. Однако некоторые племена, и даже некоторые команчи, имеют постоянные резиденции, или "деревни", где в определенное время года они - или, скорее, их женщины - выращивают маис, тыкву, дыню, калабаш и несколько других видов растений - все они являются растительными продуктами, характерными для их страны. Несомненно, до прихода европейцев эта культура выращивалась более широко, чем в настоящее время; но владение лошадью позволило племенам прерий отказаться от призвания, которое они искренне презирают, - призвания земледельца.

Эти заблуждающиеся дикари, все до одного, считают сельскохозяйственные занятия недостойными мужчин; и там, где необходимость заставляет их заниматься ими, работа ложится на плечи женщин и рабов, - ведь известно, что команчи - рабовладельцы, и держат в рабстве не только индейцев других племен, но и большое количество метисов и белых испанцев, захваченных во время многих кровопролитных набегов на поселения Мексики! Нетрудно доказать, что именно эта ложная гордость охотниками и воинами с сопутствующим ей отвращением к сельскохозяйственной жизни сократила численность индейской расы - гораздо больше, чем любые преследования, которым они подвергались от рук белого человека. Именно это приводит к голоду, делает их невыносимыми соседями и делает необходимым в некоторых случаях "цивилизовать их с лица земли".

Но они еще не все цивилизованы с лица земли; и не судьба им исчезнуть так быстро, как провозглашали недалёковидные пророки. Их праздные привычки и междоусобные войны сделали многое для сокращения их численности - гораздо больше, чем враждебность белого человека, - но везде, где белый человек вмешался и положил конец их племенным спорам, где ему удалось преодолеть их отвращение к промышленным занятиям, индейцы не только удержали свои позиции, но и быстро увеличились в численности. Так происходит со многими племенами - греками, чокто и чероки, - и я могу обещать вам, молодой читатель, что к тому времени, когда вы станете стариком, в мире будет столько же индейцев, сколько в тот день, когда Колумб впервые ступил на остров Кэт.

Вы спросите, как лошадь может сделать индейца прерий более независимым от сельского хозяйства? Ответ прост. С появлением этого ценного помощника в его распоряжении оказался новый способ добывания пропитания. Пища, которую он до сих пор мог получить лишь в ограниченном количестве, теперь была доступна в изобилии - мясо бизона.

Прерии Северной Америки имеют свои особенности. В них нет больших стад жвачных животных, как на равнинах Южной Африки, где самый простой дикарь может легко получить на ужин мясо. Несколько видов оленей, распространенных негусто, - все быстрые, пугливые

животные, - антилопы с рогами, еще более быстрые и пугливые, - и "большой рог", самый пугливый из всех, - были единственными жвачными животными в прериях, за исключением большого бизона, или буйвола, как его обычно называют. Но даже его в те времена было не так легко поймать. Бизон, хотя и не отличается быстротой бега, все же более чем конкурентоспособен с двуногим человеком; и хотя индеец мог нагнать огромного бизона и завалить нескольких стрелами, это не всегда было верной игрой. Кроме того, охотник не мог преследовать бизонов во время их грандиозных миграций, которые часто растягивались на сотни миль по равнинам, рекам и оврагам. С появлением лошади обстоятельства изменились. Индейский охотник мог не только догнать буйвола, но и объехать его по своему желанию и преследовать, если потребуется, в самых отдаленных уголках прерий. Поэтому результатом введения лошади стало обильное снабжение бизоньим мясом или, когда это не удавалось, плотью самой лошади, - на этих двух продуктах питания индейцы прерий почти исключительно и живут с тех пор.

У команчей есть несколько способов охоты на бизонов. Если он один и хочет совершить грандиозный *переворот*, он оставляет свою лошадь на расстоянии, - животное приучено оставаться там, где его оставил хозяин. Затем охотник приближается к стаду с большой осторожностью, держась с подветренной стороны, чтобы его не "накрыли" старые быки-дозорные, которые несут вахту. Если не будет укрытия, которое могло бы укрыть приближение охотника, то быки обнаружат его и, издав тревожный рев, заставят остальных разбежаться.

Чтобы уберечься от этого, индеец уже подготовился, приняв *уловку*, которая заключается в том, что он переодевается в шкуру буйвола, рога и все остальное, и приближается к стаду, как если бы он был какой-то бродячей особью, которая осталась позади и как раз направлялась, чтобы присоединиться к своим товарищам. Даже движения буйвола, когда он пасется, краснокожий охотник тщательно имитирует, и, если только ветер не будет благоприятствовать тому, чтобы его учуяли быки, этот прием гарантирует успех выстрела. Иногда в этом маскараде с равным успехом используется шкура крупного бело-серого волка. Это может показаться необычным, поскольку само животное является одним из самых смертельных врагов буйвола: большая стая их висит на задворках каждого стада и терпеливо ждет удобного случая, чтобы напасть на него. Но поскольку это нападение направлено только на младших детенышей - или на какого-нибудь инвалида или дряхлую особь, которая может отстать, - сильные и здоровые не боятся волков и позволяют им сидеть на корточках в прерии в нескольких футах от того места, где они пасутся! В самом деле, они не могли бы помешать им, даже если бы захотели: ведь длинноногий волк в несколько пружин может легко убраться с пути более неуклюжего жвачного животного; и, следовательно, не боится опускающегося передка самого лохматого и нетерпеливого быка в стаде.

Конечно, охотник в облике волка получает подобную привилегию на близкое расстояние, и, подойдя на нужную дистанцию, он готовится к работе по уничтожению. В качестве оружия он использует лук, хотя винтовка сейчас является обычным оружием в руках многих индейцев-лошадников. Но лук предпочтительнее для описываемого здесь вида "неподвижной охоты". Первый же выстрел из винтовки разметал бы всю банду, оставив охотнику, возможно, лишь пустой ствол; в то время как стрела, пущенная с четверти, столь же смертоносна по своему воздействию; и, будучи *бесшумным* оружием, ни один из буйволов, кроме того, который почувствовал, как смертоносное древко проходит через его жизненные органы, не будет встревожен.

Часто подстреленное таким образом животное - даже если рана смертельная - не сразу падает, а постепенно опускается на землю, как бы ложась отдохнуть. Иногда оно опускается

только на колени и умирает в таком положении; в других случаях оно еще долго стоит на ногах, широко расставив ноги, как бы для опоры, а затем раскачивается из стороны в сторону, как корабль на волне, пока наконец, ослабев от потери крови, не предаст свое тело земле. Иногда борьба раненой особи заставляет стадо броситься врассыпную, и тогда охотнику приходится довольствоваться тем, что он уже успел подстрелить; но нередко ничего не подозревающая банда держится на земле до тех пор, пока индеец не опустошит свой колчан. А то и дольше: ведь часто случается, что переодетый буйвол или волк (в зависимости от ситуации) подходит к телам павших, забирает несколько своих стрел и использует их во второй раз с тем же смертельным эффектом! Для этого он практикует, если цель и расстояние благоприятствуют ему, посылать свое древко четко через тело бизона, чтобы колючка не помешала извлечь его с другой стороны! Этот подвиг отнюдь не редкость среди охотников на бизонов в прериях.

Конечно, грандиозная массовая резня, подобная описанной, не является повседневным делом; она может быть осуществлена только тогда, когда буйволы находятся в состоянии сравнительного покоя или медленно пасутся. Как правило, они вовремя обнаруживают опасную подделку и успевают спасти свои шкуры; или же продолжают двигаться слишком быстро, чтобы охотник мог преследовать их пешком. Тогда единственное средство - быстро подъехать верхом, выпустить стрелы, не сходя с места, или поразить жертву своим длинным копьем, скача бок о бок с ней. Если таким образом ему удастся добыть двух или трех тучных коров, прежде чем его лошадь *запыхается* или стадо рассеется за пределами его досягаемости, он считает, что добился успеха.

Но в такой погоне охотник редко бывает один: в ней принимает участие все племя, и, сидя на своих хорошо обученных мустангах, они часто преследуют банды буйволов в течение часа или более, прежде чем те успевают уйти и скрыться вдали или за взгорьями прерии. Облака пыли, поднимаемые во время такой *схватки*, часто дают буйволам шанс спастись, особенно если они бегут с ветерком.

Окружение буйволов" осуществляется большой группой охотников, которые отъезжают на значительное расстояние, выстраиваются в круг вокруг стада, а затем с громкими криками скачут внутрь. Буйволы, атакованные со всех сторон, пугаются и сбиваются в тесную массу, по краям которой скачут конные охотники и пускают стрелы, а тех, кто пытается убежать, поражают длинными копьями. Иногда разъяренные быки бросаются на лошадей и загрызают их насмерть, а охотники, сбившись в кучу, часто рискуют встретить ту же участь, и даже больше, чем рискуют, потому что нередко их убивают прямо на месте. Нередко им приходится вскакивать на круп лошади товарища, чтобы избежать опасности; известно немало случаев, когда всадник, споткнувшись о лошадь, оказывался в самой гуще стада и спасался, взобравшись на спины быков и перепрыгивая с одного на другого, пока снова не оказывался на чистой земле.

Буйвола никогда не отлавливают в "загоне", как это делают во многих странах с крупными млекопитающими. Он слишком сильное существо, чтобы его можно было заключить в тюрьму, кроме как в самый крепкий забор, а для этого в прериях нет материалов. Однако к схожему способу время от времени прибегают различные племена индейцев. Когда становится известно, что буйволы привыкли пастись в какой-либо части страны, где равнину пересекают глубокие овраги - *каньоны*, или *барранки*, как их еще называют, - тогда собирают большую *баталию*, перегоняя животных по обрывистым скалам, которые повсеместно образуют борта этих необычных оврагов. Чтобы направить стадо к тому месту, где они должны совершить роковой прыжок, прибегают к необычному приему. Он заключается в том, что два ряда предметов, которые кажутся буйволам людьми, располагаются таким

образом, что один конец каждого ряда упирается в край обрыва, не очень удаленный от другого, а линии тянутся далеко на равнину, пока не расходятся в широкую и обширную воронку. Это просто приспособление, используемое для направления животных в загон; но вместо пары тесных бревенчатых заборов объекты, образующие эти ряды, стоят на значительном расстоянии друг от друга и, как уже говорилось, кажутся не очень разборчивому глазу буйвола человеческими существами. На самом деле они призваны грубо напоминать человеческую фигуру, а материал, из которого они построены, ни больше, ни меньше, чем навоз самих буйволов - *bois de vache*, как его называют канадские трапперы, которые часто греют свои голени и жарят буйволиные ребра на огне из этого же материала.

Установив таким образом приманку, конные охотники совершают широкий обход прерии, включая в свой обстрел такие банды буйволов, которые могут оказаться между их линией и устьем воронки. Сначала буйволов просто направляют вперед или ведут медленно и осторожно, как мальчишки во время снегопада часто подгоняют жаворонков к силкам. Но когда животные оказываются между сходящимися шеренгами насмешников, сзади на них бросаются, сопровождаемые жуткими криками, в результате чего они устремляются вперед по направлению к обрыву.

Буйвол - в лучшем случае полуслепое существо. Сквозь длинные лохматые локоны, свисающие на лоб, он видит предметы в сомнительном свете, а то и вовсе не видит. Он больше полагается на свой нюх, чем на зрение; но хотя он может учуять живого врага, острота его органа не предупреждает его о зияющей пропасти, которая открывается перед ним, - до тех пор, пока не становится слишком поздно отступать: хотя он может предвидеть страшный прыжок, прежде чем совершить его, и охотно повернул бы на свой след и отказался от него, он не находит больше возможности сделать это. По сути, у него нет времени на размышления. Плотная толпа давит сзади, и у него не остается другого выбора, кроме как броситься вперед или пострадать от того, что его опрокинут на голову. В любом случае это будет его последний прыжок, а зачастую и последний прыжок целой толпы его товарищей.

При таких гонениях вряд ли стоит говорить о том, что буйволы с каждым годом становятся все более редкими, и есть основания полагать, что в недалеком будущем это действительно ценное млекопитающее полностью исчезнет. В настоящее время их ареал значительно сократился в тех широких границах, которые они занимали раньше. Если ехать на запад от Миссисипи - в любой точке ниже устья Миссури, - то на протяжении первых трехсот миль вы не встретите бизонов; и хотя раньше стада обитали к югу и западу от Рио-Гранде, команчи на берегах этой реки больше не знают бизонов, за исключением экскурсий в большие прерии далеко к северу от их страны. Большое Невольничье озеро является северной конечной точкой ареала бизонов, а на запад простирается цепь Скалистых гор; но в последние годы бродячие стада были замечены в некоторых местах к западу от них, - их прогоняли через перевалы охотники, на которых давили индейцы-лошадники с востока. Спекулянты придумали несколько изобретательных и правдоподобных причин, объясняющих сокращение численности бизонов. Есть только одна причина, которую стоит назвать, и очень простая, - это лошадь.

С исчезновением бизонов, а возможно, и с сокращением их численности, индейцы прерий могут отказаться от своих бродячих привычек. Это было бы счастливым результатом как для них самих, так и для их соседей; хотя даже сомнительно, что это может последовать за таким обстоятельством. Несомненно, в их образе жизни произошли бы некоторые изменения; но, к сожалению, эти бедуины западного мира могут жить на лошадях, даже если бы бизоны были полностью истреблены. Даже в таком виде целые племена их живут почти исключительно на

лошадиной плоти, которую они почитают и смакуют больше, чем любую другую пищу. Но и этот ресурс со временем их подведет, поскольку у них не хватит экономики, чтобы создать достаточный запас для удовлетворения спроса, который возникнет, если буйволы исчезнут с дороги: ведь *кабальяды* диких мустангов ни в коем случае не так легко поймать, как "банды" громоздких и тяжелых буйволов.

Однако стоит надеяться, что прежде чем индейцы-лошадники подвергнутся этому испытанию, сильная рука цивилизации протянется над ними и, удерживая их от хищнических набегов, которые они ежегодно совершают на мексиканские поселения, побудит их *сойти с коней* и мирно заняться обработкой земли, чем сейчас так успешно занимаются многочисленные племена их расы, живущие в постоянных и процветающих домах на восточной границе прерий.

Однако в данный момент команчи открыто враждуют с поселенцами на тexasской границе. Пока мы пишем, *lex talionis* активно действует, и каждое письмо приносит отчет о кровавой резне или ужасном акте возмездия. Кровавые и зверские расправы, практикуемые одинаково обеими сторонами - как белыми, так и индейцами, - имеют свои параллели, это правда, но читать о них не менее отвратительно. Колонисты сильно пострадали от этих исмаилитов Запада, этих властных дикарей, считающих промышленность бесчестным призванием и полагающих, что их огромная территория должна оставаться пустым местом охоты или, скорее, крепостью, в которую они могли бы уединяться в перерывах между войнами и грабежами. У колонистов есть четкое право собственности на землю, - право, признаваемое всеми здравомыслящими людьми, которые считают, что благо большинства не должно приноситься в жертву упрямству отдельных людей или меньшинства, - право, которое дает право убрать жилище гражданина, - его самую крепость, - лишь бы не мешать общественному пути. Все признают это право; и именно такое право имеет тexasский колонист на землю команчей. Возможно, есть вина в *способе* предъявления претензий, возможно, были сцены жестокости и кровь, пролитая без необходимости, но утешением может служить тот факт, что пока не произошло ничего, что могло бы сравниться по хладнокровному зверству с Алжиром или аналогичными актами, совершенными на юге Африки. Преступление, связанное с *убийством дымом*, пока еще свойственно Пеллиссе и Потгитеру.

В своей нынешней вспышке команчи продемонстрировали лишь плохую, недалекую политику. Они поймут, что совершили большую ошибку, приняв отважных колонистов Техаса за слабых мексиканцев, с которыми они давно воюют и которых почти неизменно побеждают. Результат легко предсказать: с обеих сторон может пролиться много крови, но все закончится так, как заканчиваются все подобные состязания; и команчи, как и кафры, должны "пойти на стену". Возможно, лучше, чтобы все дошло до кульминации, - так будет лучше для жалкого остатка испано-американцев, живущих вдоль границ команчей, - расы, которая уже сто лет не знает мира.

Поскольку эта давняя вражда с мексиканской нацией была доминирующей чертой в истории индейцев команчи, необходимо рассказать о том, как она обычно протекает. Было время, когда испанская нация питала надежду *христианизировать* этих грубых дикарей, то есть приручить и обучить их чему-то вроде того состояния, до которого они довели ацтеков, потомков Монтесумы, - состояния, едва ли отличающегося от рабства. Поскольку в Техасе не было обнаружено ни золотых, ни серебряных рудников, в их намерения не входило делать из них шахтеров, а скорее пеонов, или полевых рабочих, и подавальщиков скота, - точно так же, как они поступали и продолжают поступать с племенами Калифорнии. Солдат и меч оказались неудачными, как и во многих других частях Испанской Америки, - фактически

езде, за исключением выродившихся остатков монархического правления в Мексике, Боготе и Перу. В этих странах встречались *обломки* угасающей цивилизации, а не, как принято считать, дети прогрессивного развития; и, конечно, они сдались, как в конце концов должны сдаться народы всех развращенных монархий.

Иначе обстояло дело с "индиос бравос", или воинственными племенами, все еще свободными и независимыми, - так называемыми *дикарями*. Против них солдат и меч оказались совершенно безуспешными, поэтому пришлось прибегнуть к другому виду завоевательной силы - монаху и его кресту. Среди команчей этот вид завоевания достиг определенного успеха. По всей провинции Техас - стране команчей - стали появляться миссионерские дома, хотя новые неопиты были не совсем команчами, а скорее индейцами из других племен, менее воинственных. Однако многие команчи стали новообращенными, а некоторые из "миссий" превратились в грандиозные учреждения, каждое из которых, согласно испанской миссионерской моде, имело свое "пресидио", или гарнизон войск, чтобы держать новообращенных в пределах слышимости колокола, а также отслеживать и возвращать их, когда они попытаются сбежать из христианского вассалитета, на который они слишком опрометчиво променяли свою языческую свободу.

Все шло хорошо, пока Испания была властью на земле, а мексиканский вице-король был достаточно богат, чтобы содержать пресидиос, укомплектованные солдатами. Монахи вели такую же веселую жизнь, как и их прототипы из "Болтонского аббатства в старые времена". Неопиты были просто их рабами, получавшими в обмен на пот своих лбов крещение, отпущение грехов, маленькие оловянные распятия и другие подобные ценные вещи.

Но наступило время, когда они устали от обмена и возжелали прежней свободной жизни. Их братья обзавелись лошадьми, и это стало дополнительной привлекательной стороной жизни в прериях. Они устали от мелких уловок христианского суеверия, на их взгляд, менее рационального, чем их собственное, устали от постоянной работы, от детских наказаний и от звука вечно звящего колокольчика. В общем, они сделали одно отчаянное усилие и освободились навсегда.

Первым пало грандиозное заведение Сан-Саба, расположенное на одноименной реке. Войска находились за границей во время охоты на новообращенных. Команчи вошли в форт, их томагавки и боевые дубинки были спрятаны под огромными одеждами из буйволовой шкуры: началось нападение, которое закончилось уничтожением поселения.

Лишь один монах спасся от резни - человек, прославившийся своим святым рвением. Он бежал в сторону Сан-Антонио, преследуемый отрядом дикарей. По пути, который ему предстояло пройти, протекала большая река, но она не помешала ему: ее воды на мгновение вскрылись, пока дно не оказалось обнаженным от берега до берега. Он перешел ее, не замочив ног. Волны сомкнулись сразу же за ним, став непроходимой преградой для его преследователей, которые могли лишь выплескивать свою ярость в пустых проклятиях! Но монах тоже умел ругаться. Возможно, он брал уроки в Ватикане; обернувшись, он предал анафеме каждого "сына матери" краснокожих дикарей. Это массовое отлучение произвело удивительный эффект. Каждый из проклятых упал, где стоял, и лежал лицом вверх на равнине, мертвый как столб! Монах, окрестив реку "Бразос де Диос" (рука Бога), продолжил свой полет и благополучно добрался до Сан-Антонио, где он должным образом рассказал о своем чудесном приключении доверчивым новообращенным Бехара и других миссий.

Таково предполагаемое происхождение названия Бразос де Диос, которое вторая река в Техасе носит и по сей день. Следует, однако, отметить, что река, которую пересек монах,

была нынешней Колорадо, а не Бразос: по курьезной ошибке колонистов эти две реки обменялись названиями!

Команчи, освободившиеся от власти миссионеров и теперь равные своим противникам по владению лошадью, сразу же начали свои грабительские походы; и, с небольшими перерывами на перемирие, - периодами *en raz*, - продолжали их до сих пор. Весь Северный и Западный Техас они вскоре вернули себе; но территория их не удовлетворила: им нужны были лошади, скот, имущество, белые жены и рабы; и я вряд ли поверю, если назову число тех, кого они захватили за последние полвека. Почти каждый год они совершали экспедиции в мексиканские поселения в провинциях Тамаулипас, Новый Леон и Чиуауа - каждая экспедиция была новым завоеванием своих слабых и продажных противников. Каждый раз они возвращались с добычей, состоящей из лошадей, крупного рогатого скота, овец, домашней утвари и, как ни печально признавать, человеческих пленников. Они возвращают только женщин и детей, а мужчин убивают на месте. Дети могут быть как мужского, так и женского пола - неважно, поскольку они должны быть приняты в племя, чтобы стать будущими воинами; и, как ни странно, многие из них, когда вырастают, не только отказываются возвращаться на землю, где родились, но и оказываются самыми злейшими и опасными врагами для людей, от которых произошли! Даже девушки и женщины через некоторое время примиряются со своим новым домом и больше не хотят его покидать. Некоторые из них, будучи обнаруженными и выкупленными своими сородичами, отказываются принимать условия, предпочитая продолжать дикую карьеру, в которую их втянуло несчастье! Многие душераздирающие сцены стали следствием таких, казалось бы, противоестественных пристрастий.

Вы удивитесь, почему цивилизованный народ так долго мирился с подобным положением вещей; но удивляться не стоит. Эгоизм, проистекающий из постоянных революций, уничтожил почти все чувства патриотизма в мексиканском национальном сердце; и, действительно, многим из этих пленников, возможно, не намного хуже под опекой храбрых команчей, чем им было бы, подвергшись они мелкой тирании и грабительскому правлению, которые так долго существовали в Мексике. Кроме того, сомнительно, что мексиканское правительство, собрав все свои силы, сможет вернуть их. Страна команчей так же недоступна для регулярной армии, как и территория Тимбукту; и даже могущественной северной республике не составит большого труда подчинить себе этих краснокожих вольных разбойников. Мексика уже совсем отчаялась в своих силах; в последнем договоре, заключенном между ней и Соединенными Штатами, одной из статей было специальное соглашение со стороны последних о том, чтобы удерживать команчей от будущих набегов на мексиканские штаты, а также заставить их выдать мексиканских пленников, находившихся в то время в руках индейцев!

По подсчетам, их численность на тот момент составляла четыре тысячи человек! С сожалением я должен добавить, что эти несчастные до сих пор находятся в рабстве. Великая республика, слишком занятая своими собственными заботами, не выполнила условия договора; и нынешняя война с команчами - лишь результат этой преступной небрежности. Если бы в конце мексикано-американской войны были приняты энергичные меры, команчи не стали бы сейчас преследовать поселенцев Техаса.

Чтобы доказать неспособность мексиканцев справиться с этой воинственной расой, достаточно рассмотреть нынешнее состояние северных мексиканских штатов. Половина территории этого обширного региона вернулась в состояние пустыни. Отдельные ранчо давно заброшены, поля заросли сорняками, а скот одичал или был уведен команчами. Остались только сильные поселения и большие укрепленные асьенды; многие из них тоже

опустели. Там, где когда-то дети играли в безопасности невинности, где нарядно одетые кавалеры и элегантные дамы развлекались во время приятного *dia de campo*, таких сцен больше не увидишь. Ранчо лежит в руинах, дверь висит на петлях, сломанная и побитая, или сорвана, чтобы послужить пищей для костра дикаря; жилище пусто и безмолвно, за исключением тех случаев, когда вой волка или койота будит эхо в его стенах.

Около десяти лет назад у гордого губернатора штата Чиуауа - одного из самых энергичных солдат Мексиканской республики - сын попал в плен к команчам. Хотя этот человек был силен, он понимал, что призывать к оружию бесполезно, и был готов вернуть своего ребенка, заплатив за него большой выкуп! Этот факт больше, чем множество слов, проиллюстрирует состояние несчастной Мексики.

Команчи ведут веселую, задорную жизнь - они далеко не те индейцы, которых описывает Купер. Он почти ни в чем не похож на мрачного сына леса. Он оживлен, разговорчив и всегда готов посмеяться. Его задница - мексиканский солдат из пресидио, которого он слишком презирает. Он редко остается без еды. Если буйволы его не удовлетворяют, он может добыть бифштекс из своих запасных лошадей, которых у него большой табун: кроме того, есть дикие мустанги, которых он может поймать при случае. У него нет никакой работы, кроме войны и охоты: во все остальное время у него есть рабы, которые ждут его и выполняют домашнюю работу. Когда он бездействует, то иногда очень старается одеться - это обычная туника из оленьей кожи индейцев прерий, с мокасинами и бахромой на ногах. Иногда на голову надевают головной убор из плюмажа, иногда - из кожи черепа буйвола, с оставленными рогами! Халат из шкуры бизона свисает с его плеч со всем великолепием тоги; но когда он отправляется в грабительскую экспедицию, все эти украшения отбрасываются, и его тело предстает обнаженным от пояса до ушей. Тогда на нем только набедренная повязка, а на ногах и ступнях - гамаши и мокасины. Вместо охотничьей рубашки - плащ алой краски, чтобы сделать его присутствие более ужасающим в глазах врага. Но в этом нет необходимости. Его вид и без маскировки внушает ужас, наводит на мысли о "крови и убийстве".

Глава двенадцатая.

Пехуэнчи, или индейцы Пампаса.

Обширная равнина, известная под названием "Пампасы", - один из самых больших участков равнинной местности на земле. На восток и запад она простирается от устья Рио-де-ла-Платы до подножия Андских гор. На севере она прерывается целым рядом гор и холмов, которые идут от Анд к реке Парагвай, образуя Сьерры Мендоса, Сан-Луис и Кордова; южная же граница не так четко обозначена, хотя ее можно считать заканчивающейся у Рио-Негро, где она встречается с пустынными равнинами Патагонии, подступающими с юга.

С геологической точки зрения Пампасы (или равнины, как означает это слово на языке перуанских индейцев) представляют собой аллювиальное образование - дно древнего моря, поднятое по неизвестной причине до нынешней высоты, которая не намного выше уровня океана. Таким образом, это не *плато* или "столовая гора", а обширный естественный луг. Почва в целом красного цвета, аргиллитовая по своему характеру и во всех местах наполнена морскими раковинами и другими свидетельствами того, что когда-то над ней плескалось море. Именно в Пампасах были найдены многие ископаемые монстры - гигантский мегатерий, колоссальный *милодон*, гигантский броненосец (*глиптондон*) и многие другие

существа таких размеров, что возникает вопрос о том, как земля могла производить достаточно пищи для их содержания.

Называя Пампасы *обширным лугом*, не вводите себя в заблуждение этой фразой, которая здесь и в других местах используется в довольно свободной и неопределенной манере. Многие большие участки в Пампасах вполне соответствуют этому определению, как по внешнему виду, так и по характеру травы, которая их покрывает; но есть и другие участки, которые не имеют ни малейшего сходства с лугом. Есть обширные участки, густо покрытые высоким чертополохом, - таким высоким, что он достигает головы человека, сидящего верхом на лошади, и так густо заросшим, что ни человек, ни лошадь не могут войти в него, не расчистив предварительно для себя дорогу.

Другие обширные участки заросли высокой травой, настолько густой, что больше напоминают тростник или камыш, чем траву; и столь же обширную поверхность покрывают небольшие деревья, стоящие тонко и без подлеска, как фруктовые деревья в саду. Кроме того, здесь есть широкие болота и обширные озера, многие из которых солоноватые, а некоторые соленые, как само море. Кроме того, есть "салинас", или соляные равнины, - результат соляных озер, воды которых испарились, оставив слой чистой соли толщиной в фут, покрывающий их дно на многие квадратные лиги. В некоторых местах Пампасы принимают бесплодный и каменистый характер, что соответствует великой пустыне Патагонии. Поэтому неправильно считать Пампасы одним сплошным *луговым* массивом. Только в одном отношении она однородна - это страна без гор и значительных возвышенностей в виде хребтов или холмов, хотя несколько разбросанных сьерр встречаются как на северном, так и на южном ее краю.

Чертополоховые пампасы, как мы берем на себя смелость назвать их, представляют собой, пожалуй, самый любопытный участок этой великой равнины; и не в последнюю очередь потому, что "сорняк", покрывающий их, как предполагается, не является местной продукцией, а был завезен туда ранними колонистами. Однако на этот счет мнения расходятся. Независимо от того, откуда появился чертополох, он пышно расцвел и по сей день составляет заметную черту в пейзаже Пампасов. Они расположены на восточном краю великой равнины, примыкающей к берегам Ла-Платы; но от этой реки они простираются назад вглубь, в некоторых местах на расстояние почти двухсот миль. На этой огромной поверхности они растут так густо, что, как уже говорилось, ни человек, ни лошадь не могут проложить через них путь. Их можно преодолеть только по хитроумным тропам, уже сформировавшимся от постоянного использования и ведущим через узкие дорожки или поляны, где по какой-то причине чертополох не хочет расти. Иначе в них не пробраться даже скоту. Они и не попытаются проникнуть в такие непроходимые заросли, а если стадо, движущееся по тропинкам, случайно будет "отброшено" каким-либо объектом ужаса и уйдет в чертополох, то едва ли удастся вернуть хоть одну голову из всего стада. Даже инстинкты бессловесных животных не позволяют им снова найти выход, и они обычно погибают либо от жажды, либо от когтей свирепых пум и ягуаров, которые только и чувствуют себя дома в лабиринтах "*кардоналес*". Маленький *вискач* устраивает среди них норы и вынужден добывать пропитание, питаясь их листьями и семенами, поскольку другой травы на земле нет - хорошо вооруженный чертополох захватывает почву и препятствует росту любых других растений. Однако следует отметить, что существует два вида этих растений, оба из которых покрывают большие участки равнины. Один из них - настоящий чертополох, а другой - сорняк из семейства артишоковых, называемый испанцами "кардун". Это один из видов *Cardunculus*. Эти два вида не смешивают свои стебли, хотя оба образуют заросли в похожей манере и часто на одном и том же участке местности. Кардун не такой высокий, как

чертополох, и, не имея колючек, его заросли легче пробиваются, хотя даже среди них легко запутаться и потеряться.

Следует отметить, что эти заросли чертополоха не закрывают страну круглый год. Только на сезон, с того момента, как они вырастают и "выстреливают", и до тех пор, пока их высокие зрелые стебли не завянут и не упадут на землю, где они вскоре сгниют. Тогда равнины становятся открытыми и свободными для всех существ - человека в том числе, - и гаучо со своими табунами лошадей, рогатого скота и овец или отряды бродячих индейцев распространяются по ним и овладевают ими.

Молодые заросли чертополоха выглядят как огромное поле репы, а их листья, еще нежные, с жадностью поедаются как скотом, так и овцами. В таком состоянии пампасский чертополох остается в течение короткой зимы, но с наступлением весны он снова "обрастает" щетиной и, становясь все более высоким и крепким, представляет собой *chevaux-de-frise*, который в конце концов изгоняет всех нарушителей из своих владений.

На западном краю этого чертополоха находится покрытый травой участок Пампаса. Он гораздо обширнее, чем "кардональс", - имеет среднюю ширину триста миль и тянется в продольном направлении по всему северному и южному простиранию Пампы. Его главная особенность - покрытие из грубой травы, которая в разное время года бывает короткой или высокой, зеленой, коричневой или желтоватой, в зависимости от степени спелости. Когда она высыхает, ее иногда поджигают - либо специально, либо случайно, - так же как и засохшие стебли чертополоха; в таких случаях происходит пожар, потрясающий по своим последствиям, часто охватывающий огромные территории и превращающий все в черный пепел. Ничто не может быть более меланхоличным для глаз, чем вид сожженной пампы.

На смену травяному покрову приходят уже упомянутые "прогалины" или скудные леса, но деревья во многих местах растут более плотно, приобретая характер зарослей или "джунглей". Эти участки заканчиваются среди отрогов Анд, которые в некоторых местах выходят на равнину, но в целом поднимаются от нее круто и имеют четко очерченную границу.

Упомянутые выше болота и горькие озера являются порождением многочисленных потоков, берущих свое начало в Великой Кордильере Анд и текущих на восток через Пампасы. Несколько из них, которые направлены на юг, достигают Атлантики через два больших выхода - "Колорадо" и "Негро". Все остальные - "имя им легион" - сбрасывают свои воды в болота и озера или погружаются в почву равнин, на большем или меньшем расстоянии от Кордильер, в зависимости от того, какой объем воды они могут унести вниз. Испарение поддерживает равновесие.

Кто обитает в Пампасах? Кому принадлежат эти обширные пастбища? Чьи стада и отары пасутся на ней?

Вам скажут, что Пампасы принадлежат республике Буэнос-Айрес, или, скорее, "Штатам Аргентинской конфедерации", что их населяет класс граждан под названием "гаучос", которые принадлежат к испанской расе и чье единственное занятие - пастухи, разводящие скот и лошадей, - люди, славящиеся своим мастерством наездников и ловкостью в использовании "лазо" и "болас" - двух видов оружия, заимствованных у аборигенных рас.

Все это верно лишь отчасти. Собственность на эту великую равнину никогда не находилась в руках правительства Буэнос-Айреса, как и в руках их предшественников - испанцев. Ни те, ни другие никогда не владели ею - ни путем завоевания, ни иным способом: не более чем

пустым бахвальством; ведь с того дня, когда они впервые ступили на ее границы, и до сегодняшнего дня ни те, ни другие никогда не могли пересечь ее или проникнуть на большое расстояние, не имея большой армии, которая поддерживала бы их продвижение. Но их владения практически прекращались по окончании каждого меланхолического похода, и земля возвращалась к своим первоначальным владельцам. За исключением нескольких скудных полос вдоль границ и более широких хребтов, которые мало занимают полукочевые гаучо, Пампасы в действительности являются индейской территорией, каковой они всегда и были; а притязания белого человека не более чем номинальны - просто название на карте. Это не единственная обширная территория испанской Америки, которая *никогда не была испанской*.

Истинными владельцами Пампасов являются краснокожие аборигены - индейцы Пампасов, и рассказать о них - наша цель.

Если бы они занимали столь большую территорию, вряд ли все они принадлежали бы одному единому племени - это сразу бы возвело их в ранг нации. Но они не едины. Напротив, они образуют несколько отдельных ассоциаций с бесконечным числом более мелких подразделений или общин - точно так же, как это происходит у их северных родственников по прериям. Однако все они могут быть отнесены к четырем большим племенным объединениям или народностям - *пехуэнчи*, *пуэльчи*, *пикунчи* и *ранкелес*.

Некоторые добавляют к ним *пуилliche*, живущих на южной окраине Пампаса; но эти индейцы, хотя и охватывают своими экскурсиями часть великой равнины, во многих отношениях отличаются от других индейцев Пампаса - в целом это более храбрая и лучшая раса людей, и они больше похожи на патагонцев, как по *телосложению*, так и по *морали*, - от которых они, очевидно, являются лишь ответвлением. В общении с белыми людьми, когда с ними обращались справедливо, они проявляли то же благородство, которое характеризует истинных патагонцев. Поэтому я не буду снижать стандарты ни их тела, ни их ума, причисляя их к "пампасским индейцам".

Об этих племенах - одном и всех - у нас, к сожалению, сложилось гораздо менее благоприятное впечатление, и поэтому мы мало что можем сказать в их пользу.

Различные названия являются исконными. *Puelches* означает народ, живущий на востоке, от "*puel*" - восток и "*che*" - народ. *Пикунчи* получили это название аналогичным образом, от "*пикун*", означающего север. *Пехуэнчи* - жители сосновой страны, от "*pehuen*", названия знаменитой "чилийской сосны" (*Araucaria*); а *ранкелес* - люди, живущие среди чертополоха, от "*ranquel*", чертополох.

Эти национальные названия дают некоторое представление о местности, в которой обитает каждое племя. *Ранкелес* живут не среди чертополоха, ибо это было бы неприятным местом жительства даже для краснокожих, а вдоль западной границы этого урочища. К западу от них, в расщелинах Кордильер, простирается страна пехуенчей, а к северу от них - земля пикунчей. Их граница в этом направлении *должна быть* границей *квазицивилизованных* провинций Сан-Луис и Кордова, но это *не так*; ведь пикунче могут по своему усмотрению распространять свои грабительские набеги так далеко на север, как им заблагорассудится: вплоть до того, что они будут совпадать с аналогичными походами своих сородичей *гуайкуру* из "Гран-Чако" на севере.

Территория пуэльче находится на восточной стороне Пампы, к югу от Буэнос-Айреса. Когда-то эти люди занимали территорию до берегов Ла-Платы, и, несомненно, именно они первыми встретили испанцев во враждебном окружении. Вплоть до позднего времени их

набеги простирались почти до самого Буэнос-Айреса; но Росас, каким бы тираном он ни был, все же был настоящим солдатом, и во время грандиозной военной экспедиции против них он разгромил их страну и нанес им и соседним племенам такое страшное наказание, какого они не терпели со времен Мендосы. В результате граница пуэлов отошла на гораздо большее расстояние от Буэнос-Айреса; но как долго она будет оставаться неподвижной - вопрос, не дольше, чем какая-нибудь сильная рука, например, Росаса, будет угрожающе нависать над ними.

Обычно принято спрашивать, откуда взялся тот или иной народ, и этот вопрос был задан индейцам Пампаса. Ответить на него несложно. Они пришли из земли Арауко. Да, они родственники того знаменитого народа, который испанцы так и не смогли покорить, даже приложив все свои силы. Они также близкие родственники, особенно пехуэнчи, чья страна отделена от страны арауканов лишь великой Кордильерой Чили, и с которыми, как и с испанцами со стороны Чили, они поддерживают постоянные дружеские отношения.

Но следует признать, что арауканцы получили гораздо больше, чем просто похвалу. Романтические истории из бесконечного эпоса рифмоплета Эрсильи пробрались в историю, а доверчивый Молина поддержал их, так что истинный характер арауканского индейца так и остался непонятым. Несомненно, он проявил себя храбрым, защищая свою страну от испанской агрессии; но так же поступали карибы и гуараоны, так же поступали команчи и апачи, яки из Соноры, дикари с берега Москито, гуайкуру из Гран-Чако и десятки других индейских племен, на территории которых испанец никогда не осмеливался основать поселение. Арауканец храбр, но, помимо этого, у него мало достоинств. Он крайне жесток, нелюдим и эгоистичен, грязен и ленив, многоженец в самой одобряемой манере, тиран над своими - словом, занимает место среди самых зверских полудоминированных дикарей, хотя, надо заметить, он не совсем тот, кого называют *дикарем*: то есть он не ходит голым и не спит под открытым небом. Напротив, он одевается в вещи собственного изготовления - или, скорее, изготовленные его женами-рабынями - и живет в хижине, которую они для него строят. У него есть земля - прекрасные поля, - которыми он не пользуется, разве что пасет несколько лошадей, овец и крупный рогатый скот. В остальном он слишком ленив, чтобы заниматься сельским хозяйством, и проводит большую часть времени, попивая *чичу* или тираня своих жен. Таков героический арауканец, населяющий равнины и долины Южного Чили.

К сожалению, перейдя на другую сторону Анд, он не улучшил своих манер. Воздух Пампасов не способствует добродетели, а по ту сторону гор о ней едва ли можно говорить - даже в форме личного мужества. Люди сосен и чертополоха, похоже, утратили это качество, пройдя через снега Кордильер, или оставили его позади себя, как оставили и зарождающуюся цивилизацию своей расы. В Пампасах мы снова видим их в образе истинных дикарей: они живут погоней или грабежом, а продукты последнего обменивают на атрибуты и безделушки для украшения, которые поставляет им беспринципный белый торговец. Пуэльчи и пикунчи, пехуэнчи и ранкелесы - все они одинаково вероломны, ссорятся и трусливы.

Но сейчас мы поговорим более подробно об их обычаях и образе жизни, и в качестве текста мы можем взять "народ сосен", поскольку считается, что они наиболее близки к настоящим арауканам, и, действительно, многие из их "путей" точно такие же, как у этого "героического народа".

Люди сосен" имеют обычный рост североамериканских индейцев или европейцев, а их естественный цвет кожи имеет темный медный оттенок. Но нечасто можно увидеть их в естественном цвете: ведь индейцы Пампаса, как и почти все аборигенные племена, -

"художники". У них есть пигменты черного и белого, синего, красного и желтого цветов, которые они получают из различных цветных камней, найденных в ручьях Кордильер. Черный камень они называют "яма", красный - "коло", белый - "палан", синий - "кодин", а желтый - из аргиллитовой земли. Камни каждого цвета они подвергают растиранию или измельчению, пока не образуется пыль, которая, будучи смешанной с салом, представляет собой краску, готовую к нанесению.

Индейцы Пампаса не ограничиваются каким-либо определенным "эскулапом". В этом отношении их фантазии предоставлен широкий простор, а мода меняется. У них часто встречается черное или красное лицо; часто можно увидеть одну полосу шириной около двух дюймов, идущую от уха до уха через глаза и нос. Во время военных походов они рисуют отвратительные фигуры: не только на своих лицах и телах, но и на амуниции, и даже на телах своих лошадей, стремясь сделать себя как можно более ужасающими в глазах своих врагов. К такому же трюку прибегают воины прерий, как и во многих других частях света. В обычных условиях индеец из Пампасов не является *голым* дикарем. Напротив, он хорошо одет; причем материал для своих одежд он не получает от ткацких станков цивилизованных народов, а тклет сам, то есть его тклет его жены, причем в таком количестве, что его хватает не только на собственную одежду, но и с избытком на торговлю. Обычно ткань прядут и тклет из овечьей шерсти. Она грубая, но прочная, и в виде одеял или "пончо" охотно покупается испанскими торговцами. Серебряные шпоры, длинные острые ножи, наконечники копий и некоторые другие железные изделия составляют предметы обмена, а также различные декоративные изделия, такие как бусы, кольца, браслеты и серебряные головки с большой головкой для застегивания плащей на плечах его "дам". Он не довольствуется простой мишурой, как другие дикари, - он может отличить настоящий металл от подделки, не хуже самого опытного пробирщика; и если ему захочется иметь пару серебряных шпор, даже еврей-торговец не сможет всучить ему плакированное "изделие". В этом отношении арауканийские индейцы отличались с самого начала своего общения с европейцами, а их сородичи из Пампасов столь же тонко разбираются в драгоценностях.

Когда индеец из Пампасов хорошо одет, на его плечи накинута плащ из толстой шерстяной ткани, о которой уже говорилось выше. Он обычно бывает разноцветным и не похож на пончо, которое носят гаучос Буэнос-Айреса, или серапе мексиканцев. Кроме плаща, его одежда состоит из простой юбки, также из цветной шерстяной ткани, которая представляет собой продолговатый кусок, накиннутый на поясницу и доходящий до колена. Пояс или ремень, иногда искусно украшенный, обвязывает ткань вокруг талии. Костюм завершают сапоги своеобразной конструкции. Они изготавливаются очень простым способом. Свежая кожа, снятая с задней ноги лошади, натягивается, как чулок, до тех пор, пока каблук не упирается в ту часть, которая покрывала тазобедренный сустав первоначального владельца. Затем лишняя часть обрезается, чтобы она могла служить покрытием для стопы; и сапог не только готов, но и надет, и остается там до тех пор, пока не износится и не потребуются новый! Если поначалу он будет немного свободен, это неважно. Жаркое солнце в сочетании с теплом ноги владельца вскоре сжимает кожу, и она становится "как перчатка". Голову часто оставляют непокрытой, но так же часто надевают что-то вроде тубетейки или шлема из конской кожи, и нередко - высокую коническую шляпу из пальмового волокна. Последняя - не местное производство, а импорт торговцев. В ушах носят огромные латунные кольца, громоздкие, как пара висячих замков. В таком костюме, верхом на лошади, с длинным копьём в руке, индеец из Пампасов был бы живописным объектом; и он действительно таков, когда *чист*; но это случается лишь в самых редких случаях, только когда он надевает новый костюм. В остальное время не только его лицо и кожа тела, но и каждая тряпка на его спине покрыты жиром и грязью, что создает эффект скорее "tatterdemalion", чем живописный.

Скво" одета несколько иначе. Во-первых, у нее есть длинный "халат", который покрывает ее от шеи до пят, оставляя обнаженными только шею и руки. Халат из красной или синей шерстяной ткани собственного плетения. Это одеяние - "кведето". Пояс, расшитый бисером, называемый "квепик", удерживает его на талии с помощью большой серебряной пряжки. Этот пояс - предмет первой моды. Через плечи перекинута "икийя" - квадратный кусок похожей ткани, но обычно другого цвета; спереди он скреплен булавкой с большой серебряной головкой, называемой "тупо". Густые черные волосы, после того как они были помазаны кобыльим талоном, модным у индейцев Пампаса, держатся на месте с помощью шапочки или *коифура*, похожего на перевернутое мелкое блюдо и усыпанного бусами торговцев. К нему прикреплен маленький колокольчик, а иногда их носят как серьги. Они так приятно звенят в ушах своей обладательницы, что она едва ли может хоть на минуту удержать голову в покое, но постоянно раскачивает ее из стороны в сторону, как испанская кокетка играет со своим веером.

В дополнение к этому разнообразному гардеробу пампасская красавица носит с собой большой запас бижутерии: бусы и браслеты на шее, кольца и круги на руках, лодыжках и пальцах; а чтобы привести в порядок свои змеиные локоны, она разделяет их с помощью жесткой щетки, сделанной из волокнистых корней тростника. *Она достаточно живописна, но никогда не красива.* Природа наделила арауканскую женщину простым лицом, и все украшения в мире не могут скрыть его домашнего уюта.

Пехуэнче не строит домов. Он настоящий кочевник и живет в палатке, хотя и самой грубой конструкции. Поскольку она полностью отличается от палатки индейцев прерий, стоит ее описать.

Ее каркас сделан из тростника - того же, что используется для длинных копий, о которых так часто упоминается; он напоминает тростник *бамбука*. Они в изобилии растут по всей Пампасе, особенно вблизи гор, где образуют непроходимые заросли на границах болотистых озер. Любые другие гибкие палки тоже подойдут, если тростника нет под рукой.

Приобретенные палки сначала сгибают в полукруг, и в таком виде оба конца втыкают в землю, чтобы получилась арка высотой около трех футов. Эта арка впоследствии становится дверью или входом в палатку. Остальные шесты прикрепляются к первому с одного конца под прямым углом, и, отведя их назад с небольшим изгибом, втыкают другие концы в дерн. Это образует каркас палатки, а ее покрытие - лошадиная шкура, или, скорее, несколько лошадиных шкур, сшитых вместе, чтобы получилось что-то вроде большого брезента. Шкуры сшиты сухожилиями лошади или быка, которые женщины сначала пережевывают, пока их волокна не станут похожими на пеньку, а затем прядут их в шпагат.

Палатка недостаточно высока, чтобы в ней мог стоять человек, и пехуэнче приседает, когда идет снег, дождь или дует холодный ветер. Для сна ему расстилают овечьи шкуры, а другие шкуры служат постельным бельем, - все это в таком грязном состоянии, что, если бы не холод, ему было бы гораздо удобнее спать под открытым небом. Он никогда не пытается вычистить это жалкое логово; но когда место становится *очень* грязным, он "берет свои палки" и переносит свои пенаты на новое "место". Однако, как правило, он слишком ленив, чтобы "убирать", пока грязь не накопится так, что будет "мешать".

Индеец пампасов менее охотник, чем большинство других племен дикарей. По крайней мере, в наши дни в этом нет необходимости, поскольку у него есть три вида ценных домашних животных, на которых он может прокормиться без охоты: лошади, рогатый скот и овцы. Конечно, они имеют колониальное происхождение. Тем не менее, он охотится, чтобы развлечься и разнообразить свою пищу. Его обычная дичь - крупный страус (*rhea Americana*),

гуанако и большой олень "гама" из Пампасов (*cervus campestris*). Их он захватывает с помощью боласа, который является его главным орудием для преследования. В мясе оленя он может найти разнообразие, но не деликатес. Его оленина едва ли удовлетворит вкус лукуллияца, ведь даже самый голодный гаучо не станет ее есть. Это крупный зверь, вес которого часто превышает триста фунтов, и он заражает воздух таким неприятным запахом, что собаки отказываются следовать за ним в погоню. Этот запах вырабатывается в паре желез, расположенных возле глаз, и животное способно выделять его по своему желанию, как скунсы и хорьки, когда их преследует враг. Если эти железы вырезать сразу после убийства животного, то плоть становится достаточно вкусной: в противном случае она слишком жесткая, чтобы ее можно было есть. Индейцы избавляют мясо от "дурного запаха", закапывая его на несколько дней в землю; это "подслащивает" его и в то же время делает более нежным.

Но индейцы Пампаса не полагаются на погоню, чтобы прокормиться. Он занимается мелким скотоводством, и в его странствиях его обычно сопровождает стадо рогатого скота и овец. У него также есть свой табун лошадей, которые составляют основную часть его пищи, поскольку всякий раз, когда он голодает, лошадь "забивают". Строго говоря, это не лошадь, поскольку для этой цели используется кобыла. Ни в одной части Пампасов, даже в поселениях белых, кобылы не используются для верховой езды. Сесть на кобылу считается унижительным для характера гаучо или индейца; их держат только для разведения. Не то чтобы индеец был большим коневодом. Он поддерживает свое поголовье совсем другим способом - воровством. То же самое можно сказать и о том, как он набирает стада рогатого скота и отары овец. Последних он ценит только за их шерсть, из которой ткут его одежду и которая заменила скудное руно викуны и гуанако - материал, использовавшийся им в былые времена.

У кого он крадет этих ценных животных, да еще и в таком количестве, чтобы практически на них прожить? На этот вопрос легко ответить, хотя сказать, что он их крадет, не совсем точно. Лучше сказать, что он *отбирает* их, используя основную силу и при свете дня, - отбирает их у креольского испанца, гаучо и *эстансьеро*. Но он не всегда довольствуется добычей четвероногих; часто он возвращается из своих вылазок с толпой пленников - женщин и детей, с белой кожей и румяными щеками, - чтобы затем превратить их в своих грузчиков и рабов. Эти грабительские экспедиции он совершает не только на границе, но даже в самом сердце испанских поселений - в поместьях грандов и у ворот укрепленных городов; и, как ни странно, такое положение вещей сохраняется не годами, а с перерывами, на протяжении столетия!

Но что еще более странно - и я могу поручиться, что это правда, - так это то, что *белые люди* действительно покупают у него эту добычу, - не человеческую часть, а четвероногих и мебель, - ведь и это иногда составляет часть его добычи. Да, излишки, которыми индеец не может воспользоваться или о которых не заботится, - особенно большие партии прекрасных лошадей, отнятых у испанцев Буэнос-Айреса, - перегоняются через перевалы Кордильер и продаются испанцам Чили! Жители одной провинции фактически поощряют грабеж своих сородичей в другой! Точно такое же положение вещей существует в Северной Америке. Команчи крадут, или, скорее, отнимают, у белых поселенцев Тамаулипаса и Нового Леона, апачи отнимают у белых поселенцев Чиуауа и Соноры: и те и другие продают белым поселенцам, живущим вдоль берегов Рио-дель-Норте! И все эти поселенцы - одной расы, одной страны, одного рода! До сих пор эти вещи назывались *cosas de Mexico*. Их значение можно распространить и на Южную Америку: ведь они в равной степени являются *cosas de las Pampas*.

Нам не позволено сомневаться в правдивости этих ужасающих фактов - ни в отношении гнусной торговли, ни в отношении плененных женщин и детей. В этот самый час не менее четырех тысяч человек испано-мексиканской расы находятся в плену у племен прерий; а когда Росас пронесся по Пампасам, он освободил пятнадцать сотен таких же несчастных от их худших, чем египетские, хозяев - пуэлов!

С такими фактами, как эти, кто может сомневаться в упадке испанского могущества? В полном угасании этой некогда благородной расы? Кто может опровергнуть гипотетическое пророчество, не раз звучавшее на этих страницах, о том, что если обе расы будут предоставлены сами себе, то аборигены, не просуществовав и одного столетия, вновь завоюют землю, а их надменный победитель будет сметен с лица американского континента?

Не стоит также слишком остро сожалеть о таких переменах. Испанская оккупация Америки была полным провалом. Она не послужила ни одной высокой человеческой цели, а наоборот. Она лишь развратила и одурманила некогда храбрую и благородную расу; и каким бы диким ни был характер того, кто придет ему на смену, все же этот дикарь несет в себе элементы будущей цивилизации.

Не так с испанцами. Огонь его цивилизации вспыхнул ярким, но недолгим блеском. Он прошел, как вспышка молнии. Его искры упали и погасли, чтобы никогда больше не разгореться.

Глава тринадцатая.

Ямпарико, или Корнекопатели.

Сейчас уже довольно широко известно, что в Северной Америке много *пустынь* - таких же диких, пустынных и негостеприимных, как знаменитая Сахара в Африке. Эти пустыни занимают значительную часть центральных областей этого великого континента, простираясь на север и юг от Мексики до берегов Северного Ледовитого моря, а также на восток и запад на несколько сотен миль по обе стороны от великой позвоночной цепи Скалистых гор. Верно, что на указанной огромной территории пустыня не является сплошной; но не менее верно и то, что плодородные полосы или долины, пересекающие ее, составляют лишь очень малую долю от всей поверхности. Есть много участков, по площади превосходящих все Британские острова, где пустыня почти не сменяется оазисом, а самые реки текут среди скал и бесплодных песков, без единой травинки растительности на берегах. Обычно, однако, узкая полоса зелени, вызванная ростом хлопковых деревьев, ив и нескольких скромных растений, указывает на русло ручья - радостное зрелище в любое время для уставшего и измученного жаждой путника.

Все эти пустыни не похожи друг на друга и сильно отличаются по характеру. Только в одном они сходятся - все они *пустыни*. В остальном они имеют множество разновидностей, как по форме, так и по характеру. Некоторые из них представляют собой ровные равнины, на которых почти нет холмов, нарушающих монотонность вида: именно такой характер носит большая часть пустынной местности, простирающейся к востоку от Скалистых гор примерно до 100 градусов западной долготы. В этом месте почва постепенно становится более

плодородной, приобретая характер лесистых участков с прериями, открывающимися между ними, и в конце концов заканчивается обширными, бескрайними лесами Миссисипи.

Эта восточная пустыня простирается параллельно Скалистым горам, почти на всем их протяжении, от Рио-Гранде в Мексике на север до реки Маккензи. Один из ее участков заслуживает особого упоминания. Он расположен на северо-западе Техаса и представляет собой бесплодное плато площадью в несколько тысяч квадратных миль, поверхность которого поднята почти на тысячу футов над уровнем окружающих равнин. Геологи пытались объяснить это необычное образование, но тщетно. Столообразное возвышение Льяно Эстакадо до сих пор остается загадкой. Однако его название легче объяснить. Во времена господства испанцев над этой частью прерий караваны часто ходили из Санта-Фе в Нью-Мексико в Сан-Антонио в Техасе. Самый прямой путь между этими двумя столицами провинций пролегал через Льяно Эстакадо; но поскольку здесь не было ни гор, ни других ориентиров, которые могли бы направить путешественника, он часто сбивался с верного пути, что нередко заканчивалось самыми ужасными страданиями от жажды, а нередко и гибелью людей. Чтобы предотвратить подобные катастрофы, через такие промежутки времени были установлены колья, которые были видны друг от друга, как множество "телеграфных столбов"; и хотя они давно исчезли, великая равнина все еще носит название, данное ей в связи с этим обстоятельством.

Помимо очертаний поверхности, есть и другие аспекты, по которым пустынные районы Северной Америки отличаются друг от друга. Растительность - если она заслуживает такого названия - в них не похожа. Некоторые из них не имеют никакой растительности, но представляют собой поверхность чистого песка или песка с галькой; другие покрыты слоем соды белоснежного цвета, а третьи - слоем поваренной соли, такой же белой и чистой. Многие из этих соляных и содовых "прерий", как их называют трапперы, имеют площадь в сотни квадратных миль. Кроме того, есть пустыни из скория, лавы и пемзы - "изрезанные каменные прерии" трапперов, прекрасно контрастирующие по цвету с вышеупомянутыми. Все они абсолютно лишены какой-либо растительности.

На некоторых пустырях - в южных широтах - встречается кактус нескольких видов, а также дикая агава, или "пита"; но эти растения в действительности являются лишь эмблемами самой пустыни. Так же, как и юкка, которая тонко растет на многих больших равнинах в юго-западной части пустыни, - ее жесткая, мохнатая листва никак не облегчает бесплодный пейзаж, а скорее делает его вид еще более ужасным и суровым.

Кроме того, есть пустыни, известные как "чапараль", - обширные джунгли из кустарников и низких деревьев, все колючие; Среди них "мезкит" нескольких видов (*мимозы* и *акации*), "вонючее дерево" или *креозот* (*каберлиния*), "жирный куст" (*obione canescens*), несколько видов *просописа*, и время от времени, словно для того, чтобы порадовать глаз усталого путника, высокий цветущий колос алой *фукии*. Далее к северу - особенно в верхней части территории Большого Соленого озера - расположены обширные участки, на которых почти нет растительности, за исключением *полыни* и других родственных продуктов бесплодной почвы.

Из всех пустынных районов Северо-Американского континента, пожалуй, ни один не представляет большего интереса для изучающих космографию, чем тот, что известен как "Великий Бассейн". Он был назван так из-за того, что обладает собственной гидрографической системой, - озерами и реками, не имеющими сообщения с морем, но чьи воды расходуются в пределах самой пустыни и поддерживаются в равновесии испарением,

как это происходит со многими водными системами континентов Старого Света, как в Азии, так и в Африке.

Самым крупным озером "котловины" является "Великое Соленое озеро", в последнее время так прославленное в истории мормонов, поскольку у его южного берега расположен главный город "Святых последних дней". Но в пределах Большого Бассейна есть и другие крупные озера, как пресные, так и соленые, - большинство из них совершенно не связаны с Большим Соленым озером, а некоторые имеют целую систему собственных вод. Здесь есть озера Юта и Гумбольдт, Уокерс и Пирамида, а также длинный список других, чьи названия совсем недавно были нанесены на карту многочисленными и очень умными исследователями, нанятыми правительством Соединенных Штатов.

Большие реки также протекают во всех направлениях через эту центральную пустыню, некоторые из них впадают в Большое Соленое озеро, как "Медвежья" река, "Вебер", "Юта" из озера Юта, - на котором стоит мормонская метрополия, - и какой поток был нелепо окрещен этими фанатиками свободной жизни как "Иордан?". Среди других рек - Тимпаногос, впадающий в озеро Юта; Гумбольдт, впадающий в озеро с таким же названием; Карсон; а также множество менее значимых.

Границы Большого бассейна достаточно четко определены. Его западная граница - *Сьерра-Невада*, или "снежный хребет" Калифорнии, а на востоке - Скалистые горы и горы Уосатч. Несколько поперечных хребтов и отрогов хребтов отделяют его от системы вод, впадающих на севере в реку Колумбия в Орегоне, а на южном краю проходит более неопределенный "водораздел" между ним и великой пустынной областью на западе "Колорадо". Строго говоря, пустыня Большого Бассейна может считаться лишь частью того огромного участка бесплодной и почти безлесной почвы, который простирается от мексиканского штата Сонора до верховьев Орегона; но пустыни Колорадо на юге и "развилки" Колумбии на севере обычно рассматриваются как отдельные территории; а Большой Бассейн, с уже установленными границами, считается самостоятельной страной. Поэтому мы рассмотрим его как отдельную страну.

Судя по названию, можно предположить, что Великий Бассейн - это низменная местность. Однако это далеко не так. Напротив, почти вся она представляет собой возвышенность, и даже ее озера лежат на высоте нескольких тысяч футов над уровнем моря. Только по "ободу", состоящему из еще более возвышенных горных хребтов, она может претендовать на то, чтобы считаться "бассейном"; но, действительно, это название, данное несколько спекулятивным исследователем Фремонтом, не очень подходит, поскольку более поздние исследования показывают, что этот обод во многих местах не является ни определенным, ни регулярным, - особенно на северной и южной сторонах, где "Великий бассейн", можно сказать, сильно потрескался и даже имеет несколько отколотых кусков от своего края.

Помимо горных цепей, которые его окружают, многие другие вдаются в него и пересекают его во всех направлениях. Некоторые из них являются отрогами основных хребтов, другие образуют "сьерры", как их называют испанцы, которые выделяются сами по себе. Эти сьерры имеют разную форму и высоту - от низменного хребта, скудно возвышающегося над равниной, до пиков и вершин высотой более десяти тысяч футов. Их формы столь же разнообразны, как и высота. Некоторые из них круглые или куполообразные; другие вздымают вверх маленькие башенки или "иглы"; третьи вздымаются в небо бесформенными массами, как будто они были брошены на землю и друг на друга в какой-то борьбе титанов, которые оставили их лежать в хаотическом беспорядке. Здесь можно наблюдать очень необычную форму гор, хотя она не свойственна этому региону, так как встречается в других

местах, за пределами Большого Бассейна, а также распространена во многих частях Африки. Это образование, известное у испанцев как *мезас*, или "столовые горы", и именно под этим названием оно выделяется среди колонистов Кейпа.

Уже упоминавшийся *Льяно Эстакадо* часто называют "мезой", но его высота незначительна по сравнению с горами-мезами, которые встречаются в регионах к западу от великой Скалистой цепи - как в бассейне, так и в пустынях Колорадо. Многие из них имеют большую высоту - они поднимаются на несколько тысяч футов над общим уровнем; их квадратные усеченные вершины, *похожие на столы*, придают ландшафту особый характер.

Характерная растительность Большого Бассейна очень похожа на растительность других центральных регионов Северо-Американского континента. Только у берегов рек и некоторых пресноводных озер есть признаки плодородной почвы, и даже в этих местах древесина обычно скудная и чахлая. Конечно, есть участки, которые являются исключительными, - оазисы, как их называют в географии. К ним относится страна мормонов на реке Иордан, их поселения на реках Юта и Медвежья, в долинах Туилла и Огден, а также в других, более отдаленных местах. Есть также изолированные участки на берегах мелких ручьев и на берегах озер, которые еще не "освоены" колонистами; их посещают только исконные обитатели пустыни, краснокожие аборигены. В этих оазисах обычно растут тополиные деревья нескольких разных видов, один или другой из которых характерен для растительности почти всех ручьев от Миссисипи до гор Калифорнии.

Также встречаются ивы многих видов, а время от времени - дубы, вязы, клены и платаны в чахлах формах. Но все эти виды очень редко встречаются в пределах пустыни. На горах, а чаще в горных ущельях, растут сосны многих видов - некоторые из них дают съедобные шишки - в таком количестве, что заслуживают названия лесов, большей или меньшей протяженности. Среди них или отдельно от них можно выделить темную листву кедра (*Juniperus*) нескольких сортов, отличного от *можжевельника виргинского* (*Juniperus virginiana*) в Штатах.

Засушливые равнины, как правило, лишены подобия растительности. Если на них и появляется какая-либо растительность, то она носит характер уже описанного "чапаралья"; главным ее представителем является "торнилла", или "винтовое дерево", и другие разновидности *мезкита*; все они являются представителями обширного порядка *бобовых* (*Leguminosae*) и принадлежат к нескольким родам *акаций*, *мимоз* и *робиний*. Во многих местах встречаются *кактусы* бесконечного разнообразия форм, а некоторые, такие как "питахайя" (*cereus giganteus*), "древовидные" и "кохиновые" кактусы (*опунции*), - гигантских размеров. Они, однако, достигают своего полного размера только в регионах южнее, в пустынях Колорадо и Гила, где также произрастают "древовидные юкки", занимающие большие площади и представляющие собой леса из пальм.

Пожалуй, самая характерная растительность Большого Бассейна - если, конечно, она заслуживает названия растительности - это дикий шалфей, или *артемизия*. Этим растением покрыты обширные равнины, насколько хватает глаз; они не имеют зеленого оттенка, как травянистые прерии, а представляют собой однородный серовато-белый аспект, такой же монотонный, как если бы на земле не было ни одного листа, покрывающего ее. Вместо того чтобы радовать глаз путешественника, полынь скорее усугубляет унылость пустынного пейзажа, ведь ее присутствие не сулит ни еды человеку, ни лошади, ни воды для питья, а указывает на отсутствие того и другого. Ее можно увидеть и на склонах холмов, вдоль откосов сьерр, украшающих темные вулканические породы своими инеистыми зарослями.

Более одного вида этого дикого шалфея встречается по всей американской пустыне: есть четыре или пять видов, очень сильно отличающихся друг от друга и известных трапперам под такими названиями, как "полынь", "жирный куст", "вонючее растение" и "кроличий куст". Некоторые из видов достигают значительной высоты - их верхушки часто возвышаются над головой путешественника на лошади, - в то время как другой вид едва достигает колена пешехода.

В некоторых местах равнины так густо покрыты этой растительностью, что через них трудно пробраться ни человеку, ни лошади, - сплетенные и кривые ветви вплетаются друг в друга, образуя непроницаемый плетень. В других местах, особенно там, где растут крупные виды, растения стоят отдельно, как яблони во фруктовом саду, и имеют большое сходство с кустарниками или небольшими деревьями.

И человек, и лошадь отказываются от полыни как от пищи, и менее привередливый мул тоже. Даже осел не станет ее есть. Однако есть животные - и птицы, и звери, как будет показано далее, - которые с удовольствием едят шалфей; и не только едят, но и питаются почти исключительно его стеблями, листьями и ягодами.

Жители пустыни Большого Бассейна - я имею в виду ее обитателей-людей - относятся к двум большим семействам аборигенной расы: *ютам* и *змеям*, или *шошонам*. О белых жителях - мормонах и поселенцах-ловушечниках - нам здесь нечего сказать. Как и о вышеупомянутых индейцах - ютах и змеях. Для нашей цели будет достаточно сказать, что эти два племени отличаются друг от друга, - что существует множество общин или подплемен обоих, - что каждое из них претендует на владение большим участком центральной области, лежащей между Скалистыми горами и Сьерра-Невадой, и что их границы не совпадают с границами Большого Бассейна, поскольку ареал Змеев простирается на север до Орегона, а ареал Ютахов - на юг до долины Рио-дель-Норте. Кроме того, и те, и другие владеют лошадьми, причем у ютахов их большое количество, и те, и другие - бродячие и хищные, такие же злые и воинственные, как и все их краснокожие собратья.

Они также хорошо устроены в мире, как и большинство индейцев; но есть много степеней в их "цивилизованности", или, скорее, в удобствах их жизни, в зависимости от ситуации, в которой они могут оказаться. Если они живут у хорошего "лососевого потока" или среди скалистых горных "парков", изобилующих дичью, им удастся провести часть года в роскошном изобилии. В других местах, однако, и в другое время их существование достаточно неприятно, часто граничащее с настоящим голодом.

Можно также отметить, что юты и змеи обычно занимают более крупные и плодородные оазисы пустыни - везде, где можно найти участок достаточного размера для существования сообщества. С этим замечанием я оставляю оба этих племени в стороне, ибо не о них идет речь в нашем очерке.

Он предназначен для гораздо *более странного* народа, чем оба, - для *ямпарико*, или "копателей корней"; описав их страну, я перейду к рассказу о них самих.

Здесь необходимо отметить, что название "диггеры" в последнее время применяется очень неправильно, причем не только поселенцами Калифорнии, но и некоторыми офицерами-исследователями правительства Соединенных Штатов. Каждое племя или община по всей пустыне, находящаяся в состоянии особой нищеты, была названа так; а один ученый этнолог (!), пишущий в газете "Экзаминер", серьезно объясняет это название, выводя его от золотоискателей Калифорнии! Эта "выдумка" лондонского редактора - явная нелепость, поскольку индейцы диггеров были названы так задолго до того, как первый золотоискатель

Калифорнии вонзил лопату в землю. Это название имеет "трапперское" происхождение; оно было дано этим людям в результате наблюдения за одним из их самых распространенных занятий - *копанием корней*, которые составляют существенную часть их пропитания. Термин "ямпарико" происходит из испанского источника и имеет очень похожее значение на "копатель корней". Дословно это "ямп-ротер" или "поедатель корней ямпы", так как корень ямпы (*anethum graveolens*) является их любимой пищей. Настоящие "диггеры" не встречаются в Калифорнии к западу от Сьерра-Невады, хотя некоторые племена плохо используемых индейцев в этом районе называются этим именем. Их местом обитания являются большие пустыни, простирающиеся между Невадой и Скалистыми горами; их границы более или менее совпадают с границами Шошонов или Змеев и Ютахов, от обоих племен которых они, как предполагается, являются своего рода изгоями. Однако эта гипотеза опирается лишь на незначительное основание: некоторое сходство в привычках и языке, что является весьма неопределенным *критерием*, когда два народа живут в одних и тех же границах, как, например, белые и негры в Виргинии. На самом деле, язык диггеров едва ли можно назвать языком вообще: это своего рода тарабарщина, похожая на рычание собаки, одобренная обширным словарем знаков и, возможно, местами странными словами из языка шошони или юта, - не исключено, что привнесенными в результате связи диггеров с этими вышеупомянутыми племенами.

В западной и южной части Большого Бассейна диггеры существуют под именем *пайютов*, или, правильнее, *пах-утах*, - так их называют из-за предполагаемого родства с племенем юта. В некоторых отношениях пах-утах отличаются от шошоки, или змеиных копателей, хотя в большинстве своих характерных привычек они очень похожи друг на друга. Не будет никакой аномалии, если рассматривать их как один народ; ведь по внешнему виду и жизненным привычкам пах-ута и шошоки - это национальное прозвище ямпоедов - похожи друг на друга как *яйца*. Однако здесь мы будем говорить главным образом о шошоки, оставляя за собой право полагать, что их соседи "пайюты" в равной степени отвечают этому описанию.

Хотя шошоки, как уже отмечалось, живут в тех же пределах, что и их предполагаемые родственники шошоны, они редко или никогда не общаются с последними. Напротив, они держатся в стороне от их пути, заселяя только те районы страны, где не могут жить более крупные общины шошони. Самый маленький оазис или самый крошечный ручеек дает все необходимое плодородие для содержания семьи диггеров; и редко можно встретить этих людей, живущих более чем одной, или, самое большее, двумя или тремя семьями вместе. Сама необходимость их положения исключает возможность более широкого объединения; ведь в пустынях, где они обитают, ни земля, ни воздух, ни вода не дают достаточного количества пищи, чтобы прокормить даже самое маленькое "племя". Поэтому индейцы диггеров живут не племенами, а отдельными семьями или небольшими группами по два-три человека - не в больших и плодородных долинах, а в маленьких и уединенных; посреди шалфейных равнин или чаще в скалистых дефиле гор, которые густо возвышаются над "бассейном".

Шошоки не *кочевники*, а совсем наоборот. Одинокая и изолированная гора часто является местом обитания его группы или семьи, и дальше этого места его скитания не простираются. Там он чувствует себя как дома, знает каждый уголок и крысиную нору в своем районе, но так же невежественен в отношении мира за его пределами, как и сами "песчаные крысы", чьи поиски занимают большую часть его времени.

В том, что касается "оседлого" образа жизни, *шошоки* представляют собой разительный контраст с *шошони*. Многие из последних - индейцы благородного типа, воины, приручившие лошадь и совершающие охотничьи и враждебные вылазки в самое сердце

Скалистых гор, по их плодородным долинам и через их великолепные "парки", нередко принося с собой скальпы дикарей и неукротимых блэкфитов.

Совсем другой характер у жалкого Шошоки, всего лишь подобие человека, который редко выходит из оврага, в котором он появился на свет; и, который при виде человеческого лица - будь то друг или враг - бежит в свою пещеру, как загнанный зверь!

Однако диггеры Пах-Ута отличаются более воинственным нравом, или, скорее, более злобным и враждебным, - враждебным по отношению к белым или даже к другим индейцам, которым доведется путешествовать по пустыням, где они обитают. Эти люди рассеяны по всей южной и юго-западной части Большого Бассейна, а также в северо-западной части пустыни Колорадо, особенно в районе реки Севьер и на нескольких притоках великой Колорадо на западе. Именно через эту часть страны караваны из Калифорнии в Нью-Мексико совершали свои ежегодные "путешествия" - задолго до того, как Альта-Калифорния стала владением Соединенных Штатов, - и маршрут, по которому они путешествовали, известен как *Испанская тропа*. Целью этих караванов был ввоз лошадей, мулов и других животных из плодородных долин рек Сан-Хоакин и Сакраменто в более бесплодные поселения Нью-Мексико. В эти внутренние страны также везли несколько видов товаров.

Испанская тропа пролежала далеко не по прямой линии. Песчаные, безводные равнины, более известные как пустыня Колорадо, не могли быть пересечены безопасно, и караванный путь был вынужден уйти далеко на север и вошел в пределы Большого Бассейна, таким образом, пройдя через округ, населенный диггерами Пах-Ута. В результате эти дикари ежегодно следили за прибытием каравана и при каждом удобном случае угоняли сопровождавших его животных или убивали тех, кто отбивался от основной массы. Задавшись такой целью, диггеры на время отбрасывали свои одиночные привычки, собирались в большие группы по несколько сотен человек и следовали за караваном, как волки по следу банды бизонов. Они никогда не нападали на основную массу или когда белые люди были в значительном числе. Лишь небольшим группам, которые отставали или слишком опрометчиво шли вперед, приходилось опасаться этих безжалостных мародеров, которые и не думали о пленниках, а убивали без разбора всех, кто попадал им в руки. Когда захватывали лошадей или мулов, то никогда не делали этого с намерением оставить их себе, чтобы ездить на них. Пах-утахи почти никогда не используют лошадь в таких целях. Только для еды их крали или грабили у своих хозяев; а когда такая добыча была получена, животных отгоняли в какое-нибудь отдаленное дефиле среди гор и там забивали на месте. Пока на костях оставался хоть кусочек лошадиной или муловой плоти, диггеры устраивали пиршества и веселье, в точности похожие на *карнавалы* африканских бушменов после удачного набега на скот голландских поселенцев у мыса. Действительно, между бушменами Африки и индейцами диггеров Северной Америки существует такое поразительное сходство, что, если бы не расовые различия и некоторые незначительные различия во внешности, их можно было бы принять за один народ. Почти во всех привычках и обычаях эти два народа похожи друг на друга, а по многим психическим характеристикам они кажутся действительно идентичными.

Диггеры Пах-Ута еще не отбросили свои враждебные и хищнические привычки. В настоящее время они совершают грабительские набеги, ведя себя по отношению к эмигрантским поездкам калифорнийских искателей приключений так же, как они вели себя по отношению к испанским караванам. Но обычно они встречают совсем другой прием, чем более смелые саксонские путешественники, которые составляют "поезда", пересекающие их страну; и нередко наградой за их дерзость становится страшное наказание. При всем том многие эмигранты, имевшие неосторожность путешествовать небольшими группами, пострадали от

их рук, потеряв не только имущество, но и жизнь; сотни самых храбрых мужчин пали от стрел этих ничтожных дикарей! Даже исследовательские партии правительства Соединенных Штатов, сопровождаемые войсками, подвергались их нападению; и не один офицер пал жертвой их измаильских наклонностей.

Страх перед ними возникает не в открытой войне. Самая маленькая группа белых может не опасаться столкнуться с сотней таких людей сразу; но они нападают исподтишка, под покровом ночи, и, как только им удастся отделить лошадей или других животных от лагеря путешественников, они уводят их так ловко, что преследование становится невозможным. Если был нанесен серьезный удар - убит путник - все они исчезают как по волшебству, и в течение нескольких дней после этого не видно ни одного, кому можно было бы отомстить. Многочисленные "дымы", поднимающиеся из скалистых дефиле гор, являются единственным свидетельством того, что поблизости от лагеря путешественников находятся люди.

Диггер отличается от других североамериканских индейцев как физической организацией, так и интеллектуальным складом характера. Он настолько низок в шкале того и другого, что оспаривает с африканским бушменом, жителем Андаманских островов и голодающим дикарем Огненной Земли право на ту точку перехода, которая, как предполагается, отделяет обезьяну от человека. Этнологи по-разному оценивали эту точку, и у меня, как у одного из них, были сомнения, кто из троих заслуживает этого отличия. Однако по зрелом размышлении я пришел к выводу, что диггер имеет на это право.

Это жалкое создание имеет темно-коричневый или медный цвет кожи, который, как известно, характерен для американских аборигенов. Его рост составляет около пяти футов - часто ниже, но редко превышает этот стандарт, - а тело худое и скудное, напоминающее лягушку, нанизанную на рыболовный крючок. Кожа, покрывающая его, особенно у старого диггера, морщинистая и гофрированная, как шкура азиатского носорога, а поверхность сухая, как пересохшая шкура. Его ступни, вывернутые в пальцах, - как и у всех аборигенов Америки, - имеют некоторое сходство с человеческими ногами; но на ногах это сходство заканчивается. Нижние конечности почти лишены икр, а коленные чашечки огромных размеров напоминают пару подушечек или мозолей, как у козлов и антилоп. Лицо широкое и угловатое, с высокими скулами; глаза маленькие, черные, впалые, сверкают в своих впалых глазницах не истинным умом, а той живостью, которую часто можно наблюдать у низших животных, особенно у некоторых видов обезьян. Во всем физическом облике диггера есть только одна вещь, которая кажется роскошной, - это его волосы. Как и все индейцы, он достаточно обеспечен в этом отношении, и длинные черные локоны, иногда потемневшие от солнца и покрытые грязью или другими нечистотами, свисают на его обнаженные плечи. Как правило, он их подстригает.

В летние месяцы костюм диггера предельно прост - по образцу того, что носили наши общие родители, Адам и Ева. Зимой, однако, климат его пустынного дома суров до крайности: горы над головой и равнины под ногами часто покрыты снегом. В это время ему требуется одежда, которая укрывала бы его тело от пронизывающего ветра; ее он получает, сшивая вместе несколько шкур шалфея, чтобы получилась своего рода рубашка или нательное пальто. Он не всегда достаточно богат, чтобы иметь даже хорошее пальто из этого простого материала, и его скудная юбка слишком часто выставляет его морщинистые конечности на пронизывающий мороз.

Между диггером и его женой, или "скво", нет особой разницы ни в костюме, ни в характере. Последнюю можно отличить скорее по меньшему росту, чем по каким-либо женским

достоинствам в ее физическом или интеллектуальном развитии. Ее можно узнать, наблюдая за работой семьи, ведь именно она выполняет почти всю работу, шьет рубашки из кроличьей кожи, копает корни "ямпы" и "камаса", собирает стручки "мезкита" и собирает в кладовую "прерийных сверчков". Хотя по уровню цивилизации диггер стоит ниже всех американских индейцев, в этом он похож на них всех: он считает себя господином и хозяином, а женщину - своей рабыней.

Как уже отмечалось, у диггеров нет такого понятия, как племя, - ничего похожего на политическую организацию; и вождь их жалкого маленького сообщества - а иногда и глава - это только тот, кого больше всего уважают за его силу. Действительно, природа их страны не позволяет им жить вместе в большом количестве. Маленькие долины или "оазисы", которые встречаются через определенные промежутки времени вдоль берегов какого-нибудь одинокого пустынного ручья, не смогли бы обеспечить пропитание более чем нескольким людям, особенно дикарям, не знающим земледелия, то есть не умеющим *сажать* и *сеять*. Диггеры, однако, если и не знают, как *сеять*, то, можно сказать, кое-что понимают в том, как *жать*, поскольку *выкапывание корней* - одно из их самых необходимых занятий, от которого они и получили свое отличительное название на языке трапперов.

Не будучи земледельцами, вы, естественно, сделаете вывод, что это либо пастушеский народ, либо нация охотников. Но на самом деле они не являются ни теми, ни другими. У них нет ни одного домашнего животного, многие из них не имеют даже универсальной собаки; что касается охоты, то в их стране нет крупной дичи. Буйвол не водится так далеко на западе, а если бы и водился, то вряд ли они смогли бы убить или поймать столь грозное существо; а антилопа с зубчатым рогом, которая обитает на их равнинах, вообще слишком быстрое существо, чтобы его можно было взять любыми хитростями, которые могут придумать диггеры. Большой рог, черный и белохвостый олени также слишком пугливы и проворны для их ничтожного оружия, а что касается медведя гризли, то одного его вида достаточно, чтобы у индейца диггеров побежали мурашки.

Если же они не возделывают землю, не разводят животных и не живут охотой, то как же эти люди добывают себе пропитание? Ответ на этот вопрос представляется дилеммой, поскольку, как уже было сказано, в их стране произрастает лишь дикое и бесполезное растение шалфей.

Если бы речь шла об индейце из тропической Америки или уроженце прекрасных островов великого Южного моря, не возникло бы никаких трудностей с его пропитанием, даже если бы он не сажал и не сеял, не ухаживал за скотом и не занимался охотой. В этих регионах с пышной растительностью природа была щедра к своим детям, и можно почти буквально утверждать, что буханка хлеба вырастает на дереве самопроизвольно. Но в стране индейцев-копателей все обстоит с точностью до наоборот. Даже рука земледельца не смогла бы собрать урожай с бесплодной почвы; и природа не дала ни одного предмета, который заслуживал бы названия пищи.

Возможно, вам покажется, что диггер - рыбак и добывает себе пропитание в ручье, на берегу которого он устроил свое жилище. Но даже это ему не позволено. Правда, его предполагаемые сородичи, шошоны, иногда занимаются рыболовством на берегах Великой Змеиной реки, которая в определенные времена года кишит прекраснейшим лососем; но бедный диггер не имеет доли в добыче. Ручьи, пересекающие его пустынный дом, сбрасывают свои воды в пресное лоно Великого Соленого озера - настоящего *Мертвого моря*, где ни лосось, ни какая-либо другая рыба не может жить ни мгновения.

Как же диггер добывает себе пищу? Является ли он производителем - и поневоле торговцем, - который обменивает у другого племени свои промышленные товары на провизию и "сырье"? Ничего подобного. Меньше всего он похож на производителя. Рубашка из заячьей шкуры - его высшее достижение в области текстиля; а его бедный слабый лук и стрелы с кремневыми наконечниками - единственные инструменты, которые он способен изготовить. Иногда он даже обходится без этого оружия; его можно увидеть с другим - длинной палкой с крюком на одном конце, причем сам крюк представляет собой обрубок срубленной ветки с естественным наклоном к тому месту, которое образует палка. Предмет и назначение этого простого оружия мы сейчас опишем.

Жену землекопа можно увидеть с оружием, столь же простым по своей конструкции. Это тоже палка, но гораздо более короткая, заостренная с одного конца и имеющая некоторое сходство с садовым "чубуком". Иногда ее оканчивают рогом, если его удастся достать, но в противном случае твердое острие получается путем прокалывания в огне. По сути, этот инструмент является орудием земледелия, как будет показано далее.

Теперь давайте проясним загадку и объясним, как копатель содержит себя. В конце концов, загадок не так уж много. Хотя, как уже говорилось, в его стране не производят ничего, что можно было бы назвать *пищей*, все же в пределах его досягаемости есть несколько предметов, на которые человек *может* прокормиться, то есть сохранить тело и душу. Одним из таких продуктов является боб, или бобовое дерево "мезкит", которых много в пустыне. Они известны испанским американцам как деревья *альгаробии*; в южных районах пустыни они вырастают до значительных размеров, часто достигая двадцати-двадцати пяти футов в высоту.

Они производят крупное бобовое растение, наполненное семенами и мякотью сладковато-кислого вкуса, похожей на медовую саранку. Эти бобы в больших количествах собирают скво диггера, складывая их в плетеные из травы корзины, а иногда и просто в кучу в углу его пещеры или лачуги, если таковая у него имеется. Если это так, то это просто плетень из полыни, сплетенный из травы и "подбитый" травой.

Семена мезкита, таким образом, являются *хлебом* для диггера, но, несмотря на плохое качество, поставки часто отстают от потребностей его голодного желудка. Из овощей у него есть корень "ямпы", зонтичного растения, которое растет по берегам ручьев. Этот и другой вид, известный как "камас" или "квамаш" (*Camassia esculenta*), - спонтанное производство, и копание этих корней в определенное время года является основным занятием женщин. Уже описанный инструмент, похожий на чубук, - *это копалка для корней*. Упомянутые здесь корни, прежде чем быть съеденными, должны пройти процесс приготовления. Ямпа варится очень изобретательным способом; но эта изобретательность не является родной для шошоки, а была перенята у их более умных сородичей, змей. Горшок у них *деревянный*, но в нем можно сварить мясо или приготовить суп, если захочется! Более того, это всего лишь корзина, простой плетеный сосуд! Как же в нем можно варить воду? Если бы вам еще не рассказали, как это делается, вы бы, несомненно, озадачились этим вопросом.

Но, скорее всего, вы читали о похожем сосуде у индейцев чиппева, особенно у племени, известного как "ассинебойны", или каменные котлы, которые варят свою рыбу или мясо в горшках из бересты. Выражение "*каменные котлы*" подскажет вам, как преодолевается эта трудность. Берестяной горшок не ставят на огонь, а нагревают и бросают в него камни, разумеется, уже наполненные водой. Раскаленные камни вскоре заставляют воду кипеть, и в нее добавляют новые, пока она не закипит, а мясо не будет достаточно прожарено. Именно

таким способом "Змеи" готовят лосося и оленя - их плетеные горшки имеют такую плотную структуру, что даже вода не может пройти через их промежутки.

Однако не так часто диггер оказывается достаточно богат, чтобы иметь один из этих плетеных горшков, а когда он его имеет, то зачастую ему нечего в него положить.

Корни *камаса* обычно запекают в яме, вырытой в земле, и нагревают камнями, взятыми из костра. Чтобы испечь их как следует, требуется почти два дня, а когда их вынимают из "печи", масса сильно напоминает мягкий клей или размер, и имеет сладкий и довольно приятный вкус, похожий на вкус печеных груш или айвы.

Я еще не описал весь рацион диггера. Если бы он полностью зависел от уже упомянутых корней и семян, ему пришлось бы часто голодать, - а в действительности он часто голодает, - потому что даже с дополнительными запасами, которыми его скудно снабжает бесплодная почва, он часто становится жертвой голода.

Бывает, что сезон мезкита не удастся, и медведи - такие же хитрые "копатели", как и он, - иногда уничтожают его "плантации" ямпы и камаса. Однако он находит спасение в прерийном сверчке - насекомом или рептилии из рода *гриллу*сов, темно-коричневого цвета и больше похожем на жука, чем на любого другого гусеничного зверька. В определенное время года они появляются на пустынных равнинах, причем в таком количестве, что кажется, будто земля жива. В последние годы родственный вид стал знаменит благодаря тому, что огромное их количество посетило плантации мормонов, где, как помнится, они опустошали посевы, подобно саранче в Африке, вызывая очень сильный голод среди этих изолированных людей. Следует также помнить, что стаи белых птиц следовали за передвижениями этой американской саранчи, охотясь на нее и прореживая ее многочисленное скопление.

Эти птицы относятся к роду чаек (*Larus*) и являются одними из самых красивых представителей рода. Они часто посещают берега и острова рек в *прериях*, питаясь в основном насекомыми, которые водятся поблизости от их вод. Вполне естественно, что они следуют за саранчой, или "кузнечиками", как их называют мормоны; но *псевдопророк* этих заблуждающихся людей не мог упустить такую прекрасную возможность доказать свое божественное вдохновение, что он и сделал, дерзко заявив, что эти птицы "рождены небесами" и посланы Всевышним (в ответ на молитву пророка), чтобы избавить страну от вредителя - кузнечиков!

Эти прерийные сверчки темно-коричневого цвета, не похожие на африканских *gryllus migratorius*, и с очень похожими повадками. Когда они густо селятся на земле, вся поверхность приобретает темноватый оттенок, как будто покрыта крапом; а когда они все в движении - ползают туда-сюда в поисках пищи, - получается очень необычный эффект. В это время они не взмахивают крыльями, хотя и пытаются убраться с дороги, перепрыгивая с места на место и ползая с большой скоростью. Несмотря на их попытки спастись, сотни из них "раздавливаются" под ногами пешехода или копытами лошади путешественника.

Эти сверчки, а также несколько насекомых разных видов, похожих на жуков, служат для диггеров важной пищей. Они могут показаться странным продуктом для человеческого желудка, но в этом нет ничего противоестественного, не более чем в поедании креветок или креветок; следует помнить, что бушмены и многие другие племена Южной Африки едят *gryllus migratorius*, а в северной части того же континента многие народы считают их подходящим продуктом питания. Хотя некоторые авторы утверждают, что святой Иоанн Креститель в пустыне ел именно ботву саранчи (акации), легко доказать, что это не так. То,

что его пищей была саранча (*gryllus migratorius*) и дикий мед, строго и буквально верно; и в наши дни, если бы вы посетили "пустыню", упомянутую апостолом, вы могли бы увидеть людей, живущих на "саранче и диком меде", как и восемнадцать сотен лет назад.

Диггеры *готовят* своих сверчков иногда путем варки в вышеупомянутых горшках, а иногда - путем "жарки". Они также смешивают их с семенами и мякотью мезкита - все это образует своего рода сливовый пудинг, или "сверчковый паштет", или, как его шутливо называют трапперы, "сверчковый торт".

Их способ сбора кузнечиков не лишен некоторой изобретательности. Когда насекомые водятся в изобилии, добыть их не составляет особого труда, но так бывает не всегда. Иногда они появляются на равнинах очень редко, и, будучи проворными в своих движениях, их нелегко поймать. За один раз можно взять только одного, и, собирая таким образом, можно получить очень ограниченный запас. Чтобы решить эту проблему, диггеры придумали довольно хитроумное приспособление для оптовой ловли кузнечиков, которое осуществляется следующим образом: когда местонахождение кузнечиков обнаружено, в центре равнины выкапывается круглая яма диаметром три или четыре фута и примерно такой же глубины. По форме она напоминает печь, а земля, которую из нее достали, выносятся за ее пределы.

Затем все диггеры - мужчины, женщины и дети - становятся в широкий круг, охватывая столько места, сколько позволяет их численность. Каждый вооружен палкой, которой он бьет по кустам шалфея и делает другие яростные демонстрации: цель - напугать кузнечиков и заставить их двигаться внутрь к вырытой яме. Насекомые, оказавшиеся в таком положении, движутся по указанию, постепенно приближаясь к центру, а "бьющие" следуют по кругу, постоянно уменьшающемуся в окружности. Через некоторое время сверчки, до этого разбросанные по равнине, становятся все более многочисленными, по мере того как пространство сжимается; в конце концов поверхность покрывается черным шевелящимся роем, а колотушки, продолжая давить на них и подгонять их, заставляют все тело переваливаться через края ямы.

На них набрасывают пучки травы, которые уже были заготовлены, затем несколько горстей земли или песка, а затем - ужаснее не придумаешь - сверху наваливают большую кучу стеблей полыни и поджигают! В результате через несколько минут бедные кузнечики оказываются зажаренными до смерти и одновременно пересушенными, чтобы быть готовыми к употреблению в пищу, когда *остатки* костра будут убраны.

Прерийный сверчок - не единственное *мясное* изделие, которое можно найти в кладовой диггера. Еще одно животное изредка поставляет ему пищу. Это "шалфейный заяц", известный охотникам как "шалфейный кролик", а натуралистам как *lepus artemisia*. Это очень маленькое животное, меньше обычного кролика, хотя на самом деле это настоящий заяц. Он серебристого или беловато-серого цвета, что соответствует оттенку кустов *полыни*, на стеблях и ягодах которых он питается.

Именно из шкур этого животного женщины диггеров изготавливают уже описанные рубашки из кроличьей кожи. Мясо этого животного не очень приятно для европейского вкуса, даже с добавлением лука, так как оно обладает ароматом шалфея в такой степени, что горько, как сама полынь. Лук с ним не почувствуешь! Но вкусы у всех разные, а у диггеров мякоть шалфея считается одним из самых приятных деликатесов. Поэтому он охотится на него с величайшим усердием, и погоня за этим незначительным животным для диггера - то же самое, что охота на оленя, слона или кабана для охотников с более притязательными амбициями.

С помощью лука и стрел ему часто удается убить одного зайца, но это не всегда так просто, поскольку заяц-беяк, как и все ему подобные, пуглив, быстр и хитер. Его окрас, очень похожий на цвет листьев полыни, служит ему надежной защитой, и он может прятаться среди этих кустов, где они растут густо - как это обычно бывает - над поверхностью земли.

Но диггер не довольствуется тем скудным и неопределенным запасом, который ему позволяют добыть его слабый лук и стрелы. Как и в случае с кузнечиками, он придумал план оптового захвата шалфеев.

Для этого он делает "окружение" и загоняет животных не в *яму*, а в *загон*. Загон строится примерно так же, как у чиппева и других северных индейцев для отлова стад северных оленей; другими словами, это загон, в который входит узкое устье, из *пасти* которого на равнину выносятся два забора в постепенно расходящемся направлении. Для оленей и других крупных животных ограды загона, а также воронки, ведущей к нему, должны быть сделаны из крепких кольев, скрепленных между собой; но эта работа, равно как и древесина для ее сооружения, далеко не по карману диггеру. Его ограда состоит из простого плетня из стеблей и веток полыни, вплетенных в ряд уже стоящих, с местами грубыми сетками, сделанными из корней и травы. Высота не превышает трех футов, и заяц-белохвост мог бы легко перемахнуть через нее; но это глупое создание, попав в "загон", никогда не думает смотреть вверх, а продолжает биться своим маленьким черепом о плетень, пока не будет либо "зарублен" диггером, либо насажен на одну из его обсидиановых стрел.

Другими четвероногими, составляющими часть пищи диггера, являются несколько видов сусликов, песчаных крыс, белок и сурков. Во многих частях Большого Бассейна эти мелкие грызуны обитают в расщелинах скал или устилают сухие равнины своими бесчисленными норами. Диггер ловит их разными способами. Один из способов - стрелять в них тупыми стрелами; но более успешный план - установить ловушку у входа в их земляные пещеры. Копатель использует для этой цели ловушку в виде четверки, которую он сооружает с изобретательностью, расставляя множество ловушек вокруг пещеры, и часто забирает до пятидесяти или шестидесяти "крыс" за один день!

В слишком холодную погоду, когда суслики не выходят из своих пещер, Копатель "копает" их: таким образом, он получает право на свое особое название.

Эта великолепная птица, "петух равнин", иногда поставляет Копателю "птицу" на ужин. Это птица семейства тетеревиных (*tetrao urophasianus*), самый крупный из известных видов, превосходящий по размерам знаменитого "лесного петуха" из Северной Европы. Полноценный равнинный петух по размерам не уступает орлу и, в отличие от большинства тетеревиных, имеет длинное, узкое тело. Его оперение серебристо-серого цвета с вкраплениями черного и белого, что, несомненно, дано ему природой, чтобы приспособить его к оттенку полыни, среди которой он обычно живет и ягоды которой обеспечивают ему большую часть его пищи.

Он примечателен двумя большими *зобовидными* припухлостями на груди, покрытыми вместо перьев своеобразной шерстью; но, хотя это красивая крупная птица, да и рябчик тоже, его мясо горькое и невкусное - даже больше, чем у зайца-беяка. Тем не менее для диггера это деликатес, причем редкий; ведь петухов на равнинах не так много, и их нелегко поймать, когда они попадают на глаза.

В стране диггеров обитает еще несколько мелких животных - как четвероногих, так и птиц, - которыми диггер иногда питается. Действительно, пища диггера достаточно разнообразна. Больше всего он жалуется не на качество, а на количество: при всей своей энергичности он

никогда не получает достаточно. Однако в летний сезон он менее скуден. Тогда созревают ягоды буйволиного куста, и их, похожих на смородину, он собирает в больших количествах, подкладывая под куст свою обертку из кроличьей шкуры и стряхивая спелые плоды в ливень. Меланж из прерийных сверчков и буйволиных ягод ценится Копателем не меньше, чем лучший образец "смородинового пирога" в любом питомнике христианства!

Копатель находит очень любопытный вид съедобных жуков, которые строят свои гнезда на уступах скал, особенно тех, что нависают над ручьем. Эти гнезда имеют коническую или сосново-яблочную форму и размером примерно с этот фрукт.

Этот жук, еще не классифицированный и не описанный энтомологами, темно-коричневого цвета, размером примерно с обычного таракана; в вареном виде он считается подходящим продуктом питания не только у непривередливых диггеров, но и у индейцев с более эпикурейским вкусом.

Помимо ямпы и камаса, в стране диггеров встречается еще несколько съедобных корней. Среди прочих можно упомянуть разновидность чертополоха (*cirsium virginianum*), корень которого вырастает до размеров обычной моркови и почти так же хорошо ароматизирован. Его нужно долго жарить или варить, прежде чем он будет достаточно приготовлен для употребления в пищу.

Куя - еще один продукт, который пользуется популярностью у диггерских гурманов. Это корень *валерианы* (*Valeriana edulis*). Он ярко-желтого цвета и вырастает до значительных размеров. Он имеет характерный запах известного растения, но не такой сильный, как у готового вещества *валерианы*. Само растение растет не в засушливой почве пустыни, а в богатых плодородных низовьях ручьев или по берегам болотистых озер - в компании с камасом и ямсом. Именно когда эти корни в сезон, шошони чаще всего посещают такие места; и, конечно, в это же время все остальные продукты питания диггеров достаточно изобильны - летом. Зимние месяцы для него - "тяжелое время".

В некоторых частях пустынной страны, как уже отмечалось, растут сосны со съедобными шишками, а точнее, съедобными семенами, которые содержат шишки. Эти семена похожи на орехи и по размеру напоминают обычные филберты.

Не один вид сосен дает такую пищу, но на языке испанских калифорнийцев и мексиканцев все они называются *пиньон*, а семена - просто *пиньоны*, или "пиньоны". Там, где они находятся в пределах досягаемости диггера, - а в некоторых районах это так, - он хорошо обеспечен; ведь пиньоны, когда их поджаривают, не только служат приятным и питательным продуктом, но и могут храниться в качестве зимнего запаса, причем храниться в течение значительного времени без опасности испортиться или зачерстветь.

Таков *комиссариат* индейца-копателя; и, несмотря на его низкое качество, бывают моменты, когда он не может получить достаточное количество продуктов. В такие моменты он прибегает к пище еще более низкого качества - к корням, мало пригодным для еды, и даже к семенам нескольких видов трав! Черви, личинки, *агама комута*, или "рогатая лягушка прерий", и другие виды ящериц становятся его единственным ресурсом; их поиском и ловлей он занимается с утра до ночи.

Именно в этом занятии он находит применение длинному саженцу с крючковатым концом - крюк используется для вытаскивания ящериц из расщелин в скалах, в которых они ищут убежище. При этом диггер проявляет ловкость, поражающую путешественника: часто он

"вытаскивает" рептилию из темной расщелины, в которой, как можно предположить, она нашла убежище, защищенное от посторонних глаз.

Можно было бы рассказать о многих других любопытных привычках этой жалкой и несчастной расы человеческих существ, но, пожалуй, и этого достаточно, чтобы обеспечить им место в списке наших "странных людей".

Глава четырнадцатая.

Гуараоны, или жители пальм.

Юный читатель, я могу считать само собой разумеющимся, что ты слышал о великой реке Ориноко - одной из крупнейших рек не только Южной Америки, но и всего мира. Чтобы войти в ее устье и подняться к истоку, вам придется проделать путь длиной около тысячи пятисот миль; но этот путь, далеко не прямой и не по прямой линии, будет проходить по спирали, очень похожей на цифру 6, вершина которой представляет собой устье реки. Другими словами, Ориноко, поднимаясь в неисследованных горах Испанской Гвианы, сначала течет на восток, а затем, постепенно поворачивая к каждой точке компаса, возвращается на восток и продолжает течь в этом направлении, пока не впадает своим могучим потоком в Атлантический океан.

Однако не одним устьем. Напротив, задолго до того, как Ориноко подходит к морю, ее русло разделяется на множество рукавов (или "каньос", как их называют на языке страны), каждый из которых, медленно извиваясь в своем русле, достигает берега отдельным устьем, или "бока". Таких каньос насчитывается около пятидесяти, охватывая своими разветвлениями "дельту" размером почти в половину Англии! Хотя все они получили отдельные названия, только три или четыре из них судоходны для судов значительных размеров; и, за исключением нескольких лоцманов, чья обязанность - проводить суда в главное русло реки, вся дельта Ориноко может рассматриваться как страна, еще не исследованная и почти неизвестная. То же самое можно было бы сказать и обо всей реке, если бы не великолепный памятник, оставленный великим путешественником фон Гумбольдтом, чье повествование об исследовании Ориноко является, вне всякого сравнения, лучшей книгой о путешествиях, до сих пор представленной миру. Именно ему мы в первую очередь обязаны своими знаниями об Ориноко, поскольку испанцы, которые более трех столетий бесспорно владели этим могучим потоком, не оставили нам ни строчки о нем, достойной упоминания или записи.

Прошло уже более полувека с момента публикации "Личного рассказа" Гумбольдта, и, как ни странно, за все это время к нашим знаниям об Ориноко не прибавилось ни одной детали, кроме того, что уже поведал нам этот ученый путешественник. Да и говорить-то особо не о чем: ведь с тех пор река практически не изменилась - ни в плане природы, ни в плане состояния человека. А те изменения, которые произошли, носят скорее ретроградный, чем прогрессивный характер. Сейчас, как и тогда, на берегах Ориноко мы наблюдаем вялую торговлю, характерную для упадка испано-американской расы, и угасающие усилия эгоистичного и фанатичного миссионерского рвения, чья хваленая цель "христианизации и цивилизации" закончилась лишь еще большим огрублением. После трех веков *заклятий* и колокольного звона краснокожий дикарь с Ориноко возвращается к поклонению богам своих предков - или вообще к отказу от поклонения, - и для этого отступления он может, пожалуй, назвать достаточную причину.

Простите меня, молодой читатель, за это отступление. Я не собираюсь обсуждать полемические отношения тех, кто населяет берега Ориноко, но хочу рассказать вам о весьма необычном народе, живущем вблизи ее устья, на многочисленных каносах, которые, как уже говорилось, составляют ее дельту. Это "гуараоны", племя индейцев, обычно рассматриваемое как ветвь семьи Великих Карибов, но образующее между собой общину в семь или восемь тысяч душ; они настолько отличаются от большинства других дикарей по своим привычкам и образу жизни, что вполне заслуживают названия "странный народ".

Ориноко, как и многие другие крупные реки, подвержена периодическому подъему и спаду; то есть раз в год река вздымается на большую высоту над своим обычным уровнем. Долгое время предполагалось, что вздутие или "наводнение" происходит из-за таяния снега на Кордильерах Анд, в горах которых берут свое начало некоторые притоки Ориноко. Однако эта гипотеза оказалась неверной, поскольку главный поток Ориноко не вытекает ни из Анд, ни из каких-либо других заснеженных гор, а берет свое начало, как уже говорилось, в *сьеррах* Гвианы. Поэтому истинной причиной его периодического подъема является огромное количество дождей, выпадающих в тропиках, а само оно обусловлено прохождением солнца через зону торридов, что также является причиной его периодичности или "ежегодности". Время, в которое выпадают эти дожди и вызывают

наводнения на Ориноко, настолько точно, что жители реки могут за несколько дней определить, когда начнется подъем и когда воды достигнут своего минимума!

Сезон наводнений почти соответствует нашему лету: подъем начинается в апреле, а максимальная высота реки достигается в августе, а минимум - в декабре. Высота, на которую поднимается Ориноко, по-разному оценивается путешественниками: одни утверждают, что она составляет почти сто футов, другие - что всего пятьдесят, а то и меньше! Причина такого расхождения может заключаться в том, что измерения проводились в разных точках, в каждой из которых фактическая высота, которой достигает поток, может быть больше или меньше, чем в других. Однако в любом одном месте подъем одинаков или почти одинаков в течение нескольких лет. Это доказывают наблюдения, проведенные в городе Ангостура - самом низком испанском поселении, имеющем какое-либо значение на Ориноко. Там, почти напротив города, посреди реки возвышается небольшой скалистый островок, вершина которого находится всего в пятидесяти футах над руслом реки, когда объем воды минимален. На вершине этой скалы растет одинокое дерево, и каждый год, когда вода полностью разливается, видно только это дерево - островок полностью уходит под воду. Благодаря этому обстоятельству островок получил название "Оринокометр", или измеритель Ориноко.

Указанный здесь подъем составляет около пятидесяти футов; но из этого не следует, что на всем своем протяжении река должна ежегодно подниматься на такую большую высоту. В действительности это не так.

У Ангостуры, как следует из названия, река *сужается* менее чем до половины своей обычной ширины, будучи заключенной между высокими берегами, упирающимися в ее русло. Выше и ниже она снова расширяется, и, несомненно, пропорционально этому расширению годовой подъем будет больше или меньше. На самом деле, во многих местах ширина потока уже не соответствует его обычному руслу, а, напротив, представляет собой огромный "фреш" или наводнение, охватывающее страну на сотни миль, - где затопляя огромные болота или травянистые равнины и скрывая их совсем, - где протекая среди лесов высоких деревьев, верхушки которых одни выступают над буйством вод! Эти наводнения особенно заметны в *дельте* реки Ориноко, где каждый год, в июле и августе, вся поверхность страны превращается в огромное пресноводное море: одни только верхушки деревьев возвышаются над потоком и возвещают о том, что на дне *есть суша*.

В это время года обычные каналы, или *каньос*, стираются, и навигация по ним становится трудной или невозможной, если бы не верхушки деревьев, которые, подобно "буйкам" и сигнальным знакам, служат лоцманам проводниками в запутанных лабиринтах "бокас дель Ориноко".

Именно это ежегодное затопление и полупогружение этих деревьев под воду привело к появлению особого народа, о котором мы сейчас расскажем, - гуараонов; или, скорее, следует сказать, что из этих причин возникли их странные привычки и образ жизни, которые дают им право считаться "странным народом".

Во время наводнения, если бы вы плыли по южному или главному каньону Ориноко, известному как "бока де навиос", или "устье корабля", и держали лицо на север, вы бы увидели необычное зрелище леса, растущего из воды! В некоторых местах вы увидите одиночные деревья, верхняя часть их прямых, безветвистых стволов вертикально поднимается над поверхностью, а венчают их около дюжины огромных веерообразных листьев, расходящихся от верхушек. В других местах вы увидите множество скопившихся вместе огромных листьев, которые, встречаясь, образуют тесные глыбы, или "водные рощи",

чей темно-зеленый цвет прекрасно контрастирует, отражаясь на сверкающей поверхности внизу.

Если бы была ночь, и ваш курс вел бы вас через один из небольших каносов в северной части дельты, вы бы увидели зрелище еще более необычное и труднообъяснимое; зрелище, которое поражало и почти пугало смелых мореплавателей, впервые решившихся исследовать эти запутанные берега. - Вы не только увидите лес, растущий из воды, но и высоко среди верхушек деревьев увидите пылающие костры - не сами деревья, как если бы лес был охвачен пламенем, - а регулярно разводимые костры, светящиеся, как из множества печей, и бросающие красные блики вверх на широкие зеленые листья и вниз на серебристую поверхность воды!

Если бы вы случайно оказались поблизости от этих костров, то увидели бы подвешенную над ними кухонную утварь; человеческие фигуры, как мужчин, так и женщин, сидящих или сидящих на корточках вокруг них; другие человеческие фигуры, мелькающие, как тени, среди верхушек деревьев; а внизу, на поверхности воды, целую флотилию каноэ (*периагуас*), прикрепленных швартовочными тросами к стволам деревьев. Все это удивит вас, как и первых мореплавателей, и, естественно, вы спросите, что это может означать. Костры, видимо, висающие в воздухе! Люди, передвигающиеся среди верхушек деревьев, разговаривающие, смеющиеся, жестикулирующие! Одним словом, ведущие себя так, как вели бы себя любые другие дикари, - ведь эти люди *и есть* дикари, - среди палаток своего лагеря или домов своей деревни. На самом деле это деревня, на которую вы смотрите, - деревня, подвешенная в воздухе, - деревня индейцев гуараон!

Давайте подойдем поближе, попробуем в эту водную деревню - ведь входить в нее не всегда безопасно, разве что тайком - и посмотрим, как устроены ее необычные жилища, а также каким образом их обитатели добывают себе пропитание. Деревня, которую мы наблюдаем, находится сейчас - в период затопления - почти в ста милях от берега или любой сухой земли: пройдут месяцы, прежде чем воды спадут; и даже тогда местность вокруг будет больше похожа на трясину, чем на твердую почву; непроходимая для любого человека - хотя и не для гуараона, как мы вскоре увидим. Правда, каноэ, о которых уже говорилось, могут позволить их владельцам достичь твердых берегов за пределами дельты; иногда они так и делают; но это слишком долгое и трудное путешествие, чтобы совершать его часто, - как и снабжение пищей и другими повседневными потребностями, - и не для этого держат каноэ. Нет: эти гуараоны посещают землю лишь время от времени, и то для торговли с частью своих и других племен, которые там обитают; но постоянно они живут в зоне затопленных лесов, где они независимы не только от иностранной агрессии, но и от снабжения всем необходимым для жизни. В этих лесах, независимо от того, затоплены они или нет, они приобретают все, в чем нуждаются, - они находят там, выражаясь старомодным языком, "мясо, питье, стирку и ночлег". Другими словами: если бы затопление продолжалось вечно и гуараонам было бы полностью запрещено общаться с сушей, они все равно могли бы найти пропитание в этом доме на воде.

Откуда же у них средства к существованию? Несомненно, вы скажете, что они питаются рыбой, и, конечно же, пьют ее в изобилии, но это не совсем верное объяснение. Правда, они едят рыбу, черепаху и мясо *ламантина*, или "рыбьей коровы", поскольку ловля этих водных существ - одно из главных занятий гуараонов, но иногда они совсем лишены такой пищи, поскольку, надо заметить, в период наводнений рыбу поймать нелегко, а иногда и вовсе невозможно. В такое время гуараоны голодали бы, поскольку, как и все другие дикари, они скупы, если бы не необычный регион, в котором они живут, снабжал их другой пищей - неисчерпаемой.

Что же это за пища и откуда она берется? Вас вряд ли удивит, что это плоды уже упомянутых деревьев; но, возможно, вы сочтете необычным, когда я скажу вам, что все деревья этого великого *водного леса* - одного вида, все одного вида, так что здесь мы имеем замечательный факт одного вида растений, растущих без ухода или культивации и обеспечивающих все потребности человека - его пищу, одежду, топливо, утварь, веревки, дома и лодки, не считая даже питья, как будет показано далее.

Как называется это удивительное дерево? Гуараоны называют его "ита", хотя среди испанских жителей Ориноко оно более известно под названием "мори́чи"; но я расскажу о нем моему юному читателю, из которого он узнает нечто большее, чем его название.

Ита - это настоящая пальма, принадлежащая к роду *мауриция*; и я могу заметить, что, несмотря на звуковое сходство, название рода не происходит от слов "мори́чи", "мури́чи" или "мури́ти", которые являются различными индейскими названиями этого дерева. *Mauritia* - это просто латинизированное обозначение, заимствованное из имени принца Мориса Нассауского, в честь которого и был назван род. Сходство, таким образом, чисто случайное. Я могу добавить, что в разных частях тропической Америки растет множество видов *мауриции*: одни из них - пальмы большого размера и огромной высоты, с прямыми, гладкими стволами, другие - крошечные деревца, едва ли выше человека, а их стволы густо покрыты коническими выступами или шипами.

Некоторые из них, кроме того, растут на высоких сухих почвах, недоступных для наводнений; другие же не процветают, кроме как на участках, обычно заболоченных или ежегодно покрываемых наводнениями. Из этих последних *ита*, пожалуй, наиболее заметна, поскольку, как мы уже говорили, почти шесть месяцев в году она растет буквально из воды.

Как и все его сородичи, *ита* - "веерная пальма"; то есть ее листья, вместо того чтобы быть перисто-раздельными, как у большинства видов пальм, или полностью *цельными*, как у некоторых других, расходятся от середины листового стебля в широкую пальчатую форму, имеющую значительное сходство с веером, когда она раскрывается во всю свою длину. На кончиках эти листочки слегка поникают, но на том конце, где они выходят из серединки, они жесткие и твердые. Черешок, или листовая стебель, длинный, прямой и толстый, а там, где он прижимается к стеблю или стволу, раздувается до фута в ширину, полый или вогнутый с верхней стороны. Полностью выросший лист с черешком представляет собой удивительный объект для осмотра. Стебель представляет собой цельную балку длиной в двенадцать футов, а лист в диаметре почти столько же. Лист и стебель вместе составляют груз, равный тому, что может унести на своих плечах один человек!

Поместите около дюжины этих огромных листьев на вершину высокой цилиндрической колонны пяти футов в окружности и около ста в высоту, - расположите их так, чтобы стебли обхватывали или покрывали ее вершину, - так, чтобы раскидистые веера были направлены во все стороны наружу, слегка наклоняясь вверх; сделайте это, и вы получите великую пальму *мори́чи*. Возможно, вы увидите, как ствол раздувается в середине или около вершины, так что его нижняя часть становится тоньше, чем верхняя, но чаще всего огромный стебель представляет собой идеальный цилиндр. Возможно, вы увидите несколько листьев, поникших вниз, как будто грозящих упасть с дерева; вы даже можете увидеть их на земле, где они упали, и они выглядят великолепными развалинами. Вы можете увидеть, как из самого центра кроны листьев снова поднимается вверх прямой, толстый столбик. Это молодой лист в процессе развития, его нежные листочки еще не раскрылись и тесно прижаты друг к другу. Но под лучами жаркого тропического солнца они вскоре распускаются, и на месте

отслужившего свой срок и упавшего на землю веера вырастает новый, чтобы сгнить или быть сметенным потоком воды.

Еще кое-что можно отметить, рассматривая эту благородную пальму. В определенное время года из той части ствола, где его охватывают покрывающие основания черешков, торчит большая лопаточка, достигающая в длину нескольких футов. Эта лопаточка представляет собой прицветник, похожий на оболочку, несовершенной трубчатой формы. Она разрывается, и тогда появляется огромный колос цветов беловато-зеленого цвета, расположенных вдоль цветоножки рядами, *перисто*. Кроме того, можно заметить, что на разных деревьях эти спадки разные, поскольку следует помнить, что мавританская пальма *диаэцильна*, то есть женские цветы находятся на одном дереве, а мужские или тычиночные - на другом. После того как женские цветки некоторое время светятся под лучами солнца и получают оплодотворяющую пыльцу, которую приносит ветерок - пчела или птица, или переносит какое-то неизвестное и загадочное природное явление, - плоды приобретают форму и созревают. Когда они полностью созревают, то достигают размера небольшого яблока и имеют очень похожую форму. Они покрыты мелкими коричневыми гладкими чешуйками, что придает им сходство с еловыми шишками, только не конусообразной, а округлой формы. Под чешуйками находится тонкий слой мякоти, а затем косточка или *орех*. На одном спадике можно унести несколько сотен - тысяч, можно сказать, - таких орехов, а вся гроздь - это груз, равный силе двух обычных мужчин!

Такова пальма ита. Теперь о ее применении - о том, как ее используют гуараоны.

Когда гуараон хочет построить себе жилище, он не начинает с рытья фундамента в земле. В губчатой почве, на которой он стоит, это было бы абсурдно. На глубине нескольких дюймов под поверхностью он достигнет воды; и он может копать на огромную глубину, не найдя твердой почвы. Но у него и в мыслях нет закладывать на этой земле фундамент или строить там дом. Он знает, что через несколько недель река поднимется и перевернет его крышу, какой бы высокой она ни была. Поэтому его фундамент не закладывается в землю, а располагается гораздо выше ее, - настолько, что, когда наводнение достигнет своего пика, пол его жилища будет на фут или два выше. Он не берет эту высоту наугад. Это было бы опасной спекуляцией. Он ориентируется на определенные отметки на стволах пальм - отметки, которые он сам сделал в предыдущем году, или на естественный водяной знак, который он может различить по определенным признакам на деревьях. Определившись с этим, он приступает к строительству дома.

Выбирается несколько стволов, срубается, а затем расщепляется на балки достаточной длины. Четыре прекрасных дерева, стоящих четырехугольником, уже выбраны для угловых столбов. В каждом из них, чуть выше уровня воды, вырезается глубокая выемка с горизонтальным основанием, служащая опорой для поперечных балок, которые будут составлять основу конструкции. В эти выемки балки забрасываются с помощью канатов и надежно привязываются. Чтобы добраться до места возведения платформы - иногда очень высокого - необходимы лестницы, которые изготавливают местные жители: это просто ствол пальмы с выемками для пальцев ног альпиниста. Впоследствии они служат средством для подъема и спуска на поверхность воды во время ее подъема и спада. После того как основные бревна прочно закреплены на своих местах, на них укладываются поперечные балки, которые представляют собой либо куски расщепленных стволов, либо, что обычно легче достать, черешки больших листьев, - каждый из которых, как уже говорилось, сам по себе образует большую балку, двенадцать футов в длину и от шести до двенадцати дюймов в ширину. Затем они закрепляются с обоих концов веревками из пальмового волокна.

Далее идет слой пальмовых листьев, крепкие, жесткие листочки которых служат прекрасными рейками для поддержания грязевого покрытия, которое толстым слоем ложится на них. Грязь достается снизу, без труда и в любом необходимом количестве, а когда она выравнивается и высыхает, - а она вскоре становится такой под жарким солнцем, - получается отличный пол, на котором можно разжигать огонь без опасности прожечь рейки или балки под ним.

Пока что гуараон закончил только пол в своем жилище, но это его основная работа. Он не заботится о стенах - ни боковых, ни фронтовых. В его тропическом доме нет холодов и морозов, которые могли бы его охладить, и нет снега, от которого нужно защищаться. Только от дождя, обычно падающего в вертикальном направлении, нужно защищаться; от него он защищается второй платформой из более легких материалов, покрытой циновками, которые он уже сплел для этой цели, и пальмовыми листьями, расположенными так, чтобы отводить самый сильный дождь. Это также защищает его от палящего солнца - врага, которого он боится даже больше, чем дождя.

Его дом уже закончен, и, за исключением глинобитного пола, он весь из пальмы - балки, поперечины, рейки, веревки и циновки. Веревки он получал, сдирая эпидермис с полноценных листочков, а затем скручивая их в шнур любой необходимой толщины. Для этой цели он не уступает конопле. Циновки он сделал из того же материала, и он, вернее, его жена - ведь этим обычно занимаются женщины - хорошо знает, как их плести и ткать.

Завершив строительство своего воздушного жилища, гуараон принимается за еду. Он ест рыбу, пойманную в соседнем каньо, может быть, черепаху, может быть, мясо ламантина или аллигатора - ведь его небо отнюдь не отличается тонкостью и не откажется от стейка из хвоста американского крокодила. Но когда наступает время наводнения, рыбы становится мало или ее вообще нельзя достать, как и черепах, и морских коров, и аллигаторов. Кроме того, в условиях дефицита или изобилия, необходимо еще что-то, чтобы разнообразить рацион. Нужен хлеб, и за ним гварону далеко ходить не надо. Ита снова его выручает, так как, расщепив ствол, он обнаруживает большое количество сердцевины, или фекулы, которая, будучи подвергнута процессу синяков или терки, а затем размешана в воде, образует осадок на дне сосуда, вещество не только съедобное, но и равное по качеству известному продукту пальмы *саго*.

Эта мясистая мякоть, сформированная в лепешки и поджаренная на огне, - топливом служат листья и стебли листьев, - составляет *юруму*, насыщенный хлеб гуараона.

Юрума, а точнее саго, из которого ее делают, не всегда можно достать. Его производит мужская пальма, и добывать его нужно как раз в тот момент, когда дерево собирается распустить свой цветочный колос. Тот же любопытный факт наблюдается и в отношении *магуэя*, или большого американского алоэ, из которого получают напиток под названием "пульке". Чтобы получить сок в большом количестве, магуэй нужно срывать как раз в тот день, когда цветочный стебель вот-вот выстрелит вверх из-под листьев.

Гуараон, съев свою юруму, хочет попить. Прибегает ли он к воде, которая в изобилии течет под его жилищем? Нет. В обычных случаях он может утолить жажду и так; но ему хочется какого-нибудь более бодрящего напитка. И снова ита безропотно дает его и даже предоставляет выбор. Он может постучать по стволу и извлечь сок, который, пройдя процесс брожения, превращается в вино - "вино муричи", напиток, который, если гуараон будет так склонен и выпьет сверх меры, сделает его "пьяным, как лорд!".

Но он может побаловать себя менее опасным и более деликатным напитком, также поставляемым его любимой ита. Для этого несколько орехов бросают в сосуд с водой и оставляют на некоторое время для брожения, затем взбивают их пестиком, пока не отделятся чешуйки и мякоть, и, наконец, пропускают воду через сито из пальмового волокна. После этого напиток готов к употреблению. Для всех этих целей необходимы инструменты и утварь, но их предоставляет ита. Из ствола можно зачерпнуть воду в посуду или вырезать ложки, половники и черпаки. Из цветка "спатес" также получают чашки и блюдца. Железные инструменты, такие как топоры и ножи, он получил в результате торговли с европейцами; но до их появления в Новом Свете топор у гуараона был из кремня, а лезвие ножа - из обсидиана; и даже сейчас, при необходимости, он может обойтись без металла любого вида.

Лук и стрелы, которыми он пользуется, сделаны из жесткого, сухожильного черешка листа; гарпун, которым он поражает ламантинов, морских свиней и аллигаторов, - из пробки; легкое, как пробка, каноэ, которое несет его по запутанным каналам дельты, - это полый ствол пальмы моричи. Его сети и лески, а также ткань, которую он носит на чреслах, плетут или ткнут из молодых листочков, пока они еще не разрослись в веерообразный лист.

Как и другие существа, гуараон должен иногда спать. Где он растягивает свое тело - на полу? На циновке? Нет. Он уже обзавелся более роскошной кушеткой - "реде", или гамаком, который он подвешивает между двумя деревьями; в нем он отдыхает не только ночью, но и днем, когда солнце слишком жаркое, чтобы позволить себе сильные нагрузки. Его жена сплела гамак очень изобретательно. Она отрезала столбик молодых листьев, выступающий над кроной морихи. Она трясла его, пока нежные листочки не отделились друг от друга и не рассыпались. Каждый из них она очищает от внешней оболочки - тонкой, похожей на ленту пелликулы бледно-желтого цвета, которая сморщивается почти как нить. Она связывает их в пучки и оставляет на некоторое время, чтобы они высохли; затем она скручивает их в нити или, если нужно, скручивает в более крупные шнуры. Затем она устанавливает два горизонтальных стержня или шеста на расстоянии около шести футов друг от друга и перекидывает через них веревку сорок или пятьдесят раз. Это составляет *моток*, а *основа* получается из поперечных нитей, скрученных или привязанных к каждой из продольных с интервалом в семь или восемь дюймов. Прочный шнур, сделанный из эпидермиса зрелых листьев, пропускают через петли всех веревок, стягивают с обоих концов, а затем вытягивают шесты. Законченный гамак, подвешенный между двумя деревьями, служит обнаженному индейцу диваном, на котором он может отдыхать так же роскошно, как монарх на пуховом ложе. Таким образом, одно дерево обеспечивает человека всем, что ему может понадобиться в его первобытной простоте. Неудивительно, что восторженные миссионеры дали пальме моричи название "arbol de vida" (дерево жизни).

Можно спросить, почему гуараон живет таким странным образом, особенно когда со всех сторон вокруг него есть обширные участки *земли*, на которых он мог бы устроить свое жилище и где он мог бы с гораздо меньшими трудностями приобрести все самое необходимое и многие предметы роскоши? На этот вопрос легко ответить; и лучше всего ответить на него, спросив в ответ других. Почему эскимосы и лапландцы цепляются за свой негостеприимный дом на ледяных берегах Северного Ледовитого моря? Почему племена людей уходят в холодные, бесплодные горы и живут там, вдали от прекрасных и плодородных равнин? Почему другие уходят в засушливые степи и унылые пустыни?

Несомненно, гуараон, которого могущественные враги вытеснили из его исконного дома на твердой почве, сначала искал убежища на болотистых равнинах, где мы его сейчас встречаем: там он нашел безопасность от преследований и угнетения; там - даже за счет

других роскошеств - он смог насладиться самым сладким из удовольствий - роскошью свободы.

То, что вначале было лишь необходимостью, вскоре вошло в привычку; и теперь эта привычка - неотъемлемая часть его натуры. В самом деле, прошло не так уж много времени с тех пор, как сама необходимость была устранена.

Даже в настоящее время гуараон не будет в безопасности, если отойдет слишком далеко от своих болот, ибо, как ни печально говорить об этом, но во многих частях Южной Америки к бедному индейцу, находящемуся вне защиты своего племени, по-прежнему относятся как к рабу. В *дельте* он чувствует себя в безопасности. Ни охотники за рабами, ни враги не могут преследовать его там. Даже враг его собственной расы не может соперничать с ним в преодолении широких равнин губчатой трясины, по которой, благодаря долгой привычке, он может скользить с легкостью и быстротой птицы. В сезон разлива или когда вода опускается до минимума, он в равной степени защищен от агрессии или преследования; и, без сомнения, несмотря на миссионерское рвение, несмотря на общий прогресс цивилизации, в этой дикарской безопасности он будет оставаться еще долго.

Глава пятнадцатая.

Лапландцы.

Одним из древнейших "странных" народов, с которыми мы знакомы, являются лапландцы, или лапландцы. На протяжении многих веков более цивилизованные народы Европы слушали странные рассказы путешественников об этих странных людях; многие из этих рассказов были преувеличены, а другие совершенно неправдивы. Некоторые из старых путешественников, введенные в заблуждение платьем из оленьей кожи, которое носили лапсы, верили или пытались заставить поверить других, что они рождаются с волосатой шкурой, как дикие звери; а один путешественник утверждал, что у них только один глаз, и тот находится в середине груди! Эта абсурдная концепция об одноглазом народе получила признание даже во времена сэра Уолтера Рэли, с той лишь разницей, что местом обитания этих дворян со странной "оптикой" была Южная Америка, а не Северная Европа.

В случае с бедным лапландцем не требуется ни малейшего преувеличения, чтобы сделать его интересным объектом изучения как для студента-этнолога, так и для просто любопытного читателя. Он не нуждается ни в странном взгляде, ни в волосатой шкуре. Своим внешним видом, одеждой, жилищем, образом жизни и пропитанием он настолько отличается почти от всех других племен и народов, что это дает достаточно материала для монографии, одновременно уникальной и забавной.

Я не буду останавливаться на том, чтобы выяснять, откуда взялся этот странный образец человечества. Подобные рассуждения больше подходят так называемым *ученым* этнологам, которые, подобно анатомам в других отраслях естественной истории, с удовольствием занимаются простым педантизмом науки, - они могут на основании совпадения нескольких слов доказать, что два совершенно непохожих народа произошли от общего источника: точно так же, как месье Кювье, изучив один зуб, доказал, что кролик был носорогом!

Поэтому я не стану тратить время на поиски происхождения несчастного лапландца; да и не так уж важно, откуда он появился. Он либо пришел откуда-то еще, либо был создан в

Лапландии, - одно из двух; и я бросаю вызов всем философам творения, чтобы сказать, что именно: ведь не сохранилось ни одного рассказа о том, когда он впервые появился в этой холодной северной стране, - ни слова, чтобы опровергнуть идею о том, что он был там с момента первого сотворения человеческой расы. Мы находим его там *сейчас*, и это все, что мы имеем в настоящее время о его происхождении. Если бы мы стали рассуждать о том, какие расы родственны ему и с какими он имеет наибольшее сходство, то сказали бы, что он был одного или близкого происхождения с эскимосами Северной Америки, гренландцами Гренландии, самодийцами, тусками и другими племенами, живущими вдоль северных берегов Азии. Все эти народы маленьких человечков имеют очень большое сходство как во внешнем облике, так и в образе жизни, но говорить о том, что все они произошли от одного общего племени, было бы небезопасно. Сходство может быть результатом сходства обстоятельств, которыми они окружены. Что касается языка, на который так полагается *научный* этнолог, то едва ли можно найти более ненадежный проводник. Чернокорый негр из Каролины, голубоглазый саксонец и краснокожий, краснощекий гвианец говорят на одном языке; потомки всех троих через тысячи лет будут говорить на том же самом, возможно, когда они будут сильно разбросаны друг от друга, и поверхностный философ тех будущих времен, без сомнения, припишет им всем одно общее происхождение!

Язык сам по себе не является *доказательством* естественного родства двух народов. Он свидетельствует о том, что они когда-то соседствовали, и не более того. Конечно, когда совпадают другие моменты, сходство речи становится ценным подтверждением. Поэтому мы не ставим перед собой задачу выяснить, откуда пришел лапландец, а лишь определить, *где* он сейчас находится и *что* он собой представляет. Где он сейчас?

Если вы возьмете карту Европы и проведете линию от Кандалакского залива в Белом море до середины Лофоденских островов на норвежском побережье, то вы отрежете страну, которую сейчас правильно называют Лапландией. Страна, которую в настоящее время населяет народ, называемый лапландцами, находится к северу от этой линии. Эта граница скорее воображаемая, чем реальная, ведь на самом деле никакого политического деления, известного как Лапландия, не существует и не существовало уже сотни лет. Говорят, что когда-то существовало королевство Лапландия и народ лапландцев, но нет никаких доказательств, что тот или иной народ когда-либо существовал. Существовал особый народ, который мы сейчас называем лапландцами, рассеянный по всей северной части Скандинавского полуострова и забредавший на юг до берегов Ботнического залива; но то, что этот народ когда-либо имел какой-либо общий договор или союз, заслуживающий названия правительства или нации, не имеет никаких доказательств. Нет никаких доказательств того, что они когда-либо наслаждались более высокой степенью цивилизации, чем в настоящее время; и она ни на йоту не выше, чем у эскимосов Северной Америки, - несмотря на преимущество, которое лапландцы имеют в приручении жвачных четвероногих животных и знании христианской религии.

Территория страны, которую я выше назвал современным лапландцем, должна рассматриваться скорее как часть Северной Европы, о которой едва ли можно сказать, что она занята каким-либо другим народом. Настоящих лапландцев можно встретить живущими или, скорее, кочующими гораздо южнее указанной линии - почти до верховьев Ботнического залива, - но в этих южных районах у них уже нет чистого ареала. Здесь его встречает финн - существо совершенно иного рода; он постоянно вторгается в качестве колониста на территорию, которая когда-то принадлежала только лапландцу.

Необходимо сказать несколько слов об используемых нами названиях, поскольку среди путешественников и писателей возникла совершенная путаница в отношении номенклатуры этих двух народов - финнов и лапландцев.

Во-первых, в Северной Европе на самом деле нет такого народа, как лапландцы. Это слово - просто географическое изобретение, или, если хотите, "синоним". Люди, к которым мы применяем это название, называют себя "самлаш". Датчане и норвежцы называют их "финнами", а шведы и русские - "ляпами". Народ, который мы знаем как финнов и который ни в каком смысле не является лапландцем, получил название "финны" ошибочно. Эти финны в течение долгого времени продвигались в качестве колонистов на территории, которую когда-то занимали настоящие финны, или лапландцы, и не имеют ничего общего с этим последним народом. Они занимаются сельским хозяйством и живут в постоянных поселениях, а не ведут скотоводческий и кочевой образ жизни, как лапландцы. Кроме того, между ними существует множество других существенных различий - в уме, внешности, привычках, почти во всем. Я особо останавливаюсь на этом вопросе, потому что неправильное применение названия "финны" к этой последней упомянутой расе привело писателей в мир ошибок; описания, данные о них и их привычках, были применены к людям, о которых идет речь в данной главе, - что, конечно, привело к самым ошибочным выводам. Это все равно, что выставлять изображение кафров как сходство с хоттентотами или бушменами!

Финны, как их сейчас обозначает география, которая также приписывает им страну под названием Финляндия, - это, следовательно, вовсе не финны. Там, где они встречаются на территории старой Лапландии в качестве колонистов, их называют *кюаньцами*; это название им дают одинаково русские, шведы, датчане и норвежцы.

Вернемся к нашим лапландцам, которые являются истинными финнами. Я уже говорил, что их называют по-разному: датчане и норвежцы - "финнами", а русские и шведы - просто "лапландцами". Ни одно из этих названий не имеет определенного значения, и невозможно выяснить, в какой период оно вошло в обиход. Достаточно знать, что именно под этими названиями они известны сейчас тем четырем народам, которые в основном имели с ними дело.

Поскольку эти люди получили так много названий, и особенно одно, которое приводит к путанице, возможно, лучше, ради географии, признать ошибку: оставить *новым* финнам их узурпированный титул и дать старым финнам то отличительное название, под которым они лучше всего известны миру, - *лапландцы*. Если помнить, что это всего лишь географическое название, то никакого вреда от его использования быть не может; и если в дальнейшем слово "финны" будет встречаться, то следует считать, что оно означает не финнов норвежского Финмарка, а финских кюанов, живущих на берегу Ботнического залива.

Я говорил о стране лапландцев, как будто у них есть страна. Это не так. Есть территория, на которой они живут, но она не принадлежит им. Давным-давно у них отняли право на владение землей и разделили между тремя могущественными соседями. России достался самый большой кусок с востока; Швеции - южная часть; а Норвегия претендовала на северную и западную часть, лежащую вдоль Атлантического и Северного Ледовитого океанов. Впоследствии она стала собственностью Дании, когда сама Норвегия перестала быть независимой.

Таким образом, страна, которую я определил как Лапландию, в наше время называется так только потому, что она почти полностью занята этими людьми: их датским, шведским или русским хозяевам не было смысла ее колонизировать. Однако все трое претендуют на свою

долю, имеют свои регулярные границы, и каждый из них взимает с несчастного лапландца ежегодную дань в виде небольшого налога. Каждый из них также *навязывает* жителям своих границ свои особые взгляды на христианство: русский превратил лапландца в греческого христианина, а под влиянием шведа он стал учеником Мартина Лютера. Его вера, однако, не очень рациональна, так или иначе, и в глухих уголках своей хаотичной страны он все еще придерживается некоторых из своих старых мифических обычаев колдовства и чародейства: другими словами, он "язычник".

Прежде чем перейти к описанию лапландца, личному или интеллектуальному, несколько слов о стране, в которой он живет. Я уже называл ее *хаотичной* страной. Ее описывают как "огромное скопление страшных скал и огромных гор, с множеством приятных долин, поливаемых бесконечным количеством речушек, которые впадают в реки и озера". Некоторые из озер очень обширны и содержат бесчисленное количество островов; только одно из них - озеро Энаро - имеет столько островов, что, как говорят, ни один лапландец не прожил достаточно долго, чтобы посетить каждый отдельный остров. Поверхность земли очень разнообразна. В некоторых частях страны взгляд останавливается только на пиках и хребтах мрачных, бесплодных гор, - на вершинах, покрытых никогда не тающим снегом, - на смелых, скалистых утесах или лесистых склонах, где могут процветать только ели и березы. В других местах растут сумрачные леса из сосен, пересекаемые то тут, то там широкими болотами или трясинами. Кое-где встречаются обширные участки безлесного шампанского, покрытые белым оленьим лишайником, словно под снегом!

Летом здесь много зеленых и красивых мест, где даже роза благоухает, а многие ягодные кусты ярко цветут; но лето недолговечно, и в тех местах, где оно наиболее привлекательно, вредные насекомые - мошки, комары и слепни - делают страну непригодной для жизни лапландца. Вскоре мы увидим, что в летние месяцы он бежит из таких низин, как от моровой язвы, и устремляется со своим стадом в мрачные, бесплодные горы.

Дав этот краткий очерк страны, в которой живет лапландец, мы переходим к описанию его самого.

Он невысокого роста - не более пяти футов пяти дюймов, средний рост, - плотный и крепкий, редко полнотелый, хотя во всех этих отношениях есть различия между жителями разных частей страны. Лапы норвежской Лапландии выше, чем жители России и Швеции.

Черты лица мелкие, глаза удлинённые или щелевидные, как у монгольских племен, скулы выдаются вперед, рот большой и широкий, а подбородок остроконечный. Волосы черные, иногда каштановые, хотя среди некоторых племен, живущих на побережье, светлые волосы не редкость. Вероятно, это произошло от смешения крови с норвежскими, русскими и другими рыбаками, которые часто посещают эти берега.

У лапландца почти нет бороды, и в этом отношении он похож на гренландца и эскимоса. Его тело плохо сложено, костлявое и мускулистое, более крепкое, чем можно было бы ожидать, исходя из его роста. Он активен и способен переносить сильную усталость и лишения, хотя ошибочно полагать, что он является таким проворным существом, каким его представляют, - эта ошибка, несомненно, вызвана удивительной скоростью, с которой привычка позволила ему кататься на коньках по замерзшему снегу; человеку, не привыкшему к этому, показалось бы, что он обладает необычайной ловкостью. Руки и ноги маленькие - еще одна общая черта с эскимосами. Голос лапландца далеко не мужской. Напротив, он небольшого размера, слабый и скрипучий. Цвет лица лапландцев принято считать *темным*. Его естественный

оттенков, возможно, не намного темнее, чем у норвежцев. Конечно, он не темнее многих португальцев или испанцев, но при ближайшем рассмотрении он кажется таким же смуглым, как индеец. Это, однако, объясняется долгим и почти постоянным воздействием дыма, в среде которого несчастное создание проводит более половины своего времени.

Еще можно заметить, что люди, живущие на берегу моря, имеют более светлый цвет лица; но, возможно, это также связано с иностранной примесью.

Мы дали представление о личности лапландца; теперь пару слов о его уме.

Как интеллектуальный, так и моральный человек своеобразен, - даже в большей степени, чем физический, - и существенно отличается от представителей всех других национальностей, с которыми он вступает в контакт. Он холодносердечен, эгоистичен и угрюм. Любовь ему почти чужда, а если такое чувство и возникает в его душе, то скорее как искра, чем как страсть. Его ухаживания и браки - это чисто деловые вопросы, редко имеющие какой-либо иной мотив, кроме корысти. Одна женщина подойдет ему в качестве жены не хуже, чем другая, и даже лучше, если она будет богаче на полдюжины оленей!

Гостеприимство - добродетель, столь же неведомая ему. Он не желает видеть чужака и даже удивляется, зачем чужаку забредать в его дикую, мрачную страну. Он всегда с подозрением относится к путешественникам, проходящим через его земли, если только эти путешественники не приходят под видом русских или норвежских купцов, чтобы обменять крепкий бренди на олени шкуры или меха животных, которых он поймал. В своих сделках он проявляет достаточную степень хитрости, гораздо большую, чем можно было бы ожидать, исходя из низкого уровня его интеллекта; он не принимает в обмен ни бумажных денег, ни какого-либо вида "скрипов". Эту осторожность, однако, он приобрел благодаря ужасному опыту, который однажды получил, имея дело с бумажными деньгами; и он твердо решил, что эта глупость больше никогда не повторится. Даже в его отдаленном уголке земного шара одно время происходили банковские спекуляции "англо-бенгальского" характера, особой жертвой которых стал бедняга Лап.

У него нет ни капли мужества. Он не будет сопротивляться угнетению. Незнакомец - русский или норвежец - может ударить его, пнуть или дать подзатыльник, но он не нанесет ответного удара. Скорее, он разрыдается!

И все же при некоторых обстоятельствах он проявляет чувства, сходные с мужеством. Он хладнокровен в минуты опасности, исходящей от стихии, или в противостоянии со свирепыми животными, такими как волк или медведь. Он также способен переносить усталость до крайней степени; исторически известно, что когда-то он был воинственным - по крайней мере, гораздо более воинственным, чем сейчас. *Сейчас* в его жилах нет ни капли крови воина. Напротив, он робок и миролюбив, и редко ссорится. Он постоянно носит при себе длинный уродливый нож норвежского производства, но ни разу не доставал его, не совершал им убийства.

Это, безусловно, добродетели, но следует опасаться, что у него они обязаны своим происхождением робости и страху перед последствиями. Время от времени он ссорится с кем-нибудь из своих товарищей, но нож никогда не использует, а "наказание" заключается в нанесении и получении различных пинков, царапин, выдирании волос и ушей: настоящие удары, однако, не наносятся, а длинный нож никогда не покидает своих ножен.

В былые времена он очень верил в ведьм; в сущности, его отличала вера в колдовство. Христианство, каким бы оно ни было, сделало многое, чтобы искоренить эту веру; но его все еще беспокоит множество суеверий.

Сыновняя и родительская привязанность у них весьма скудна. Сын, как только становится способным, сам зарабатывает себе на жизнь; впоследствии о нем почти не беспокоятся. Дочь достается тому, кто больше заплатит, - тому, кто наиболее щедро одаривает родителей бренди. Ревность мало кому известна. Да и откуда ей взяться там, где нет любви?

Один из самых страшных пороков лапландца - пристрастие к выпивке, доходящее почти до страсти. К тому же это один из самых дорогих пороков, поскольку на его удовлетворение часто расходуется вся продукция его промышленности. Его любимый напиток - крепкий, плохой бренди, основной товар, который держат торговцы, чтобы обменять его на товары, которые предлагает страна. Поскольку эти люди мало заботятся о результатах и имеют гораздо большее влияние на лапландцев, чем правительственные чиновники или ленивые миссионеры, не терпящие отлагательств, маловероятно, что среди этих несчастных людей когда-либо будет введена умеренность. К счастью, этому влиянию постоянно подвержены только жители побережья Лапландии. Горцы или те, кто проводит большую часть времени во внутренних районах, слишком далеки от "крана", чтобы так сильно на него влиять. Только во время своих коротких ежегодных визитов на торговые станции на побережье они попадают в пасть этого унижительного порока.

Теперь следует описать одежду лапландцев.

Мужчины носят на голове высокие шапки конической формы, обычно из ткани, называемой *вадмаль*, или из керси, поставляемого купцами. Сверху шапка имеет кисточку, а снизу подворачивается на несколько дюймов вверх, где укрепляется лентой из оленьей шкуры или меха выдры. Плащ представляет собой свободную одежду или рясу: он сделан из шкуры северного оленя, волосатой стороной наружу, и застегивается на талии широким кожаным поясом.

В этот пояс засовывается острый нож, к нему же подвешивается кисет или два - для трубки, табака и ложки. Бриджи из оленьей шкуры - шкуры молодых оленей - доходят до щиколоток, а ноги покрывают бускины, или, скорее, чулки, из того же материала. Они застегиваются на концах бриджей таким образом, чтобы снег не попадал внутрь; а поскольку ни рубашки, ни кальсоны не носят, мы привели все предметы одежды лапландца. Нет. Нельзя забывать и о перчатках, или варежках, которые являются одной из самых необходимых вещей для комфорта. Это также универсальная оленья шкура.

Как ни проста эта одежда лапландских мужчин, она не более проста, чем одежда лапландских женщин, поскольку и те, и другие совершенно одинаковы. Небольшое отличие можно заметить в форме чепца, но в остальном дама носит рясу из оленьей шкуры, бриджи и сапоги, и, как и ее сеньор, избегает включать в свой гардероб белье. Это простое платье, однако, является повседневным *зимним* костюмом. Летний, особенно по торжественным случаям, несколько отличается, и он совсем другой. Форма почти та же, но туника или ряса из сукна, иногда простого, грубого *ватмана*, а в случае более богатых владельцев - из тонкой цветной ткани, иногда даже алой. Однако независимо от качества ткани, отделка всегда из богатых, ярких тканей; она состоит из лент или шнуров вокруг юбки, рукавов и воротника, искусно сшитых женщинами, которые во всех случаях являются портнихами. Кожаный пояс, который носят с этим платьем, усыпан украшениями - маленькими квадратными и треугольными пластинками из латуни или белого металла, а часто и из тяжелого, массивного серебра. Для североамериканских дикарей пояс - предмет особой гордости, как и вампум, и

нужно заплатить большую сумму, чтобы лапландец расстался с драгоценным снаряжением. В летние и праздничные дни также надевают более тонкую шапочку. Однако нередко лапландец, особенно горный, в любую погоду и в любое время года не расстается со своей шубой из оленьей шкуры - *паэском*, - когда становится слишком жарко, просто снимает пояс и оставляет клапаны свободными и открытыми. В холодную погоду, особенно когда он едет в санях, на него надевают дополнительный предмет одежды. Это меховая "накидка", которая закрывает плечи до локтей. Она сделана из мохнатой шкуры бурого медведя, причем когти оставлены и свисают вниз перед грудью.

Прежде чем перейти к описанию образа жизни и занятий лапландцев, необходимо отметить, что все люди, известные как лапландцы, не похожи друг на друга. Напротив, их можно разделить на три различных класса в соответствии с образом жизни, который они ведут; и эта классификация совершенно необходима для иллюстрации их привычек. Все они похожи по расовым и национальным признакам - все они лапландцы - и мало чем отличаются друг от друга по стилю одежды; но в других отношениях то, что можно сказать об одном, не относится к двум другим. Поэтому я перехожу к описанию различий.

В первую очередь следует отметить тех, кого мы уже упоминали под названием "береговые" или "береговые лапландцы". Это название дает представление о *месте их обитания*, а также об их образе жизни и пропитания. Они живут вдоль норвежского побережья, вплоть до Северного мыса и даже за ним. Они строят свои *гаммы*, или жилища из дерна, в маленьких деревушках вокруг многочисленных ручьев и фьордов, пересекающих этот скалистый берег.

Их призвание - рыбаки. Они почти полностью питаются рыбой и живут за счет продажи излишков купцам и русским торговцам. Они держат несколько овец, иногда бедную корову, но редко владеют оленями. Их жизнь совершенно не похожа на жизнь их сородичей, которые обычно живут во внутренних районах страны. Поскольку она мало чем отличается от жизни бедных рыбаков в других местах, я оставлю прибрежных лапландцев без лишних слов.

Второй вид лап, заслуживающий нашего рассмотрения, известен как "лесной лапландец" или, чаще, "лесной лап". Он менее известен, чем две другие разновидности; но, как уже говорилось, он отличается от них главным образом по роду занятий. Его дом находится на обширной равнинной территории Русской Лапландии, а не вблизи моря. Он живет в сосновых и еловых лесах; строит грубую хижину, очень похожую на гамму побережья Лап; Но у него есть несколько оленей - недостаточно, однако, чтобы прокормить его, - и он добывает пропитание, ловя рыбу в реках и пресноводных озерах внутренних районов, стреляя лосей и диких оленей и ставя капканы на пушных зверей - горноста, соболя, белку-минивера, барсука, гну, лисиц и волков.

Поскольку его призвание - это в основном охота и трапперство, и поэтому оно очень похоже на подобные занятия во многих других частях света, нам нет необходимости вдаваться в подробности. Поэтому на данный момент мы должны *отложить Лесного лапу* вместе с его родственниками с побережья.

Таким образом, мы переходим к третьему классу - "горному", или, как его часто называют, "оленному лапландцу", поскольку именно владение этим животным в первую очередь отличает его от двух других классов его соотечественников.

Его образ жизни совершенно не похож ни на тот, ни на другой, - в сущности, он напоминает их лишь в немногих деталях. Правда, он немного рыбачит и иногда занимается любительской охотой, но это лишь дополнение или времяпрепровождение. Его главная опора - оленье стадо: было бы правдивее назвать его единственной опорой. С помощью оленей он живет, с

помощью оленей он *передвигается*, с помощью оленей он осуществляет свое существование.

Его жизнь - чисто пастушеская; он кочевник, странник. Весь мир знает это; но весь мир не знает, *почему* он странствует. Писатели утверждают, что он ищет новые пастбища для своих стад - старая земля была изъедена. Ничего подобного. Он покидает плодородные равнины в тот самый момент, когда ивы пускают свои сочные побеги, когда сочная трава начинает свежесть и зелень, и отправляется на мрачные склоны гор. Это не похоже на поиски лучшего пастбища. Оно не имеет с ним ничего общего.

Однако давайте проследим за его странствиями на протяжении всего года, и, возможно, мы узнаем мотив, побуждающий его к бродяжничеству.

Во-первых, чтобы стать "оленным лапландцем", он должен быть владельцем ста голов оленей; от меньшего количества толку не будет. Если у него есть только пятьдесят, он должен продаться и отправиться в какое-нибудь поселение куйанов или норвежцев, чтобы служить там по найму, или же стать лапландцем и рыбаком - призвание, которое он презирает. Это было бы падением в социальной шкале; но если он поступил неосмотрительно или неудачно, и его стадо сократилось до пятидесяти голов, помощи ждать неоткуда. Однако если у него есть сто голов, он может с большой экономией продолжать жить и сохранять свой характер *свободного оленевода*. С тремя сотнями он может жить безбедно, с пятью сотнями - еще лучше, а тысяча сделает его зажиточным. С пятнадцатью сотнями он станет вельможей, а две тысячи дадут ему звание миллионера! В Лапландии очень мало миллионеров и совсем мало вельмож. Владельцев даже тысячи голов мало; больше тех, чьи стада насчитывают от трехсот до пятисот голов каждое.

И здесь, замечу, нет ни правительства, ни племенной организации. Владелец каждого стада - глава семьи; над ними он патриарх, но его власть не простирается дальше. Она даже не так велика, если в общей палатке оказываются взрослые непокорные сыновья.

Я употребил слово "шатер". Это дом лапландского оленя - и зимой, и летом. Несмотря на суровость климата, он не строит дома, и даже палатка у него самая грубая, известная среди палаточных племен. Она состоит из нескольких березовых саженцев, поставленных на снег, согнутых друг к другу, и покрытых куском грубой ткани - *вадмалом*. Он предпочитает покрытие из шкур и приобретает его у норвежского или русского торговца в обмен на последнее. Высота палатки, когда она стоит, составляет всего шесть футов, а диаметр не намного больше. В этом ограниченном пространстве укрывается от пронизывающего ветра вся его семья: жена, дочери, сыновья, часто помощник или двое, и около дюжины собак - сидят, лежат рядом или друг на друге, прижавшись друг к другу, как только могут. Кроме того, здесь нашлось место для большого железного или медного котла, нескольких блюд и мисок из березы, грубой каменной печи и костра посреди пола. Над огнем - полка для бесчисленных жестких сыров, кусков оленьей плоти, мисок с молоком, пузырей с оленьей кровью и множества других подобных предметов.

Весна только начинается; мороз сошел с деревьев - ведь зимний дом находится посреди леса, - земля освободилась от снега и уже улыбается зеленым ковром, украшенным множеством ярких цветов. Поэтому лапландскому оленю пора покинуть это место и отправиться на поиски другой, менее привлекательной для глаз сцены. Вы, конечно, спросите, почему он это делает, и, возможно, выразите некоторое удивление тем, что человек проявляет так мало благоразумия, чтобы покинуть плодородную равнину, которая только что обещала дать ему богатое пастбище для его стад, и перенести все свое поголовье

на холодный склон мрачной горы? Да, естественно, что это должно вас удивить, но только не тогда, когда вы услышите объяснение.

Если бы он остался на той равнине, в том лесу, где он зимовал, на месяц дольше, он рисковал бы потерять половину своего драгоценного стада и, возможно, за один сезон оказался бы вынужденным стать *Береговым Лапой*. Причина проста: большой овод (*Aestrus tarandi*) вместе с другими многочисленными мучителями вот-вот появится из болот и, как только жаркое солнце раздует их в полную силу и жизнеспособность, начнет свою опустошительную работу над оленями. За несколько коротких дней или часов их яйца будут отложены в коже, даже в ноздрях оленя, чтобы прорасти и вызвать болезнь и смерть. Действительно, мучения от кусачих мошек и других насекомых сами по себе существенно ухудшают здоровье и состояние животных, и если их не загнать в горы, они "забьются" и пойдут туда по своей воле. Тогда оленевод вынужден покинуть свое жилище, и, собрав несколько необходимых вещей и уложив их на свои самые крепкие телеги, он отправляется в горы.

Он не берет с собой все свои *пенаты*. Это было бы затруднительно, ведь снег уже сошел, и он не может использовать свой обычный способ передвижения - сани. Их он оставляет за собой, как и всю остальную утварь и предметы домашнего обихода, без которых он может обойтись в летнем жилище. С собой он берет котел для приготовления пищи, несколько мисок и тарелок, а также палатку и несколько шкур для подстилки. Более мелкие предметы укладываются в плетеные корзины, перекинутые через спины нескольких вьючных оленей, а если требуется баланс, то младенец Лап в своей маленькой колыбели, похожей на лодку, служит средством регулировки.

Путешествие часто бывает очень долгим. Рядом могут быть высокогорья, но они не по вкусу лапландцу. Ничто не удовлетворит его, кроме возвышающейся над морем горной цепи, идущей вдоль всего норвежского побережья: только на ее склонах или на одном из тысячи возвышенных скалистых островков, которые охраняют это обширное морское побережье, лапландец верит, что его олени будут здоровы. Более того, он верит, что хотя бы раз в год олени должны пить морскую воду, чтобы поддерживать их в тонусе. И точно: дойдя до моря, эти животные с жадностью бросаются в воду и пьют соленую жидкость, а после, в течение одного и того же сезона, отказываются ее пробовать! По общему мнению, одиночный глоток воды уничтожает личинки, которые уже успели сформироваться в их шкурах.

Это путешествие часто стоит лапландцу большой усталости и хлопот. Нередко ему приходится преодолевать двести миль до норвежского побережья; ведь хотя его привычный дом может находиться гораздо ближе к берегам Ботнического залива, водить туда стадо нецелесообразно. Леса на той стороне растут до самой кромки воды, и оляпка там так же обильна, как и в лесистых районах внутренних областей.

Достигнув места назначения, лапландец выбирает место для пастбища, иногда на горах материка, но предпочитает один из возвышенных островков, которых так много вдоль берега. Это защищает его от любой опасности со стороны мух, а также избавляет от необходимости пасти оленей. Островок может находиться в двух милях от основной или любой другой земли. Это не имеет значения. Олени умеют плавать, как утки, и стадо вскоре перегоняют. Затем ставится палатка-вадмал, и начинается летняя работа. Это дойка, изготовление сыра, уход за молодыми оленями, а также небольшая рыбалка, чтобы пополнить семейный бюджет, ведь именно в это время больше всего требуется поддержка извне. Лето для горного Лапа - сезон нехватки! В это время он и не мечтает убивать оленей - это было бы просто расточительством, - и не пьет их молоко, только в очень небольшом

количестве. Оно идет на изготовление сыра, а владелец стада довольствуется сывороткой. Оленья лапа вообще не делает масла, хотя кюйцы и норвежцы его делают. Лапу не нужно, поскольку он не ест хлеба, и оно не хранится так хорошо и не является таким надежным товаром, как сыр. Последний он считает своей основной статьей дохода. Он продает его прибрежному торговцу, получая взамен свой любимый драм-табак и несколько кусков грубой ткани или утвари. Купец находится поблизости: ведь именно для этого вдоль пустынных берегов Норвегии сохранилось несколько небольших портов и поселений. Оленьи шкуры и сушеная рыба, жир тюленя, меха и шкурки разных видов притягивают эти маленькие поселения к побережью. Иначе их бы там не было.

Когда летняя жара заканчивается, олень-лапландец начинает возвращаться в свою зимнюю обитель - туда, откуда он пришел. Теперь слепни исчезли, и он может спокойно гнать своих оленей обратно; и так же, как он добирался до побережья, он возвращается домой: следует заметить, что он рассматривает зимнее жилище как настоящий дом, а летнее - лишь как место временного пребывания. Он не смотрит на него, как мы на такое время года. Для него это не приятная экскурсия: скорее, это период трудов и лишений, *самое тяжелое* время.

Вернувшись домой, ему остается только поставить палатку и присматривать за своими оленями, которые теперь находят пищу в своем любимом лишайнике. Он погребен под снегом на глубину дюйма. Но их это не волнует. Своими широкими копытами они быстро распахивают пастбище, а их чуткий нюх никогда не позволяет им разгрести снег, не обнаружив под ним лишайник. На нем они процветают, и в это время года находятся в наилучшем состоянии для ножа.

Сейчас лапландец также наслаждается жизнью. Если он богат, у него каждый день есть свежая оленина; но даже если он живет в достатке, он "убивает" два-три раза в неделю. Его способ забоя оригинален. Он втыкает свой длинный нож в горло животного, оставляя его там до тех пор, пока оно не умрет! Эта мера предосторожности позволяет ему избежать потерь. Если бы он вытащил лезвие, кровь бы вытекла и пропала. Нож действует как пробка в ране, которую он сделал. Кровь сохраняется и аккуратно убирается, а мочевой пузырь используется как сосуд для ее хранения.

Не стоит думать, что оленевод всю зиму проводит на одном месте; напротив, он многократно перемещается, всегда беря с собой палатку и утварь. Палатку так же легко поставить, как и снять. В это время года земля во всех укромных местах покрыта снегом. Его нужно только сгрести, расчистив круглое пространство размером с план палатки. Убранный таким образом снег образует нечто вроде приподнятого кольца или снежной дамбы вокруг оголенного места, в которую вбиваются столбы для палатки. Затем их загибают внутрь, привязывают к верхушкам, укладывают *ватман*, и палатка готова к использованию.

На полу расстилают свежие ветки вечнозеленых сосен и других деревьев, а поверх них кладут оленьи шкуры, которые служат постелью, стульями, столами и одеялами. Все это, а также железный котел для приготовления пищи, большая железная или медная кадка, в которой хранится талая вода для питья, и несколько других предметов утвари - единственная мебель в жилище. Я уже говорил, что костер разводится в центре палатки - на нескольких больших камнях, образующих грубо сколоченный очаг. Отверстие в крыше предназначено для дымохода, но тяга в нем настолько плохая, что палатка почти всегда заполнена облаком горького дыма, настолько густого, что предметы становятся невидимыми. В такой атмосфере не может существовать ни один европеец, кроме лапландца, и путешественники, проезжая через Лапландию, часто предпочитали переносить холодный мороз ночного воздуха, чем

быть наполовину задохнувшимися от дыма, и поэтому укрывались под соседним деревом. Сам лапландец не испытывает особых неудобств от самого густого дыма.

Привычка - это все, и к этой привычке он привык с младенчества. Однако его глаза не так равнодушны к раздражению. Они страдают от этого, и, как следствие, глаза лапландцев почти повсеместно болят и слезятся. Это примечательная особенность расы. Однако дым - не единственная причина этого. Эскимосы также страдают от боли в глазах, а они, сжигая в своих домах нефть вместо дерева, редко страдают от дыма. Скорее всего, к обильному *слезотечению* приводит снежный блеск, которому лапландцы, как и эскимосы, подвергаются очень часто.

Лапландцы готовят мясо оленя путем варки. Большой кусок кладут в большой семейный котел и не добавляют ничего, кроме воды. В ней мясо кипит и варится до полной готовности. Затем жирный жир снимают и складывают в отдельный сосуд, а мясо "выкладывают" на большой поднос или миску из бересты.

От него отрезают кусок для каждого члена семьи и передают по кругу. Мясо едят без хлеба и даже без соли. Окунание в миску с обезжиренным жиром - вот и вся приправа, а запивается она "ликером", в котором варились, и который представляет собой не что иное, как жирную воду, без овощей или какой-либо другой "подкладки". Однако оно обладает вкусом жирной оленины и ни в коем случае не является невкусным. *Дягиль* процветает в стране лапландцев, и этот овощ он использует время от времени, употребляя в пищу не корни, а стебли и листья, обычно сырые и без всякой подготовки. Возможно, его побуждает к этому знание о противоязвительных свойствах растения.

Несколько видов ягодоносных кустарников также дают ему возможность иногда полакомиться фруктами. Это дикая смородина, клюква, брусника и черника. Плоды этих деревьев не опадают осенью, как у нас, а остаются всю зиму на ветках. Погребенные под снегом, они сохраняются в идеальном состоянии, пока оттепель следующей весны снова не выведет их на поверхность. В это время они сладкие и мягкие, и женщины Лапа собирают их в больших количествах. Иногда их едят прямо с дерева, но чаще всего из них делают "сливовый пудинг", то есть смешивают с чем-то вроде свернувшегося молока и хранят в пузырях. Когда они нужны, от массы отрезают кусочек, включая часть пузыря, внутри которого они уже достигли жесткости и консистенции "крем-сыра".

Еще одна большая роскошь лапландцев - оленьё молоко, замороженное в "лед". Его легко получить; процесс заключается в том, чтобы наполнить молоком березовую миску и выставить ее на открытый воздух во время мороза. Вскоре оно превращается в твердый лед и в таком состоянии сохраняет свою сладость на протяжении всей зимы. Поскольку оленей никогда не доят в течение всего зимнего сезона, лапландец заботится о том, чтобы до наступления этого периода запастись ледяным молоком, чтобы всегда иметь возможность выпить его, просто поставив одну из своих березовых мисок в пределах досягаемости огня. Он даже делает из этого товар: ведь замороженное оленьё молоко высоко ценится иностранными купцами, которые в любой момент готовы обменять на этот вкусный продукт драм своей дьявольской огненной воды.

Именно в это время года лапландец передвигается как пешком, так и на санях. Он не только переходит с места на место, совершая круг в двадцать миль, - вокруг маленькой одинокой церкви, которую построил для него шведский миссионер, - но и время от времени совершает поездки на далекое побережье.

В санях или даже пешком сто миль для него - сущий пустяк, ведь замерзший снег позволяет преодолеть такое расстояние за невероятно короткое время. На лыжах, или коньках, он мог пройти сто миль за пару дней, даже если путь пролегал через холмы, горы, озера и реки. Сейчас все они одинаковы - все скрыты под общим покровом глубокого снега. Озера и реки замерзли и перекинули через них мосты, а горные склоны стали гладкими и легко проходимыми - либо на санях, либо на "лыжах". В первом случае ему не составит труда преодолеть сто миль за один день, а если повод будет "убойным", и на маршруте можно будет организовать эстафету, то он легко преодолеет вдвое большее расстояние.

Способ передвижения лапландского оленя на санях, а также его катание по снегу на лыжах или коньках были описаны многократно и подробно. Здесь я хочу лишь представить наиболее важные моменты.

Эти сани или санки он называет "пулка"; у него есть три разновидности этого предмета - две для путешествий, а третья для перевозки багажа. Два первых вида почти одинаковы, и, по сути, отличаются лишь небольшой дополнительной "мебелью", которая есть на одних из них, - это покрытие сверху, чтобы было удобнее держать ноги и ступни путешественника. В остальном это обычный пулк, похожий на него по форме, размеру, посадке и всему остальному.

Чтобы получить представление о лапландских санях, нужно представить себе маленькую лодку длиной около шести футов и шириной в шестнадцать дюймов. Это ширина на корме, где она наиболее широкая; но от кормы она сужается по всему пути вперед, пока, достигнув форштевня, не сузится почти до точки. Бока судна в точности повторяют борта лодки, а опирается оно на "киль" шириной около четырех дюймов, который является единственным и неповторимым "бегунком". В кормовой части находится крепкая доска, перед которой расположено сиденье, а сама доска служит для поддержки спины наездника. Его ноги и ступни вытянуты в продольном направлении, заполняя пространство между квартердеком и "передней" частью маленького судна, и, закрепленный таким образом, лапландец готов к путешествию.

В лучших моделях "пульков" - тех, что используют русские и шведские торговцы и путешественники, - носовая часть покрыта чем-то вроде полупалубы из шкур или кожи; но лапландец не часто прибегает к этому. Ему слишком трудно выходить и входить, как это часто приходится делать, чтобы присматривать за оленями. Поэтому его пулк открыт от носа до кормы, а покрывала из оленьей шкуры достаточно согревают ноги.

Используется только один олень, а способ упряжки отличается примитивной простотой. Полоса шкуры служит ошейником на шее животного, а из самой нижней ее точки вниз опускается кусок под грудью животного - он ударяется о стойку, как подвески мартингала. К этому куску прикреплен след - всего один, - который, проходя между передними, а затем и задними ногами, продевается в железное кольцо на ножке саней. На этот след, представляющий собой крепкий ремень из сыромятной шкуры или кожи, направлена вся сила тяги. Вокруг тела оленя проходит широкий сюртук - обычно из ткани, аккуратно сшитый и украшенный. Он служит для того, чтобы удерживать след под животом и не давать ему волочиться по земле или попадать под ноги животного. Такая же полоса ткани проходит вокруг шеи, придавая благородному существу изящный вид. Для того чтобы вести оленя за собой, достаточно одной вожжи, привязанной к левому рогу или закрепленной вокруг головы недоуздом; движения этой вожжи, сопровождаемые акцентами голоса хозяина, понятны этому хорошо обученному животному.

При всем том олень не *всегда* путешествует с добром. Нередко он впадает в приступ упрямства или гнева, и тогда поворачивается к своему дрессировщику, выставя перед собой рога в атакующем положении. В таких случаях Лап укрывается за своим "пульком", поднимает его на руки и держит как щит для самозащиты, пока не сможет утихомирить или иным способом умирить раздраженного самца.

Кувырок саней и, как следствие, рассыпание груза - частое явление из-за узкого основания, на которое опирается транспортное средство; но лапландец не задумывается о пустяках такого рода. В мгновение ока "снежная лодка" выправляется, путешественник снова садится на свое место и со скоростью молнии несется по замерзшему снегу.

Олени могут преодолевать почти двадцать английских миль в час! Такая скорость была доказана и проверена; при наличии свежих эстафет по маршруту за день можно пройти более четырехсот миль. Но то же самое можно сделать и с помощью лошадей, то есть в случае крайней необходимости.

Багажный "пулк" лапландцев отличается от других видов саней только тем, что он длиннее, шире, глубже и, следовательно, более вместителен для перевозки грузов. Он используется для перевозки шкур и других товаров из внутренних районов в торговые склады на побережье.

Лыжи или снежные коньки не требуют особого описания. Они устроены по тому же принципу, что и снегоступы, используемые североамериканскими индейцами, хотя существенно отличаются от них по конструкции. Это всего лишь два длинных куска гладкой доски, несколько дюймов в ширину и слегка загнутые на концах. Один из них длиной в полных шесть футов - правый; левый примерно на двенадцать дюймов короче. Около середины они крепко привязаны к ногам прочными кусками шкуры, и с помощью этих любопытных приспособлений, когда снег покрыт коркой, лапландец может быстро скользить по его поверхности. Для направления и помощи в передвижении он использует длинный шест, на острие которого прикреплен кусок круглой доски или круглый шар, чтобы он не погружался слишком глубоко в снег. *Подниматься в гору* на лыжах не так просто, но опытный конькобежец может преодолеть даже крутые склоны гор с меньшими трудностями, чем можно себе представить. Это достигается зигзагообразными линиями, каждая из которых ведет на более высокую высоту. Вниз по склону *лыжи* летят быстро, почти как стрела, а с помощью длинного шеста скалы, овраги и обрывы обходятся с удивительной ловкостью. В общем, лапландец в своей оленьей упряжке или на своих длинных деревянных лыжах - зрелище настолько интересное, насколько это вообще возможно.

После всего сказанного становится ясно, что лапландцы, хотя и живут так близко к цивилизованным землям, все же очень далеки от *настоящей цивилизации*.

Глава шестнадцатая.

Андаманцы, или грязевые бедауры.

На восточной стороне Бенгальского залива расположено скопление, или архипелаг, островов, известных под названием "Андаманы". Они образуют длинную цепочку, идущую почти на север и на юг; вместе с группой Никобарских островов, расположенных еще

дальше к югу, они похожи на ряд ступенек, соединяющих мыс Неграис в Бирме с островом Суматра. Независимо от Никобарских островов, Андаманы имеют протяженность в несколько сотен миль в длину, в то время как их ширина нигде не превышает двадцати миль. До недавнего времени предполагалось, что большая часть группы образует один остров, известный как "Большой Андаман"; но в 1792 году было обнаружено, что через него проходит канал, который разделяет его на две отдельные части.

Обнаружение этого канала было случайным, и случайность эта имела меланхоличные последствия. Судно из Мадраса вошло между Большим Андаманом и противоположным побережьем Бирмы. Это судно было нагружено провизией, предназначенной для снабжения Порт-Корнуоллиса - поселения каторжников, которое англичане основали в предыдущем году на восточной стороне острова. Хозяин судна, не зная расположения Порт-Корнуоллиса, послал лодку исследовать отверстие, которое он увидел в земле, полагая, что это может быть вход в гавань. Однако это был не вход, а устье вышеупомянутого канала. Команда лодки состояла из двух европейцев и шести ласкаров. Когда они вошли в гавань, был уже поздний вечер, и, поскольку вскоре наступила темнота, они сбились с пути и оказались влекомы стремительным течением, направленным к Бенгальскому заливу. Северо-восточный муссон дул в это время с большой силой, и это, вместе с быстрым течением, вскоре вынесло лодку через канал, и, несмотря на все усилия, их вынесло в Индийский океан, далеко за пределы видимости суши! Здесь в течение восемнадцати дней несчастная команда терпела побоище, пока не была подобрана французским кораблем почти под линией равноденствия, за сотни миль от канала, который они невольно открыли! Осталось рассказать о печальной части этой истории. Когда французское судно сняло их с мели, двое европейцев и трое ласкаров были живы; остальные трое ласкаров исчезли. Шокирует тот факт, что они были убиты и съедены своими товарищами!

Упомянутое выше поселение каторжников просуществовало всего несколько лет, а затем было заброшено - из-за нездорового климата, от которого в большом количестве погибли сипаи, охранявшие это учреждение.

Несмотря на это, Андаманские острова выглядят очень привлекательно. Почти по всей их протяженности проходит горная гряда, поднимающаяся в некоторых местах на высоту от двух до трех тысяч футов. Эти горы до самых вершин покрыты густыми лесами, которые можно назвать первобытными, поскольку на всей поверхности островов не найти следов расчистки или возделывания земли, да и на памяти человека они никогда не существовали, за исключением поселения каторжников, о котором шла речь. Некоторые из лесных деревьев достигают огромных размеров и высоты, а многочисленные виды деревьев перемешаны между собой. Берега покрыты мангровыми зарослями, а колючие папоротники и дикие ротаны образуют непроходимые заросли на склонах холмов; распространены бамбуки, а также дерево "гамбиер" или "резаное дерево" (*Agathis*), из которого добывают торговую *терру "японику"*. Есть и другие деревья, дающие красители, а также любопытный вид винтовой сосны (*панданус*), известный как "никобарский хлебный фрукт".

Несмотря на благоприятное положение, зоология этих островов крайне ограничена в видах. Единственные четвероногие, о которых известно, что они существуют, - это дикие свиньи, собаки и крысы; в лесах внутренних районов обитает разновидность племени обезьян. Сухопутных птиц немного - это голуби, горлицы, мелкие попугаи и индийская ворона; изредка над деревьями парят ястребы, а по ночам летает жужжащая птица, издавая тихий крик, похожий на воркование голубей. Встречаются совы нескольких видов, а скалы, обращенные к побережью, часто посещает необычная ласточка - *hirundo esculenta*, чьи гнезда едят богатые мандарины Китая. Вдоль берегов живут чайки, зимородки и другие водные птицы.

Часто встречается большая ящерица *гуана* и несколько других; а зеленая змея, самая ядовитая из всех, делает опасным проникновение в заросли джунглей, покрывающие всю поверхность страны.

Во всем этом нет ничего примечательного, если принять во внимание крайнюю скудость зоологии; и это действительно особенность, если учесть, что Андаманские острова лежат менее чем в восьмидесяти лигах от территории Бирманских островов, страны, столь богатой млекопитающими; если учесть также, что они покрыты огромными лесами, почти непроходимыми для человека из-за густого переплетения подлеска и паразитических растений, - самое место, надо полагать, для диких зверей многих видов! И при этом мы находим всего три вида четвероногих, да и те мелкие, тонко распределенные по опушкам леса. По правде говоря, Андаманские острова и их *фауна* долгое время оставались загадкой для зоолога.

Но еще дальше и в гораздо большей степени их обитатели ставили в тупик этнолога, и здесь мы подходим к истинной особенности Андаманских островов, то есть к *людям*, которые их населяют. За исключением, пожалуй, всех остальных, эти люди - самые настоящие дикари на всем земном шаре, и таков был их характер с древнейших времен: они были известны древним еще во времена Птолемея. Птолемей упоминает их под названием *антропофаги* (людоеды), а арабы девятого века, плававшие по Индийскому океану, дают о них аналогичный рассказ. Марко Поло принимает это утверждение, и, что еще более удивительно, один из самых известных этнологов нашего времени - доктор Лэтэм - поддался подобному легковерию и назвал бедных андаманцев "языческими каннибалами". Это ошибка: они не являются каннибалами ни в каком смысле этого слова; и если они когда-либо ели человеческую плоть, - чему нет никаких доказательств, - то только когда их вынуждал голод. При подобных обстоятельствах некоторые представители всех народов мира делали то же самое - англичане, немцы, французы, американцы - в последнее время часто - в горах Нью-Мексико и Калифорнии.

Обвинение в каннибализме, выдвинутое против этих несчастных существ, не имеет под собой никакой другой основы, кроме утверждений китайских моряков и туманных заявлений Птолемея и арабов, о которых говорилось выше.

Китайцы время от времени посещают Андаманские острова на своих джонках, чтобы собрать съедобные гнезда ласточек (*hirundo esculenta*), - эти птицы имеют обширные гнездовья на скалах, нависающих над побережьем Большого Андамана. Трепанг, или морской слизень, также встречается в больших количествах на скалах у берега; он является и предметом торговли, и предметом величайшей роскоши среди мандаринов и других богатых небожителей, которые могут позволить себе побаловать их.

Время от времени среди этих скал терпит крушение джонка, и ее несчастный экипаж становится жертвой враждебности туземцев, как это могло бы произойти на более цивилизованных побережьях, где не подозревают о существовании каннибализма. Экипажи джонок были полностью уничтожены - убиты, если угодно, - но нетрудно доказать, что это было сделано скорее из мести, чем из простого кровоостанавливающего инстинкта или склонности; но нет ни одного доказательства хотя бы одного случая настоящего каннибализма. Действительно, есть веские причины не верить в этот ужасный обычай, пока речь идет о бедных дикарях Андаманов. Случай, который, казалось бы, полностью опровергает его, произошел во время оккупации острова Ост-Индийской компанией в 1793 году; другие доказательства отсутствия каннибализма были получены в более поздний период, о чем мы сейчас упомянем.

Инцидент, произошедший в 1793 году, был следующим: Группа рыбаков, принадлежащая к поселению, заманила андаманскую женщину, чтобы та подошла поближе, протягивая ей подарки в виде еды. Женщина попала в плен к этим вероломным людям, которые, вместо того чтобы утолить ее голод, стали вести себя с ней самым жестоким и бесчувственным образом. Крики бедняжки привели к месту происшествия многочисленный отряд ее людей, которые, выскочив из зарослей со всех сторон, собрались вокруг рыбаков и, напав на них с копьями и стрелами, сумели убить двоих из их числа. Остальные с трудом добрались до поселения и, получив помощь, большой компанией отправились на поиски тел своих товарищей. Надежды на то, что их удастся найти, было немного: все были уверены, что дикари унесли их с собой, чтобы устроить на их месте каннибальский пир. Времени для их извлечения было предостаточно, поскольку место схватки находилось на значительном расстоянии от форта.

Поэтому искатели были несколько удивлены, обнаружив оба тела на том месте, где они упали, а врага полностью исчезнувшим с земли! Тела были изуродованы самым шокирующим образом. Плоть была пробита во всех частях - несомненно, копьями, - а кости были избиты тяжелыми камнями, пока не превратились в осколки; но ни кусочка плоти не было снято, не было даже отрублено ни одной руки или конечности!

Другой случай, о котором мы обещали упомянуть, произошел в гораздо более позднее время - фактически, в период заточения короля Дели. В памяти моих читателей еще свежо воспоминание о том, что его индусское величество был перевезен на остров Большой Андаман вместе с несколькими мятежниками-"сипоями", попавшими в плен во время недавнего индийского восстания. Специально для этого было восстановлено поселение каторжников, а для их охраны вместе с мятежными сипаями был отправлен отряд "войск Ост-Индийской компании". Предполагалось, что войскам будет очень трудно выполнять свои обязанности, поскольку число пленников было больше, чем можно было справедливо позаботиться; кроме того, было хорошо известно, что если пленник однажды сможет выбраться за стены форта, то преследовать его будет совершенно бесполезно. Погоня за беглецом по запутанным лесам Андаманских островов была бы, безусловно, "погоней за диким гусем", и шансы на то, что его не поймают, были бы десять к одному.

Так оно и было в действительности в течение первой недели или двух после того, как поселение было восстановлено. Многочисленные пленники сбежали в лес, и, поскольку преследовать их было бесполезно, их отдали как "потерянных птиц".

В конце концов, однако, оказалось, что не все они потерялись, хотя некоторые из них были. По истечении недели или двух они стали возвращаться в форт и добровольно сдаваться своим старым охранникам - то одному, то другому, то двум или трем сразу, - но все они находились в самом плачевном и жалком состоянии. На Андаманских островах они немного наслаждались свободой, но одного ее вкуса оказалось достаточно, чтобы понять, что плен в хорошо натоленной караулке даже предпочтительнее свободы на голодный желудок, да к тому же они ежечасно рисковали быть насаженными на копья дикарей. Многих из них действительно постигла эта участь; другие же спаслись лишь полумертвыми от враждебного обращения, которому они подверглись со стороны островитян. Однако нет никаких сведений о том, что кто-то из них был съеден, - никаких доказательств того, что их непримиримые враги были каннибалами.

Вот несколько аргументов, которые, кажется, опровергают обвинение Птолемея и двух арабских купцов, в чьих путешествиях и было найдено это утверждение, а затем скопировано знаменитым Марко Поло. Вероятно, арабы получили свою идею от Птолемея, Марко Поло -

от арабов, а доктор Лэтэм - от Марко Поло. Действительно, нет никакой уверенности в том, что Птолемей имел в виду Андаманские острова под своим *Islae bonae Fortunae*, или "Островами удачи", - несомненно, очень неподходящее название. Возможно, он имел в виду Суматру и ее баттов, которые, несомненно, являются каннибалами. В конце концов, что мог знать Птолемей об этом вопросе, кроме смутных сообщений или, что более вероятно, еще более смутных *догадок*, - процесс рассуждений, который практиковался во времена Птолемея, как и в наши дни. Мы слишком готовы принять ошибки древних писателей, как будто тогда люди были более непогрешимы, чем сейчас; и, с другой стороны, мы в равной степени склонны к недоверию, часто отвергая их свидетельства, когда они могут привести к истине.

Я считаю, что перед нами нет исторических свидетельств - древних или современных - доказывающих, что жители Андаманских островов - каннибалы; и все же, при всех свидетельствах обратного, есть один факт, или, скорее, гипотеза, которая будет приведена сейчас, которая указывает на *вероятность того*, что они таковыми являются.

Однако если они и не каннибалы, то не менее отъявленные *дикари*, причем самого низкого сорта и степени. Они не знакомы почти с самыми скромными искусстваами социальной жизни и даже не настолько продвинулись по шкале, чтобы иметь организацию. В этом отношении они стоят в одном ряду с бушменами Африки и диггерами Северной Америки: еще больше они напоминают жалких голодранцев Огненной Земли. У них нет родовых связей, они живут разрозненными группами или бандами, как обезьяны или другие животные, отличающиеся стайным характером.

Андаманцы - одни из самых "уродливых" дикарей. Он невысокого роста, достигающего всего пяти футов, а его жена на целую голову ниже его самого. Оба они черны как смоль, если бы можно было определить их естественный цвет; но кожа обычно скрыта под маской из редкого материала, которую мы еще будем иметь случай описать.

Верхняя половина тела андаманца крепко и компактно сложена, а его руки достаточно мускулисты. Именно ниже, в конечностях, ему больше всего не хватает развития. Его ноги костлявые и тонкие, и только когда он находится в прекрасном состоянии, на них нет ни малейшей выпуклости, которая указывала бы на наличие икры. Его ноги чудовищной длины и лишены какой-либо симметрии, пятки выступают далеко назад, в стиле, который обычно называют "lark-heeled". Вполне возможно, что к естественному развитию его конечностей добавилась большая практика, когда он бегал по илистым отмелям и зыбучим пескам в поисках пропитания из раковин рыб; ведь теперь уже нет никаких сомнений, что подобные эффекты были вызваны подобными причинами, - эффекты, которые, в конце концов, скорее *естественные*, чем *искусственные*.

Андаманец демонстрирует выпирающий живот, заметный у других дикарей, ведущих голодный образ жизни, а его лицо обычно отмечено выражением, выдающим смесь свирепости и голода.

Однако стоит отметить, что хотя эти низкорослые пропорции в целом наблюдаются среди туземцев Андаманских островов, они не являются всеобщими. В основном на острове Большой Андаман встречаются самые несчастные из этих дикарей. Малый Андаман, по-видимому, производит лучшую породу: на этом острове с последним названием встречались партии, в которых были замечены особи почти шести футов ростом и крепкого телосложения. Одна из таких партий и случай встречи с ней описаны присутствовавшим при этом офицером следующим образом

"Мы не отошли далеко, когда под углом джунглей, покрывающих остров на расстоянии нескольких ярдов от кромки воды, внезапно наткнулись на группу туземцев, лежащих на животе за кустами, вооруженных копьями, стрелами и длинноствольными луками, которые они угрожающе наклонили в нашу сторону. Наши ласкары, как только увидели их, в ужасе отступили назад, вскинули мушкеты и побежали в море к лодкам. С большим трудом нам удалось удержать наших трусливых негодяев от стрельбы; тиндал был единственным, кто поддержал старшего помощника и меня. Мы приблизились к туземцам на расстояние нескольких шагов и сделали знаки пить, чтобы сообщить о цели нашего визита. Тиндал приветствовал их в соответствии с различными восточными способами приветствия - он говорил с ними на малайском и других языках; но они ничего не ответили и продолжали стоять в скрюченном положении, направляя на нас свое оружие всякий раз, когда мы поворачивались. Я протянул платок, но они не вышли из-за кустов, чтобы взять его. Я положил его на землю, и мы вернулись, чтобы дать им возможность подобрать его: они все еще не двигались.

"Напротив нас я насчитал шестнадцать сильных и трудоспособных мужчин, многие из них были очень похотливы; а дальше - еще шестерых. По внешнему виду они сильно отличались от тех, какими их представляют туземцы Большого Андамана, - то есть от представителей щедедушной расы. Все они были совершенно голыми, за исключением одного - крепкого мужчины ростом около шести футов, который стоял вместе с двумя или тремя женщинами сзади. На голове у него была красная ткань с белыми пятнами.

"Это были самые свирепые и дикие существа, которых я когда-либо видел. Те части их тел, которые не были покрыты грязью, имели черный от копоти цвет. Их лица, казалось, были выкрашены красной охрой".

Несмотря на разницу в росте и других параметрах - несомненно, результат более благоприятных условий существования, - жители обоих островов, Большого и Малого Андамана, принадлежат к одной расе людей; и на портрете лица обоих можно рассматривать как одно и то же. Это подводит нас к самому странному факту во всей истории жителей Андаманских островов. Вместо лица индуса, китайца, монгола или малайца, - любое из которых мы могли бы с полным основанием ожидать увидеть у аборигена Бенгальского залива, - мы видим у жителя Андаманских островов истинную физиономию негра. У него не только плоский нос и толстые губы, но и курчавые волосы, сальный цвет лица и все остальные черты негра. И все это в самом неблагоприятном варианте; ведь в дополнение к уже упомянутым некрасивым чертам мы видим огромную голову и пару маленьких, красных глаз, глубоко запавших в глазницы. Воистину, житель Андаманских островов имеет мало претензий на красоту!

Однако, каким бы жалким ни казался житель Андаманских островов, и какое бы малое значение он ни имел в большой социальной семье человеческой расы, в этнологическом плане он является одной из самых интересных ее разновидностей. С древнейших времен он был предметом спекуляций, точнее, его присутствие в той части света, где он сейчас находится: поскольку, по общему мнению, он полностью изолирован от двух признанных негритянских рас и окружен другими видами человеческой семьи, далеко не похожими ни на одну из них, возникает вопрос, как он там оказался.

Пожалуй, ни один другой двухтысячный народ на земле - а именно таково число жителей Андаманских островов - не удостоился большего количества спекуляций относительно своего происхождения. Некоторые этнологи приписывают им африканское происхождение и объясняют их присутствие на Андаманских островах необычной историей: португальский

корабль, груженный африканскими рабами и направлявшийся в индийские колонии, потерпел крушение в Бенгальском заливе и, разумеется, у берегов Андаманских островов: экипаж был убит рабами, которые, освободившись благодаря этому обстоятельству, стали жителями острова. В пользу этой истории говорит тот аргумент, что враждебность, которую туземцы сейчас так небезызвестно демонстрируют, возникла из духа мести: помня жестокое обращение, полученное на "среднем пути" от своих португальских хозяев, они решили никогда больше не попадать в рабство, а мстить белому человеку, когда бы он ни оказался в их власти!

Конечно, эти обстоятельства, казалось бы, должны придать некую окраску этой истории, если бы она имела хоть какое-то основание; но она не имеет никакого основания. Если бы мы поверили ей, пришлось бы выбросить за борт Птолемея, арабских купцов и Марко Поло в придачу. Все они зафиксировали существование жителей Андаманских островов задолго до того, как португальский киль рассекал воды Индийского океана, - задолго даже до того, как ди Гама удвоил мыс!

Но и без помощи Птолемея или свидетельств арабских исследователей можно утверждать, что Андаманские острова были заселены до эпохи португальцев в Индии, причем той же расой дикарей, что обитает на них сейчас.

По другой версии, затонуло *арабское* невольничье судно, а не португальское; в этом случае заселение островов относится к гораздо более раннему периоду. Однако нет ни одного факта, подтверждающего эту теорию, которая, как и другие, основывается лишь на предположениях.

Ошибка этих гипотез заключается в ошибочных *данных*; ведь, хотя мы и заявили, что жители Андаманских островов, несомненно, принадлежат к негритянской расе, они не являются той негритянской расой, на которую указывают спекуляции, - другими словами, это не *африканские* негры. Кроме некоторых выраженных черт, таких как плоский нос и толстые губы, у них нет ничего общего с этими последними. Их волосы скорее "вьющиеся", чем "шерстяные", как у эфиопских негров; в этом отношении они близки к "папуасским" или новогвинейским "негрилло", которые, как всем известно, сильно отличаются от *африканских* негров.

Их моральные характеристики - те, которые мы имели возможность наблюдать среди них, - также являются дополнительным доказательством того, что они не африканского происхождения; в то время как эти черты безошибочно указывают на родство с другой стороной Индийского океана. Даже некоторые особенности их моды, как мы вскоре будем иметь возможность заметить, подтверждают убеждение, что андаманец - это "негрилло", а не "негр". Единственным препятствием для этой веры до сих пор был факт их изолированного положения: утверждалось - как мы увидим, довольно поспешно - что весь противоположный континент Бирманской и других империй населен совершенно разными расами, что ни на одном из соседних островов - Никобарах и Суматре - нет негров или негрилло, и что андаманцы, таким образом, отрезаны от любой возможной линии миграции, которой они могли бы следовать, войдя в Бенгальский залив. Этнологи, однако, похоже, не обратили внимания на то, что это утверждение не совсем верно. *Саманги* - племя, населяющее горные районы Малайского полуострова, - также относятся к неграм или негрилло; этот факт сразу же устанавливает звено в цепи предполагаемой миграции с большого Индийского архипелага.

Это позволяет жителю Андаманских островов попасть в Великое Китайское море; или, скорее, выйдя из этого моря, он становится ступенькой к своему нынешнему месту

жительства в Бенгальском заливе. Кто может сказать, что в свое время он не был владельцем Малайского полуострова? Как объяснить тот странный факт, что в Индии за Гангом часто встречаются фигуры Будха - гуадма бирманцев и сиамцев - с вьющимися волосами и другими характерными чертами негра?

Теория о том, что жители островов Саманг и Андаманских островов когда-то правили Малайским полуостровом; что они сами пришли с востока, с больших островов Меланезийской группы, центра и источника расы негрилло, - в какой-то мере объясняет это необычное монументальное свидетельство. Кроме того, вероятность миграции на запад в пределах тропиков всегда в пользу этого. За пределами тропиков правило иногда меняется на противоположное.

Наблюдается также совпадение личных привычек жителей Андаманских островов и меланезийцев. Первый красит голову в коричневый или красноватый цвет, что соответствует моде фиджи!

Предположим, что саманги и жители Андаманских островов пришли по торговым путям в период, слишком отдаленный, чтобы даже традиция могла с ним справиться: предположим, что они занимали Малайский полуостров, как бы долго это ни продолжалось; и что в гораздо более поздний период они были вытеснены с места, - одни вернулись на Андаманские острова, другие - в горы Кведаха: Предположим также, что вытеснившая их сторона была малайцами, которые сами сотни лет дрейфовали по торговым путям от далеких берегов Америки (ибо это *наша* "спекуляция"): предположите, что все эти обстоятельства имели место, и вы сможете объяснить два факта, которые долгое время озадачивали этнолога. Один из них - присутствие негров на Андаманских островах, а другой - малайцев в юго-восточной части Азии. Мы могли бы привести множество аргументов в пользу вероятности этих гипотез, если бы у нас было место и время. Однако и то, и другое заставляет нас вернуться к более конкретному предмету нашего очерка; и мы сделаем это после того, как сделаем замечание, обещанное выше и касающееся *вероятности* того, что житель Андаманских островов является каннибалом. А она заключается в том, *что он является папуасским негром*. И все же это лишь кажущаяся вероятность, поскольку можно доказать, что у папуасов каннибализм не является природным инстинктом. Он проявляется только там, где он достиг высокой степени *цивилизации*, как в случае с жителем острова Фиджи. Назовите последнего монстром, если хотите; но, как можно узнать из нашего рассказа о нем, он не *дикарь* в обычном понимании этого термина. На самом деле в языке нет эпитета, достаточно мерзкого, чтобы охарактеризовать такое аномальное животное, как он.

Я постарался снять с жителя Андаманских островов обвинение в этой вине, и, раз уж видимость говорит против него, он должен чувствовать себя благодарным. Сомнительно, что он будет благодарен, если эта книга попадет ему в руки и он сможет ее прочесть. Портрет его лица без этого пятна он мог бы счесть достаточно уродливым; а портрет его привычек, который следует далее, не намного более лестен.

Его дом немногим лучше логова дикого зверя, а по изобретательности постройки он значительно уступает тем, что строят бобры. Несколько жердей, воткнутых в землю, прислонены друг к другу и связаны вместе в верхней части. Поверх них настилается плетень из тростника и листьев ротанга, а на полу - "трясучка" из засохших листьев, которая служит ему постелью или, скорее, "логовом". Как видно, именно такой дом строят диггеры, бушмены и фуэгийцы. Здесь нет никакой кулинарной утвари - только чашка для питья из раковины *наутилуса*; зато орудия войны и охоты в изобилии: такие встречаются даже среди самых низких дикарей. Они состоят из лука, стрел и разновидности копья или дротика. Луки очень

длинные и сделаны из бамбукового тростника, как и дротики. Стрелы обычно оканчиваются клыками небольших диких свиней, которые обитают на островах. Их они иногда ловят во время погони, а черепа вешают в своих хижинах в качестве трофеев и украшений. Также они иногда украшают свое тело нитями из зубов свиньи, но в этом отношении они не очень тщеславны. Иногда среди них находят куски железа - гвозди, расплюснутые, чтобы сделать лезвия ножей или кромку для их адз, головки которых сделаны из твердого дерева. Эти куски железа они, несомненно, получили с затонувших судов или в ходе случайных сношений с каторжниками; но регулярной торговли с ними нет - собственно, никакой торговли, - поскольку даже малайские торговцы, которые ходят повсюду, не посещают андаманцев, опасаясь их известного исмаилитского характера. Некоторые из общин, более продвинутые в цивилизации, имеют предметы более изобретательной конструкции, такие как корзины для хранения фруктов и раковин рыб, хорошо сделанные луки и стрелы с несколькими головками для стрельбы по рыбе. Единственный предмет их собственного производства - грубое каноэ, выдолбленное из ствола дерева с помощью огня и их бедной секиры. Плот из бамбука, еще более грубой конструкции, позволяет им пересекать узкие заливы и бухты, которыми изрезано их побережье.

Их обычное место обитания - берег. Они редко проникают в густые леса внутренних районов, где их ничто не прельщает: ведь дикий бор, за которым они иногда охотятся, встречается только на побережье, где лес более густой и разрозненный, или среди мангровых зарослей, - плодами которых питаются эти животные. Как ни странно, но в лесах, несмотря на пышность видов, съедобные плоды растут лишь на немногих деревьях. Какао-пальма, в изобилии произрастающая во всех других частях восточно-индийских территорий и даже на Кокосовых островах, которые лежат немного севернее Андаманских, не растет на этих горных островах. Поскольку дикари ничего не знают о земледелии, конечно, их зависимость от растительной диеты была бы крайне ненадежной. В пищу они употребляют несколько фруктов и корней. Упомянутый выше панданус приносит прекрасный конусообразный плод, часто весом от тридцати до сорока фунтов; он, под названием *меллори*, или "никобарское хлебное дерево", составляет часть их пищи. Но он требует процесса приготовления, который, будучи совершенно неизвестным андаманцам, должен сделать его для них "горьким фруктом", даже если он запечен в золе их костров, что является их способом приготовления. Они также едят плоды мангровых деревьев и некоторых других деревьев, но их нельзя достать в любое время года или в таком количестве, чтобы обеспечить себе пропитание. В основном они питаются рыбой, которую жарят примитивным способом на решетке из бамбука, иногда не дожидаясь, пока она будет наполовину готова. Особенно они питаются раковинной рыбой, несколько видов которой в изобилии встречаются на их побережье, и которую они добывают среди скал после отлива. Собирать их - дело женщин, а мужчины занимаются рыбной ловлей или охотой на диких свиней. Из моллюсков наиболее распространены *мурекс трибулус*, *трохус телескопиум*, *кипрей каурика* и мидии. Они ловко ловят других рыб своими дротиками, которые они обрушивают на мелкую добычу либо с плота, либо заходя в воду по колено. Они также ловят рыбу при свете факела, то есть разжигая сухую траву, пламя которой привлекает некоторые виды рыб на мелководье, где рыбаки их поджидают.

Когда рыбалка не удастся, а устриц и мускулов становится мало, они часто доводят себя до отчаяния и едят все, что может поддержать жизнь, - ящериц, насекомых, червей, возможно, даже *человеческую плоть*. Они нередко оказываются в таком положении, и известны случаи, когда их находили лежащими на берегу в последней стадии голода.

Подобный случай связан с поселением каторжников в 1793 году. Однажды каботажная партия обнаружила двух андаманцев, лежащих на берегу. Сначала их приняли за мертвых, но, как оказалось, они были лишь ослаблены голодом: тогда они находились на самой последней стадии голода. Это были старик и мальчик; их сразу же отнесли в форт и использовали все средства, какие только могла предложить гуманность, чтобы вернуть их. С мальчиком это удалось, но старика восстановить не удалось: его силы были слишком велики, и он умер вскоре после того, как его доставили в поселение.

Две женщины или молодые девушки также были найдены сильно измученными голодом; настолько, что куска рыбы, протянутого им, было достаточно, чтобы заманить их в присутствие команды лодки, высадившейся на берег. Их взяли на борт корабля и отнеслись к ним с максимальной гуманностью. За короткое время они избавились от страха, что им могут предложить насилие, но в то же время, похоже, в значительной степени проявили скромность. Им была отведена небольшая квартира, и хотя вряд ли у них были реальные причины для опасений, было замечено, что эти двое никогда не ложились спать в одно и то же время: один всегда дежурил, пока другой спал! Когда со временем они лучше узнали, что к ним относятся с добрыми намерениями, то стали очень веселыми, болтали без умолку и забавлялись прежде всего тем, что видели себя в зеркале. Они позволяли надевать на себя одежду, но снимали ее, когда им казалось, что за ними не наблюдают, и выбрасывали как ненужную вещь! Они любили петь, иногда меланхоличным речитативом, иногда в живом ключе, и часто устраивали танцы по палубе, в манере, свойственной андаманцам. Они не пили ни вина, ни спиртных напитков, но безмерно любили рыбу и сахар. Они также ели рис, когда его им предлагали. Они пробыли на борту корабля несколько недель, и под влиянием обильной диеты стали такими гладкими и упитанными, что их едва можно было узнать в полуголодных существах, которых совсем недавно доставили на борт. Однако было очевидно, что они не были довольны. Свобода, даже сопровождаемая голодом, казалась им слаще, чем плен посреди роскоши и легкости. Результат доказал, что эти чувства были им не чужды: однажды ночью, когда все, кроме вахтенного, спали, они бесшумно прокрались через капитанскую каюту, выпрыгнули из кормового окна в море и поплыли к острову, удаленному от корабля на полмили! Преследовать их посчитали бесполезным, но, впрочем, и не собирались. Цель заключалась в том, чтобы удержать их с помощью доброты и попробовать, какой эффект произведет это на их диких товарищей, когда они вернутся к ним. Странно сказать, но такой способ обращения с жителями Андаманских островов применялся неоднократно, и всегда с одинаковым бесплодным результатом. Какой бы ни была изначальная причина, прервавшая их общение с остальным человечеством, они, похоже, твердо решили, что это общение никогда не возобновится.

Когда среди них царит изобилие, и рыбы в достатке, они ведут себя как другие голодные несчастные; они предаются пиршеству и объедению, пока не останется ни кусочка. В такие моменты они предаются чрезмерному веселью - танцуют часами напролет и болтают, как обезьяны.

Они очень любят "спотыкаться на легком фантастическом пальце", и их танец очень своеобразен. В нем танцоры образуют кольцо и прыгают по кругу, каждый из которых через определенные промежутки времени приветствует свою заднюю часть шлепком ноги, - подвиг, который и мужчины, и женщины выполняют с большой ловкостью. Нередко этот способ приветствия передается от одного к другому, по всему кольцу, вызывая беспредельное веселье зрителей.

Их манера одеваться, пожалуй, самая своеобразная из всех известных костюмов. Что касается одежды, то они ни о чем не заботятся, - женщины носят только узкую бахромку

вокруг талии, не из скромности, а просто как украшение; и в этом скудном одеянии мы имеем сходство с *лику* фегеев. Однако вряд ли можно сказать, что мужчины и женщины ходят полностью обнаженными; каждое утро, поднявшись со своей кушетки из листьев, андаманец покрывает все свое тело толстым слоем грязи, который носит в течение всего дня. Там, где она трескается от высыхания на солнце, это место латают или заделывают свежим слоем. Черная шевелюра на голове не имеет естественного оттенка, но, как уже говорилось, окрашивается с помощью красной охристой земли, которая в изобилии встречается на островах. Это покраснение головы - единственная попытка андаманца украсить себя; ведь его одеяние из грязи предназначено для полезной цели - защиты тела от многочисленных комаров и других кусачих насекомых, которые мириадами кишат на низменном побережье, где он живет.

Поразительной особенностью этих островитян является безоговорочная враждебность, которую они проявляют и всегда проявляли по отношению ко всем людям, с которыми вступали в контакт. Они ненавидят и преследуют не только белого человека, но и убивают малайцев, чья кожа почти такая же темная, как и их собственная. Это, казалось бы, противоречит гипотезе о сохранившейся среди них традиции вражды, направленной против белых людей, поработивших их предков; но, действительно, эта история была достаточно опровергнута. Гораздо более вероятной причиной их всеобщей ненависти является то, что в какой-то период их истории с ними жестоко обращались; настолько, что подозрительность и вероломство стали почти инстинктом их натуры.

В этих очень характерных моральных чертах мы находим еще одну из тех поразительных аналогий, которые, казалось бы, должны связывать их с расами негрилло Восточного архипелага; но связаны они с ними или нет, их появление на Андаманах - не большая загадка, чем одинокий "волк-лиса" на Фолклендских островах или мельчайшее бескрылое насекомое на каком-нибудь одиноком островке океана?

Глава семнадцатая.

Патагонские гиганты.

Кто не слышал о *гигантах* Патагонии? Со времен Магеллана, когда их впервые увидели, об этих колоссальных людях рассказывали много историй и строили разные догадки: некоторые представляли их как титанов, ростом в двенадцать футов и крепких, что, стоя немного в стороне, человек обычного роста мог пройти между их ног, даже не наклонив головы! Так говорили первые мореплаватели Великого Южного моря.

С тех пор как эти люди впервые были замечены европейцами, и до настоящего времени, - в общей сложности триста тридцать лет назад, - поразительно, как мало прибавилось к нашим знаниям о них; тем более что почти каждый мореплаватель, прошедший через Магелланов пролив, имел с ними какие-то сношения; тем более что испанцы имели поселения на границах их страны, а одно - правда, неудачное - в самом ее сердце! Но все эти испанские поселения пришли в упадок или быстро разрушаются; и когда испанская раса исчезнет из Америки - а рано или поздно это, несомненно, произойдет, - она оставит после себя более скудные монументальные свидетельства, чем, возможно, любой цивилизованный народ, когда-либо передававший их потомкам.

Однако, как бы мало мы ни узнали об обычаях патагонцев, мы, по крайней мере, получили более определенное представление об их росте. *Их рост был измерен*. Двенадцатифутовых гигантов больше не найти; они никогда не существовали, разве что в плодовитом воображении некоторых старых *мореплавателей*, - чьим воплощенным свидетельствам, тем не менее, трудно не верить. Другие, более надежные свидетели избавили нас от титанов, но все равно мы не можем свести рост патагонцев к росту обычных людей. Если они и не настоящие *гиганты*, то, во всяком случае, очень высокие люди - многие из них достигают семи футов в своих сапогах из кожи гуанако, немногие меньше шести, а некоторые и вовсе поднимаются почти до восьми! Эти размеры определены и несомненны; и хотя все индейцы, населяющие равнины Патагонии, возможно, не достигают вышеуказанного стандарта, есть племена людей меньшего роста, называемые общим именем патагонцы, - тем не менее, существует множество людей, которые, безусловно, соответствуют ему.

Если не считать патагонцев гигантами, то можно смело отнести их к самым высоким человеческим существам, возможно, самым высоким из тех, что существуют или когда-либо существовали на земле; и по этой причине, если не по какой-либо другой, они имеют право считаться "странным народом". Но у них есть и другие претензии на это звание; ведь их привычки и обычаи, хотя в целом и соответствуют обычаям других племен американских индейцев, представляют нам много своеобразных моментов.

Можно отметить, что патагонские женщины, хотя и не такие высокие, как их мужчины, находятся в обычной пропорции, наблюдаемой между полами. Многие из них более полные, чем мужчины; и если последних можно назвать *гигантами*, то первые имеют все права на звание *великанш*!

В другом месте мы уже отмечали поразительное различие между двумя территориями, лежащими соответственно к северу и югу от Магелланова пролива, - Патагонской на севере и Фуэгийской на юге. Никакие две земли не могут представить большего контраста, чем эти, - первая с ее сухими бесплодными безлесыми равнинами, вторая - почти без равнин, и, за исключением части ее восточной оконечности, без единого ровного участка площадью в акр, но с грандиозным хаосом влажных лесистых оврагов и покрытых снегом гор. Однако эти два несхожих региона разделяет лишь узкий морской канал - глубокий, правда, но настолько узкий, что с одного берега на другой можно попасть пушечным выстрелом. Не менее несхожи и люди, населяющие эти противоположные берега; можно представить себе странную картину контраста, представленную в Магеллановом проливе: на выступающем обрыве северного берега - мужественный патаговец восьми футов ростом, с широкой шкурой гуанако, свисающей с плеч, и длинным копьем, возвышающимся на десять футов над головой; на южном мысе - карликовая и сморщенная фигура фуэгийца, ростом всего пять футов, с крошечным луком и стрелами в руках, дрожащего под своим плащом из жирной тюленьей шкуры! - И все же они так близко друг от друга, что звенящий голос великана может прогреметь в ушах карлика, а куриный гогот последнего может даже долететь до ушей его колоссального *визави*!

Несмотря на такую близость, между ними не может быть разговора, ибо, как ни непохожи их лица, они не более несхожи, чем их мысли, привычки и действия. Один из них - водное животное, другой - сухопутное; и, как ни странно, в этой особенности преимущество на стороне более слабого существа: фуэгиец может переправиться на своем берестяном каноэ на территорию своего гигантского соседа, в то время как у последнего нет ни каноэ, ни какого бы то ни было водного судна, и поэтому он никогда не помышляет о расширении своих экскурсий в "страну огня", за исключением одного очень узкого места, где он совершил переправу. Во многих других отношениях, более подробно описанных в другом

месте, - в своих природных склонностях и образе жизни - эти два народа одинаково несхожи; и хотя ученые краниологи могут доказать на основании их черепов, что оба принадлежат к одному подразделению человеческой семьи, этот факт также доказывает, что краниология, как и анатомия, является лишь слепым проводником в иллюстрации научной истины, независимо от того, является ли предметом исследования череп человека или животного. Несмотря на все откровения краниологов, индеец из Патагонии имеет примерно такое же сходство с индейцем из Огненной Земли, какое можно найти между быком и голубой бутылкой!

Прежде чем перейти к описанию образа жизни патагонских гигантов, следует сказать пару слов о стране, которую они населяют.

В целом ее можно описать как занимающую всю южную часть Южной Америки - от границы испанских поселений до Магелланова пролива - и ограниченную с востока и запада двумя великими океанами. Самое южное испанское (буэнос-айресское) поселение находится в устье Рио-Негро, поэтому Рио-Негро - самая большая река к югу от Ла-Платы - может быть принята за северную границу Патагонии. Не то чтобы слабый, неполноценный испано-американец простирает свою власть от Атлантики до Анд: напротив, индейские аборигены, под тем или иным именем, являются хозяевами всех внутренних районов, - не только к северу от Рио-Негро, но и до самых берегов Карибского моря! Да, широкая внутренняя часть Южной Америки, от мыса Горн до Антильского моря, теперь, как и всегда, является владением краснокожего индейца, который, так далеко не покоровшись завоеванию, не только устоял перед силой испанского меча и приманками испанского креста, но и в этот час постоянными и быстрыми шагами вторгается на залитую кровью территорию, отвоеванную у него *христианским завоеванием!*

И это тот самый человек, который так быстро исчезнет с лица земли! Если это так, то не жалкому испанцу суждено столкнуть его с лица земли. Если ему суждено исчезнуть, то это произойдет в такое время, что ни один испанец не останется в живых, чтобы стать свидетелем его истребления.

Итак, возьмем собственно Патагонию, омываемую с севера рекой Рио-Негро и простирающуюся от Атлантического до Тихого океана. В таком случае это страна длиной в восемьсот миль, а шириной не менее двухсот, - страна, превосходящая по площади Францию и Испанию. Патагонию обычно описывают как продолжение великих равнин, известных как "Пампасы", которые простираются от реки Ла-Плата до восточного склона Анд. Это представление совершенно ошибочно. Действительно, Патагония - равнинная страна, за исключением той ее части, которую занимают Анды, - это, конечно, горный массив, по своему характеру больше напоминающий Огненную Землю, чем Патагонию. Собственно, Патагонию вряд ли можно считать включающей в себя эту горную полосу: ведь патагонские индейцы населяют только те равнины, которые так правильно называются. Эти равнины существенно отличаются от пампасов. Последние основаны на известковых породах и представляют собой богатую траву - здесь гигантские чертополохи и дикие артишоки, там высокие травы, а еще ближе к горам они покрыты рощами невысоких деревьев. Равнины Патагонии, напротив, относятся к третичному периоду формирования, покрыты по всему периметру галькой из порфира и базальта и почти лишены растительности. То тут, то там в долинах ручьев встречаются пучки скудной травы и несколько чахлах кустиков, но ничего, что можно было бы назвать деревом. Поверхность унылая и засушливая, местами испещренная "салинами" или солеными озерами; пресная вода встречается лишь через большие промежутки времени, а если и встречается, то в скудном количестве. Здесь много холмистых участков, но нет ничего, что можно было бы

назвать горами, за исключением покрытых снегом Кордильер на западе. Патагонская равнина не везде имеет одинаковую высоту: она ступенчато поднимается по мере продвижения на запад, начиная с уровня моря на берегу Атлантического океана, пока, достигнув *предгорий* Анд, вы не окажетесь на равнине, но на высоте трех тысяч футов над той точкой, с которой вы стартовали. Однако на всех высотах она представляет собой один и тот же бесплодный аспект, и вы понимаете, что Патагония - это настоящая пустыня, такая же, как Атакама в Перу, пустыня Колорадо на севере, "бесплодные земли" Гудзонова залива, Сахара и Калахари, Гоби или степь Каурезм. С южноафриканскими пустынями он имеет более поразительное сходство, чем с любыми другими, - сходство, усиленное присутствием этой самой замечательной из птиц - страуса. На равнинах Патагонии обитают два вида - *страус рея* и *страус Дарвина*. Первый вид простирается на север через Пампасы, но не на юг до Магелланова пролива; второй достигает пролива, но никогда не встречается на Пампасах. Хребты обоих встречаются и пересекаются около середины Патагонской равнины.

Помимо страуса, в степях Патагонии часто встречаются и другие крупные птицы. Большой кондор пересекает континент и появляется на берегах Атлантики. Он садится на морские утесы, а также на те, что нависают над внутренними потоками, и строит гнезда на голых скалах. Бок о бок с кондором летают два вида орлов-стервятников - "карранча" и "чинианго"; обитателями этой пустынной земли являются также черные индюки-стервятники. Здесь также обитают красная пума, лисица Азара, несколько видов ястребов и орлов.

За исключением первого из них - страуса - все эти звери и птицы являются хищными созданиями и нуждаются в плоти для своего пропитания. Где они ее берут? На что они все охотятся? Конечно, не страус: ведь эта птица крупнее всех хищных птиц и способна защитить себя даже от большого кондора. Есть только один или два вида птиц, на которых орлы могли бы прокормиться, - куропатка и два вида ржанок; но стервятники не могут прокормиться куропатками и ржавками. Мелкие четвероногие так же скудны. Их всего два или три вида, и они очень маленькие - один вид кротов, "terutero", и несколько видов мышей. Последние, правда, достаточно многочисленны в некоторых местах, - они копошатся на земле в таких бесплодных участках, что трудно понять, чем они питаются. Но стервятники не жаждут пищи, которую им приходится убивать для себя. Они слишком ленивы для этого; и где бы они ни встречались, везде должен быть какой-то источник питания - крупные четвероногие, которые бы обеспечивали их любимой пищей - падалью. Иначе как в этом пустынном краю прожорливая пума сможет прокормить себя, как стервятники и орлы-стервятники? И, прежде всего, на что живет сам патаговец - человек такой огромной массы, что ему, естественно, требуется больше, чем обычно, пищи? Ответ на все эти вопросы заключается в том, что в пустынях Патагонии обитает четвероногий, который если и не обеспечивает всех этих существ полным рационом, то делает большую его часть. Это четвероногое - *гуанако*.

Прежде чем перейти к рассказу о гуанако, давайте нарисует портрет самого патагонца.

Как уже было замечено, его рост составляет почти семь футов, без всяких преувеличений в виде шляпы. Он не носит ее, но позволяет своим длинным черным волосам свободно свисать по плечам или, что чаще, собирает их в узел или клуб на макушке. Чтобы волосы не лезли в глаза, он обычно надевает на лоб узкий ремешок из кожи гуанако или плетеную ленту из шерсти того же животного; но, хотя он и обладает страусиными перьями по своему усмотрению, он редко предается моде носить плюмаж - он знает, что и без него достаточно высок. На плечи и почти до пят он надевает свободную мантию из шкуры гуанако, достаточной ширины, чтобы обернуть ее вокруг тела и встретить на груди, - если ему будет достаточно холодно, чтобы в ней нуждаться. Но он не зябкий человек, и часто отбрасывает эту мантию в сторону, чтобы дать свободу рукам; или, как правило, повязывает вокруг нее

пояс, а верхнюю часть оставляет откинутой с плеч и свисающей вниз через пояс. Эта мантия - за исключением небольшого фартука, похожего на мешочек, - единственная одежда, которую патагонец носит на своем теле; но у его нижних конечностей есть свой покров. Они заключены в своеобразные сапоги или мокасины, отличающиеся от всех других сапог и мокасин тем, что у них нет *подошвы*! Они сделаны из того же материала, что и мантия, то есть из шкуры *гуанако*, но иногда и из шкуры лошадиного голенища, поскольку патагонцы, как и индейцы Пампаса, владеют этим ценным животным.

Этот сапог без подошвы закрывает ногу по всему периметру ниже колена, переходя в верхнюю часть стопы, как гетры; он также простирается вокруг пятки и немного под ней, но не до самого голенища, таким образом оставляя большую часть подошвы голой, а пальцы ног выглядывают вперед! На самом деле это не более и не менее чем гетры, но гетры *из кожи гуанако*, с вывернутыми наружу волосами, и надеваются они не поверх сапог или туфель, как обычно бывает с гетрами, а на голые голенища.

Я так подробно описал патагонскую *обувь*; но вы поймете мои доводы, когда я скажу, что благодаря этому незначительному обстоятельству не только огромная территория страны, но и люди, ее населяющие, получили название, под которым они оба давно известны цивилизованному миру, - *патагонцы*.

Когда моряки, сопровождавшие Магеллана, впервые увидели этих колоссальных людей, они обратили внимание на одно особенное обстоятельство, касающееся их ног. Отвороты, или "верхние части", гетр, свободно простирающиеся по верху ног и преувеличенные в ширину длинными волосами, окаймляющими их края, придавали этим индейцам вид лап или "пата"; и моряки, всегда склонные к наделению их смехотворным эпитетом, дали им название *patagones*, или "утиные лапы". Это название, в несколько измененном виде, они носят с тех пор, так что Патагония означает "страна людей с утиными ногами".

Гетры патагонцев имеют свое особое предназначение. Их носят не только для того, чтобы согреть ноги, но и для защиты от колючих кустарников, которых в Патагонии, как и во всех пустынных странах, очень много.

Мантия и мокасины, таким образом, составляют костюм патагонца, и он не так уж сильно отличается от костюма его соседа фуэгийца, - главные различия заключаются в размере и материале.

Конечно, шкура гуанако гораздо больше, чем шкура обычного тюленя, и хороший патагонский плащ послужил бы "дублетом" для целого племени низкорослых фуэгийцев. Возможно, его просторное одеяние имеет отношение к преувеличенным сведениям о росте патагонцев. Несомненно, что человек, одетый таким образом, выглядит крупнее, чем в противном случае, и вообще имеет *более* внушительный вид. Кафр в своем каресе из циветты и индеец из племени пауни в одеянии из мохнатой буйволиной шкуры выглядят очень крупными в карру и прериях - гораздо крупнее, чем они есть на самом деле. Поэтому вполне естественно предположить, что патагонец, одетый в свою мантию из гуанако и стоящий на фоне неба на вершине заметной скалы, будет выглядеть поистине гигантским.

Когда его впервые увидели в таком положении, он был пешим. Это было в 1520 году, до того как испанцы ступили на южноамериканскую землю, и, конечно, до того, как лошадь стала естественной для этого континента. Менее чем через тридцать лет после этого он появился на этих же скалах верхом на коне, ибо это благородное животное распространилось по равнинам Америки даже раньше, чем его европейский хозяин. Когда испанцы, пытаясь покорить индейцев Пампаса и северных прерий, вышли на эти великие равнины, они, к

своему огромному изумлению, встретили своих краснокожих врагов верхом на лошадях, с длинными копьями и управляющих огненными зарядами с мастерством, не уступающим их собственному!

Среди самых ранних племен, овладевших лошадью, были племена пампасов: ведь первыми из этих животных, одичавших на равнинах Америки, были те, что были высажены в Ла-Плате экспедицией Мендосы, - после чего они рассеялись по прилегающим пампасам Буэнос-Айреса.

От берегов Ла-Платы лошадь стремительно понеслась на юг, к Магелланову проливу, и с этого часа патаговец больше не ходил. За исключением шпоры - обычно острой деревянной палки на пятке - единственного дополнительного предмета его "одежды", лошадь не внесла никаких изменений ни в свой костюм, ни в свой туалет. Он по-прежнему раскрашивает свое лицо так, как его впервые увидел Магеллан, - с белым кольцом вокруг одного глаза и черным или красным вокруг другого; одна половина его тела окрашена в черный цвет, и на ней нарисовано белое солнце, а другая половина белая, образуя "землю" для черной луны! Однако редко кто носит одинаковые эскизы, потому что у патагонцев принято носить глаза, руки и ноги двух разных цветов - точно так же, как наши предки носили дублеты и рукава.

Несмотря на этот странный обычай, который обычно считается дикарским, было бы несправедливо называть патагонца *дикарем*. Если отбросить то обстоятельство, что он рисует себя, - что, в конце концов, едва ли более абсурдно, чем многочисленные обычаи цивилизованной жизни, - если извинить его за то, что он слишком скудно прикрывает наготу своей персоны, и за то, что его пища немного "недожарена", мы не найдем ничего другого ни в его привычках, ни в его моральной природе, что дало бы ему право называться дикарем. Напротив, из всех свидетельств, которые можно получить, - из всех общений, которые белые люди имели с ним, - едва ли найдется поступок, который бы помешал ему претендовать на то, чтобы считаться таким же цивилизованным, как они. Честный и приветливый, храбрый и великодушный, он всегда проявлял себя; и никогда не проявлял тех черт мстительной свирепости, которые, как считается, характерны для необученного человека. Он даже не затаил злобы за обиду, нанесенную ему беспринципным авантюристом Магелланом, который в своем обращении с этими людьми показал себя еще большим дикарем, чем они. Но патаговец сдержал свою месть и, видимо, похоронив в забвении обиду, с тех пор относился к белому человеку с великодушной и достойной дружбой. Те, кто потерпел кораблекрушение у его одиноких берегов, не имели оснований жаловаться на обращение с ними из его рук. Он не каннибал и не варвар, а настоящий джентльмен, или, если хотите, *джентльмен-дикарь*.

Но как этот джентльмен держит себя в руках? Мы уже видели, что он не рыбак, поскольку не владеет ни одной разновидностью лодки, а без этого его шансы поймать рыбу были бы незначительными и неопределенными. Кроме того, мы уже говорили, что его страна - бесплодная пустыня, и так оно и есть: здесь растет лишь самая скудная трава, нет ни растений, ни деревьев, которые могли бы служить пищей, и ее невозможно успешно возделывать. Но он и не пытается заниматься земледелием - у него нет никаких знаний о нем; да и вряд ли он почувствовал бы к этому склонность, даже если бы его соблазнила самая плодородная почва. Он также не ведет пастушеского образа жизни: у него нет ни отар, ни стад. Лошадь и собака - его единственные домашние животные, и они нужны ему не только для еды. Первая позволяет ему легко преодолевать широкие участки бесплодной земли, а обе помогают ему в погоне, которая является его истинным и единственным призванием. Одним из главных объектов его преследования является страус, и он питается мясом этой прекрасной пустынной птицы. Он ест ее всегда, когда может добыть; но он не

может жить только на такой пище, поскольку не может добыть ее в достаточном количестве, и если бы эта птица была единственным средством, которым он мог бы пополнить свой запас, он бы вскоре оказался под угрозой голодной смерти. Правда, страус откладывает много яиц и приносит большой выводок птенцов, но среди патагонцев очень много голодных ртов и больших желудков. Страус никогда не сможет прокормить их всех, и если бы это был единственный ресурс, птица вскоре исчезла бы с равнин Патагонии, а вместе с ней, возможно, и род патагонских гигантов.

К счастью для патагонца, его страна предлагает ему другой вид дичи, которой он получает более достаточное количество; это гуанако. Посмотрите на это стадо величественных существ! Всего их несколько сотен. Их тела покрыты длинной шерстью рыжевато-коричневого цвета. Если бы у них на голове были рога, их можно было бы принять за оленей, ведь они примерно такого же размера, как самцы благородного оленя. Но рогов у них нет, и в остальном они не похожи на этих животных - длинными стройными шеями и шерстью. Это не олени, а *гуанако*. Итак, таковы стада патагонских индейцев; они - главная дичь, которую он преследует, а их мясо - пища, которой он в основном питается.

Мне нет необходимости приводить здесь естественную историю гуанако. Достаточно сказать, что это один из четырех (возможно, пяти) видов *лам* или "верблюжьих овец", характерных для континента Южная Америка, - три других вида: *викунья*, настоящая *лама* и *пако*, или *альпака*. Лама и альпака одомашнены, а викунья, самая грациозная из всех, существует только в диком состоянии, как и гуанако. Все четыре вида обитают на плоскогорьях Анд, от Колумбии до Чили; но гуанако расширил свой ареал до атлантической стороны континента, и то лишь на территории к югу от реки Ла-Плата. На равнинах Патагонии это характерное четвероногое: его редко можно увидеть в поле зрения, обычно стадами по двадцать-тридцать особей, но иногда и большими стадами, насчитывающими до пятисот особей. Там пума - после индейца, конечно, - является его самым большим врагом, а обломки *его* пиршества служат пищей для грифов и орлов-стервятников, что объясняет присутствие этих огромных птиц в столь пустынной стране.

Гуанако - одно из самых пугливых четвероногих животных, и его поимка была бы трудной для любого, кто не знаком с его повадками. Но они выдают их опытному патагонскому охотнику, который хорошо знаком с каждым фактом из естественной истории этого животного.

Патагонский способ ловли этих существ не лишен многих особенностей охотничьей практики. Прежде всего, он должен выяснить их местонахождение: ведь места, которые гуанако облюбовали, - это не ровные равнины, где их можно увидеть издалека, а скорее холмистые или покатые участки. Там их можно встретить, выстроившись в длинные шеренги вдоль склонов холмов, а на вершине возвышенности, с которой открывается вид на стадо, стоит старый самец. Если дозорный замечает опасность или даже подозревает ее, он подает сигнал тревоги, издавая пронзительный, свистящий крик, чем-то напоминающий клич. Услышав этот хорошо известный сигнал, остальные сразу же взлетают в воздух и галопом несутся к склону другого холма, где останавливаются в ряд и стоят в ожидании, не преследуют ли их. Очень часто охотник впервые узнает об их присутствии, услышав их странный сигнал к бегству, который можно описать как нечто треугольное между визгом, кличем и свистом.

Пугливые и труднодоступные, они имеют странную особенность терять все свои чувства, когда находятся в замешательстве. В таких случаях они ведут себя точно как стадо овец: не зная, в какую сторону бежать, бросаются то в одну, то в другую сторону, а зачастую и вовсе бросаются в зубы той опасности, от которой пытаются спастись!

Зная об их глупости в этом отношении, патагонский охотник поступает соответствующим образом. Он отправляется охотиться на гуанако не один, а в компании с другими членами своего племени, причем охотничья партия часто состоит из всего племени. Вооружившись "чусо" - легкими тростниковыми копьями длиной в восемнадцать футов - и сев на своих хорошо обученных коней, они выходят из своего лагеря и направляются к излюбленному месту пастбищ гуанако. Их цель - по возможности "окружить" целое стадо, а для этого нужно действовать с большим мастерством и осторожностью. В конце концов животных находят и с помощью собак и всадников загоняют на холм, который может быть удобен для пастбища. Инстинкт животного, направляющий его туда, делает эту часть работы достаточно легкой. Достигнув холма, гуанако мчатся вперед, на его вершину, и там, остановившись компактной толпой, устремляются навстречу своим преследователям. Те тем временем галопом сбиваются в круг, окружая возвышенность со всех сторон, и, продвигаясь вверх под громкие крики и визг собак, смыкаются вокруг стада и устремляются в атаку.

Длинные чусо быстро выполняют свою работу, и через несколько минут несколько гуанако лежат безжизненными среди камней. Собаки с несколькими мужчинами образуют внешний круг нападающих; если гуанако прорываются сквозь строй всадников, их настигают собаки и пригвозждают к месту, - ведь это еще одна черта характера этого животного, похожая на овечью, - как только собака, пусть даже самая мелкая, схватит его, он не пытается ни бежать, ни сопротивляться, а остается "пригвожденным" к месту, словно под параличом ужаса. Однако они иногда вступают в бой, но никогда не с собакой; их способ нападения - удары ногами сзади, но не копытами, как у лошадей, а коленными суставами, причем задние ноги поднимаются сразу обе. Между собой самцы ведут страшные бои: кусают друг друга зубами и часто наносят жестокие рваные раны.

Как ни странно, когда гуанако встречаются поодиночке или по двое-трое, они гораздо менее пугливы, чем когда собираются в большие стада. В такие моменты чувство любопытства в них сильнее страха, и охотник может легко приблизиться к одному из них на расстояние десятка шагов, просто разрезав несколько каперсов или держа в руках что-то новое для него - например, полоску цветной тряпки или какой-нибудь броский предмет. Именно с помощью таких приемов патагонец ловил этих существ, прежде чем овладение лошадью позволило ему уничтожить их более массовым способом "окружения".

Кувыряясь по земле, он доставлял дичь в пределах досягаемости - не лука и стрел, не длинного копья, поскольку он не использовал его для таких целей, и, конечно, не пистолета, поскольку никогда не слышал о таком оружии. Что же тогда в пределах досягаемости? Оружие, свойственное только ему, - оружие необычной конструкции и смертоносного действия, которое он умел применять еще до того, как белый человек появился на его берегах, и которое испанцы, живущие в Пампасах, с гордостью и пользой для себя взяли на вооружение. Это оружие - "болас".

Оно простое и легко описывается. Два круглых камня - женщины делают их круглыми, шлифуя один о другой, - два круглых камня покрыты куском сырой шкуры гуанако, очень похожи на крикетные шары, хотя и неравного размера, - один значительно меньше другого. Отрезаются две веревки, и один конец каждой крепко привязывается к одному из мячей.

Другие концы ремешков завязываются узлом; когда ремешки полностью натянуты, шары будут находиться на расстоянии около восьми футов друг от друга, то есть длина каждого ремешка должна составлять четыре фута. Теперь болас изготовлен и готов к использованию. Главная трудность в их изготовлении заключается в округлении камней; как уже отмечалось выше, этим занимаются женщины, и требуется не менее двух дней, чтобы отшлифовать пару

камней для бола до правильной сферической формы. Обращение с ними требует долгой практики, и у патагонца она была: с тех пор как молодой гигант смог встать на ноги, он имел привычку играть с боласами. Они были игрушкой его детства, а умение управлять ими было предметом его гордости; поэтому неудивительно, что, достигнув полной зрелости, он проявляет большую ловкость в их использовании. Он может метать их на расстояние до пятидесяти ярдов - с такой точностью, чтобы поразить ноги человека или четвероногого, и с такой силой, что веревка не только обвивается вокруг пораженного объекта, но и часто оставляет глубокие раны на коже и плоти. Способ метания хорошо известен. Используется только правая рука, которая захватывает стринги в месте их соединения, примерно на полпути между концами. Затем шарики вращаются по кругу вокруг головы, и, когда достигается достаточная центробежная сила, оружие запускается в объект, который нужно поймать. Прицеливание - дело тонкого расчета, в котором участвуют и рука, и глаз, и разум, - и в патагонской практике эта цель настолько верна, что охотнику редко удастся сбить или как-то иначе покалечить свою дичь, будь то страус, кавказец или гуанако.

Этим боласом патагонский охотник добывал гуанако и страусов в прошлые времена; этим же оружием он добывает их и сейчас, поскольку на лошади он может использовать его даже лучше, чем пешком. Ни птица, ни четвероногий в радиусе пятидесяти ярдов не имеют шансов уйти от его меткого прицела.

В некоторых районах болас усовершенствовали, введя третий шар; но патагонцы не считают это *усовершенствованием*. Иногда используются деревянные шары, а также железные, если их можно достать, - последний сорт может быть запущен на наибольшее расстояние.

Патагонцы берут молодых гуанако живыми и воспитывают их в условиях одомашнивания. Этих маленьких существ можно часто увидеть стоящими у палаток патагонцев - либо привязанными на веревке, либо держащимися за руки каким-нибудь "младенцем-гигантом" из племени. Молодых гуанако лелеют не только для того, чтобы сделать из них домашних животных, но и для того, чтобы вырастить их для еды. Цель, которую преследуют, имеет совсем другое значение. Молодые гуанако используются в качестве *приманки*: для привлечения своих родственников - отцов, матерей, сестер, братьев, дядей и теток, вплоть до самых отдаленных тридцать вторых родственников, - в пределах досягаемости ужасных болас!

Для этого нужно привязать невинное маленькое существо к какому-нибудь кусту, за которым прячется охотник, а затем имитировать зов матери, что индейский охотник умеет делать со всем мастерством чревоушателя. Молодой пленник отвечает пронзительным криком, - родители вскоре привлекаются на место и становятся жертвами своего инстинкта естественной привязанности. Если бы не эта и подобные уловки, используемые патагонским охотником, он преследовал бы гуанако напрасно. Даже с помощью своей своры собак и верхом на быстроходном испанском коне гуанако не удастся преследовать с успехом. Природа, отказав этим животным почти во всех средствах защиты, наделила их даром, который позволяет им спастись от многих опасностей. Обладая мягким и незлобивым характером, беззащитные, как заяц, они также обладают подобной быстротой. Действительно, пожалуй, ни одно четвероногое - даже антилопа - не передвигается по земле с такой скоростью, как гуанако или родственная ему викунья. Оба они стремительны как ветер, и глаз, следящий за ними по ровной равнине или по склону холма, обманывается, думая, что наблюдает за большой птицей на крыльях.

Есть определенные сезоны, когда к гуанако гораздо труднее подойти, чем в другое время; но это относится почти ко всем видам животных, будь то птицы или четвероногие. Конечно,

самым спокойным сезоном является время полового акта, когда даже дикие звери становятся безрассудными под влиянием страсти. В остальное время гуанако, как правило, очень пугливы, а иногда и крайне пугливы. Нередки случаи, когда стадо гуанако, подняв тревогу, убегает от охотника еще до того, как тот приблизится настолько, что сам окажется в поле его зрения! Они обладают очень острым нюхом, но именно глаз обычно оказывается их другом, предупреждая о приближении врага, особенно если этот враг - человек на лошади, еще до того, как тот осознает их близость. Часто облако пыли, поднимающееся вдали над равниной, является единственным доказательством, которое может получить охотник, что в пределах его видимости была дичь. Любопытное обстоятельство, связанное с охотой на этих великих равнинах - как в Пампасах, так и в Патагонии, - заключается в том, что пеший человек может подойти к любой дичи гораздо ближе, чем если бы он был на лошади. Это касается не только гуанако и страуса, но и крупного пампасского оленя (*cervus campestris*), да и почти всех животных, обитающих в этих краях. Причина этого достаточно проста. Все эти существа привыкли видеть своего врага только верхом на лошади: ведь "охота на месте", или охота пешком, редко или никогда не практикуется на равнинах. Мало того, пеший человек - редкое зрелище для страуса или гуанако, и они едва ли признают в нем врага! Любопытство было бы их главным чувством, и, находясь под его влиянием, *пеший* охотник часто может подойти к ним без труда. Патаговец, зная эту особенность, нередко пользуется ею, чтобы убить или поймать и птицу, и четвероногого.

Такое отношение к животному миру на равнинах Патагонии прямо противоположно тому, что можно наблюдать на наших полях. Хитрый ворон почти не проявляет робости, пока вы приближаетесь к нему на спине лошади; но стоит только попытаться подойти к нему пешком, даже если вас отгораживает густая живая изгородь из боярышника, - и каждый охотник знает, насколько настороженной может оказаться эта птица. Некоторые считают, что это *инстинкт*. Если это так, то инстинкт и разум должны быть одним и тем же.

Помимо охоты на гуанако, большую часть времени патаговец проводит в погоне за страусом, и, чтобы обойти это пугливое создание, он прибегает к различным *уловкам*. Американский страус, или, правильнее сказать, *рея*, имеет много общих черт со своим африканским сородичем. Одна из них заключается в том, что при преследовании он бежит по прямой дорожке и, по возможности, *против* ветра. Зная об этой привычке, патагонцы преследуют ее верхом на лошадях, предусмотрительно поставив несколько человек из своей группы в засаде в том направлении, куда птица, скорее всего, побежит. Затем они торопливо скачут галопом к линии полета и либо перехватывают рею совсем, либо удачно "подсаживают" ее на болас. В тот момент, когда они касаются длинных ног птицы, обе ноги резко подтягиваются, и птица падает, как подстреленная!

Дрейк и другие мореплаватели записали утверждение, что патагонцы привлекают рею в пределах досягаемости, переодеваясь в шкуру этой птицы. Это очевидная неправда, и ошибка, умышленная или нет, проистекает из того факта, что подобная уловка используется африканскими бушменами для обмана страуса. Но то, что осуществимо и возможно в отношениях между пигмеем-бушменом и гигантским африканским страусом, становится совершенно неосуществимым и невероятным, когда *действующими лицами* являются гигантский патаговец и американская *рея*. Кроме того, стоит отметить, что *рея* патагонских равнин - это не более крупный из двух видов американских страусов, а более мелкий (*rhea darwini*), который недавно был специально назван в честь знаменитого натуралиста. И мистер Дарвин по праву заслуживает этой чести: ведь именно он первым дал научное описание этой птицы. Однако он не был первым, - как он сам считает, - кто обнаружил ее существование или письменно зафиксировал ее. Старый штирийский монах Добрижоффер

за два столетия до рождения мистера Дарвина в своей "Истории абипонов" ясно указывает на то, что существует два разных вида "авеструса", или южноамериканского страуса.

Мистер Дарвин, однако, подтвердил рассказ Добрижоффера и привез обеих птиц с собой домой; и тот, кто решит поразмыслить над этим вопросом, легко поймет, насколько невозможно было бы патагонцу скрыть свое громоздкое *тело* под кожей *реи Дарвина* или даже ее более крупного сородича, *реи Американской*. Кожа любого из них была бы не более чем достаточно велика, чтобы укрыть *колосса* патагонских равнин.

В более плодородных районах Патагонии можно встретить крупного оленя (*cervus campestris*). На них также охотятся патагонцы, и их мясо считается отличной пищей, но только после того, как оно несколько дней пролежит под землей, - ведь этот погребальный процесс необходим, чтобы избавить его от резкого, козлиного запаха, так свойственного этому виду. Способ охоты на этого оленя - по крайней мере, тот, который с наибольшей вероятностью гарантирует успех - заключается в том, чтобы красться к нему пешком.

Иногда человек может приблизиться к нему на расстояние нескольких ярдов, даже если нет никакого укрытия, осторожно подойдя к нему. Из всех других четвероногих обитателей пампасов, а эти равнины являются его излюбленным *местом обитания*, *cervus campestris* больше всего боится всадника, поскольку его враг всегда появляется в этом обличье, а разрушительную силу *лазо* и *бolas* он познал, наблюдая их действие на своих товарищей. Охотник, сидящий верхом, не страшен для него; и если он только будет держать *лазо* и *бolas* вне поля зрения, - а их он различает, как ворона различает ружье, - он может подойти достаточно близко, чтобы метнуть то одно, то другое со смертельной точностью.

Агути (*Cavia Patagonica*) часто служит патагонцам пищей. Этот вид является истинным обитателем пустынных равнин Патагонии и составляет одну из характерных черт их ландшафта. Мне нет нужды описывать его родовые признаки; в частности, он давно известен как "патагонский волчок". Его повадки мало чем отличаются от других южноамериканских животных этого рода грызунов, за исключением того, что, в отличие от большой капивары, он не стремится жить у воды. Это обитатель сухих равнин, в которых он зарывается и по которым его можно увидеть бредущим или перепрыгивающим с одного места на другое, как гигантский кролик или заяц. По сути, икры - это южноамериканские представители семейства зайцевых, занимающие свое место во всех случаях жизни, и, хотя они бывают разных видов - в зависимости от климата, почвы и других обстоятельств, - все же сходятся с зайцами в большинстве своих характерных привычек. Некоторые виды настолько похожи на последних, что колониальные спортсмены привыкли называть их по-старому - знаменитыми быстроногими грызунами. Патагонские кави гораздо крупнее английских зайцев - один из них весит двадцать пять фунтов, - но в других отношениях сходство очень велико. В прекрасный вечер можно увидеть трех или четырех кави, сидящих на корточках рядом друг с другом или скачущих по равнине, один за другим по прямой линии, как будто все они выполняют одно и то же поручение! Подобная привычка часто наблюдается среди зайцев и кроликов на поле с молодой кукурузой или паром.

Патагонские мальчики и женщины часто занимаются тем, что выискивают гнезда страусов и грабят их яйца, - последние они считают хорошей пищей. В гнездах более мелких видов, которые, как мы уже говорили, наиболее распространены в Патагонии, они не получают столь щедрого вознаграждения за свои хлопоты. Только от шестнадцати до двадцати яиц высиживает *рея Дарвина* (*Rhea Darwinii*) и от двадцати пяти до тридцати - *американская рея* (*Rhea Americana*). Как видно, это намного меньше, чем в гнезде африканского страуса (*struthio camelus*), в котором часто находят до шестидесяти-семидесяти яиц. Таким образом,

получается, что чем больше размер птицы, принадлежащей к этому роду, тем больше количество ее выводка. Оба американских рея следуют своеобразной привычке настоящего страуса: несколько куриц откладывают яйца в одно гнездо, а самец помогает в процессе насиживания. Действительно, почти во всех отношениях, за исключением размера и общего цвета оперения, американские и африканские страусы очень похожи друг на друга; и нет ни одной причины в мире, по которой педантичный составитель должен был бы дать им разные родовые названия. Оба они - настоящие *верблюдообразные птицы*: оба - детище и украшение пустынных земель.

Еще одно занятие, которым занимается патагонец - и которое иногда вознаграждает его едой, - это ловля пампасской куропатки (*Nothuria major*). Обычно этим занимаются более молодые гиганты, причем делают это как пешком, так и верхом. Небольшие виды куропаток можно добыть пешком, но более крупные лучше всего ловить со спины лошади. Этот способ не совсем характерен для Патагонии, поскольку он практикуется и в других частях Америки - как на севере, так и на юге, - а дрофу аналогичным образом ловят *на карусах* Африки. Это представление происходит в полуденные часы дня, то есть когда солнце уже не отбрасывает тень. Сначала выясняется местонахождение птицы, и охотник приближается к ней настолько близко, насколько она позволяет. Затем он начинает скакать по кругу, и по кругу, и по кругу, все время наблюдая за *глупой* птицей, которая, постоянно поворачивая голову, кажется, становится легкомысленной и теряет всякий страх перед опасностью. Индеец с каждым мгновением все уменьшает свой круг, или, другими словами, приближается по спирали, постоянно приближаясь к ее центру. Его единственное оружие - длинная легкая тростинка, похожая на обычную тростниковую удочку, которую можно увидеть в руках деревенской молодежи в нашей стране. На конце тростинки он закрепил жесткий капкан, петля которого сделана из эпидермиса страусиного плюмажа или кусочка расщепленного пера, и который, будучи одновременно жестким и эластичным, прекрасно служит для той цели, для которой он предназначен.

Подъехав на расстояние, достаточное для того, чтобы дотянуться до заманчивой птицы, мальчик мягко останавливает лошадь, плавно наклоняется вбок и, ловко накинув петлю на шею куропатки, рывком поднимает глупое создание в воздух. Таким образом индийский мальчик за несколько часов поймает дюжину этих птиц, а мог бы добыть гораздо больше, если бы солнце только оставалось весь день в зените. Но когда яркий шар опускается на запад, удлинённая тень всадника проносится над куропаткой, прежде чем та оказывается в пределах досягаемости силка, и это настораживает существо, заставляя его улететь.

Патагонец не строит домов и не задерживается надолго на одном месте. Бесплодная почва, на которой он обитает, вынуждает его вести кочевой образ жизни, переходя с места на место в поисках дичи. Поэтому его жилищем является палатка, причем самая простая: тент состоит из нескольких сшитых вместе шкур гуанако, а шесты - из тех, что он может добыть в ближайших зарослях или *чапарале*. Столбы устанавливаются в землю в виде лука, и на них расстилается кожаное покрытие, причем один из согнутых столбов остается незакрытым, чтобы служить дверным проемом. Большая часть времени патагонца занята добычей дичи, которая, как мы видели, является его единственным источником пропитания; а когда у него появляются свободные минуты, он занимается уходом за лошадью, изготовлением или ремонтом оружия для погони. Прежде всего, болас - это его особая гордость, которая всегда находится при нем. Когда они не используются, их подвешивают к поясу или обвязывают вокруг талии, шарики свисают вниз, как кисточки.

Только в часы сна это национальное оружие никогда не выходит из рук патагонского гиганта. Если бы чудесный великан из наших яслей был снабжен такой пращей, вероятно, маленький Джек нашел бы в нем противника, которого было бы труднее покорить!

Глава восемнадцатая.

Фуэгийские карлики.

Огромный континент Южная Америка, сужаясь к югу, как язык, резко заканчивается Магеллановым проливом. Эти проливы можно рассматривать как своего рода естественный канал, соединяющий Атлантический и Тихий океаны, извивающийся между высокими скалистыми берегами и изрезанный многочисленными бухтами и заливами. Несмотря на большую глубину, проливы настолько узки, что проходящий по ним корабль никогда не теряет из виду землю по обе стороны, а во многих местах снаряд, выпущенный из обычной гаубицы, пролетит по ним от берега до берега! Страна, простирающаяся к северу от этих проливов, называется, как мы уже видели, *Патагонией*; та, что лежит на их южной стороне, - это знаменитая "огненная земля" *Огненная Земля*.

Канал Магелланова пролива не идет по прямой линии из Атлантического океана в Тихий. Напротив, корабль, входящий в него из первого, вместо того чтобы идти на запад, должен сначала двигаться в юго-западном направлении - скорее на юг, чем на запад. Этот курс будет продолжаться до тех пор, пока судно не окажется на полпути между двумя океанами. Затем он направится почти под прямым углом к своему прежнему курсу и будет двигаться в этом направлении - почти на северо-запад - до тех пор, пока не выйдет в Тихий океан.

Таким образом, становится ясно, что проливы образуют угол около своей середины, а точка суши, выступающая в вершину этого угла и известная мореплавателям как мыс Форвард,

является самой южной землей американского *континента*. Конечно, это не означает, что речь идет о самой южной точке американской суши, поскольку Огненная Земля должна рассматриваться как часть Южной Америки. Давно известный "мыс Горн" - это ближайшая к Южному полюсу часть Америки, а это мыс на одном из небольших возвышенных островов, лежащих у южного побережья Огненной Земли. Долгое время Огненная Земля считалась единым островом, хотя еще во время путешествия Магеллана было замечено несколько больших заливов, похожих на каналы, вдающихся в сушу, и у этого мореплавателя возникло подозрение, что эти заливы могут быть проходами, ведущими в океан. Более поздние исследования доказали, что предположения испано-португальского мореплавателя были вполне обоснованными; теперь известно, что вместо одного острова страна под названием Огненная Земля представляет собой скопление множества островов, различных форм и размеров, отделенных друг от друга глубокими и узкими каналами или рукавами моря с бесконечным множеством заливов и бухт. В западной части, занимающей более трех четвертей всей территории, эти близко расположенные острова представляют собой не что иное, как горы - некоторые из них возвышаются на пять тысяч футов над уровнем воды и спускаются прямо к ней, без каких-либо предгорий! Нижние склоны некоторых из них покрыты мрачными лесами, в то время как дальше вверх не видно ничего, кроме голых коричневых скал, испещренных голубыми ледниками или испещренных массами снега. Более высокие пики покрыты снегом, который никогда не тает, поскольку их вершины значительно выше снеговой линии этого холодного региона.

Эти горные острова Огненной Земли продолжают до мыса Горн, на восток - до пролива Ле-Мер и мрачного островка Земля Стаатен. По сути, их можно считать продолжением великой цепи Анд, если рассматривать пересекающиеся каналы, включая сам Магелланов, как просто расщелины или овраги, дно которых, лежащее ниже уровня моря, было заполнено морской водой. Действительно, мы можем рационально рассматривать этот случай: ведь эти каналы имеют очень большое сходство с огромными оврагами, называемыми "барранкас" и "квебрадас", которые пересекают Кордильеры Анд в других частях Южной Америки, а также в северной части американского континента.

Таким образом, рассматривая Магелланов пролив и другие каналы Огненной Земли как великие *водные барранки*, мы можем считать, что Анды заканчиваются у самого мыса Горн или, скорее, у Земли Стаатена, поскольку этот остров является еще более отдаленным продолжением этой самой длинной цепи гор на земном шаре.

В доказательство рациональности этой теории можно привести еще один момент. Западная, или гористая, часть Огненной Земли имеет сильное сходство с западной частью континента, то есть с той, которую занимают Анды. На значительном расстоянии к северу от Магелланова пролива почти половина континентальной суши имеет гористый характер. Она также изрезана многочисленными заливами и бухтами, похожими на Огненную Землю; горы, нависающие над этими глубоководными ущельями, либо покрыты лесом, либо без деревьев и снега, демонстрируя ледниковые долины, как и на юге. В целом физический характер схож; и, что еще более необычно, мы обнаруживаем, что в западной, или горной, части Патагонии нет настоящих патагонцев; но там водные индейцы, или фуэгийцы, часто встречаются у ручьев и заливов.

Опять же, на востоке, или, скорее, на северо-востоке Огненной Земли, тот ее угловой участок, который лежит к северу от канала Себастьяна, представляет нам физические характеристики, более соответствующие равнинам Патагонии; и в этой части мы находим племена индейцев, которые, вне всякого сомнения, являются настоящими патагонцами, а не фуэгийцами, как они были описаны. Это объясняет тот факт, что некоторые мореплаватели

видели на фуэгийской стороне людей крупного телосложения, одетых в шкуры гуанако и не проявляющих ни одной из тех жалких черт, которые характерны для фуэгийцев; с другой стороны, известно, что в гористой западной части Патагонии живут жалкие, низкорослые люди. Из этого следует, что патагонцы пересекли Магелланов пролив, и именно их, а не фуэгийцев, обычно можно увидеть на землях шампанского к северу от канала Себастьяна. Даже гуанако пересек пролив в том же месте, потому что это четвероногое, так же как и разновидность оленя, встречается в восточной части Огненной Земли. Возможно, именно верблюжья овца, которая, судя по всему, является почти необходимым условием существования патагонцев, впервые побудила этих ненавидящих воду гигантов совершить столь масштабное путешествие, как пересечение пролива у мыса Оранж!

У мыса Оранж канал настолько узок, что можно предположить, что патагонцы, обладая они хотя бы половиной той пешеходной прыти, которая приписывается гигантам древности, могли бы перешагнуть с берега на берег, не замочив своих огромных ног!

Пожалуй, нет на земле двух более непохожих друг на друга людей, живущих так близко друг от друга, как патагонцы и фуэгийцы. За исключением цвета кожи и волос, между ними нет почти ни одной точки сходства. Первый, похоже, ненавидит море: во всяком случае, он никогда не выходит на берег и даже не приближается к нему, разве что в погоне за дичью, которая может забрести туда. Он не живет поблизости и не черпает часть своего пропитания из вод большой глубины - рыба не составляет никакой части его пищи.

У фуэгийцев все обстоит прямо противоположным образом. *Он* выбирает для своего жилища пляж, а море или его берег - его стихия. Больше половины своего времени он проводит либо на нем, либо в нем, - на нем в своем каноэ и в нем, пробираясь среди приливных отмелей в поисках рыбы, мидий и лимпетов, которые составляют почти все его пропитание.

Поэтому, отмечая разницу между этими двумя племенами индейцев, очень любопытно наблюдать, как каждое из них ограничивает свой ареал той частью Магеллановой земли, которая лучше всего приспособлена к их особым привычкам, - патагонцы *живут на суше*, а фуэгийцы в основном *в воде*.

Мы уже описывали границы территории патагонцев и показали, что в этнологическом отношении они занимают не весь северный берег Магелланова пролива, а лишь его восточную половину. В западном направлении к Тихому океану вид суши по обе стороны этого знаменитого канала может считаться одинаковым, хотя и совершенно отличным от того, что мы видим у входа или в восточной части.

К западу от мыса Негро с одной стороны и Себастьянского прохода с другой характерными чертами становятся мрачные горные вершины, между которыми пролегают узкие лесистые долины. Здесь мы видим бессвязный лабиринт пиков и хребтов необычных и фантастических форм, многие из которых достигают пределов вечного снега, который в этом холодном климате спускается до высоты четырех тысяч футов. Мы видели, что эти горы отделены друг от друга не равнинами и даже не долинами в обычном понимании этого слова, а *оврагами*, крутые склоны которых покрыты мрачными лесами до высоты в тысячу пятьсот футов над уровнем моря: в этой точке растительность заканчивается с такой же равномерностью, как и на самой линии снега! Эти леса произрастают на влажной, торфяной почве, во многих местах непроходимой из-за своей болотистости; такого характера почти вся поверхность различных островов. Деревья, составляющие леса, немногочисленны, из них наибольшие размеры и численность имеют "зимняя кора" (*drymys*) из порядка *магнолиевых*, береза и, более обильно, разновидность бука, *fagus betuloides*. Эти деревья, названные последними, многие из них огромных размеров; их можно было бы почти назвать вечнозелеными, поскольку они

сохраняют часть своей листвы в течение всего года; но было бы более уместно назвать их *вечножелтыми*, поскольку ни в какой период они не демонстрируют зелень, хоть сколько-нибудь похожую на леса других стран. Они всегда одеты в одну и ту же мрачную ливрею тускло-желтого цвета, что делает окружающий их горный пейзаж, если это возможно, еще более унылым и безлюдным.

Леса Огненной Земли, по сути, бесполезны: их древесина приносит лишь ограниченный вклад в удовлетворение потребностей человека и почти не дает пищи для его пропитания.

Многие из оврагов настолько глубоки, что, как уже говорилось, превращаются в рукава или впадины моря; другие же заполнены огромными ледниками, которые похожи на катаракты, внезапно остановленные в своем падении, будучи замороженными в твердый лед! Большинство этих заливов имеют большую глубину, настолько большую, что самый большой корабль может спокойно пройти через них. Они пересекают острова во всех направлениях, рассекая их на многочисленные полуострова самых причудливых форм, а некоторые из каналов представляют собой узкие звуки и тянутся через всю Огненную Землю от океана до океана.

Таким образом, "Огненная земля" - это не остров, как считалось долгое время, а скорее собрание островов, оканчивающихся обрывистыми скалами, которые нависают друг над другом на расстоянии пушечного выстрела. Часто огромные массы скал или еще большие массы ледникового льда падают с этих утесов в глубокие бездны заливов внизу; сотрясение, когда они ударяются о воду, гулко разносится на расстояние многих миль, а сама вода, взбаламученная до самых глубин, поднимается огромными бурными волнами, которые часто поглощают каноэ неосторожного дикаря.

"Огненная Земля" - это просто испанская фраза, означающая "Огненная Земля". Магеллан назвал ее так из-за многочисленных костров, которые видели по ночам на ее берегах, когда он и его люди проходили через проливы. Это были сигнальные костры, разожженные туземцами, - несомненно, для того, чтобы телеграфировать друг другу о прибытии этих странных левиафанов, испанских кораблей, которые они тогда увидели впервые.

Название неуместно. Более подходящим было бы название "земля воды"; ведь, несомненно, ни в одной части Земли нет такого изобилия воды: и дождь, и снег поставляют ее почти постоянно. Вода - это самая настоящая чума острова; она застаивается или течет повсюду, образуя болота везде, где есть ровный участок земли, и делая даже склоны гор пористыми, как торфяное болото.

Климат в течение всего года чрезмерно холодный; хотя зима, возможно, не более сурова, чем на той же широте северной страны, но лето почти так же сурово, как зима; и было бы неправильно называть его летом вообще. Снег выпадает в течение всего года, и даже в середине лета на Огненной Земле люди погибали от холода, находясь на незначительной высоте над уровнем моря!

При таких обстоятельствах едва ли можно ожидать, что Огненная Земля будет заселена - ни людьми, ни животными; но до сих пор не было найдено страны, слишком холодной для существования тех и других. Кажется, что ни одна часть земли не была создана напрасно; и люди, и звери обитают под холодным небом Огненной Земли.

Наземные животные, так же как и птицы, немногочисленны как по видам, так и по количеству. На островах водится *гуанако*, но является ли он местным или завезен с берегов Патагонии, выяснить невозможно, поскольку он обитал на островах задолго до прибытия

Магеллана. Он обитает только на восточной стороне скопления, где земля более твердая, и есть несколько ровных участков, которые можно назвать равнинами или лугами. В тех же районах обитает вид оленей; кроме них, здесь есть два вида волков-лисиц (*canis Magellanicus* и *canis Azarae*), три или четыре вида мышей и один вид летучих мышей.

Водные млекопитающие представлены в большом изобилии: это кит, тюлени, морские львы и морская выпь.

Птиц же наблюдалось мало: только белохвостая мухоловка, большой черный дятел с алым хохолком, поползень, крапивник, дрозд, скворец, ястребы, совы и четыре-пять видов вьюрков.

Водные птицы, как и водные млекопитающие, собираются в большом количестве. Это утки разных видов, морские гагары и пингвины, альбатрос и шилоклювка, а также красивейший из всех - "расписной" или "магелланов гусь".

Рептилий здесь нет, а насекомые встречаются крайне редко. Встречается несколько мух и бабочек, но комар - чума других частей Южной Америки - не осмеливается проникнуть в холодную и влажную атмосферу Огненной Земли.

Теперь мы переходим к *человеческим* обитателям этого пустынного региона.

Как и следовало ожидать, они не отличаются высоким уровнем ни физического, ни умственного развития, скорее наоборот. Характер их цивилизации полностью соответствует характеру их унылого места обитания - на самом дне шкалы. Да, на самом дне, по мнению большинства этнологов; даже ниже, чем у индейцев диггеров, жителей Андаманских островов, бушменов Африки или эскимосов Северного Ледовитого океана: на самом деле, любое сравнение фуэгийцев с последними было бы смехотворным, как в отношении их морального, так и физического состояния. Фуэги, безусловно, ниже эскимосов, причем на много порядков.

Рост самого высокого фуэгийца составляет около пяти футов, причем не в сапогах, так как он их не носит, а на голых подошвах. Его жена всего на шесть дюймов короче его самого - разница, которая не является плохой пропорцией между полами, но в других отношениях они очень похожи. У обоих маленькие, нескладные конечности, с большими коленными чашечками и совсем маленькими икрами; у обоих длинные космы грубых спутанных волос, свисающих, как пучки черных змей, через плечи; и оба голые, как в тот час, когда родились, - если только назвать платьем этот кусок вонючей тюленьей шкуры, который висит на спине и закрывает примерно пятую часть всего тела! Волосатой стороной внутрь, она простирается только от затылка до нескольких дюймов ниже впадины спины; спереди она застегивается с помощью шнурка или шпажки, проходящей через грудь. Он редко бывает настолько просторным, чтобы его можно было "перевязать"; и с этим скудным покрытием, в дождь и снег, мороз и ветер, - а это происходит постоянно, - дрожащий несчастный остается довольным. Более того, если вдруг наступит мягкая погода или он будет заниматься греблей на каноэ, он отбросит это уникальное одеяние в сторону, как будто его тепло - это помеха! Когда погода особенно холодная, он перекладывает тюленью шкуру на ту сторону тела, которая может подвергнуться воздействию ветра!

Фуэгиец не носит ни шляпы, ни рубашки, ни жилета, ни бриджей, ни обуви, ни чулок - ничего, предназначенного для одежды, кроме куса вонючей кожи. Его тщеславие, однако, проявляется не в одежде, а в некоторых украшениях. Как и все дикари и многие цивилизованные люди, он *раскрашивает* некоторые части своего лица, а его "эскорт"

является особенным. Было бы трудно подробно описать его сложный лабиринт "переходов" и "четвертований". Мы довольствуемся тем, что черные линии и кляксы на белом фоне составляют его главную особенность. Иногда встречается и красный цвет, темный или "кирпичный". Черный цвет - это просто древесный уголь, а белая шерсть получается из разновидности инфузорной глины, которую он находит на дне торфяных ручьев, текущих по ущельям гор. В качестве дополнительных украшений он носит на запястьях и лодыжках шнурки из рыбьих зубов или кусочков кости. Его жена носит то же самое на шее; и оба, когда могут достать, повязывают вокруг головы простую ленту красновато-коричневого цвета, материалом для которой служит длинная шерсть гуанако. Плащ", уже описанный выше, иногда делают из морской оленихи, а не из тюленьей шкуры; на некоторых островах, где обитает олень, шкура этого животного обеспечивает более просторное покрытие. Однако в большинстве случаев размер одежды равен размеру карманного носового платка, и она защищает от непогоды примерно так же, как и платок.

Хотя у фуэгийца много волос на голове, ни на одной части тела их нет или почти нет. Он безбородый и без усов, как эскимосы, хотя черты его лица, лишенные волосяного украшения, достаточно свирепы в своем выражении.

Он не только выглядит свирепым, но и является таковым на самом деле - деформированный в уме, как и отвратительный в лице. Он не только неблагодарен за оказанную доброту, но и не желает о ней вспоминать; к тому же он крайне жесток и мстителен. Вне всякого сомнения, он *каннибал*; возможно, не всегда, но во времена скудости и голода, - настоящий каннибал, ибо он не ограничивается поеданием своих *врагов*, но и *друзей*, если понадобится, - и особенно старых женщин своего племени, которые становятся первыми жертвами в тех кризисных ситуациях, которые порождаются ужасными требованиями надвигающейся голодной смерти. К сожалению, этот факт слишком хорошо подтвержден, чтобы можно было сомневаться или отрицать его; и даже в то время, когда мы пишем, в прессе распространяется информация о расправе этих враждебных дикарей над экипажем корабля, который пристал к берегам с гуманной целью улучшить их положение.

Конечно, такая неестественная пища принимается только через большие и редкие промежутки времени - во многих общинах никогда, - и нет никаких доказательств того, что несчастный фуэгиец приобрел аппетит к ней, подобно фиджи и некоторым другим диким племенам. Остается надеяться, что он предается этой ужасной привычке только тогда, когда его вынуждает к этому крайний голод.

Его обычная пища - рыба-ракушка, хотя он ест также мясо тюленя и морской зубатки, а также птиц, особенно пингвинов и магеллановых гусей, когда может их поймать. Его желудок не "воротит" от китовой жижи, когда по счастливой случайности один из этих левиафанов оказывается на мели у его берегов, даже если огромная туша уже далеко зашла в стадии разложения! Единственная растительная пища, которой он питается, - это ягоды кустарника - разновидности арбутуса, который в изобилии растет на торфяной почве, и грибок очень любопытного вида, который образуется на стволах буковых деревьев. Этот гриб имеет шаровидную форму и бледно-желтый цвет. В молодом возрасте он упругий и тургор, с гладкой поверхностью; но по мере созревания он сжимается, становится более жестким по своей структуре и приобретает вид ямчатых сот. Когда он полностью созревает, фуэгийцы собирают его в больших количествах и едят без варки и других приготовлений. Она жесткая между зубами, но вскоре превращается в мякоть, со сладковатым вкусом и ароматом, несколько напоминающим вкус нашего обычного гриба.

Эти два овоща - ягода и криптогамное растение - почти единственные, которые едят коренные жители Огненной Земли. На острове есть и другие, которые могли бы позволить им влачить жалкое существование: два особенно востребованы европейцами, посещающими эту мрачную землю, - "дикий сельдерей" (*opium antarcticum*) и "цинготная трава" (*cardamine antiscorbutica*); но фуэгийцу до них нет никакого дела. Он даже не знает их применения.

Рассказывая о других "странных людях", я обычно описывал способ постройки их дома; но о доме фуэгийца мне почти "нечего рассказать". Было бы глупо называть его домом, который гораздо больше напоминает логово дикого зверя и в действительности мало чем лучше логова, устроенного орангутангом в лесах Борнео. Тем не менее, я опишу его.

Набрав несколько длинных саженцев или веток - не всегда прямых, - фуэгянин затачивает их с одного конца ножом из ракушки; затем втыкает заостренные концы в землю по кругу, собирает верхушки вместе и связывает их в пучок - так, чтобы получился грубый полусферический каркас. На него он кладет несколько веток поменьше, а поверх них - несколько охапок длинной грубой травы, и дом "построен". Одна сторона - та, которая находится с подветренной стороны от преобладающего ветра, - остается открытой, чтобы обеспечить вход и выход дыма. Поскольку это отверстие обычно составляет примерно восьмую часть всей окружности, дом в действительности является не более чем сараем или логовом. Его мебель не противоречит этой идее, а, наоборот, только усиливает сравнение. Здесь нет ни стола, ни стула, ни кровати: все решает "вытряхивание" влажной травы. Нет никаких орудий труда и утвари, если не считать грубой корзины для хранения ягод арбута и мешка из тюленьей шкуры, в который собирают раковины рыб. Пузырь, наполненный водой, висит на вилах, прислоненных к боку: в верхней части пузыря есть отверстие, из которого каждый член семьи "сосет", когда жажда заставляет его пить!

Из орудий труда можно отметить лук и стрелы с кремневым наконечником, копье для рыбы с вильчатым острием, сделанное из кости морского льва, короткую палку - женское орудие для сбивания лимпетов со скал, и несколько ножей, лезвия которых представляют собой заточенные раковины мидий - очень крупного вида, встречающегося вдоль побережья. Эти ножи просто изготовлены. Хрупкий край раковины длиной пять или шесть дюймов сначала отламывается, а новый край формируется путем шлифовки раковины на камнях. Подготовленная таким образом, она может резать не только самую твердую древесину, но даже рыбы кости, и служит фуэгийцу для любых целей.

За пределами хижины можно увидеть каноэ, причем совсем рядом, так как шилинг фуэгийца всегда стоит на берегу. Он никогда не живет в глубине своего острова и редко там бывает - женщины совершают только те экскурсии, которые необходимы для сбора ягод и грибов. Леса его не прельщают, разве что дают ему немного топлива; их трудно пройти из-за глинистой почвы, из которой растут деревья, а в остальном среди их мрачных глубин нет абсолютно ничего, что могло бы хоть как-то способствовать его комфорту или пропитанию. Поэтому он, по сути, обитает на берегу, и даже там он не волен приходить и уходить по своему усмотрению. Из-за смелого характера его побережья то тут, то там встречаются длинные участки, где берег не может быть продолжен по суше, - места, где к кромке воды можно подойти и собрать ракушечную рыбу только с помощью какого-нибудь мореходного судна. Для этого фуэгийцу требуется каноэ, и необходимость его жизни делает его водным человеком. Однако его мастерство, как в строительстве своего судна, так и в управлении им, очень низкого порядка, - оно значительно уступает тому, которое демонстрируют эскимосы или водные индейцы Севера.

Его каноэ обычно сделано из коры дерева - уже упоминавшейся березы. Иногда оно имеет настолько грубую форму, что представляет собой просто большой кусок коры, содранный с одного ствола, закрытый с каждого конца и туго обвязанный шнурком из тюленьей шкуры. Несколько поперечных палочек не дают бокам вдавиться внутрь, а столько же палочек удерживают их от "выпячивания" в противоположном направлении. Если в коре есть трещины, их заделывают камышом и смолой, которую дает лес.

На этом грубом судне фуэгиец отправляется в плавание по многочисленным проливам и заливам, пересекающим его землю; но он редко доверяет себя бурному морю.

Если он богат или трудолюбив, то иногда становится обладателем судна, превосходящего это. Это тоже берестяное каноэ, но сделанное не из одного "флитча". Напротив, в его конструкции использовано множество отборных деталей, ведь оно имеет пятнадцать футов в длину и три в ширину посередине. Его "телосложение" также лучше - с высоким носом и кормой, с поперечинами, регулярно устанавливаемыми и закрепляемыми на концах. Куски коры соединяются между собой с помощью репшнуров, а швы тщательно заделываются, чтобы внутрь не попадала вода. На это судно фуэгиец может сесть со всей своей семьей и мебелью и отправиться в любую часть своего побережья. Так он и поступает на самом деле, ведь вышеописанная "лачуга" для него - лишь временное жилище. Необходимость его жизни требует, чтобы он постоянно менял его; и "переезд" с постройкой нового жилища - обстоятельство часто повторяющееся.

Нередко, переезжая из одной части побережья в другую, он считает более безопасным путешествие по суше, чтобы избежать опасностей морских глубин. Во время сильного ветра он вынужден придерживаться этого курса, иначе его хрупкий барк может разбиться о скалы и разлететься на куски. В сухопутном путешествии он несет каноэ с собой; чтобы это было удобно, он так устроил его, что доски, составляющие маленькое судно, можно разобрать и собрать снова без особого труда, - швы нужно только заделать. При перевозке по суше каждый член семьи несет свою часть каноэ: более сильные особи берут на себя более тяжелые части, такие как боковые и нижние доски, в то время как ребра и легкие балки несут более молодые и слабые.

Необходимость переезда возникает по вполне естественной причине. Несколько дней, проведенных в определенном месте - у ручья или залива, - даже если сообщество небольшое, вскоре исчерпывают основной запас пищи - мидий на берегу, - и, конечно, приходится искать другое место. Он может находиться на некотором расстоянии; возможно, до него можно добраться только путем утомительного, а иногда и опасного путешествия по воде; и в этих обстоятельствах фуэган считает, что не так уж сложно донести гору до Магомета, как часто доставляют Магомета на гору. Перевезти всю свою семью так же легко, как привезти домой груз лимпетов; а что касается строительства нового дома, то это просто рогатка, которая требует мало труда и не больше времени, чем возведение палатки. Некоторые фуэгийцы действительно имеют палатку, покрытую шкурами животных, но это редкое и исключительное преимущество, да и сама палатка самого грубого вида. У фуэгийца есть свой способ добывать огонь. У него есть кусок "мундика", или железного пирита, который он находит высоко на склонах своих гор. При ударе камешком из него вылетают искры. Он ловит их на мох или труху мертвого дерева, которые он умеет готовить. После воспламенения хворост помещается в круглый шарик из сухой травы, и, помахав им по кругу, он поджигает траву. Затем остается только передать пламя пучку палок, и работа завершена. Этот процесс, хотя и достаточно прост в климате, где много "панка", а сухую траву и палки можно легко достать, тем не менее достаточно труден во влажной атмосфере Огненной Земли, где мох похож на мокрую губку, а траву, палки и поленья едва ли можно найти

достаточно сухими, чтобы сжечь. Хорошо зная это, фуэгиец постоянно следит за своим огнем, почти никогда не позволяя ему погаснуть; и даже путешествуя на своем каноэ в поисках "нового дома", бок о бок с другими своими "пенатами" он несет огонь с собой.

Несмотря на обилие топлива, которым его снабжает страна, он, кажется, никогда не бывает в тепле. Не имея ни тесных стен, которые бы его окружали, ни одежды, которая бы прикрывала его тело, он почти постоянно страдает от холода. Где бы его ни встретили, он предстает перед нами дрожащим, как человек, страдающий от сильного приступа агонии!

Фуэгийцы живут небольшими общинами, которые едва ли заслуживают названия "племена", поскольку у них нет ни политического лидера, ни вождя. Конъюнктурщик - а он у них есть - единственный человек, который хоть в какой-то степени отличается от других членов общины; но его власть очень незначительна и ограничена; она не распространяется на применение какой-либо физической силы. Религии у них нет, по крайней мере, нет ничего более священного или освященного, чем смутная вера в дьяволов и других злых духов.

Хотя у них нет вождей, они далеко не мирный народ. Различные общины часто ссорятся и ведут жестокие и мстительные войны друг с другом; и если бы не четко очерченные границы каждого объединения, глубокие овраги и морские заливы, а также непроходимые барьеры заснеженных гор, эти воинственные карлики сократили бы численность друг друга в гораздо большей степени, чем это происходит сейчас, - возможно, до взаимного истребления. К счастью, особенности их страны не позволяют им часто приближаться на расстояние боя.

Вся их система жизни крайне убога. Хотя у них есть костры, пищу они едят сырой; рыба, взятая из воды, проглатывается мгновенно - почти до того, как из нее уйдет жизнь. Мясо тюленей и пингинов поедается таким же образом, а китовая ворвань также является сырой пищей. Когда одного из них находят мертвым на берегу, - ведь у них нет ни умения, ни смелости, чтобы поймать кита, - этот счастливый случай приносит сезон ликования. Если до места можно добраться только по воде, то к нему сразу же направляется целая флотилия каноэ; если же путь предстоит сухопутный, то вся община - мужчины, женщины и дети - отправляется в путь пешком. Через час или два можно увидеть, как они возвращаются в свою деревню-хижину, каждый с большим куском ворвани, накинутым на плечи, и головой, виднеющейся сквозь отверстие, прорезанное в центре куска, - точно так же, как мексиканский ранчero носит свой "серапе" или житель Пампасов - свое шерстяное "пончо". После этой необычной процессии следует пир.

Как и северные эскимосы, фуэгийцы очень искусны в ловле тюленей. Его способ ловли, однако, сильно отличается от того, который используют "тюленеводы" арктических морей; он заключается в том, что он просто подплывает как можно ближе на своем каноэ, когда видит животное, спящее на поверхности, и поражает его копьем, которое он бросает с безошибочной точностью.

Мы уже отмечали, что основное пропитание фуэгийцам приносит море, а раковинные рыбы составляют самую важную часть их пищи. Это мидии, лимпеты, устрицы и другие виды раковин, и их так много ежегодно съедает одна семья, что огромные кучи раковин можно увидеть не только перед каждой хижинкой, но и по всему побережью островов, выше отметки уровня воды, - везде, где племя сделало свое временное пристанище.

С этими скоплениями раковин связан один необычный факт, который, похоже, ускользнул от наблюдения магеллановых мореплавателей. Они не случайно собраны в кучи. В этом вопросе есть определенная доля суеверия. Фуэгиец верит, что если небрежно разбросать раковины, то это принесет несчастье, и, прежде всего, если выбросить пустые раковины

обратно в море: ведь это будет предупреждением о разрушении, которое напугает живых двустворчатых моллюсков в их "постелях" и отгонит их от берега! Поэтому раковинные кучи так бережно хранятся вместе.

При сборе этих раковин основную работу выполняют женщины. Они не всегда собирают их со скал после отлива, хотя это и обычное время. Но есть некоторые виды, которые не встречаются на мелководье, и поэтому их можно добыть, только нырнув за ними на дно. К таким видам *относится эхинус*, или "морской еж", по форме напоминающий апельсин, а по объему примерно в два раза больше его, - вся его внешняя поверхность густо усеяна шипами или выступами. Эти раковинные рыбы-панцири моряки называют "морскими яйцами", и они составляют важную часть пищи фуэгийцев. Часто приходится нырять за ними на большую глубину; этим занимаются фуэгийские женщины, которые по мастерству погружения не уступают ныряльщицам за жемчугом в Калифорнии или Индийском море.

Рыба - еще одна статья рациона фуэгийцев; у их берегов вылавливают множество видов, некоторые из них превосходного качества. Иногда они добывают рыбу, стреляя в нее из лука или поражая дротиком; но есть у них и совершенно особый способ ловли этих плавников: они *охотятся на них с собаками!* У фуэгийцев есть порода маленьких собак, похожих на лис, - злобные, жалкие на вид зверьки, обычно находящиеся на грани голодной смерти, поскольку их хозяева не проявляют ни малейшей заботы о них и почти никогда не беспокоятся о том, чтобы их накормить. Несмотря на такое пренебрежение, фуэгийские собаки не лишены некоторых хороших качеств и становятся важными помощниками фуэгийского рыбака. Их обучают преследовать рыбу по воде и загонять ее в сеть или в какой-нибудь закрытый ручей или залив, достаточно мелкий для того, чтобы в него можно было попасть стрелой. При этом собаки ныряют на дно и следуют за рыбой туда-сюда, словно земноводные плотоядные, такие как тюлени и выдры. За эту полезную услугу бедные звери получают очень скудное вознаграждение - им достаются только кости. Они, несомненно, умерли бы с голоду, если бы не то, что, будучи предоставленными самим себе, они научились добывать себе пищу и время от времени ловить рыбу *за свой счет*. Однако их основная пища состоит из раковин рыб, которые они находят вдоль берегов, полипов и других животных, которых море оставляет на берегу после прилива. Определенный вид морских водорослей также иногда служит им пищей, как и их хозяевам, - часто таким же голодным и умирающим от голода, как и они сами.

По своим личным привычкам ни один человек не является более грязным, чем фуэгийцы. Он никогда не использует воду для мытья и никак не очищает кожу от грязи. У него не больше мыслей о том, чтобы использовать воду для этих целей, чем о том, чтобы утопиться в ней; и в отношении чистоты он не только ниже большинства других дикарей, но и ниже самих животных: ведь даже они приучены к чистоте инстинктивно. Но в сознании фуэгийца такого инстинкта нет, и он живет среди грязи. Запах его тела ощущается на значительном расстоянии, и пижон Хотспур мог бы иметь веские основания для жалобы, если бы между "ветром и его благородством" оказался фуэгиец. По меткому выражению одного из старых мореплавателей, "фуэгиец воняет как лиса".

Таким образом, справедливо рассмотренный во всех его проявлениях, справедливо оцененный по его привычкам и поступкам, фуэгиец может претендовать на звание самого несчастного представителя нашей расы.

Конец.
